ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

1970

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1970

9
Т98

Сборник составлен по материалам тюркологической конференции в Ленинграде (июнь 1967 г.). В сборник включены статьи, подводящие итоги тюркологических исследований в учреждениях АН СССР и других главных научных центрах страны за 50 лет, а также характеризующие современное состояние и перспективы исследований важнейших проблем филологии и истории тюркских народов.

1-6-3
162-70

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

7—10 июня 1967 г. в Ленинграде состоялась Тюркологическая конференция, инициаторами которой выступили Ленинградское отделение Института народов Азии[1] АН СССР и кафедра тюркской филологии восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова[2]. Участники конференции единодушно посвятили ее пятидесятилетию Великого Октября.

В основных докладах на пленарных и секционных заседаниях были подведены итоги полувекового развития тюркологических исследований в учреждениях АН СССР и некоторых других научных центрах, было охарактеризовано современное состояние важнейших филологических и исторических проблем тюркологии и намечены перспективы их дальнейшей разработки.

В сборник включены прочитанные на конференции доклады, которые являются итоговыми для отдельных отраслей и направлений филологии и истории тюркских народов[3].

---

[1] С 1969 г. — Ленинградское отделение Института востоковедения.

[2] См. стр. 277 и сл.

[3] См. также: «Филология и история тюркских народов (тезисы докладов). Тюркологическая конференция в Ленинграде (7—10 июня 1967 г.)», Л., 1967.

ФИЛОЛОГИЯ

А. Н. Кононов

ТЮРКСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В ЛЕНИНГРАДЕ. 1917—1967

1. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ

Русская дореволюционная тюркология, развивавшаяся после создания факультета восточных языков С.-Петербургского университета (1854—1855) преимущественно в Петербурге, трудами ряда выдающихся ученых прошлого и нынешнего столетий — О. И. Сенковский, П. И. Демезон, А. О. Мухлинский, В. В. Григорьев, П. С. Савельев, В. В. Вельяминов-Зернов, А. К. Казем-бек, О. Н. Бётлингк, В. В. Радлов, И. Н. Березин, Н. И. Ильминский, Л. З. Будагов, В. Д. Смирнов, П. М. Мелиоранский, В. В. Бартольд, Н. И. Ашмарин, Н. Ф. Катанов, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Э. К. Пекарский и др. — создала прочный фундамент для развития тюркологических исследований в послеоктябрьскую эпоху.

Подводя итоги научно-исследовательской деятельности русских востоковедов, В. В. Бартольд писал: «В XIX в. изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе»[1]. Это утверждение относится и к русской тюркологии дооктябрьской эпохи.

В XIX столетии, особенно во второй его половине, был собран и изучен огромный лингвистический материал, который позволил создать труды по фонетике, морфологии, синтаксису, лексикографии тюркских языков. Напомним некоторые из них:

известные грамматики, которыми тюркологи с признательностью пользуются и поныне: А. К. Казем-бек, «Общая грамматика турецко-татарского языка» (Казань, 1846); O. Böhtlingk. «Ueber die Sprache der Jakuten» (I—II, St.-Pbg., 1848—1851); «Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской миссии» (Казань, 1869); работы Н. И. Ашмарина по чувашскому языку; капитальное исследование по «урянхайскому» (тувинскому) языку: Н. Ф. Катанов, «Опыт исследования урянхайского языка» (Казань, 1903);

[1] В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, изд. 2, Л., 1925, стр. 232.

словари, составившие эпоху в истории тюркской лексикографии, не имеющие себе равных в западноевропейской тюркологии: И. Гиганов, «Словарь российско-татарский» (СПб., 1804); А. Троянский, «Словарь татарского языка» (Казань, 1833; изд. 2: Казань, 1835); В. В. Вельяминов-Зернов, «Словарь джагатайско-турецкий» (СПб., 1868); Л. З. Будагов, «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» (т. I—II, СПб., 1869—1871); В. И. Вербицкий, «Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка» (Казань, 1884); В. Наливкин, «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь» (Казань, 1884); В. В. Радлов, «Опыт словаря тюркских наречий» (т. I—IV, СПб., 1888—1911); Н. И. Ашмарин, «Словарь чувашского языка» (вып. I—XVII, Казань — Чебоксары, 1928—1950; составление словаря начато в начале XX в.); Э. К. Пекарский, «Словарь якутского языка» (СПб., Л., 1907—1930).

Новую — Радловскую — эпоху в истории мировой тюркологии открыла научная деятельность В. В. Радлова (1837—1918), который ввел в научный обиход огромный материал по тюркским языкам («Образцы народной литературы тюркских племен» в 10 томах); создал первую сравнительную фонетику тюркских языков, составил словарь тюркских языков; перевел, исследовал и издал все главные рунические памятники и ряд памятников древнеуйгурской письменности и многое другое.

В. В. Радлов окончательно утвердил филологическое направление в отечественной тюркологии, которое отличалось широким интересом к изучению памятников и живых тюркских языков.

Лингвистическое направление в русской тюркологии связано с именем санскритолога О. Н. Бётлингка (1815—1904), создателя классической грамматики якутского языка. В конце XIX — начале XX в. это направление представлял выдающийся тюрколог-лингвист П. М. Мелиоранский (1868—1906), ученики которого (А. Н. Самойлович и др.) продолжали, однако, традицию общефилологического направления.

Великая Октябрьская социалистическая революция обогатила науку новыми идеями, новой методологией, которые решительно изменили характер востоковедческих исследований. В связи с новыми задачами возникли и новые учреждения, которые вместе со старыми учреждениями старались сосредоточить свои усилия на решении новых задач.

2. ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ С ПРЕПОДАВАНИЕМ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В ПЕТРОГРАДЕ — ЛЕНИНГРАДЕ

Центром подготовки востоковедов начиная с сентября 1855 г. был факультет восточных языков С.-Петербургского — Петроградского университета, который в сентябре 1919 г. в со-

ответствии с постановлением Наркомпроса был вместе с историко-филологическим и юридическим факультетами университета, а также с Археологическим институтом, Историко-филологическим институтом и соответствующими факультетами Бестужевских высших женских курсов преобразован в Факультет общественных наук (ФОН) Первого Петроградского университета [2]. ФОН состоял из шести отделений: политико-юридического, социально-экономического, философского, исторического, филологического, этнолого-лингвистического. Востоковедные дисциплины преподавались на четырех последних отделениях.

Чрезвычайно громоздкий Факультет общественных наук не оправдал возлагавшихся на него надежд. С осени 1921 г. ФОН получил новую структуру (5 отделений): общественно-педагогическое, этнолого-лингвистическое, литературно-художественное, правовое, экономическое.

Востоковедные дисциплины преподавались главным образом на этнолого-лингвистическом отделении и лишь отчасти на общественно-педагогическом и литературно-художественном отделениях. С 1 июля 1922 г. было учреждено шестое — археологическое — отделение [3].

Этнолого-лингвистическое отделение делилось на следующие секции: секция языков ирано-арабско-турецкой (т. е. тюркской. — *А. К.*) культуры (А. Н. Самойлович вел начальный курс турецкого языка, введение в изучение тюркских языков и народов, начальный курс чагатайского языка); секция языков дальневосточной культуры; секция языков культуры древнего мира; секция языков сиро-кавказско-византийской культуры; секция этнолого-лингвистических знаний [4].

С августа 1921 г. по 1923 г. при Петроградском университете функционировал Научно-исследовательский институт сравнительной истории языков и литератур Запада и Востока имени Александра Николаевича Веселовского, задачи которого определялись самим его названием; в числе шести секций Института была и Восточная [5] (с 1923 по 1929 г. — Научно-исследовательский институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ); в 1930 г. переименован в Институт речевой культуры; ликвидирован в 1932 г.) [6].

---

[2] В. В. Мавродин, Н. Г. Сладкевич, Л. А. Шилов, Ленинградский университет. Краткий очерк, Л., 1957, стр. 60.

[3] «Востоковедение в Петрограде. 1918—1922», Пг., 1923, стр. 34—35.

[4] Там же, стр. 35—41.

[5] Там же, стр. 15—16.

[6] «Ленинградский университет за советские годы. 1917—1947», Л., 1948, стр. 356.

В 1925 г. ФОН был преобразован в Факультет языкознания и материальной культуры (Ямфак) Ленинградского государственного университета со следующими циклами: цикл языков и литератур Восточной Европы, цикл языков и литератур Западной Европы, цикл древнего мира, цикл культур Востока; исторический цикл.

Тюркская филология, как и другие востоковедные дисциплины, преподавалась на четвертом цикле (А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Н. К. Дмитриев) [7].

В 1929 г. Ямфак был преобразован в историко-лингвистический факультет (ФИЛ), который в 1930 г., во время выделения из университета отраслевых вузов, был реорганизован в Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ). В ЛИЛИ востоковедение в целом и тюркология в частности занимали в программе преподавания незначительное место. В 1933 г. ЛИЛИ превратился в Ленинградский историко-философско-лингвистический институт (ЛИФЛИ), где нашло себе место и востоковедение в виде учреждения соответствующих кафедр: в 1933 г. учреждается кафедра семитских языков и литератур; осенью 1934 г. организуется кафедра тюрко-монгольских языков, восстанавливается кафедра иранской филологии и др.

В 1937 г. ЛИФЛИ, в котором к тому времени осталось только два факультета — литературный и лингвистический, вошел в состав университета на правах филологического факультета, на котором востоковедение получило права гражданства и стало успешно развиваться, особенно после 1939 г., когда деканом факультета стал А. П. Рифтин (1900—1945).

Имея в виду обеспечить дальнейшее развитие востоковедения в СССР, улучшить подготовку востоковедов, Советское правительство во время Великой Отечественной войны приняло решение об организации в составе Ленинградского университета с начала 1944/45 учебного года восточного факультета [8], на котором в числе прочих была учреждена кафедра тюркской филологии во главе с Н. К. Дмитриевым.

С октября 1920 по август 1938 г. в Ленинграде, кроме университета — ЛИЛИ — ЛИФЛИ, было еще одно специальное учебное заведение, в котором после закрытия факультета восточных языков (1919) объединились все профессора и препода-

[7] «Обозрение преподавания на Факультете языкознания и материальной культуры (Ямфак) Ленинградского государственного университета на 1926—27 учебный год», [б. м.], [б. г.], стр. 32—34.

[8] Приказ Всесоюзного Комитета по делам Высшей школы при СНК СССР № 39 от 5 февраля 1944 г.,— «Бюллетень ВКВШ», 1944, № 5, стр. 15. Подробнее см.: «Востоковедение в Ленинградском университете», — «Уч. зап. ЛГУ, № 296, серия востоковедческих наук», 1960, вып. 13, стр. 26 и сл.

ватели названного факультета. Этим учебным заведением был Петроградский — Ленинградский институт живых восточных языков (ЛИЖВЯ), именовавшийся до весны 1922 г. «Центральным» [9]. Первым директором института с сентября 1920 г. по апрель 1922 г. был известный востоковед В. Л. Котвич [10]; на этом посту его сменил видный тюрколог А. Н. Самойлович [11].

В составе преподавателей института были выдающиеся востоковеды: академики — В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской; профессора — В. М. Алексеев, А. П. Баранников, Б. Я. Владимирцов, А. И. Иванов, Н. И. Конрад, С. Е. Малов, А. А. Ромаскевич, А. Н. Самойлович, Г. Ф. Смыкалов [12]. Это поставило институт в исключительно благоприятные условия, закрепив за ним первенствующее положение в системе подготовки востоковедных кадров [13].

ЛИЖВЯ (с 1928 г. — Ленинградский восточный институт, ЛВИ) имел «своею целью подготовку: а) работников для практической деятельности на Востоке и в связи с Востоком и б) научных работников для востоковедных высших учебных заведений» [14].

В ЛИЖВЯ — ЛВИ тюркологические дисциплины преподавались на двух разрядах:

---

[9] Материалы по истории института (1. Постановление Совета Народных Комиссаров от 7 сентября 1920 г. «О центральном институте живых восточных языков» за подписью В. И. Ленина; 2. Докладная записка Факультета восточных языков Петроградского университета об учреждении Института; 3. Положение о Центральном Институте живых восточных языков; 4. Краткие отчетные сведения о Петроградском Институте живых восточных языков за 1920—1921 и 1921—1922 учебные годы; 5. Отчетные сведения по Петроградскому Институту живых восточных языков за 1922—1923 учебный год; 6. Состав научных работников Института; 7. Перечень обязательных для всех высших учебных заведений общественных дисциплин. Постановление СНК; 8. Устав Студенческого кружка по изучению Мусульманского Востока при Петроградском Институте живых восточных языков), см.: «Справочные сведения по Петроградскому Институту живых восточных языков (1920—1923 гг.)», Л., 1924, стр. 43—81.

[10] О нем см.: «Memorial Władislaw Kotwicz (1872—1944)», — «Rocznik Orientalistyczny», t. XVI (1950), Kraków, 1953.

[11] О нем см.: Ф. Д. Ашнин, Александр Николаевич Самойлович (1880—1938), — НАА, 1963, № 2, стр. 243—264.

[12] См.: «Справочные сведения по Ленинградскому Институту живых восточных языков за 1924—1925 уч. год», Л., 1925, стр. 86—88.

[13] См.: А. Н. Самойлович, Петроградский институт живых восточных языков,— «Новый Восток», 1922, № 1, стр. 458; «Востоковедение в Петрограде. 1918—1922», стр. 41—45; И. Кузьмин, Институт живых восточных языков, — «Восток», 1922, кн. I, стр. 109—110.

[14] «Положение о Ленинградском Институте живых восточных языков», § 2, в кн.: «Справочные сведения по Ленинградскому Институту живых восточных языков за 1924—1925 уч. год», Л., 1925, стр. 12.

1) османско-турецком: В. Д. Смирнов (до 1922 г.), А. Н. Самойлович, Н. Н. Мартинович (до 1922 г.), К. Г. Вамваки[15]; в середине двадцатых годов и позднее: Е. Э. Бертельс (история турецкой литературы), Х. Джевдет-заде, Н. А. Цветинович, В. О. Кауфман, В. М. Бароням, М. С. Михайлов, С. С. Джикия, А. Н. Кононов, Х. М. Цовикян, А. Салиев;

2) сартско-узбекском и киргизском: А. Н. Самойлович, С. Е. Малов (с 1923 г.), лектор А. Х. Аляви. В 1924 г. этот разряд был преобразован в туркестанский с отделениями: узбекским, киргизским, туркменским и таджикским[16]; в 1926—1927 гг. туркестанский разряд был переименован в среднеазиатский, здесь преподавали С. Е. Малов, П. П. Иванов, К. К. Юдахин, А. К. Боровков, Муса Ташмухаммедов (литературный псевдоним — Айбек).

Одним из важных мероприятий по оказанию помощи республикам и областям Советского Востока в их культурном строительстве было создание при ЛИЖВЯ в 1924/25 учебном году Тюркологического, Монгольского и Яфетитологического семинариев, целью которых была подготовка «квалифицированных работников на поприще науки и просвещения из среды самого коренного населения восточных республик, даже имеющих большую культурную подготовку, но не знакомых как с методами европейской науки, так и с достижениями европейской ориенталистики в изучении той или иной страны Востока»[17]. Эти семинарии сыграли важную роль в подготовке ученых из числа представителей тюркоязычных и монголоязычных народов и народностей[18].

3. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Старейшим научно-исследовательским востоковедным учреждением в России является Азиатский музей Академии наук (основан 11 ноября 1818 г.)[19]. 1 апреля 1930 г. Азиат-

[15] «Справочные сведения по Петроградскому Институту живых восточных языков (1920—1923 гг.)», Л., 1924, стр. 12—14; 23, 25—26. Учебные планы см. стр. 35—36; 40—41.

[16] «Справочные сведения по Ленинградскому Институту живых восточных языков за 1924—1925 уч. год», стр. 20. Учебные планы этих разрядов см. стр. 37—39, 42—44.

[17] «Справочные сведения по Ленинградскому Институту живых восточных языков за 1924—1925 уч. год», стр. 8; Положение о семинарах см. там же, стр. 17—18; Объяснительная записка к проекту положения о семинарах, — там же, стр. 82—85; Обозрение преподавания на семинарах, — там же, стр. 98.

[18] А. [Н.] Самойлович, Работа семинариев Ленинградского Института живых восточных языков, — «Новый Восток», 1926, № 13—14, стр. 45—46.

[19] «История АН СССР», т. 2. 1803—1917, М.—Л., 1964, стр. 220—221.

ский музей вместе с существовавшей при нем Коллегией востоковедов, а также вместе с Институтом буддийской культуры (ИнБУК) и Турклогическим кабинетом (ТУРК) был преобразован в Институт востоковедения АН СССР (ИВАН), первым директором которого с 1930 г. по 1934 г. был С. Ф. Ольденбург.

После Октябрьской революции в составе Академии наук в соответствии с новыми задачами возникли новые учреждения, тесно связанные с востоковедением вообще и с тюркологией в частности: Комиссия по изучению племенного состава населения СССР (КИПС, 1917); Комиссия по изучению Якутской АССР (1924); Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик (1926); Комиссия по научному исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных республик и Бурят-Монгольской АССР[20].

В начале двадцатых годов на Северном Кавказе, в Дагестане, в Закавказской федерации, в Поволжье, Средней Азии, на Украине и в Сибири стали создаваться учебные и научно-исследовательские востоковедные учреждения. Важной политической проблемой, вставшей перед советской тюркологией, было создание письменности для бесписьменных народов и народностей и замена старого (арабского) алфавита новой азбукой. Эта жгучая проблема вызвала на местах острую идеологическую борьбу.

Замена арабского алфавита новым, более удобным, касалась прежде всего тюркских народов. С этой целью 22 июля 1922 г. в Баку был создан Комитет нового тюркского алфавита, который разработал основные принципы нового — латинизированного алфавита. Примеру Азербайджана последовали и другие тюркоязычные республики и области. В целях координации усилий по разработке и введению новых тюркских алфавитов в 1926 г. был создан Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (ВЦК НТА), который в 1929 г. был преобразован во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦК НА) при Президиуме Совета национальностей ЦИК СССР[21].

В создании новых тюркских алфавитов, в решении многих практических вопросов, связанных с разработкой и практическим применением алфавитов на латинской основе, деятельное участие принимали ленинградские тюркологи: А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Н. К. Дмитриев, К. К. Юдахин.

[20] «Академия наук СССР за десять лет. 1917—1927», Л., 1927, стр. 5, 102—104; там же (стр. 140—154) статья С. Ф. Ольденбурга «Востоковедение».

[21] Литературу по истории разработки и введения алфавитов для тюркских народов на латинской и русской основах см.: «Структурное и прикладное языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г.», М., 1965, стр. 105—112.

Ленинградские востоковеды и в первую очередь тюркологи принимали деятельное участие в организации и проведении Первого тюркологического съезда в Баку (февраль — март 1926 г.), явившегося важной вехой в истории отечественной тюркологии [22].

В середине двадцатых годов ленинградские тюркологи задумали осуществить два мероприятия, которые могли бы сыграть очень важную роль в развитии тюркологии: перевести на русский язык известный труд Махмуда Кашгарского «Словарь тюркских языков» (С. Е. Малов, А. Э. Шмидт, К. К. Юдахин) и переиздать «Опыт словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, для чего в Академии наук была создана комиссия под председательством В. В. Бартольда, членами комиссии были А. Н. Самойлович, С. Е. Малов и др. [23]. К сожалению, эти два больших предприятия осуществить не удалось.

Развитие тюркологических исследований в Академии наук и в тюркоязычных республиках и областях требовало координации и кооперации усилий всех учреждений, ведущих исследовательскую работу в области тюркской филологии. Выявилась необходимость создания тюркологического центра. В апреле 1927 г. Академией наук была подана в СНК СССР составленная В. В. Бартольдом «Записка об учреждении Туркологического Института для систематизации и объединения туркологических работ самой Академии и тех учреждений, которые пожелают объединить с нею свои туркологические исследования» [24].

В результате этого представления в 1928 г. при Академии наук был создан Туркологический кабинет (ТУРК) во главе с В. В. Бартольдом; секретарем Кабинета состоял К. К. Юдахин [25].

Начиная с 1930 г. центром историко-филологических исследований в области востоковедения вообще и тюркологии в частности стал Институт востоковедения АН СССР. Проблемами тюркологии (преимущественно в историческом, лингвистиче-

---

[22] «Первый Всесоюзный Тюркологический съезд. 26 февраля — 5 марта (1926)», стенографический отчет, Баку, 1926.

[23] А. Н. Самойлович, Переиздание «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова, — ИАН, серия VI, 1927, № 18, стр. 1688—1694; его же, Об «Опыте словаря тюркских наречий» академика В. В. Радлова и о проекте его переиздания, — «Изв. восточного ф-та Азербайджанского гос. университета. Востоковедение», Баку, 1929, т. 3, стр. 1—6; Комиссия по переизданию «Опыта словаря тюркских наречий» В. В. Радлова. Проспект, Л., 1928.

[24] «Академия наук СССР за десять лет. 1917—1927», стр. 144—145. Записка В. В. Бартольда хранится в ЛО ААН СССР, см.: Протоколы ОИФ за 1927, стр. 43—44.

[25] О деятельности ТУРК в 1928 г. см.: «Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1928 г.», Л., 1929, стр. 91—93.

ском и литературоведческом отношениях) занимались здесь сотрудники двух кабинетов — Турецкого и Среднеазиатского[26], — которыми руководил А. Н. Самойлович, директор ИВАН с 1934 по 1937 г. Из довольно многочисленного штата сотрудников названных кабинетов вопросами тюркской филологии в тридцатых-сороковых годах в Среднеазиатском кабинете занимались А. К. Боровков (1904—1962)[27], С. Л. Волин[28] и О. И. Иванова-Шацкая, в Турецком — А. Н. Кононов. Были тюркологи и в Рукописном отделе ИВАН. Фонд тюркских рукописей собрания ИВАН до Великой Отечественной войны обрабатывали И. Н. Леманов (родился 12 марта 1871 г., погиб в Ленинграде в декабре 1941 г.), Г. Г. Гульбин (родился 4 февраля 1892 г., погиб в Ленинграде в конце декабря 1941 г.) и А. М. Мугинов (1896—1967).

Во время Великой Отечественной войны, в феврале 1942 г., основная часть сотрудников ИВАН была эвакуирована в Ташкент, где и продолжала свою работу. Тюркологи (А. К. Боровков, А. Н. Кононов, А. С. Тверитинова, А. Л. Троицкая) принимали деятельное участие в работе Института восточных рукописей (ныне Институт востоковедения) АН УзССР, Института языка и литературы АН УзССР, филологического факультета САГУ (ныне ТашГУ) им. В. И. Ленина.

1 июля 1950 г. Президиум АН СССР «в целях объединения научных кадров и коренного улучшения научной работы в области востоковедения, а также обеспечения руководства Институтом со стороны Президиума АН СССР. постановил просить Совет Министров СССР разрешить АН СССР: а) перевести Институт востоковедения из Ленинграда в Москву, б) ликвидировать Тихоокеанский институт АН и передать кадры этого Института Институту востоковедения»[29]. 2 августа 1950 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР Президиум АН СССР принял решение перевести ИВАН в Москву и утвердил новую структуру Института, согласно которой ленинградские сотрудники Института объединились в Секторе (Музее) восточных рукописей[30]. Из тюркологов в

---

[26] Подробнее см.: А. Н. Кононов, Тюркология в Ленинграде (1917—1957), — УЗИВАН, М., 1960, т. XXV, стр. 284—286.

[27] Некролог А. К. Боровкова см.: НАА, 1963, № 2, стр. 265—267; Э. В. Севортян, Памяти А. К. Боровкова, — «ИАН СССР, серия лит-ры и языка», 1963, вып. 2, стр. 171—175.

[28] С. Л. Волин — историк по своим основным научным интересам — составил «Описание рукописей произведений Навои в ленинградских собраниях», см.: сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 203—235; перевод на турецкий язык, выполненный Расиме Уйгун, см.: «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı», Ankara, 1955, стр. 99—141.

[29] Протокол Президиума АН № 17 от 1.VII.1950, § 372.

[30] Протокол Президиума АН № 23 от 2.VIII.1950, § 421.

состав названного сектора вошли А. К. Боровков, А. С. Тверитинова (до 1952 г.), А. М. Мугинов, А. Н. Кононов, А. Х. Рафиков.

В октябре 1956 г. Сектор восточных рукописей был преобразован в Ленинградское отделение Института востоковедения (с 1960 по 1969 г. — Института народов Азии), во главе которого стал И. А. Орбели (1887—1961)[31]. В это же время в числе других кабинетов был организован Тюрко-монгольский кабинет, в который входили А. Н. Кононов (заведующий), А. К. Боровков, А. М. Мугинов, Л. В. Дмитриева. Позднее кабинет пополнился историком С. Г. Кляшторным и филологами С. Н. Муратовым, А. Х. Нуриахметовым, Ю. А. Целуевой (Ли). В настоящее время кабинетом заведует С. Г. Кляшторный; сотрудники-тюркологи: А. Н. Кононов, С. З. Закиров, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева, Г. В. Сорокоумовская, Л. Я. Медведева, В. Г. Гузев.

В 1930 г. в связи с реорганизацией академических учреждений Яфетический институт (ранее — Институт яфетидологических изысканий Российской Академии наук; основан Н. Я. Марром в 1921 г.[32]) был преобразован в Институт языка и мышления (ИЯМ) АН СССР, где в 1934 г. был организован Сектор тюркских языков, во главе которого стоял до конца дней своих С. Е. Малов[33]; его сотрудниками в разное время были С. С. Джикия, А. Н. Кононов, Е. И. Убрятова, А. М. Щербак.

В 1950 г. ИЯМ был реорганизован в Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР (ЛО ИЯз), в котором был создан Алтайский сектор, объединивший тюркологов (Е. И. Убрятова, А. М. Щербак, позднее к ним присоединились Н. И. Летягина, Л. Ю. Тугушева, И. В. Кормушин, Д. М. Насилов, Т. А. Боровкова, С. Н. Муратов, Л. В. Дмитриева, У. Ш. Байчура), тунгусоведов и монголистов.

Тюркское языкознание нередко получало, как получает и теперь, свое развитие в трудах этнографов, чему в значительной степени способствовало создание в 1878 г. при Академии наук Музея антропологии и этнографии, во главе которого с 1894 г. стоял В. В. Радлов[34]. В советское время значительный вклад в тюркское языкознание (преимущественно область специальной лексики) внесли этнографы-тюркологи: Н. П. Дырен-

---

[31] О нем см.: К. Н. Юзбашян, Академик Иосиф Абгарович Орбели, М., 1964, стр. 115.

[32] «Востоковедение в Петрограде, 1918—1922», стр. 16—18.

[33] См.: Е. И. Убрятова, О научной и общественной деятельности Сергея Ефимовича Малова, — «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951, стр. 10.

[34] См.: «Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова — 5 января 1907 года», СПб., 1907.

кова, А. А. Попов, С. И. Руденко, Л. П. Потапов, С. М. Абрамзон, А. Л. Троицкая, Л. Э. Каруновская, В. П. Курылев и др.

Некоторые лингвистические проблемы, главным образом лексико-терминологического характера, нередко находили себе место в трудах археолога А. Н. Бернштама[35] и нумизмата А. А. Быкова, сотрудника Отдела Востока Государственного Эрмитажа, единственного специалиста по османской нумизматике[36].

Образцом строго научного и высокохудожественного перевода одного из выдающихся тюркских эпических памятников является работа В. В. Бартольда (1869—1930) «Книга моего деда Коркута»[37].

4. ОБЪЕДИНЕНИЯ ВОСТОКОВЕДОВ

Первым объединением русских востоковедов является Восточное отделение (или Отделение восточной археологии) Русского археологического общества (1846—1921). Датой основания Восточного отделения считается 13 апреля 1851 г., когда отделение провело свое первое заседание[38]. Восточное отделение РАО сыграло важную роль в развитии русского востоковедения; особое значение ВО РАО приобрело с избранием в 1885 г. на пост председателя отделения В. Р. Розена[39].

Важное место среди востоковедных организаций занимает Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (1903—1919), учрежденный согласно постановлению XII (Рим, 1899) и XIII (Гамбург, 1902) Международных конгрессов востоковедов и признанный Центральным комитетом Международного Союза для изучения Средней и Восточной Азии[40]. Русским комитетом, формально состояв-

[35] О нем см.: С. П. Толстов, Александр Натанович Бернштам (1910—1956), — СЭ, 1957, № 1.

[36] См. его работы: «Монеты Турции XIV—XVII веков», Л., 1939; «Первый османский монетный двор», — «Труды Отдела Востока [Гос. Эрмитаж]», Л., 1939, т. 1, стр. 115—120.

[37] «Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос». Пер. академика В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов, М.—Л., 1962.

[38] Н. И. Веселовский, История Имп. Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896, СПб., 1900, стр. 291.

[39] Подробнее см.: И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, М.—Л., 1950, стр. 139 и сл.

[40] С. Ф. Ольденбург, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, СПб., 1904 (отд. отт. ЖМНП), стр. 44; «Востоковедение в Петрограде. 1918—1922», стр. 19—20.

шим при Министерстве иностранных дел[41], фактически руководила Академия наук. Председателем Русского комитета со дня основания был В. В. Радлов, а после его смерти (12 мая 1918 г.) — С. Ф. Ольденбург.

Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии оставил заметный след в истории русского востоковедения организацией и финансированием ряда археологических и этноолого-лингвистических экспедиций в Центральную, Среднюю и Малую Азию, Западный и Восточный Китай и др. Путешествия С. Е. Малова в Западный и Центральный Китай (1909—1911; 1913—1915), составившие по своим результатам эпоху в истории тюркологии, были осуществлены на средства Русского комитета[42].

Русский комитет с момента своего основания оказывал постоянную материальную поддержку Э. К. Пекарскому для завершения работы над якутским словарем и издания его[43].

Коллегия востоковедов при Азиатском музее Академии наук (КВ, 1921—1930)[44], первоначально возникшая как объединение востоковедов Петроградского университета, сыграла важную роль в объединении петроградских — ленинградских востоковедов, заменив собою Восточное отделение Русского Археологического общества и продолжая его традиции; печатный орган общества «Записки Восточного отделения Русского археологического общества» нашел свое продолжение в «Записках Коллегии востоковедов при Азиатском музее» (1925—1930; вышло пять томов). В деятельности КВ активное участие принимали ленинградские тюркологи В. Д. Смирнов, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Н. К. Дмитриев, К. К. Юдахин, А. Л. Троицкая.

Радловский кружок при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (1918—1930). Стремясь сплотить и объединить немногочисленных петроградских тюркологов, Академия наук по представлению В. В. Бартольда в сентябре 1922 г. утвердила положение о Радловском кружке при Музее антропологии и этнографии Академии наук[45], тем самым легализовав кружок, фактически

---

[41] Устав Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, § 2.

[42] Подробнее см.: Е. И. Убрятова, О научной и общественной деятельности С. Е. Малова, — «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951, стр. 8—10.

[43] См.: Э. К. Пекарский, Словарь якутского языка, т. I, Предисловие, стр. V.

[44] И. [Ю.] Кр[ачковский], Коллегия востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук, — «Восток», 1922, № 1, стр. 107; «Востоковедение в Петрограде. 1918—1922», стр. 22.

[45] «Положение о Радловском кружке», — ИАН СССР, серия VI, 1922, стр. 139.

существовавший с июня 1918 г. (со дня собрания, посвященного памяти В. В. Радлова).

«Радловский кружок, — читаем в § 1 Положения, — имеет целью способствование развитию тех научных дисциплин, которым была, главным образом, посвящена деятельность академика В. В. Радлова, т. е. филологии, этнографии и истории турецких (тюркских. — *А. К.*) народностей»[46].

Ассоциация тюркологов при ИВАН СССР (1934—1937). В начале тридцатых годов возникла новая форма объединения востоковедов, лишившихся в 1930 г. — после ликвидации Коллегии востоковедов — объединяющего их центра. Новой формой объединения стали отраслевые ассоциации востоковедов: одной из первых в январе 1934 г. была организована Ассоциация арабистов во главе с И. Ю. Крачковским; в том же году возникла Ассоциация тюркологов, которую возглавил А. Н. Самойлович. Ассоциация тюркологов в отличие от Ассоциации арабистов не стала активно действующим отраслевым центром, объединяющим ленинградских тюркологов, так как ограничила свою деятельность эпизодическими собраниями со случайной повесткой.

Комиссия содействия научным связям с Турцией — КСОНСТ (1933—1937), которую возглавил Н. Я. Марр, а после его кончины (1934) А. Н. Самойлович, не оставила сколько-нибудь заметного следа в истории изучения Турции советскими учеными.

Семинар ленинградских тюркологов (председатель А. Д. Новичев), созданный в 1955 г., объединяет всех ленинградских тюркологов — языковедов, историков, литературоведов, этнографов.

5. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ТЮРКОЛОГОВ-ЯЗЫКОВЕДОВ

01. Изучение и издание памятников тюркской письменности в Петербурге — Ленинграде имеет длительную традицию, начало которой было положено ученой деятельностью О. И. Сенковского, А. К. Казем-бека, В. В. Вельяминова-Зернова, И. Н. Березина, В. Д. Смирнова, П. М. Мелиоранского, В. В. Радлова, С. Е. Малова, А. Н. Самойловича.

В послеоктябрьскую эпоху внимание к изданию памятников на первых порах несколько ослабло, что было связано с необходимостью для ленинградских тюркологов принимать участие в решении ряда практических вопросов: разработка новых алфавитов и связанных с ними проблем (см. выше).

[46] Там же, стр. 139.

Тюркологом (многие годы — единственным в Советском Союзе!), постоянно занимавшимся изучением памятников рунической, уйгурской и арабской письменности, был С. Е. Малов (1880—1957)[47], питомец факультета восточных языков С.-Петербургского университета (1904—1909), ученик В. В. Радлова, работавший в Петрограде — Ленинграде с 1922 г. до конца своих дней.

Трудами, заботами, педагогической деятельностью С. Е. Малова поддерживалась старая традиция русской тюркологии в изучении памятников тюркской письменности. Эта важная отрасль тюркологии получила свое дальнейшее развитие в трудах С. Е. Малова и в трудах его учеников (Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак).

А. Н. Самойлович, много занимавшийся в начале своей научной деятельности изучением и изданием памятников (вспомним, например, его магистерскую диссертацию «Абду-с-Саттар-казы. Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX в.», СПб., 1914; «Собрание стихотворений императора Бабура», Пг., 1917), сохранил интерес к этому аспекту тюркологической работы до конца дней (см. список его трудов)[48], но он не стал, как для С. Е. Малова, делом всей его жизни. А. Н. Самойлович работал в различных областях тюркологии: филология в широком значении, языкознание, литературоведение, фольклор, история, этнография.

В числе питомцев факультета восточных языков, а позже в числе его приват-доцентов был П. А. Фалев (1888—1922)[49], который обладал обширными тюркологическими познаниями, из-за ранней смерти только частично, к сожалению, реализовавшимися в научных трудах.

Учеником С. Е. Малова и А. Н. Самойловича был А. К. Боровков, проявивший интерес к истории узбекского языка в связи с творчеством А. Навои и к истории тюркской лексики, что нашло свое отражение в следующих его работах: «„Бада̄'и' ал-луг̣ат". Словарь Т̣али' Има̄нӣ Гератского к сочинениям Алишера Навои» (М., 1961); «Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв.» (М., 1963).

---

[47] О нем см.: Е. И. Убрятова, О научной и общественной деятельности Сергея Ефимовича Малова, — «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951, стр. 5—22 (список трудов — стр. 22—30); ее же, С. Е. Малов. К 75-летию со дня рождения, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1955, № 1, стр. 93—98; ее же, С. Е. Малов. К восьмидесятилетию со дня рождения, — в кн.: «Проблемы тюркологии и истории востоковедения», Казань, 1964, стр. 43—55.

[48] Ф. Д. Ашнин, Александр Николаевич Самойлович, — НАА, 1963, № 2, стр. 253—263.

[49] О нем см.: А. Э. Шмидт, Проф. П. А. Фалев (некролог), — «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, № 2; Б. В. Лунин, Жизнь и труды востоковеда-тюрколога П. А. Фалева (к 45-летию со дня смерти), — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1967, № 9, стр. 43—48.

В изучение памятников древнеуйгурской и староузбекской письменности внес свой вклад А. М. Щербак: «Огуз-нāме. Мухаббат-нāме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности», М., 1959.

А. Н. Кононов издал два сводных текста: «Алишер Навои. Возлюбленный сердец» (М. — Л., 1948); «Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского» (М.— Л., 1958; с историко-филологическими примечаниями и грамматическим очерком).

А. С. Тверитинова и Ю. А. Петросян издали старотурецкий текст (XVII в.) сочинения боснийца Хюсейна-эфенди «Беда'и' ул-века'и' (Удивительные события)» (М., 1961, части 1 и 2), снабдив текст введением (А. С. Тверитинова), аннотированным оглавлением и указателями (Ю. А. Петросян).

Превосходный список «Дивана» Алишера Навои, хранящийся в рукописной коллекции ЛО ИНА, издан Л. В. Дмитриевой (М., 1964).

Сказанное свидетельствует о традиционном интересе ленинградских тюркологов к изучению и изданию памятников. Многое еще надлежит сделать в этой области, в частности крайне необходимо совершенствовать методику подобных исследований. причем важное место в этой работе занимает и техника филологического исследования, которая далеко не всегда удовлетворяет современным требованиям.

02. Изучение фонетического и грамматического строя современных тюркских языков, широко развернувшееся после Октября, опиралось на длительную историю, начало которой было положено на рубеже XVIII—XIX вв. Все ленинградские тюркологи вне зависимости от их основных научных устремлений принимали деятельное участие в фонетико-грамматическом изучении современных тюркских языков.

С. Е. Малов наряду с исследованием памятников тюркской письменности занимался и современными языками во время своих путешествий в Центральную Азию, Центральный и Западный Китай (1909—1911; 1913—1915) и Каракалпакию (1930), оставив неизгладимый след в этой области тюркологии. Он является пионером изучения языка желтых уйгуров[50], лобнорцев[51], уйгуров[52]. Он одним из первых стал заниматься изучением каракалпакского языка[53].

---

[50] С. Е. Малов, Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика, Алма-Ата, 1957; его же, Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы, М., 1967.

[51] С. Е. Малов, Лобнорский язык. Тексты, переводы, словарь, Фрунзе, 1956

[52] С. Е. Малов, Уйгурский язык. Хамийское наречие. Тексты, переводы и словарь, М.—Л., 1954; его же, Уйгурские наречия Синьцзяна. Тексты, переводы, словарь, М., 1961.

[53] С. Е. Малов, Заметки о каракалпакском языке, Нукус, 1966.

Основное место в научной деятельности С. Е. Малова занимают памятники рунической и уйгурской письменности; здесь его интересовали прежде всего установление текста, его чтение (транскрипция), перевод и словарь памятника. Что касается фонетико-грамматической части его исследований, то они всегда ограничивались самыми общими и краткими замечаниями, которые, как правило, освещали лишь основные характерные черты издаваемого текста, оставляя без внимания синтаксис, а часто и фонетику. Зато лексике уделялось всегда особое место, в силу чего словари С. Е. Малова, составленные на основе текстов памятников или его собственных записей лингвистического материала, вошли в золотой фонд тюркской лексикографии: среди словарных работ С. Е. Малова особого упоминания заслуживают словари в книгах «Памятники древнетюркской письменности» (М. — Л., 1951), «Язык желтых уйгуров» (Алма-Ата, 1957). Его картотека древнетюркской лексики составила основу «Древнетюркского словаря» (Л., 1969), о котором речь пойдет ниже. С. Е. Малов предложил оригинальную классификацию тюркских языков, основывающуюся на хронологическом принципе [54].

А. Н. Самойлович, ученик П. М. Мелиоранского и В. В. Радлова, внес значительный вклад в одну из труднейших областей лингвистического исследования — в классификацию тюркских языков («Некоторые дополнения к классификации тюркских языков», Пг., 1922); ему же принадлежат грамматики двух тюркских языков («Опыт краткой крымско-татарской грамматики», Пг., 1916; «Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка», Л., 1925), первая из них до последнего времени [55] являлась единственным обстоятельным описанием грамматического строя названного языка.

С 1925 г. начинается научно-педагогическая деятельность питомца Лазаревского института восточных языков и Московского института востоковедения, ученика С. Г. Церуниана Н. К. Дмитриева (1898—1954) [56] в Ленинграде, которая продолжалась здесь до начала Великой Отечественной войны; после окончания войны Н. К. Дмитриев бывал в Ленинграде лишь кратковременными наездами, хотя до 1 января 1948 г.

---

[54] С. Е. Малов, Древние и новые тюркские языки, — в кн.: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 5—8; то же: ИАН СССР, ОЛЯ, 1952, № 2.

[55] См. теперь: Э. В. Севортян, Крымско-татарский язык, — «Тюркские языки», М., 1966 («Языки народов СССР», т. 2), стр. 234—259; Gerhard Doerfer, Das Krimtatarische, — PhTF, t. I, 1959, стр. 369—390.

[56] О нем см.: Э. В. Севортян, Из истории развития советской тюркологии (Памяти Н. К. Дмитриева), — ИАН СССР, ОЛЯ, 1955, № 2, стр. 156—169; его же, Н. К. Дмитриев и советская тюркология, — ВЯ, 1956, № 3, стр. 101—107.

руководил кафедрой тюркской филологии восточного факультета ЛГУ. Его сменил на этом посту С. Е. Малов.

Н. К. Дмитриев, приглашенный в 1925 г. Ленинградским институтом живых восточных языков для преподавания турецкого языка, в следующем, 1926 г. начал педагогическую деятельность на кафедре тюркской филологии Ямфака (см. стр. 8).

В первый же год своего пребывания в Ленинграде Н. К. Дмитриев был «приглашен в Азиатский музей на временную работу по разбору периодических изданий на турецких диалектах с 1 декабря 1925 г. с оплатой 60 руб. в месяц»[57]. 1 апреля 1926 г. Н. К. Дмитриев зачислен в штат Азиатского музея[58], где с 1927 г. он — научный сотрудник II разряда, с 15 февраля 1929 г. — научный сотрудник I разряда[59]; 10 февраля 1931 г. освобожден от обязанностей научного сотрудника ИВАН СССР[60].

Одновременно с работой по совместительству в Азиатском музее — Институте востоковедения АН СССР Н. К. Дмитриев преподавал тюркские языки в Ленинградском институте живых восточных языков — Ленинградском восточном институте (с 1925 по 1938 г.) и Ленинградском государственном университете (с 1926 по 1948 г., с перерывом в 1941—1945 гг.).

Н. К. Дмитриев в истории русской тюркологии является вторым, после П. М. Мелиоранского, чистым лингвистом, который все свое внимание отдавал проблемам тюркского языкознания, проблемам фонетики и грамматики тюркских языков, хотя, как почти всякому востоковеду, ему не были чужды занятия и диалектологией, и лексикографией, и лексикологией, и фольклором, и историей русской тюркологии.

Будучи лингвистом par excellence, Н. К. Дмитриев вошел в историю русской тюркологии своими исследованиями по грамматике кумыкского, башкирского, турецкого, карачаево-балкарского, азербайджанского, туркменского и чувашского языков.

Н. К. Дмитриев — выдающийся советский тюрколог, оставивший в истории тюркологии глубокий след как своими трудами, так и своей школой: его ученики работают, вероятно, во всех научных учреждениях, где занимаются тюркским языкознанием.

А. К. Боровков, автор таких работ, как «Учебник уйгурского языка» (Л., 1935), «Очерки по карачаево-балкарской грамматике» (в кн.: «Языки Северного Кавказа и Дагестана», М. — Л., 1935, стр. 11—40), «Узбекский литературный язык в период

---

[57] ЛО ААН, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 77.
[58] Там же, ед. хр. 91.
[59] Там же, ф. 152, 1929, ед. хр. 1.
[60] Там же, ф. 152, 1931, оп. 1, ед. хр. 1.

1905—1917 гг.» (Л., 1941), «Грамматика узбекского языка» (Ташкент, 1943, 1952, 1957), преподавал уйгурский и узбекский языки в Ленинградском восточном институте (1928—1938), проявлял интерес также к тюркскому литературоведению и фольклору.

В истории составления учебных пособий по турецкому языку и преподавания турецкого языка видное место занимает талантливый педагог, питомец Стамбульской учительской семинарии, доцент Ленинградского восточного института (с 1926 по 1937 г.) и Ленинградского университета (с 1933 по 1937 г.) Хикмет Джевдет-заде (1893—1945), автор «Турецкой хрестоматии (со словарем)» (Л., 1931), «Грамматики современного турецкого языка» (Л., 1934; в соавторстве с А. Н. Кононовым) и ряда учебных пособий, изданных стеклографическим способом Ленинградским восточным институтом. В соавторстве с Х. М. Цовикяном, С. С. Джикия и А. Н. Кононовым Х. Джевдет-заде составил «Турецкую общественно-политическую хрестоматию» (ЛВИ, 1935, стеклогр. изд.).

Х. М. Цовикян (родился в Турции в 1900 г., погиб в Ленинграде 7 февраля 1942 г.) — историк Турции, преподаватель турецкого языка в ЛВИ, составил хорошо подобранные «Образцы турецкой художественной литературы» (ЛВИ, 1938, стеклогр. изд.).

Изучением грамматического строя тюрков Крайнего Севера — долган и якутов много лет занимается Е. И. Убрятова, автор известной работы «Исследования по синтаксису якутского языка» (М. — Л., 1950) и ряда статей по якутоведению. Е. И. Убрятова получила основную научную подготовку в Ленинграде под руководством С. Е. Малова.

Известно, что многие языки первоначально изучались не языковедами, а представителями дисциплин, которые вынуждены изучать язык для достижения своих целей, часто далеких от языкознания; в числе последних нередко оказывались и оказываются этнографы. Этнограф часто неотделим от языковеда; вспомним А. Кастрена, В. И. Вербицкого, Н. И. Ильминского, В. В. Радлова, Н. Ф. Катанова, С. Е. Малова и многих других. К числу этнографов-лингвистов принадлежала талантливая исследовательница, научный сотрудник Института этнографии АН СССР Н. П. Дыренкова (родилась в 1899 г., погибла в Ленинграде 28 октября 1941 г.), автор грамматик ойротского (1940), шорского (1941) и хакасского (1948) языков, которые и поныне служат основными пособиями по этим языкам.

Среди языковедов ленинградской тюркологической школы послевоенного периода следует назвать А. М. Щербака, С. Н. Иванова, А. П. Векилова, В. Г. Кондратьева, Л. Ю. Тугушеву, С. Н. Муратова, Л. В. Дмитриеву, Н. И. Летягину,

В. Г. Гузева, И. В. Кормушина, Л. Я. Медведеву, Н. И. Шамилову и др.

03. История тюркских языков, сравнительное и сравнительно-историческое изучение тюркских языков. В истории отечественного востоковедения дооктябрьского периода эти темы только намечались, хотя и осознавались как первоочередные. Наиболее ярким представителем сравнительного языкознания того периода был индолог и тюрколог О. Н. Бётлингк, впервые применивший методы сравнительного языкознания к тюркским языкам в своей и поныне знаменитой работе «О языке якутов». Последующие авторы, даже составители очень обстоятельной «Грамматики алтайского языка» (Казань, 1869), не воспользовались опытом Бётлингка.

Новый этап в развитии сравнительного и сравнительно-исторического изучения тюркских языков (как и вообще в тюркологии) начинается в последней трети XIX в., когда стали публиковаться одна за другой работы В. В. Радлова: «Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen, T. I. Phonetik» (Leipzig, 1882—1883); «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen» (ЗАН, сер. VIII, 1906, т. VII, № 7) и другие труды, которые явились фундаментом для дальнейшего прогресса в этих областях тюркологии.

Труд Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка», резко осужденный — без достаточных оснований — П. М. Мелиоранским, хотя и не продолжает линии исследований, намеченной В. В. Радловым, является полезным справочником, в котором дается последовательное сопоставление — перечисление грамматических средств почти всех известных тюркских языков.

Что касается истории отдельных тюркских языков, то дореволюционная тюркология в этой области не может похвастаться ничем, кроме этюдов В. В. Радлова. Отечественная тюркология того периода дала ряд солидных изданий тюркских памятников (В. В. Радлов, К. Г. Залеман, П. М. Мелиоранский, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов), но историческая грамматика (и отдельных языков, и семьи в целом) лишь ставилась как задача на будущее.

В послеоктябрьскую эпоху, с конца двадцатых годов и до начала пятидесятых годов, т. е. в течение всего периода господства так называемого «нового учения о языке», сравнительное и сравнительно-историческое изучение тюркских языков не практиковалось.

Изучение истории отдельных тюркских языков в плане отдельных проблем находило свое отражение в работах А. Н. Самойловича, П. А. Фалева, С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева и др.

Наибольшее внимание уделялось изучению истории узбекского языка (А. К. Боровков, А. М. Щербак).

Сравнительное изучение фонетики тюркских языков представлено исследованиями А. М. Щербака[61].

04. Тюркская диалектология. Тюркские диалекты изучаются более ста лет; начало их изучению положил В. В. Радлов. Однако только в последнее десятилетие тюркская диалектография начинает перерастать в тюркскую диалектологию, чему, конечно, в немалой степени способствовало то внимание, которое уделяется изучению диалектов на местах.

Почти все ленинградские тюркологи принимали и принимают участие в собирании и изучении диалектального материала. Ученики В. В. Радлова — А. Н. Самойлович и С. Е. Малов, продолжая и развивая традиции своего учителя, внесли солидный вклад в изучение тюркских диалектов. Много сделали для развития этой отрасли тюркского языкознания Н. К. Дмитриев, К. К. Юдахин, А. К. Боровков, О. И. Иванова-Шацкая, Е. И. Убрятова; изучением турецких диалектов Малой Азии и их преподаванием занимается А. П. Векилов (восточный факультет ЛГУ). Изучением одного из говоров болгарских турок занимался В. Г. Гузев. Значительный вклад в разработку трудных проблем, связанных с созданием атласа тюркских диалектов, внес В. М. Жирмунский; ему же принадлежит ряд блестящих работ по эпосу тюркоязычных народов, по тюркскому стихосложению и о частях речи в тюркских языках[62].

05. Тюркская лексикография и лексикология. Основное внимание в дореволюционной отечественной тюркологии уделялось тюркской лексикографии; собирание материалов по тюркской лексике началось очень давно. В XIX — начале XX в. отечественная тюркология достигла выдающихся, всем миром признанных успехов в составлении словарей (см. стр. 6). В советское время (1930 г.) было закончено печатание знаменитого якутского словаря Э. К. Пекарского.

Из ленинградцев старшего поколения (кроме Э. К. Пекарского) особое внимание лексикографии, как сказано выше, уде-

---

[61] А. М. Щербак, О тюркском вокализме, — сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 24—40; его же, О тюркском консонантизме, — ВЯ, 1964, № 5, стр. 6—35; его же, О фонологической оппозиции гласных по признаку раствора в тюркских языках, — НАА, 1966, № 1, стр. 121—128.

[62] В. М. Жирмунский, О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза, — ВЯ, 1963, № 6, стр. 3—19; его же, О некоторых вопросах лингвистической географии тюркских диалектов, — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1966, стр. 54—63; его же, Развитие категории частей речи в тюркских языках по сравнению с индоевропейскими языками, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1945, № 3—4, стр. 111—127.

лял С. Е. Малов, словари которого к древнетюркским памятникам являются образцом лексикографического метода. Словарной работе уделял известное внимание и Н. К. Дмитриев.

Узбекские словари последних двадцати — двадцати пяти лет, как правило, издавались под редакцией А. К. Боровкова.

К списку изданных в Ленинграде тюркских словарей в 1969 г. прибавился «Древнетюркский словарь» (VIII—XIII вв.) — огромный лексикографический труд, подготовленный группой сотрудников алтайского сектора ЛО ИЯз АН СССР под руководством и при участии В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака.

Тюркская лексикология в отличие от тюркской лексикографии в истории отечественной тюркологии не имеет сколько-нибудь прочных традиций, и только в последние годы на материале тюркских языков начинают появляться заслуживающие внимания работы. Поддерживается проявившийся в начале нынешнего века интерес к восточным, тюркским заимствованиям в русском языке (П. М. Мелиоранский, Ф. Е. Корш, С. Е. Малов, Н. К. Дмитриев, В. А. Гордлевский).

Интересным по приемам и важным по результатам лексикологическим исследованием является работа А. Н. Самойловича «Богатый и бедный в тюркских языках» (ИАН ООН, 1936, № 4, стр. 21—66).

Лексика среднеазиатского тефсира нашла своего исследователя в лице А. К. Боровкова («Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв.», М., 1963).

Особого внимания заслуживает статья А. М. Щербака «Названия домашних и диких животных в тюркских языках» (в сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961), в которой впервые в русской тюркологической практике использован прием широкого сравнения лексики.

С недавних пор в Ленинграде одной из актуальных тем стала проблема «алтайской общности» или «алтайской гипотезы», которая находит поддержку (с разных, правда, позиций) у большинства ленинградцев, занимающихся тюркскими и тунгусскими языками; об этом свидетельствует наличие в составе ЛО ИЯз алтайского сектора. Особую позицию занимает А. М. Щербак, который свои воззрения на эту важную проблему изложил в серии статей [63].

---

[63] А. М. Щербак, Об алтайской гипотезе в языкознании, — ВЯ, 1959, № 6, стр. 51—63; его же, О методике исследования языковых параллелей (в связи с алтайской гипотезой), — «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960; его же, Работы Дж. Клосона по алтаистике, — НАА, 1963, № 3, стр. 150—153; его же, О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков — ВЯ, 1966, № 3, стр. 21—35.

06. Описание тюркских рукописей. Этот вид лингвистико-филологического исследования, требующий обширных, часто энциклопедических, знаний, в петербургской — ленинградской традиции лишь эпизодически привлекал внимание ученых (Х. Д. Френ, Б. А. Дорн, В. Д. Смирнов, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, П. А. Фалев).

После Октябрьской революции восточные рукописи Учебного отделения восточных языков Азиатского департамента МИД, Библиотеки Зимнего дворца и некоторых других учреждений были сосредоточены в Азиатском музее (теперь ЛО ИВАН) АН СССР. К планомерному описанию коллекций восточных рукописей ЛО ИВАН приступили в начале пятидесятых годов нынешнего столетия.

В конце пятидесятых годов в Тюрко-монгольском кабинете ЛО ИВАН была создана бригада для описания тюркских рукописей в составе: А. М. Мугинов, Л. В. Дмитриева, С. Н. Муратов, А. Х. Нуриахметов, в результате усилий которых уже изданы две работы[64].

Коллекцию арабских, таджикских, персидских и тюркских рукописей восточного факультета ЛГУ описывает и исследует А. Т. Тагирджанов[65].

6. ЛЕНИНГРАД КАК ОДИН ИЗ ЦЕНТРОВ ПО ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ТЮРКОЛОГОВ

Петроградский — Ленинградский университет (восточный факультет — кафедра тюркской филологии), Ленинградский восточный институт с его тюркологическим семинарием (см. стр. 8—10), ИВАН — ЛО ИВАН, ИЯМ — ЛО ИЯз сыграли в свое время и продолжают играть важную роль в подготовке кадров тюркологов.

В целях иллюстрации этого положения позволяю себе напомнить, что среди питомцев ленинградской тюркологической школы, работавших и ныне работающих не в Ленинграде, ученики В. В. Бартольда, В. Д. Смирнова, А. Н. Самойловича, С. Е. Малова, Н. К. Дмитриева, А. К. Боровкова и др.: М. С. Михайлов, С. С. Джикия, Э. В. Севортян, Е. И. Убрятова, А. С. Тверитинова, И. И. Умняков, Н. Т. Сауранбаев, С. К. Кенесбаев, С. Аманжолов, А. Х. Маргулан, М. Б. Балакаев, М. Ш. Ширалиев, А. А. Демирчизаде, И. А. Маманов, Х. Ками-

---

[64] А. М. Мугинов, Описание уйгурских рукописей Института народов Азии, М., 1962; Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов, Описание тюркских рукописей Института народов Азии, I. История, М., 1965.

[65] А. Т. Тагирджанов, Список таджикских, персидских и тюркских рукописей Восточного отдела библиотеки ЛГУ (продолжение списков К. Г. Залемана и А. А. Ромаскевича), М., 1967, стр. 19.

лова, Ф. К. Камалов, Ф. А. Абдуллаев, З. М. Магруфов, Н. С. Григорьев, Г. А. Никифоров, Э. Р. Тенишев, Л. Т. Махмутова, Л. А. Покровская, Л. О. Алькаева, Г. И. Донидзе, И. Р. Сонина, М. Худайкулиев, Д. И. Чанков, М. И. Боргояков, А. Г. Эйвазов, А. Г. Азизова, Ф. А. Салимзянова, А. Дж. Шукюров и многие другие.

7. ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В ЛЕНИНГРАДЕ

За пятьдесят лет ленинградские тюркологи, как и их коллеги в других городах Советского Союза, несмотря на отсутствие центра, направляющего тюркологическую работу в единое русло по строго определенному плану, добились очевидных успехов как в своей исследовательской, так и педагогической деятельности. Следует при этом отметить, что ленинградские — как и все советские — тюркологи неизменно имели своей целью служить интересам отечественной тюркологии (научной и практической), способствуя по мере своих сил и возможностей глубокому изучению всех тюркских языков.

Наши успехи бесспорно могли бы быть солиднее по объему и весомее по их научному значению, если бы ленинградские тюркологи могли определить основные насущные проблемы и составить единый план исследований, который позволил бы объединить усилия всех тюркологов, работающих в городе на Неве, что в свою очередь позволило бы теснее объединиться с тюркологами Москвы и других городов Советского Союза.

Первоочередные задачи отечественного тюркского языкознания были определены еще на рубеже XIX и XX вв.: «Создание сравнительной исторической грамматики турецкого языка (тюркских языков, как сказали бы советские тюркологи. — *А. К.*) со всеми ее многочисленными разветвлениями есть несомненно одна из основных задач туркологии»[66]. Здесь же были указаны пути и способы достижения этой цели.

Ленинградская тюркология наряду с общими задачами, которые ее объединяют в единое целое со всей советской тюркологией, имеет и свои частные задачи, которые определяются наличием в Ленинграде весьма большой коллекции тюркских рукописей (ЛО ИВАН, восточный факультет ЛГУ, Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственный Эрмитаж), которые должны быть систематизированы, а лучшие из них детально изучены и изданы; в этой связи достаточно упомянуть собрание древнеуйгурских руко-

---

[66] П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, СПб., 1900, стр. 1.

писей (коллекции С. Ф. Ольденбурга, С. Е. Малова и др.), давно ждущих обстоятельного описания и изучения.

Наличие в Ленинграде немногочисленного, но достаточно опытного, квалифицированного и преданного своему делу отряда тюркологов позволяет надеяться, что его деятельность в новом пятидесятилетии будет еще успешнее и плодотворнее.

В. М. Жирмунский

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ТЕОРИИ ТЮРКСКОГО НАРОДНОГО СТИХА*

1. С 1950-х годов вместе с обращением советского литературоведения к проблемам художественной специфики и растущим интересом советской лингвистики к проблемам стихотворного языка появился целый ряд работ по вопросам метрики большинства тюркоязычных народов — статей, кандидатских и даже солидных по объему докторских диссертаций. Независимо от научного уровня этих новых поисков, который может быть различным, работы такого рода ценны уже как научные описания прежде неизвестного или мало изучавшегося материала[1]. Здесь достаточно будет отметить наиболее интересные: докторскую диссертацию и ряд статей З. А. Ахметова о казахском стихе, заслуживающих особого внимания как по своему высокому теоретическому уровню, так и по богатству и новизне конкретной информации и анализа[2]; книгу М. К. Хамраева о тюркском стихе вообще, в основном построенную на материале новоуйгурского языка, вызвавшую целый поток рецензий, советских и зарубежных, в большинстве своем очень положительных[3]; работу Г. М. Васильева о якутском стихосложении, менее широко отмеченную в печати, но заслуживающую серьезного внимания тюркологов, в особенности по вопросам равносложности, ударения и аллитерации, играющей в якутском стихе исключительно важную роль[4]; наконец, интересную статью

* Настоящий доклад напечатан ранее в виде двух статей с некоторыми редакционными отличиями от публикуемого здесь полного его текста (см.: В. М. Жирмунский, О некоторых проблемах теории тюркского народного стиха, — ВЯ, 1968, № 1; его же, Орхонские надписи — стихи или проза? — НАА, 1968, № 2). — *Прим. редколлегии.*

[1] См.: В. И. Асланов, Проблемы тюркоязычного стихосложения в отечественной литературе последних лет, — ВЯ, 1968, № 1, стр. 118—125.

[2] З. А. Ахметов, Казахское стихосложение, Алма-Ата, 1964; его же, Ритмика казахского стиха, — в кн.: «М. О. Ауэзову. Сборник статей к его шестидесятилетию», Алта-Ата, 1959, стр. 211—229; его же, Равенство слогов в казахском стихе (Об изменении слогового состава некоторых слов), — ВАН КазССР, 1959, № 1 (166), январь, стр. 27—37; его же, Рифма в казахской поэзии, — ИАН КазССР, серия филологии и искусствоведения, 1961, вып. 1 (17), стр. 1—19.

[3] М. К. Хамраев, Основы тюркского стихосложения (на материале уйгурской классической и современной поэзии), Алма-Ата, 1963; его же, Основы тюркского стихосложения, автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1964.

[4] Г. М. Васильев, Якутское стихосложение, Якутск, 1955.

А. М. Щербака, посвященную взаимоотношению аллитерации и рифмы в истории тюркского стиха [5].

2. Тюркский народный стих построен по принципу силлабическому, т. е. его структура определяется в основном числом слогов в стихе (по принятой в Средней Азии терминологии — *бармак,* в буквальном значении — счет «по пальцам»). Этим принципом он, как известно, отличается от стиха классической поэзии (*аруз*), основанного на чередовании количественном (долгих и кратких слогов) и представляющего своеобразное тюркское творческое переосмысление принципов арабско-персидской квантитативной метрики.

Другие определения тюркского стиха как «тонического», «тонико-метрического», «силлабо-тонического» или «силлабо-тонизированного», встречающиеся в некоторых исследованиях по тому или иному национальному стихосложению, не связаны с какими-либо специфическими особенностями этих стихосложений, но основаны на терминологических недоразумениях, на которых мы останавливаться не будем. Разъяснение требуется только в одном случае, связанном с именем польского тюрколога проф. Тадеуша Ковальского, автора выдающегося исследования, которое положило начало современному научному изучению тюркского стиха [6].

Многие советские авторы приписывают Т. Ковальскому определение тюркского народного стиха как «силлабо-тонического». Недоразумение это основано на незнакомстве с оригинальным польским текстом книги Ковальского, которая известна у нас главным образом в русском переложении А. Линина [7]. Ковальский действительно определяет тюркский стих термином «ritmika sylabiczno-przyciskowa» (во французском переводе самого автора «système accentuel-syllabique») [8]. Однако термин этот он применяет совсем не в том смысле, как это принято в настоящее время в советском стиховедении. В советской (русской) теории стиха под с и л л а б о-т о н и ч е с к и м принципом понимается, как известно, регулярное чередование в стихе ударных и неударных слогов, иными словами — чередование по стопам (ямбы, хореи, анапесты и т. д.), как в классическом русском стихе Ломоносова, Пушкина, Некрасова и др. Принцип силлабо-тонический противопоставляется принципу ч и с т о т о н и ч е с к о м у (счет по ударениям, с переменным

[5] А. М. Щ е р б а к, Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении, — НАА, 1961, № 2, стр. 142—153.

[6] T. K o w a l s k i, Ze studjów nad formą poezji ludów tureckich, I, Kraków, 1921 (резюме на франц. яз. — стр. 155—181).

[7] А. Л и н и н, К вопросам формального изучения поэзии турецких народов, — «Изв. вост. фак-та Азерб. гос. ун-та», 1926, т. I, стр. 150 и сл.

[8] T. K o w a l s k i, Ze studjów..., стр. 19 (резюме — стр. 158).

числом неударных слогов между ударениями), как в дольниках Блока или в акцентном стихе Маяковского, и принципу чисто силлабическому (счет по слогам без метрического учета числа и расположения ударений внутри стиха), как в стихосложении французском, итальянском или польском. Эта терминология впервые была введена в науку о стихе в русских работах начала двадцатых годов XX в.[9]. Ковальский, книга которого вышла в свет в 1922 г., этой терминологии несомненно не знал и не имел в виду того значения, которое термин «силлабо-тонический» (англ. syllable-stress verse) получил в настоящее время. До этого в русских учебниках по метрике стих Ломоносова и Пушкина назывался тоническим и противопоставлялся силлабическому (французскому, польскому) и метрическому (античному) — без учета различия между классической силлабо-тоникой ямбов и анапестов и чистой тоникой Блока и других, тогда еще неизвестной[10].

Поэтому, когда Ковальский говорит о тюркском «слогово-ударном стихе», он отнюдь не имеет в виду классическую русскую систему ямбов и анапестов, а только, по его собственному объяснению, сочетание в тюркском стихе двух тенденций: к счету слогов и к довольно свободной расстановке ударений («ces deux tendances doivent se combiner jusqu'à un certain point»)[11].

Существование силлабической метрики в языках разного типа (во французском, польском и ряде других) объясняют обычно отсутствием сильного динамического ударения и прикреплением его к определенному месту в слове (последний, предпоследний слог и др.). С этим связано отсутствие фонологической значимости ударения, однако не во всех языках: в итальянском языке, например, ударение имеет фонологическую значимость, и оно может стоять на любом слоге[12], хотя слова с ударением на предпоследнем численно преобладают (в прозе — до 80%). По-видимому, именно по этим причинам итальянский стих занимает как бы среднее положение между чисто силлабическим (французским) и силлабо-тоническим (германским, русским): короткие стихи в нем обычно имеют более или менее

---

[9] См.: В. Жирмунский, Поэзия Александра Блока, Пг., 1922, стр. 82—85; его же, Введение в метрику, Л., 1925, стр. 25—29 (в переводе на английский язык: V. Zhirmunsky, Introduction to Metrics, The Hague, 1956). Б. В. Томашевский употреблял термины «тоническое равносложное стихосложение» и «акцентный стих». См.: Б. Томашевский, Теория литературы, Л., 1925, стр. 105 и сл.

[10] Ср.: Н. Н. Шульговский, Теория и практика поэтического творчества. Технические начала стихосложения, СПб.—М., 1914.

[11] T. Kowalski, Ze studjów..., стр. 19—21 (резюме — стр. 158).

[12] Giuliano Bonfante, María Luísa Porzio Gernia, Cenni di fonetica e fonematica. Con particolare riguardo all'italiano, Torino, 1964, стр. 40.

регулярное («силлабо-тоническое») чередование ударных и неударных слогов [13], но и в длинных типах endecasyllabo чередования эти все же гораздо регулярнее, чем в соответствующем по слоговому объему французском десятисложнике [14].

В связи с этим З. Ахметов своевременно напомнил о дополнительном фонетическом признаке силлабической системы, который был выдвинут Валерием Брюсовым с учетом указанных особенностей итальянского языка и стиха [15]. Силлабическая система, по мнению Брюсова, «применяется в стихах, где все гласные произносятся с одинаковой отчетливостью и приблизительно в одинаковый промежуток времени (или с отличием незначительным)» [16]. Она «применима только в языках, где слоги (гласные звуки) произносятся отчетливо и где, следовательно, ухо может инстинктивно отмечать их количество в стихах. В языках, где отчетливо звучит только ударный слог в слове или даже в сочетании слов и слоги неударные произносятся неясно, как в языках английском и русском (можно добавить и в немецком. — *В. Ж.*), силлабическая метрика весьма неудобна...» [17]. З. Ахметов считает возможным применить это определение и к тюркской силлабике, с некоторыми оговорками, о которых будет сказано ниже.

Силлабическая система не исключает использования ударения, но не в качестве основы метрической структуры стиха, а в качестве нерегулярной ритмической каденции [18]. Так, в классическом французском александрийском стихе (двенадцатисложник с парными рифмами) метрически обязательными являются только ударения на последнем (двенадцатом) и на шестом слоге (перед цезурою); остальные ударения, в метрическом отношении необязательные, могут располагаться в границах шести слогов каждого полустишия через один или через два слова (каденции «ямбическая» и «анапестическая»). Ср. Расин «Федра» (рассказ Терамена):

4. Il suivait tout pensif || le chemin de Mycènes;
5. Sa main sur ses chevaux || laissait flotter les rênes;
6. Ses superbes coursiers, || qu'on voyait autrefois

---

[13] См.: Attilio Levy, Della versificazione italiana, — «Archivum Romanicum», 1930, vol. XIV, H. 4, стр. 468 и сл.; W. Th. Elwert, Italienische Metrik, München, 1968, стр. 48—78. Ср. также: Piergabriele Goidánich, Grammatica italiana ad uso delle scuole. Connozioni di metrica, Bologna, 1924, стр. 278.

[14] В. Жирмунский, Введение в метрику, стр. 87—88.

[15] З. Ахметов, Казахское стихосложение, стр. 44.

[16] В. Брюсов, Основы стиховедения, М., 1924, стр. 12.

[17] В. Брюсов, Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам, М., 1918, стр. 17.

[18] В. Жирмунский, Введение в метрику, стр. 75—77.

7. Pleins d'un(e) ardeur si nobl(e) || obéir à sa voix,
8. L'oeuil morne maintenant || et la tête baissée,
9. Semblaient se conformer || à sa triste pensée...

С точки зрения силлабо-тонической метрики в этих шести строках ст. 4 и 6 являются анапестами, ст. 5 — ямбом, ст. 7—8 и 9 представляют сочетания ямбов в первых с анапестами во вторых полустишиях. Таким образом, «ямбы» и «анапесты» совмещаются в одном размере и даже в рамках одного стиха, соответственно чему и число ударений бывает различно (2 или 3 в полустишии). Однако на самом деле это не ямбы и не анапесты, а только ритмические варианты («каденции») двенадцатисложного стиха (или шестисложного полустишия), поскольку регулярное чередование ударных и неударных слогов отсутствует. При этом решающим в ритмическом членении такого стиха является скорее всего даже не слабое и фонологически иррелевантное ударение, а расположение словоразделов (т. е. границ между словами или фразовыми группами).

Эти словоразделы, т. е. разные типы группировки слогов по словам или сочетаниям слов в рамках одинаковых по слоговому размеру стиховых рядов имеют существенное значение и для ритмического разнообразия тюркского стиха.

Согласно наблюдению Т. Ковальского[19], которое подтвердил и обосновал З. Ахметов на материале казахского короткого (7—8-сложного) народно-эпического стиха (*жыр*), постоянный характер в таком стихе имеет трехсложная клаузула (т. е. трехсложное слово или тесно связанная словесная группа в конце стиха)[20]. Ср. пример Ахметова (поэма «Қамбар-батыр»):

Күс етін беріп б а ғ а м ы н
Үйдегі екі к ә р і м д і.
Оған да назар с а л а м ы н,
Қабатыма а л а м ы н
Тоқсан үйлі т о б ы р м е н
Алпыс үйлі а р ғ ы н д ы... и т. д.[21].

Тот же тип клаузулы господствует и в киргизском «Манасе» — совпадение, указывающее на древность этой формы. Ср. в записи В. В. Радлова «Бок-Мурун»[22]:

---

[19] T. Kowalski, Ze studjów..., стр. 21 (резюме — стр. 158).

[20] З. Ахметов, Казахское стихосложение, стр. 57—58; его же, Ритмика казахского стиха, стр. 221—222.

[21] «Қамбар-батыр», под ред. М. О. Ауэзова и Н. С. Смирновой, Алма-Ата, 1959 (так на всем протяжении поэмы).

[22] В. В. Радлов, Образцы народной литературы северных тюркских племен, т. V, СПб., 1885, стр. 146, ст. 181—186.

3 Заказ 1296

Кӧкӧтӧі ӯлу Боқ Мурун
асыл јердäн ақырат,
чоролорун чақырат:
Бу ашты қандай тартамын?
атты қандай чабамып?
бу ақрäт јаіды утамын? и т. д.

При этом такие словесные группы, образующие трехсложную клаузулу эпического стиха, как тобыр мен, жар болса, ақ малта, ер Қамбар в казахских жырах («Қамбар-батыр»), или ер Манас, қабар бер, сен барсаң, чықты деіт и т. п. в «Манасе», могут быть сопоставлены с типологически сходными трехсложными («дактилическими») окончаниями русского былинного стиха, где двухударной метрической концовке Му́ромѐц, деся́точкѐм и т. п. эквивалентны словесные группы типа Ки́ев-гра̀д, раки́тов-ку̀ст, зелена́-вина̀, подня́ть-нельзя̀ и т. п.[23].
Разумеется, если в кратком эпическом стихе в семь — восемь слогов концовка в три слога фиксирована, то количество теоретически возможных слоговых группировок в остальной части стиха сравнительно ограничено (2+2, 3+1, 1+3, 3+2 и некоторые другие).

Значение для ритмики тюркского стиха расположения словоразделов (или, что то же самое, ударений в конце словесной группы) было отмечено уже В. В. Радловым[24] и с тех пор обращало на себя внимание всех исследователей[25]. Қазахские теоретики обозначают эти ритмические доли (колена) стиха термином *бунақ*[26]. Следует, однако, подчеркнуть, что, за исключением трехсложной клаузулы в жыре, употребление той или иной группировки слогов по ритмическим долям, или «коленам», не имеет регулярного характера и относится не к метрической структуре стиха, а к его ритмическим вариантам (каденциям). Поэтому во избежание довольно обычных недоразумений не следует называть такие ритмические доли стиха «стопами» в соответствии с традицией, также восходящей к В. В. Радлову. Неправильное отождествление ритмической доли стиха с силлабо-тоническими стопами нередко приводит ис-

[23] В. Жирмунский, Введение в метрику, стр. 243—244.
[24] W. W. Radloff, Über die Formen der gebundenen Rede bei den altaischen Tataren, — «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», 1866, Bd IV, стр. 85—114.
[25] Ср. в особенности очень полное изложение вопроса в автореферате докторской диссертации Кулана Рысалиева (Киргизское стихосложение, Фрунзе, 1965).
[26] З. Ахметов, Қазахское стихосложение, стр. 73.

следователей тюркского стиха к теоретически неправильным выводам. Стопы — не камешки различного объема, из которых составляются стихи; стопа в силлабо-тоническом стихе есть единица регулярной повторности, представляющая функцию закономерного ритмического движения (ср. ямб: Мой дя́дя са́мых че́стных пра́вил..., анапест: Уноси́ мое се́рдце в звеня́щую да́ль... и т. п.). Поэтому если краткий тюркский семи — восьмисложный стих может распадаться на ритмические доли по 2+2+3, или 3+2+3, или 2+3+3 слога (ямб+ямб+анапест или анапест+ +ямб+анапест и т. п.), то в таком стихе силлабического типа нет ни ямбов, ни анапестов, так как нет единиц регулярной повторности, позволяющих говорить о стопах.

Иногда в подобных случаях утверждают, будто аналогией такого иррегулярного чередования разных стоп в стихе могут служить так называемые «логаэдические размеры» античной метрики[27]. Однако в разностопных «логаэдах» мы всегда имеем дело с регулярным чередованием разных стоп, повторяющимся по известной модели из стиха в стих (как в асклепиадовых стихах) или из строфы в строфу (как в сапфических строфах). К стиху, основанному на принципе равносложности, в котором отсутствует подобная регулярность в расположении ударений, термин «логаэдический» неприменим, как и счет по стопам вообще: он является стихом силлабическим, а не силлабо-тоническим.

3. Вопрос о слоговом равенстве («изосиллабизме») в тюркском народном стихе также требует уточнения.

З. Ахметов систематизировал ряд случаев видимой неравносложности, объясняемых фонетически факультативной элизией слабых (сверхкратких) слогов и явлением зияния. Приведем его примеры для семисложного стиха (жыра)[28]:

1) Элизия в зиянии (при столкновении гласных). Ср. қызд(ы) ос(ы) елге берелік... («Қозы-Көрпеш»). Такая элизия обычна в случаях, когда словосочетание образует грамматическое целое:

Не қыларым біл(а)-алмай,
Өлейін десем өл(е)-алмай,
Өз жанымды қый(а)-алмай...

(«Алпамыс»)

Однако возможны случаи, требующие с точки зрения принципа равносложности сохранения гласного в зиянии. Ср. «Алпа-

[27] Ср., например: И. В. Стеблева, Поэзия орхоно-енисейских тюрок, — НАА, 1963, № 1, стр. 156.

[28] З. Ахметов, Равенство слогов в казахском стихе, стр. 27—37.

мыс»: ұйқы алып денесін...; «Кобланды»: Басқа әйел болғанда и др.

2) Отпадение слабого неударного начального гласного (ы, і) перед р, л. «Алпамыс»: Құйрықтан алып (ы)лақтырды; «Кыз-Жибек»: (ы)расыңды айтшы, Жібек-жан и др. Однако возможны дублеты в зависимости от общего числа слогов в стихе: лақтыру — ылақтыру, лайық — ылайық, рахат — ырахат и др.

3) Выпадение слабого неударного гласного (сверхкраткого і, ы) внутри слова. «Камбар-батыр»: Мақтаун естіп білгелі. Однако и здесь может быть использован полный фонетический вариант, соответствующий требуемому числу слогов. Ср. «Алпамыс»: Алпамысты есітіп. Следовательно, возможны факультативные дублетные формы: есітіп — естіп, ашына — ашна, адыра — адра, топырақ — топрақ, тәңірі — тәңрі и ряд других. (Вопроса о том, какая из этих форм является с диахронической точки зрения исходной или основной, мы, как и автор статьи, не касаемся.)

Более принципиальное значение, чем эти наблюдения над использованием фонетических вариантов слова, имеет то обстоятельство, что устный народный силлабический стих, в частности стих эпический, никогда не достигает полной равносложности: изосиллабизм в таком стихе обычно имеет лишь приблизительный характер. Короткий эпический стих (*жыр*) в своих наиболее регулярных формах является стихом семи- или восьмисложным. Қ. Рысалиев (как до него и Т. Ковальский) справедливо рассматривает «семи — восьмисложный размер» как «единую стиховую форму» [29]. По-видимому, явление это связано с приблизительным характером восприятия изосиллабизма вообще. Но в эпическом жыре можно наблюдать и еще более короткие, как и более длинные стихи (в 9—10—11 слогов), и чем архаичнее стих, тем он менее равносложен. В «Манасе» значительные отклонения от принципа равносложности встречаются, например, гораздо чаще, чем в казахских исторических «былинах». Ср. в записи В. Радлова («Бок-Мурун», стр. 607—612):

Бәқ Мурундаі төрөнүн (7)
кӧнӱ чӧгӧт болбоібу? (7)
барсын қоңур салқын кӱс-мінäн (9)
keicін чымын учқан ала чалбыр јас-мінäн, (13)
јақшысы keicін терiлiп, (8)
јаманы қалсын терiгiп... (8)

[29] Қ. Рысалиев, Киргизское стихосложение, стр. 45.

При этом, однако, концовка всюду остается трехсложной, подчеркивая метрическое единство и сопоставимость стихов.

Неполная равносложность характерна и у других народов для ранних ступеней развития силлабического стиха (в особенности устного народного, в частности эпического): для французского, испанского, старопольского [30] и др. Р. Менендес Пидаль, уделивший этому вопросу специальное внимание, считает неравносложный стих староиспанской «Песни о Сиде» свидетельством этой древнейшей французской и испанской эпической традиции [31]. Отметим в этой связи, что и классическая итальянская поэзия, с ее условной элизией гласных в зиянии, фактически является лишь приблизительно-равносложной. Ср. сонет Петрарки: Voi ch'ascoltate‿in rime sparse‿il suono... То же относится и к французской поэзии с установившейся в современном произношении (даже в приподнятой театральной декламации классических трагедий) широкой факультативностью реализации «немого *e*» (*e* muet) на конце слова [32] — явление, в значительной степени подготовившее развитие французского «верлибризма» («свободного стиха»).

По отношению к устной поэзии тюркских народов вопрос этот требует также не только фонетического, но и исторического освещения. Как известно, существуют два типа тюркского эпического стиха: короткий — в 7—8 и длинный — в 11 (10—12) слогов (у казахов: *жыр* и *өлен*), различаемые, по крайней мере частично, по жанровым функциям. Ф. Е. Корш высказал мнение, что длинный стих — более позднего происхождения и развился из короткого путем удвоения его первой (четырехсложной) части (по типу: 4+3>4+4+3) [33]. Объяснение это имеет, разумеется, чисто умозрительный характер, что не снимает вопроса об относительной древности обоих типов в эпической поэзии.

Действительно, в казахском эпосе в качестве героического

---

[30] См.: M. Dłuska, Sylabizm, — «Sylabizm», red. Z. Kopszyńskjej i M. R. Mayenowej, Warszawa, 1956, стр. 28.

[31] R. Menendez Pidal, Poesia juglaresca y origines de las literaturas romanicas, éd. 6, Madrid, 1957, стр. 164, 374—376; его же, La Chanson de Roland et la tradition épique des Francs, éd. 2, Paris, 1960, стр. 471—473; Рамон Менендес Пидаль, Стихотворные особенности поэм в Испании и во Франции, — Избранные произведения, М., 1961, стр. 152—158.

[32] Согласно экспериментальным исследованиям Жоржа Лота (которые некоторыми оспариваются), французский классический александрийский стих имеет в чтении фактически от 9 до 14 слогов (в том числе в исполнении таких мастеров, как Коклен и Сара Бернар). См.: George Lote, L'Alexandrin d'après la phonétique expérimentale, éd. 2, Paris, 1913. Ср. еще: Jeanne Varney Pleasants, Études sur l'e muet. Timbre, durée, intensité, hauteur musicale, Paris, 1956.

[33] Ф. Корш, Древнейший народный стих турецких племен, — ЗВОРАО, СПб., 1909, т. IX, вып. 1, стр. 152—155, 162.

стиха употребляется короткий семи — восьмисложный жыр: длинным стихом пользуются хотя относительно древние, но типологически более поздние семейно-бытовые поэмы («Козы-Көрпеш», «Кыз-Жибек»), а также немногие модернизированные в стилистическом отношении редакции героического эпоса[34]. Всецело господствует одиннадцатисложный стих в строфических по своей форме образцах книжного эпоса («кисса»), как, например, «Хемра» или «Сейпуль-Мелик» в записях В. В. Радлова[35]. Здесь, однако, не исключается возможность влияния арабско-персидских образцов[36]. В архаическом по содержанию и стиховой форме «Манасе», как и в большинстве произведений киргизского «малого эпоса», употребляется короткий стих. В узбекском «Алпамыше» Фазыла Юлдашева господствует одиннадцатисложник, но форму короткого стиха сохранили картины скачки героя через степь, изображения боев и некоторые другие традиционные по содержанию и манере отрывки, что позволяет заключить об исконном и более древнем характере этой формы.

Однако рассмотрение наиболее архаических типов тюркского эпического стиха в богатырских сказках народов Южной Сибири и в средневековых записях огузского героического эпоса в «Книге моего деда Коркута» («Китаби дедем Коркут», XV—XVI вв.) подсказывает мысль, не явились ли оба типа тюркского эпического стиха нашего времени, короткий и длинный, результатом более поздней дифференциации древнего стиха с более широким диапазоном колебаний в числе слогов, причем в процессе этой дифференциации *жыр* стал по преимуществу формой героического эпоса, а *өлен* — лирических четверостиший и находящейся под их влиянием семейно-бытовой эпической повести любовного содержания (так по крайней мере в казахской народно-поэтической традиции).

4. В специальной работе, посвященной древнетюркскому эпическому стиху[37], я попытался показать, что основой ритмиза-

---

[34] Ср. в сб. «Батырлар жыры», т. II, ред. М. Т. Гумаровой, Алма-Ата, 1961: поэмы «Арқалық-батыр» (запись 1958 г.), частично «Доган-батыр» (издавался с 1903 по 1915 г. несколько раз как «кисса»); отдельные пассажи «Қамбар-батыра» в версии А. Диваева, и др.

[35] В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен Южной Сибири, т. III, СПб., 1870.

[36] Ср. замечание Т. Ковальского в кн.: «Ze studjów...», стр. 22—24 (резюме — стр. 158—159).

[37] В. Жирмунский, Ритмико-синтаксический параллелизм как основа древнетюркского народного эпического стиха, — ВЯ, 1964, № 4, стр. 3—24 (то же на нем. яз.: V. Schirmunski, Syntaktischer Parallelismus und rythmische Bindung im alttürkischen epischen Vers, — «Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturgeschichte. Festschrift für W. Steinitz», Berlin, 1965, стр. 387—401). См. также: В. Жирмунский, Огузский героический эпос и «Книга Коркута», — в кн.: «Книга моего деда Коркута. Огузский

ции устного народного эпического стиха служил первоначально не принцип изосиллабизма, а ритмико-синтаксический параллелизм при относительно свободном счете слогов. Выводы эти опираются на сопоставление стиховой формы богатырских сказок тюркских народов Южной и Восточной Сибири (алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев, якутов) со стихотворными партиями «Книги Коркута», выделенными в тексте с помощью технического термина с о й л а м а қ 'говорить стихами', 'петь' (с о й с о й л а м а қ «спеть песню»).

В отношении «Книги Коркута» необходима оговорка. Можно было бы высказать предположение, что неравносложность стихотворных партий является здесь результатом позднейшего искажения устного текста, его прозаического письменного переложения. Однако сопоставление ряда фактов заставляет думать, что составитель книги относился к воспроизводимому им устному эпическому тексту как к священному «преданию отцов» и в основном правильно передал особенности его поэтической формы, полностью укладывающиеся в реконструированную нами общую картину развития дневнетюркского эпического стиха [38].

Ритмико-синтаксический параллелизм лежит в основе стиховой формы у многих народов (финно-угорских, монгольских и тунгусо-маньчжурских, в древнесемитической поэзии, например parallelismus membromum ветхозаветных псалмов и др.). Повсеместно распространены народные четверостишия, универсальный жанр, построенный на открытом А. Н. Веселовским «психологическом параллелизме» между явлениями природы и душевными переживаниями человека или событиями его жизни [39]. В сравнительно-типологической и генетической перспективе это древнейший жанр любовной лирики вообще. Из собрания Веселовского, содержащего большое число образцов современного фольклора романских, германских, славянских, балтийских и ряда восточных народов, ограничимся следующими примерами:

1) Зеленая березонька,
Чему бела, не зелена?

героический эпос». Пер. В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов, М.—Л., 1962, стр. 243—247.

[38] См.: В. Ж и р м у н с к и й, Огузский героический эпос и «Книга Коркута», стр. 255.

[39] См.: А. В е с е л о в с к и й, Психологический параллелизм и его формы в отражении поэтического стиля, СПб., 1898, стр. 10 (то же в кн.: А. Н. В е с е л о в с к и й, Историческая поэтика, Л., 1940, стр. 134—144). Ср. также: Th. F r i n g s, Die Anfänge der europäischen Liebesdichtung im 11. und 12. Jahrhundert, München, 1960 («Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», Philosoph.-hist. Kl., Jg. 1960, 2), стр. 6.

Красна дзевочка,
Чему смутна, не весела?
2) Ой, тонкая хмелиночка
На тин повилася,
Молодая дівчинонька
В козака вдалася.
3) Франц.:
Quant on veut cueillir les roses,
Il faut attendre le printemps,
Quant on veut aimer les filles,
Il faut qu'elles aient seize ans и др.

Сравнение обширного материала таких примеров показывает, что в зависимости от степени последовательности параллелизма появляется приблизительная равносложность синтаксических рядов, не исключающая отдельных отклонений (например, 1, 1—3). С другой стороны, от характера языка (особенностей морфологического строя и акцентуации) зависит наличие или отсутствие в конце стиха более или менее полных рифмовых созвучий (березонька: дзевочка; зелена: весела; хмелиночка: дівчинонька), иногда даже точных рифм, основанных на морфологическом параллелизме (повилася: вдалася), а иногда и подсказанных влиянием одновременно существующей песни литературного происхождения (printemps: ans).

Особенностью тюркских (агглютинирующих) языков (по сравнению, например, с русским, французским или с языком ветхозаветных псалмов) является то, что такого рода ритмико-синтаксический параллелизм неизбежно порождает грамматическую рифму (созвучность тождественных конечных аффиксов). Чем ближе лексический и грамматический параллелизм между двумя строками, тем неизбежнее рифма. Если, как это часто бывает в тюркском эпосе, стих состоит из трех ритмических групп, синтаксически параллельных (например: именное определение + существительное-подлежащее + глагольное сказуемое, или существительное-подлежащее + именное дополнение + + глагольное сказуемое и т. п.), то результатом параллелизма будут три грамматические рифмы, начальная, срединная и конечная. Конечная рифма при этом так же мало обязательна, как две другие, но она легче всего может стать нормой, так как она маркирует конец смыслового и фонетического ряда.

Явление это исследовал Т. Ковальский на примере четверостиший, организованных, как он это называет, по принципу «дихотомической структуры» (двучленности) [40]. Жанр этот ши-

[40] T. Kowalski, Ze studjów..., стр. 40—52 (резюме — стр. 163—165).

роко представлен у всех тюркоязычных народов[41]. Только в шестом разделе своей книги Ковальский касается стиха эпического — на материале богатырских сказок приалтайских народов[42]. При этом он пытается и в эпосе найти «дихотомическое» членение, выделить четверостишия и двустишия, объединенные двучленным параллелизмом наподобие лирических строф. В этой своей части положения Ковальского не могут быть признаны правильными. Как я пытался показать, изначальной структурной формой древнетюркского народного эпического стиха является не двучленная строфа, а то, что я назвал эпической *тирадой* (или строфемой), т. е. цепочка стихов неопределенной длины, объединенная параллелизмом (отнюдь не обязательно двучленным, часто многочленным) и, в результате этого параллелизма, одинаковыми созвучиями в конце параллельных ритмических отрезков стиха. Тирада является общей структурной формой эпоса у тюркских народов Южной Сибири, в стихотворных партиях средневекового огузского эпоса «Китаби Коркут», в киргизском «Манасе», казахских жырах, в узбекском «Алпамыше» и в других произведениях героического эпоса тюркоязычных народов. Такие цепочки стихов соответствуют вообще поступательному движению эпического рассказа у многих народов: мы находим их в гекзаметрах гомеровского эпоса (со строгой метрической формой, но без рифмы), в эпосе древних германских народов (в соединении с аллитерацией), в русских былинах (с элементами параллелизма и эмбриональной грамматической рифмой)[43], в стихах французского и испанского героического эпоса (равносложных или близких к равносложным, объединенных сквозными ассонансами конечных гласных — «laisses monorimes»), и т. д. Особенности языка и поэтической традиции определяют специфические национальные различия этой структурной формы эпического повествования.

5. *Рифма* в тюркском эпосе, как и в лирических четверостишиях, является непроизвольным результатом грамматического параллелизма окончаний и может в принципе стоять в разных местах стиха (*начальная*, *срединная*, *конечная*); первоначально она вообще не имеет обязательного и регулярного характера, лишь постепенно приобретая самостоятельное композиционное значение в конечной позиции.

---

[41] Многочисленные примеры см. в «Образцах» В. В. Радлова, которые были главным источником для Ковальского, а также в других фольклорных изданиях. Ср. анализ тюркского материала в цитированной выше статье автора, «Ритмико-синтаксический параллелизм...», стр. 3—6.

[42] T. Kowalski, Ze studjów..., стр. 129—151 (резюме — стр. 177—181): Rozdzial Vé. Poezja turków z okolic Altaju (по записям В. Радлова в т. I «Образцов»).

[43] См.: В. Жирмунский, Рифма, ее история и теория, Пг., 1923, стр. 263—296.

Поскольку в основе этой грамматической рифмы лежит тождество аффиксов, она может в соответствии с особенностями тюркских языков объединять фонетически (и фонологически) разные гласные, связанные между собою сингармоническими отношениями; при сингармонизме палатальном: а—ä, ы—и, о—ö, у—ӱ, при сингармонизме лабиальном (например, в киргизском языке): а—о, е—ö, і—ӱ и некоторые другие. Ср., например, в киргизском «Манасе» («Бок-Мурун», по записи В. Радлова, стр. 160 и сл.): іні**сі** : бала**сы**; беріп**тір** : қалып**тыр**; тасман**даі** : кетмäн**дäі**; кеі**гäндä** : аі**тқанда** : чық**қанда**; или кет**пäгäн** : öт**пöгöн**; тöкӱ**тӱп** : салды**рып**; екä**ндä** : мінгä**ндä** : јӱргöн**дö**; салып**тыр** : болуп**тур** : бӱтӱп**тӱр** : қалып**тыр** : кетіп**тір** и др.; в казахском «Камбаре» (стр. 14 и сл.): женел**ді** : боял**ды**; қандыр**ып** : секірт**іп** : ырғыт**ып** : кергіт**іп** : ұркіт**іп**; таңын**дай** : кöзін**дей** : безін**дей** и др.; ср. также в турецкой версии «Кёроглы» (строфическая форма): Eren**ler** : yol**lar**; iši**ni** : baši**nï**, saldïr**ïr** : doldur**ur** : öldür**ür** и др.[44].

Такую рифму с фонетической точки зрения можно назвать, пользуясь русской терминологией, «приблизительной». С точки зрения функциональной это будет рифма «фономорфологическая». Ближайшей аналогией к ней является традиционно принятое в русском стихе сочетание в рифме парных фонем и:ы под ударением. Ср. заб**ы**ли : люб**и**ли, заб**ы**т : уб**и**т (но также и без грамматического параллелизма — мог**и**ла : заб**ы**ла, люб**и**м : д**ы**м и др.)[45].

Впрочем, русский термин «приблизительная рифма» был бы неправильным в применении к тюркскому народному стиху, если считать такую приблизительную рифму «бедной», не учитывая ее объема в целом[46]. В русском и западном литературном стихе, в особенности классическом, под рифмой традиционно понимают совпадение звуков в стихе начиная с последнего ударного гласного, в соответствии с чем рифмы могут быть мужские (в**оз** : р**оз**), женские (р**уки** : зв**уки**) или дактилические (назн**аченный** : схв**аченный**). С этой европейской точки зрения в тюркских стихах, где ударение нормальным образом лежит на последнем слоге, рифмы бывают только мужские. Следовательно, в цепочках стихов, объединенных аффиксом *-ді/-ды* или *-іп/-ып*, совпадения подобных аффиксов на конце стихотворных строчек было бы, при всей «бедности» созвучия, вполне д о с т а т о ч н о (с европейской точки зрения) для точной рифмы. Подобные случаи действительно встречаются, например: іні**сі** : бала**сы**, тöкӱ**тӱп** : салды**рып** в приведенных примерах («Манас»), но они крайне

---

[44] R i z a M o l l o f, Köroğlu, Sofya, 1957, стр. 36 и сл. (записано у турок в Болгарии).

[45] См.: В. Ж и р м у н с к и й, Рифма, стр. 131—133.

[46] См.: В. А х м е т о в, Казахское стихосложение, стр. 131—140; е г о ж е, Рифма в казахской поэзии, стр. 9—17.

редки. Поскольку, с одной стороны, ударение (тонический принцип) не играет в тюркском стихе определяющей роли, а с другой — рифма в народном стихе является результатом параллелизма, наблюдается общая тенденция к расширенной рифме, к тому, чтобы рифмовать не только последний («ударный») слог, а два или три слога, т. е. не один аффикс, а целую одинаковую группу аффиксов, в пределе — все последнее трехсложное слово (клаузулу). Такая рифма по принятой в русской метрике терминологии является глубокой, хотя при этом в разной степени точной (сингармоническое варьирование гласных+различия в согласных). Ср., например: мін+**гäн**+**дä** : јÿр+**гöн**+**дö**, бер+**іп**+**тір** : қал+**ып**+**тыр** («Манас»); таң+**ын**+**дай** : кöз+**ін**+**дей** («Камбар»); с захватом корневого элемента: **кет**+**пä**+**гäн** : **öт**+**пö**+**гöн**; **тер**+**іл**+**іп** : **тер**+**іг**+**іп** («Манас»); к**öз**+**ін**+**дей** : **без**+**ін**+**дей** («Камбар») и др.

Как типологическую аналогию такому расширению рифмового созвучия в рамках клаузулы (обычно трехсложной) можно привести развитие эмбриональной рифмы в русских былинах. Механизм этого развития в обоих случаях одинаковый и подсказывается принципом параллелизма. Учитывая двухударный характер «дактилической» (в редких случаях «гипердактилической») клаузулы в русском былинном стихе (Молодóй Вольгá|| Святослáвговѝч...), можно считать и здесь достаточным (с точки зрения требований к «мужской» рифме классической поэзии) тождество последнего ударного гласного: Мýромлѝ : Карачáровà, мóлодцỳ : богáтырю̀. Но обычно смысловой и ритмико-синтаксический параллелизм ведет к дальнейшему расширению созвучной части концовки. Ср. рифмы двусложные: заколóделà : замурáвелà, хлеба кýшатѝ : пообéдатѝ; с захватом опорной согласной-обручáласѝ : поклонѝласѝ. Трехсложная рифма становится точной в обычном смысле — кýшаю̀ : слýшаю̀, богáтаѝ : проклѝтаѝ. Но обширный размер русских слов допускает и четырехсложную рифму, выходящую за границу клаузулы, обычно с одинаковым префиксом в рифмующих словах (морфологический параллелизм), но с звуковыми отклонениями внутри слова, как в соответствующих тюркских примерах: призадýмалàсь : призаслýхалàсь, перескáкивàл : перемáхивàл, придвéрничкѝ : приворóтничкѝ [47].

6. При полном тождестве рифмующих между собою стиховых концовок (или соответствующих ритмических отрезков стиха) рифма обращается в лексический повтор.

Ритмико-синтаксический параллелизм как принцип композиционной структуры допускает словесное повторение, как эквива-

---

[47] Глубокие рифмы, частично неточные, характерное явление новейшей поэзии. Наиболее известный пример в русской поэзии — стихотворения В. Маяковского.

лент рифмы, слов, одинаковых по своей синтаксической функции и морфологической структуре (например, по уже указанному типу: именное определение + существительное-подлежащее + глагольное сказуемое). При этом чем архаичнее поэтический стиль, тем чаще в нем такие повторения. Рифма представляет как бы частный случай повторения и, вероятно, развилась из повторения. Соответственно этому и в качестве стиховой клаузулы повторения (вместо рифм) в таком архаическом стиле очень обычны. См., например, отрывок из шорской богатырской сказки «Кан-Кес», цитированный ранее [48]:

Ст. 9 ...aq mał *turğan*
...белый скот *стоял*
ст. 12 ...*altïn* örge *turğan*
...*золотой* дворец *стоял*
ст. 14 ...*altïn* šärčïn *turğan*
...*золотая* коновязь *стояла*
ст. 16 ...čegren ot *turğan*
...игреневый конь *стоял*...

Очень часто такие повторения служат концовками в «Манасе», чередуясь с грамматическими рифмами или со стихами без конечной рифмы. Ср. «Рождение Манаса» в записи В. Радлова [49], ст. 23—38 (стиховые клаузулы):

Ст. 23... ј а р *болсо*! 24... қурсағына, 25... б а р *болсо*! 26... б ӯ д у р с а м! 27... т ӯ д у р с а м! 28... *кӧк* кӧпӱч, 29... *јегӓндӓі*, 30... *кӧк* чапан... 31 *јегӓндӓі*, 32... тешiк там, 33... *јегӓндӓі*, 34... қӯ наіза, 35... *јегӓндӓі*, 36... қ о і б о ғ о н, 37... т о і б о ғ о н, 38... *јегӓндӓі* (грамматические рифмы — ст. 26 : 27, 36 : 37; повторения с предшествующей рифмой — ст. 23 : 25; повторение всей клаузулы — ст. 29, 31, 33, 38; синтаксический параллелизм с повторением первой части клаузулы — ст. 28, 30; без повторения — ст. 32; повторения выделены *курсивом*, рифмы — р а з р я д к о й).

Среди этого разнообразия нерегулярных типов параллелизма, повторений и рифм в конце стихового ряда часто встречаются повторения некоторых в широком смысле служебных слов — глаголов, наречий, послелогов, — образующих вместе с предшествующим значащим словом, которое обычно (но не всегда) рифмуется, составную стиховую клаузулу. Ср. в приведенном примере из «Манаса»: ј а р *болсо* 'другом будь' : б а р *болсо* 'здоровым будь'. Часто в таком положении стоят формы глаго-

---

[48] В. Жирмунский, Ритмико-синтаксический параллелизм, стр. 19—20.
[49] «Манастын туганы», — В. Радлов, Образцы, т. V, стр. 2, 23—28.

ла «быть»: *болған*, *болды* 'был', *болса* 'был бы' и т. п.; другие вспомогательные глаголы: *эді*, *экăн*, *тур*, *келді*, *алып* и т. д.; *бар* 'имеется', *јоқ* (*жоқ*) 'нет' ('не имеется'), *соң* 'после', *мінăн* (*білăн*) 'вместе' и ряд других. Ср. казах.: бай *болған* 'баем был': қан *болған* 'ханом был' (без рифмы), но также с рифмой — бай *болған*:сай *болған* 'скот (у него) был'; кісі *жоқ* 'человека нет':ісі *жоқ* 'дела нет' (ср. кирг. «Манас»: чөрө *јоқ* 'соратника нет':төрө *јоқ* 'родича нет'); жасы *бар* 'возраст его был':басы *бар* 'голова его была'; білген *соң* '(когда) узнал после': көрген *соң* '(когда) увидел после' и т. д. Особенно часто в такой позиции употребляется глагол *деп* 'сказав', 'подумав', *деді*, *деіт* 'сказал', 'подумал', объединяющий целые цепочки стихов (речь героя или внутренний монолог). См. «Камбар», ст. 879—894 (стр. 31—32):

Ақтөс тазы мен, — *дейді*,
Белогрудая гончая — я, — *молвил*,
Қара төбет сен,— *дейді*,
Черный пес — ты, — *молвил*,
Таласқаның қыз,— *дейді*,
Оспариваешь девушку, — *молвил*,
Он мың лəшкер палуанға
Против десяти тысяч силачей-воинов
Бола алмассың тең,— *дейді*,
Не выстоишь ты,— *молвил*,
Ақ суңқар құс мен,— *дейді*,
Белый сокол — я,— *молвил*,
Құладын құс сен,— *дейді*...
Сизый ястреб — ты, — *молвил*... и т. д. (12).

Можно обозначить составную рифму такого рода, состоящую из повторяющегося второго слова и рифмующего первого, термином классической арабско-персидской поэзии *редиф*. Однако мы имеем дело в тюркской народной поэзии с явлением автохтонным, развившимся спонтанно из того же общего принципа параллелизма и повторения. По сравнению с классическим редифом такая составная рифма в устной поэзии тюркских народов ограничена традиционным, относительно узким кругом «служебных» слов. То обстоятельство, что одни и те же слова употребляются в одинаковой функции в эпическом стихе всех тюркских народов, выработавших метрическую форму жыра и трехсложное окончание (киргизов, казахов, каракалпаков, узбеков), заставляет считать это явление относительно древним, вероятно общим наследием этих народов. В более позднем романическом эпосе и народных романах редиф имеет совсем иной характер, подсказывающий мысль о его литера-

турном происхождении. Ср., например, в сочетании со строфической формой и одиннадцатисложным стихом в лирических партиях (песнях) героев в «Равшане» узбекского сказителя Эргаша Джуманбулбул-оглы, одном из наиболее поздних и стилистически «украшенных» дастанов цикла «Кёроглу»:

Баримизни кўриб *ётир бир йигит.*
Всех нас видит *один джигит.*
Қолин гулга кириб *ётир бир йигит.*
В густых цветах спрятался *один джигит.*
Бир одам ётибди боғнинг ичида,
Какой-то человек расположился в саду,
Гулларингдан териб *ётир бир йигит.*
Цветы твои срывает *один джигит*[50].

7. Наличие словесных повторов в общих рамках ритмико-синтаксического параллелизма объясняет, по-видимому, и происхождение аллитерации, которая, как известно, является одним из отличительных признаков древнетюркского народного стиха, в частности эпического. Аллитерация может быть по своему расположению «вертикальной» или «горизонтальной»: она объединяет ряд последовательных стихов (в таких случаях чаще всего, но не всегда, она имеет анафорический характер начальной рифмы) либо связывает между собою слова внутри стиха. Оба принципа нередко перекрещиваются. От аллитерации германской тюркская (как и монгольская) отличается своим нерегулярным характером. В древнегерманском акцентном стихе, имеющем четыре сильных ударения, по два на каждое полустишие, аллитерация обязательна: она связывает первое ударение второго полустишия с одним или обоими первого. Ср. «Песнь о Хильдебранте» (VIII в.):

Híltibrant enti **H**ádubrant || untar **h**érium twêm
Хильдебрант и Хадубрант || между двух дружин
Súnufàtarungo || iro **s**áro ríhtun...
Сын с отцом || свои панцири изготовили.

В тюркском и монгольском стихе аллитерация, даже массовидная, не прикреплена к определенному месту стиха и, следовательно, столь же необязательна, как и рифма.

Аллитерация развивается из повторения слов на параллельных местах стиха, как это особенно очевидно в анафорической позиции, причем повторение может быть либо полным, либо с

[50] Эргаш Джуманбулбул-оглы, Равшан, ред. и предисл. Х. Зарифова, Ташкент, 1941, стр. 89.

вариацией грамматической формы слова (так называемая figura etymologica, широко распространенная в архаическом стихе у многих народов как прием подхватывания с вариацией)[51]. Это положение подтверждается следующими двумя обстоятельствами: 1) начальная аллитерация нередко чередуется с повторениями на параллельных местах стиха (как и рифма); широко распространена, как в этой позиции, так и при горизонтальной аллитерации «этимологическая фигура»; 2) аллитерирует обычно не только начальный согласный слова (как в германском стихе), но также последующий гласный или более обширная группа согласных в пределах начального слога или слова — явление, в известной мере аналогичное «глубоким» рифмам в конце стиха, охватывающим конечное слово (клаузулу).

Связь между словесными повторениями и аллитерацией могут иллюстрировать следующие примеры.

Традиционный зачин шорской богатырской сказки «Кан-Мерген» (ст. 1—9)[52]:

*Purun, purun poł*ğan *poł*tur — (8)
Давным-давно это было —
amdyğynyŋ a ł y n d a (7)
Нынешнего прежде,
*purun*ğunuŋ s ō n d a, (6)
Бывшего после,
q a ł a q - p a *čer* p ö l ü p, (6)
Мешалкой земля разделена была когда,
q a m y š - p a suğ *pöl*er *šende*, (8)
Ковшом вода разделена была когда,
čer p ü d ü š ü p, (4)
Земля нагромоздилась когда,
*čer*sil qabəšar *šende*, (7)
Сквозь землю влага пробивалась когда,
čer čyrtyła ağaš ösčatqan šende, (11)
Земля разрывалась, дерево вырастало когда,
ağaš čyrtəła pür *ösčatqan šende* (11)
Дерево расщеплялось, лист вырастал когда...

Повторяются *purun* (2), с этимологической вариацией *purun*ğunuŋ; *poł-* с вариациями: *poł*gan, *poł*tur; *pöl*üp, *pöl*er; *čer* (3) с вар. *čer*sil, *čyrtyła* (2); *ağaš* (2); *ösčatqan* (2); *šende* (4). Встре-

[51] О стилистической роли «этимологической фигуры» в устной поэзии угро-финских народов см.: W. Steinitz, Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen, T. 2, Stockholm, 1941, стр. 41—46.

[52] «Шорский фольклор», под ред. Н. П. Дыренковой, М.—Л., 1940, стр. 80—83, № 12.

чаются нерегулярные грамматические рифмы: внешние—**alynda**: **sōnda**: **šende**; **pölüp**: **püdüsüp**; внутренние—**qałaq-pa**: **qamyš-pa**. Аллитерируют **p-**, **qa-**, **č-**, **a-**.

2) Отрывок из «Манаса» («Приход Алмамбета», в записи В. Радлова, ст. 47—54):

Тарс эткӓн-мiнӓн бiр атқан,
Со звоном (из луков) стреляя,
*тарс*ылдатып қол jӯрсӯн!
Звеня войско пусть выступит!
кӯрс эткӓн-мiнӓн бiр атқан,
С криком (из луков) стреляя,
*кӯрс*ӯлдӧтӯп *el* кӧшсӯн!
Крича народ пусть двинется!
қызыл чоқтӯ Оiроттун
Красно-огненных Ойротов
el четiнӓ баралы!
В пределы народа пусть мы двинемся!
*til*дi қармап алалы,
Языка (лазутчика) пусть мы захватим,
*til*дӓн *til*iн сурайлы!
От лазутчика слово (язык) пусть спросим!

В этом примере рядом с обычными повторениями на параллельных местах и более обильными конечными рифмами наличествует большое число этимологических вариаций: *тарс*—*тарс*ылдатып, *кӯрс*—*кӯрс*ӯлдӧтӯп, *til*дi—*til*дӓн—*til*iн.

Таким образом, с точки зрения как генетической, так и функциональной звуковой повтор (аллитерация или рифма) может рассматриваться как эквивалент или замена (рудимент) словесного повторения.

8. Объяснение широкого развития, которое принцип аллитерации получил в тюркском стихосложении, в особенности в его архаических формах, представляет известные трудности.

Обычно аллитерация закрепляется как структурный элемент стиха в языках, где ударение падает на первый слог, т. е. где этот слог является фонетически сильным (в языках германских, древнеирландском, пралатинском, финских, монгольских). Если же сильное словесное ударение стоит внутри слова, то с первым слогом в динамическом отношении конкурирует ударный внутренний слог. Это обстоятельство препятствует, например, систематическому использованию аллитерации в русском стихе. Об этом наглядно свидетельствуют неудачные опыты К. Бальмонта:

Ве́чер. Взмо́рье. Вздо́хи ве́тра.
Велича́вый во́зглас во́лн...

Чтобы аллитерировали согласные в первом слоге, на который падало бы ударение, поэту пришлось написать стихотворение хореями, механически разрубленными по стопам словоразделами перед каждым ударным слогом. Многосложное слово величáвый при этом выпало из звуковой системы: по идее поэта оно должно аллитерировать на *в-*, между тем на самом деле стоящее внутри слова перед ударением *-ч-* является более сильным.

Высказывалось мнение (в числе других — таким авторитетнейшим алтаистом, как акад. Б. Я. Владимирцов), будто система аллитераций восходит в современных тюркских языках к «пратюркскому», когда, как подсказывает сравнение с другими алтайскими языками (прежде всего с монгольским), ударение, по-видимому, падало на первый слог[53]. Однако объяснение это не убеждает. Если бы в историческую пору существования тюркских языков аллитерация была в них явлением только пережиточным, находящимся в противоречии с их современным фонетическим строем (т. е. с конечным ударением), она не могла бы удержаться в устном народном стихе и быстро сошла бы на нет, поскольку не была связана ни с какой традиционной регулярной моделью, а употреблялась свободно и без всяких фиксированных правил, т. е. на слух.

Здесь не место и автор не считает себя достаточно компетентным, чтобы поставить в связи с проблемой аллитерации сложный и дискуссионный вопрос о природе и месте ударения в тюркских языках, в частности об ударности и фонетическом весе начального слога по сравнению с конечным, о вторичном или эмфатическом ударении на этом слоге. Споры по этим вопросам[54], вероятно справедливо, резюмирует А. М. Щербак, когда он пишет: «Высказывания тюркологов часто противоречивы... делаются прямо противоположные заключения. Очевидно, это объясняется тем, что ударение в тюркских языках является недостаточно выраженным и слабо централизующим. Не будет большим преувеличением, если мы скажем, что в слове столько же ударений, сколько слогов, и то, что одно из

---

[53] Ср.: Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, М., 1929, стр. 112.

[54] См. в особенности: K. Grønbech, Der Akzent im Türkischen und Mongolischen, — ZDMG, 1940, Bd XCIV, стр. 375—390; W. Pröhle, Zur Frage des Wortakzents im Osmanisch-Türkischen, — KSz, 1911, t. 12, стр. 199—216; Stephan Wurm, Über Akzent und Tonverhältnisse im Özbekischen, — UAJb, 1953, Bd XXV, H. 3—4, стр. 220—242; С. Кенесбаев, К вопросу о закономерностях акцентуации в казахском языке, — сб. «Вопросы казахской филологии. К 60-летию С. М. Муканова», Алма-Ата, 1964, стр. 11—22; Ш. М. Абдуллаев, Место и природа словесного ударения в современном азербайджанском языке (в свете экспериментальных данных), Баку, 1964 (автореф. канд. дисс.).

них более сильное, чем другие, не имеет существенного значения: перемещение более сильного ударения с одного слога на другой практически лишено смыслоразличительной функции»[55].

К этому определению, вполне соответствующему сказанному выше об особенностях силлабического стихосложения (стр. 32), следует прибавить два соображения, говорящие о выделенности первого слога слова в тюркских языках:

1) Отсутствие в этих языках префиксов, стоящих перед начальным (корневым) слогом. В германских языках развитие префиксации явилось одной из внутренних причин распада аллитерации: по правилам древнегерманского стихосложения в случае наличия префикса аллитерирует не начальная согласная, а опорная корневого (ударного) слога. Ср. в англосаксонской поэме «Беовульф»: ст. 775: **s**éarothoncum be**s**míthod || thǣr fram **s**ýlle ābēag; ст. 780: **l**ístum to**l**úcan || nymthe **l**íges fæthm и др. Может быть, не случайно именно в скандинавских языках, где префиксация почти отсутствовала, аллитерационный стих существовал дольше всего.

2) Морфологический вес первого слога как корневого, проявляющийся в законах сингармонизма, которые выделяют начальный слог как фономорфологическое ядро слова.

В недавнее время Герхард Дёрфер выступил с теорией, объясняющей происхождение аллитерации в тюркских языках влиянием языков монгольских[56]. Дёрфер выдвигает два положения в защиту своей теории:

1) Аллитерация будто бы появляется в поэзии тюркских народов только в эпоху монгольского завоевания; в домонгольской литературе, в частности в орхонских надписях, в стихотворных строфах из словаря Махмуда Кашгарского, в «Кудатку Билик» она отсутствует.

2) В настоящее время аллитерация распространена только у тех тюркских народов, которые находились в течение продолжительного времени под монгольским владычеством и испытали сильное влияние монгольской культуры. Дёрфер причисляет к этой группе тюрков Южной Сибири, якутов, казахов и в меньшей степени казанских татар. Отсутствует аллитерация, по мнению автора, у османских турок и в новоуйгурской поэзии, т. е. у тех народов, которые не испытали на себе монгольского воздействия или благодаря влиянию мусульманства сохранили духовную независимость от культуры монголов.

---

[55] А. М. Щербак, Сравнительная фонетика тюркских языков, Л., 1970, стр. 117.

[56] Gerhard Dörfer, Die Literatur der Türken Südsibiriens, — PhTF, t. II, 1964, стр. 862—885; см. также его рецензию на книгу М. Хамраева «Основы тюркского стихосложения» («Deutsche Literaturzeitung», Berlin, 1965, H. 1, стр. 17—19).

Теория Дёрфера представляется мне неубедительной как с фактической, так и с принципиальной стороны.

Во-первых, аллитерация наличествует и в орхонских надписях (различным ее формам недавно уделила специальное внимание И. В. Стеблева[57]), и если это явление не играет в них первостепенной роли, то только потому, что надписи эти вопреки мнению И. В. Стеблевой написаны не стихами, а прозой. О «Кудатку Билик» в этой связи говорить не приходится, так как это произведение книжной литературы, но строфы из «Словаря» Махмуда Кашгарского, даже цитируемые самим Дёрфером, в ряде случаев аллитерацию имеют. Например:

Jelkin **b**olup **b**arduqï
Könglüm aƀar **b**ağlaju
Qaldïm ärinč **q**aδğuqa
išim uδu yïğlaju[58].

К этому можно было бы присоединить ранние уйгурские (манихейские) тексты, да и фольклорные материалы (пословицы) в Codex Cumanicus вряд ли создались в тот день, когда они были записаны (в XIV в.).

Во-вторых, архаические по своему типу богатырские сказки алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев и якутов, хотя они стали известны только с середины XIX в., в сопоставлении с средневековым огузским героическим эпосом «Книги Коркута» позволяют нам восстановить ту архаическую стихотворную форму, в которой они существовали у тюркских народов, вероятно задолго до монгольского завоевания XIII в. Патриарх романской филологии Рамон Менендес Пидаль неоднократно справедливо указывал, что в отношении произведений устной народной словесности, записанных сравнительно поздно, мы всегда должны считаться с продолжительным периодом «латентного» (скрытого) развития (estado latente) и молчание письменных источников не может служить солидным основанием для датировки[59]. Между тем у всех названных народов аллитерация является

---

[57] И. В. Стеблева, Поэзия тюрков VI—VIII веков, М., 1965, стр. 27—30.

[58] G. Dörfer, Die Literatur der Türken Südsibiriens, стр. 861. Добавлю, что стихи, цитируемые Махмудом Кашгарским, не производят впечатления архаичности вследствие наличия в них довольно последовательного счета слогов, рифмы и строфического членения. Во всяком случае строфы героического содержания, приведенные в «Словаре», вряд ли являются отрывками народного эпоса. См. по этому вопросу: Pertev Naili Boratav, L'épopée et la «hikaye», — PhTF, t. II, 1964, стр. 15.

[59] R. Menendez Pidal, La Chanson de Roland, стр. 78—80; Р. Менендес Пидаль, Песнь о Роланде, — Избранные произведения, стр. 102—106.

широко распространенной и органической особенностью их стиховой структуры. То же относится и к огузскому героическому эпосу XV—XVI вв., хотя, по классификации Дёрфера, он был создан тюрками не монголизованными, а находившимися под сильнейшим воздействием ислама.

Последнее обстоятельство позволяет думать, что и на территории западной (огузской) группы тюркоязычных народов, подвергшихся наибольшему влиянию мусульманской культуры и поэтической литературы, исконная аллитерация была, по-видимому, вытеснена позднейшим воздействием персидско-арабских литературных форм. Однако достаточно перечитать записи османской версии эпоса «Кёроглу», сделанные турецкими фольклористами, чтобы убедиться, что вытеснение это в устной народной поэзии было неполным. Сквозь новые формы рифмованных лирических строф еще проступают аллитерации как дополнительный художественный прием. Ср. среди многочисленных других примеров:

Bujurun ağalar **b**ujurun **b**eyler
Çamlībelin yaylasīna **ç**īkīnca...
Gönder **g**elsin **G**ül **G**üzeli... (припев)
Kīlīnç **k**abzasīndan **k**anī... и др.[60].

Сходным образом обстоит дело в народных романах азербайджанских ашугов («Аслы Керем»):

Фәләк мәни **баға**-**бағ**ман еjледи,
Бағман ағлар, **бағ**ча ағлар, күл ағлар
Дост **бағ**ына ахмаз олду **су**ларым,
Сусән ағлар, **сү**нбүл ағлар, **се**л ағлар[61].

Развитие тюркского стиха идет в сторону укрепления конечной рифмы, маркирующей границу стихового ряда как смыслового и ритмико-синтаксического единства, и все большего ограничения употребления рифмы внутренней и аллитерации в качестве приемов структурной организации стиха. Эти два процесса диалектически взаимосвязаны, как указал еще Т. Ковальский[62] и недавно убедительно обосновал А. М. Щербак[63].

Одновременно с развитием конечной рифмы как границы

---

[60] Pertev Naili, Köroğlu Destanı, İstanbul, 1931, стр. 218—221.
[61] «Азербаiчан дастанлары», ред. М. Тахмасиб, Баку, 1966, стр. 30.
[62] T. Kowalski, Ze studjów..., стр. 28—29 (резюме — стр. 160).
[63] А. М. Щербак, Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении, стр. 142—153.

словесного ряда (стиха) происходит и выравнивание слогового объема этого ряда, дифференциация короткого и долгого стиха по форме и по жанровой функции и закрепление (в границах, допускающих некоторые колебания) постоянного числа слогов в том и в другом. Слоговое выравнивание в конечном счете также является одним из результатов ритмико-синтаксического параллелизма: равенство числа слов в параллельных стихах ведет тем самым к приблизительному равенству числа слогов.

9. Типологическая последовательность развития стиховой формы тюркского эпоса может быть реконструирована на основании анализа всего рассмотренного нами материала[64].

Наиболее архаическую ступень как по содержанию, так и по художественной форме представляют богатырские сказки народов Южной Сибири, собранные в I, II и IV томах «Образцов» В. В. Радлова и в ряде современных записей[65]. В шорской богатырской сказке («Қан-Қес», «Қан-Мерген» и др.) господствующим принципом организации стиха являются параллелизм и повторения; аллитерация чрезвычайно обильна и связана со словесными повторами и этимологическими фигурами; рифмы не обязательны, но возникают непроизвольно в результате параллелизмов как на конце, так и внутри стиха; они всегда имеют грамматический характер и часто являются простыми лексическими повторами. Число слогов в двух цитированных выше отрывках из этих сказок колеблется в одном от 6, в другом от 4 до 11 слогов, но в некоторых примерах имеются еще более значительные расхождения, в особенности в якутских *олонхо*[66].

В «Манасе» число слогов относительно выравнено с преобладанием семи — восьмисложных (тип короткого стиха — *жыр*), но с некоторыми единичными отступлениями от нормы; устанавливается трехсложная концовка; параллелизм и словесные повторения имеют еще очень существенное, но не исключительное значение; конечная рифма не обязательна, хотя встречается часто, как и нерегулярные внутренние рифмы. По-прежнему очень обильны аллитерации.

Дальнейший шаг на этом пути представляют казахские и каракалпакские героические былины (жыры). Среди них также

[64] Ср. также: В. М. Жирмунский, Ритмико-синтаксический параллелизм, стр. 7—21.

[65] «Шорский фольклор», под ред. Н. П. Дыренковой, М.—Л., 1940; «Алтай баатырлар», ред. С. Суразаков, т. 1—3, Горно-Алтайск, 1958—1960; «Алыптыг нымахтар», ред. В. Қ. Доможоков и др., т. 1—4, Абакан, 1951—1959; «Тыыва Тоолдар», т. 1—3, Қызыл, 1947—1955. Ср. также: Э. Қ. Пекарский, Образцы народной литературы якутов, т. 1—3, СПб.—Пг., 1907—1918.

[66] См.: Г. М. Васильев, Якутское стихосложение, стр. 37—38.

имеются более архаические и более новые по своему метрическому строю. Ритмико-синтаксический параллелизм стиховых рядов перестает играть в них главенствующую роль. Мы отметили в некоторых случаях рифмовые созвучия, захватывающие корень слова, т. е. выходящие за пределы механической созвучности параллельных окончаний — **көз**-індей: **без**-індей, **жас**-ы бар: **бас**-ы бар и т. п. В рамках однорифменной тирады иногда как будто наблюдается группировка рифм внутри цепочки по сингармоническим вариантам, т. е. по более строгому звуковому принципу. Ср. «Камбар»: та**лындай**:тан**ындай**—көз**індей**:без**індей**:ер**індей** (стр. 17); бек**ілді**:жөн**елді** — ақ**ылды**:бак**ырды**: шак**ырды** (стр. 13) и др. Или вся цепочка рифм состоит из гласных одного ряда (заднего или переднего) с глубоким охватом согласных, включающих и корневой слог, например: **жақтырды**: та**қтырды**: ша**қтырды**: ба**қтырды** (стр. 26) и т. п.

З. Ахметов указал на сложные приемы композиции тирады: проходящая «сквозная рифма», образующая основной композиционный стержень такой тирады, объемлет отдельные строки без рифм или с вспомогательными рифмами, объединяющими два или три стиха внутри этой рамки[67]. Ср. цитированный в его работе отрывок из эпоса «Алпамыс-батыр», ст. 3161—3186 (клаузулы): Жөнеген көзде *түн еді*... қ а й р ы л ы п... *келеді*... сөзі жоқ... *тіледі*... қ ы з д ы р ы п... *жөндеді*... а ғ ы л ы п... т а ғ ы н ы п: ш а ғ ы л ы п... *береді*... а ң ғ а р ы п... *біледі*... *дан*(*а*) *еді*... *хан еді*... *келеді*... сау қайт деп... *береді*... Шұбар ат... ауызға... *сүзеді*... ж и ғ а н ш а... т ы й ғ а н ш а... Шұбар ат... *білмеді*... *жөнеді*... *төгеді*[68].

Особенно часто «сквозная рифма» представлена глаголом в прошедшем времени на *-ді/-ды*, в котором ведется повествование, тогда как внутренние группы с вспомогательными рифмами имеют форму деепричастий на *-іп/-ып* (подчиненных сказуемых), обозначающих обстоятельства действия.

Все это — явления спонтанного развития стиховой формы в сторону большей регулярности и независимости от ее первоначальной ритмико-синтаксической основы.

В узбекском «Алпамыше» в классической версии Фазыла Юлдашева параллелизм сведен до минимума, аллитерации и внутренние рифмы встречаются редко и из элемента композиционной структуры стали средством стилистическим, выразительным или украшающим. Ср. описание скачки героя через степь:

---

[67] З. А х м е т о в, Казахское стихосложение, стр. 272—274. Мы цитируем пример с уточнениями и без сокращения.

[68] «Алпамыс-батыр», под ред. М. О. Ауэзова и Н. С. Смирновой, Алма-Ата, 1961, стр. 76—77 (объемлющие рифмы выделены курсивом, вспомогательные — разрядкой).

Dubulga bašda duвullab,
Шлем на голове (его) гудит,
Kark qubba qalqan qarqillab...
Носорожий выпуклый щит гремит...[69]

Конечная рифма, за малыми исключениями, стала обязательной; появляются рифмы морфологически разнородные, «аграмматические», свидетельствующие о том, что это средство связывать концы стихов приобрело самодовлеющее, независимое от параллелизма звуковое и композиционное значение: рифмуют между собой аффиксы разных грамматических категорий (имен и глаголов), словообразовательные суффиксы и корневые морфемы, иноязычные заимствования, частью литературного происхождения, утратившие грамматическую членимость. См. стр. 66: gullar : bulbullar (мн. ч.): dilbar : intizar (заимств.): sənəmlar (мн. ч.): tulpar : bar (корневая морфема) и т. д.; стр. 115: muštapar : aždahar (заимств.): kanizlar (мн. ч.): kotarar (глаг.); там же: qalamqaš : baš (корневые морфемы): aralaš (отглаг. имя) и др. В то же время традиционная метрическая трехсложная клаузула в ряде случаев расшатана. Господствует долгий одиннадцатисложный стих (как в казахском семейно-бытовом эпосе и в народных романах книжного происхождения); короткий семи — восьмисложный, как уже было отмечено, сохранился только в традиционных «общих местах» эпоса. Встречается строфическая форма в виде вставных лирических песен, иногда и в речах героев, в последних случаях не всегда регулярная. Все эти обстоятельства, как и некоторые стилистические особенности, свидетельствуют о влиянии классической поэзии через посредство героико-романтического эпоса и народных романов («кисса»). Для этих новых жанров узбекского эпоса, как и для произведений туркменских шаиров и азербайджанских ашугов, характерно развитие ритмизованной прозы как основной формы повествования и сохранение стихов преимущественно как вставных лирических партий, выражающих эмоциональные переживания героев в песенной форме, разнообразных по своей строфической структуре с широким использованием припева и редифов нового типа. Названный выше «Равшан» в исполнении сказителя Эргаша Джуманбулбул-оглы может дать наиболее наглядное представление об этом новом жанре[70].

---

[69] Фазыл Юлдаш, Алпамыш, Ташкент, 1939, стр. 104. Ср. «Алпомиш». Достон. Айтувчи Фозил Йўлдош ўғли, III нашри, Тошкент, 1958, стр. 86. (Цитирую по изданию 1939 г., так как оно точнее передает вокализм «кипчакского» наречия Фазыла.)

[70] См.: В. Жирмунский и X. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, М., 1947, стр. 270—276, 440—446.

10. Мы могли бы ограничиться этими выводами, если бы за последнее время не получила распространение теория, согласно которой древнейшая форма тюркского стиха представлена в тюркских рунических надписях VI—VIII вв. Если бы это было справедливо, следовало бы с этих надписей начинать историю тюркского народного эпического стиха. Спрашивается, однако, имеем ли мы в древнетюркских рунических надписях стихи или прозу?

Наиболее обширные из этих надписей были высечены на камне в первой половине VIII в. на могильных памятниках в честь Бильге-кагана (734 г.), его брата царевича Кюль-тегина (732 г.) и «мудрого Тоньюкука», старого советника нескольких тюркских ханов (после 716 г.), и прославляют в панегирической форме их мудрость как правителей и совершенные ими воинские подвиги[71]. Рассмотрение этих надписей как образцов древнетюркской народной эпической поэзии получило у нас в послевоенное время известный авторитет под влиянием романтического понимания идеи народности в фольклористике и истории литературы.

Не касаясь вопроса о «романтизме народности» во всей его широте, мы хотели бы затронуть здесь лишь некоторые выводы из него, получившие значение для теории древнетюркского стиха. Речь идет о концепции, выдвинутой И. В. Стеблевой в работах, посвященных изучению орхонских и других рунических надписей как памятников «древнейшей поэзии тюрков VI—VIII вв.»[72].

И. В. Стеблева рассматривает орхонские могильные надписи как «историко-героические поэмы», а енисейские рунические тексты как «эпитафийную лирику»[73]. Их размер она определяет как «тонико-темпоральный стих»[74].

---

[71] Об орхонских надписях см. в особенности: П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, — ЗВОРАО, 1899, т. XII, стр. 1—144; его же, Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями, — ЖМНП, 1898, ч. CCCXVII, май, стр. 263—292; А. Н Бернштам, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков, М.—Л., 1946, стр. 33—57, 172—193; С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 50—71; Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, М., 1967, стр. 329—348; И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин, Современная и древняя енисеика, Фрунзе, 1962. Издания текстов: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования, М.—Л., 1951, стр. 9—92; его же, Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы, М.—Л., 1952; его же, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959, стр. 7—75.

[72] И. В. Стеблева, Поэзия тюрков VI—VIII веков; ср. также ее более раннюю статью «Поэзия орхоно-енисейских тюрок».

[73] И. В. Стеблева, Поэзия тюрков, стр. 61.

[74] Там же, стр. 35—36.

Текст надписей, по мнению И. В. Стеблевой, распадается на циклы, состоящие из групп предложений, выражающих «одну главную мысль»[75]. Для большой надписи Кюль-тегина «характерны» циклы по 8 строк, но есть циклы по 6, 7, 9, 10 строк; в малой надписи «чаще всего» встречаются циклы по 8—9 строк, но есть и по 6, 7, 10 строк[76]. Заметим, что в прозе мы назвали бы такие «циклы», выражающие «одну главную мысль», — абзацами, и в этом еще нет ничего специфического для стиховой формы.

Разбив текст надписей на синтаксические периоды, автор обнаруживает, что «они состоят в основном *как бы* из четверостиший»[77]. Слово «как бы» подчеркнуто нами: действительно, выделение этих четверостиший часто искусственно, они не охватывают всего материала текста, между ними стоят группы стихов разного объема, не уложившиеся в «четверостишия».

Количество слогов в строках, составляющих подобные четверостишия, бывает «разное — в среднем от 6—7 до 12—13». Однако в последовательности этих неравносложных стихов в составе четверостиший будто бы «наблюдается определенная упорядоченность», например, 13—8—13—8, или 7—8—8—7, или 10—8—7—8 и т. п.[78] Необходимо и здесь подчеркнуть, что регулярность в чередовании этих строфических типов отсутствует и симметрии разного рода наличествуют далеко не всегда.

Внутренняя структура стиха определяется автором как «сочетание ямбов и анапестов»[79]. Для случаев соседства двух ударений вводится дополнительно трехсложная стопа с античным названием «амфимакр» (ударение на первом и третьем слогах _́ ‿ _́)[80]. Это сочетание разных стоп представляется автору сходным с «логаэдическими» размерами античной метрики[81]. Однако сопоставление это, как уже было сказано выше (см. стр. 35), основано на недоразумении: в античных разностопных «логаэдах» чередование стоп всегда построено по регулярной метрической модели. Там, где регулярная повторность отсутствует, нельзя вообще говорить о стопах.

Основу стиха в орхонских надписях, согласно теории И. В. Стеблевой, «составляла трехдольная стопа (т. е. анапест. — *В. Ж.*), уравнивающая слоговые группы единством вре-

---

[75] Там же, стр. 7.
[76] Там же, стр. 10.
[77] Там же, стр. 12.
[78] Там же, стр. 12—13.
[79] Там же, стр. 13.
[80] Там же, стр. 23 и 25.
[81] Там же, стр. 19; ср. также: И. В. Стеблева, Поэзия орхоно-енисейских тюрок, стр. 156.

мени». «Слабые слоги, если их было больше, чем нужно, укорачивались в произношении настолько, чтобы сохранился принцип единства времени, сильные ударные слоги, если это было нужно, растягивались»[82]. Таким образом, стопы имеют характер музыкальных тактов, что и иллюстрируется музыкальной нотацией, обозначающей восьмые и шестнадцатые доли такта. В эти рамки автор укладывает «разнообразные вариации сочетаний ямбов и анапестов»[83], из которых, по его мнению, складывается стих.

«Наиболее частым», по утверждению И. В. Стеблевой, «является наличие трех ударений» в стихе[84]. Стих может таким образом растягивать от 6 слогов ямба ◡ ⁄ ◡ ⁄ ◡ ⁄ до 9 слогов анапеста ◡ ◡ ⁄ ◡ ◡ ⁄ ◡ ◡ ⁄, уравниваемых в темпоральном отношении как такты в музыке. Стих древнетюркских «поэм» и «элегий», получающий название «тонико-темпорального» или «тактового»[85], уравнивается *относительной* (курсив мой. — *В. Ж.*) равносложностью и равноударностью[86].

Идея «тонико-темпорального стиха» восходит во всем, кроме самого термина, к известной статье Ф. Е. Корша «Древнейший народный стих турецких племен» (1909)[87]. Поэтому непонятно, почему И. В. Стеблева отмежевывается от системы Корша, называя ее «силлабо-тонической»[88]. Однако Корш разбирает в этой статье не орхонские надписи, а богатырские сказки народов Южной Сибири (по первому тому «Образцов» В. В. Радлова).

Из орхонских надписей он приводит только заключительные слова, в которых, как он говорит, Йолығ-тегін обессмертил свое имя следующими словами: «бунча бітіг бітігімä | Кӱl-тегін атысы | Јолығ-тегін бітідім. || Јігірмі кӱн олурып | бу ташқа бу тамқа қоп | Јолығ-тегін бітідім ||»[89]. К этому он присоединяет еще два стиха в самой надписи: «Не случайны, может быть, и те два стиха, которые слышатся при чтении 22-й строки на восточной стороне памятника Кюль-тегина:

öзä тäңрі басмасар,
асра јер тäliнмäсäр

[82] И. В. Стеблева, Поэзия тюрков, стр. 20.
[83] Там же, стр. 13.
[84] Там же.
[85] Там же, стр. 26.
[86] Там же, стр. 13.
[87] ЗВОРАО, СПб., 1909, т. IX, вып. II—III, стр. 139—167.
[88] И. В. Стеблева, Поэзия тюрков, стр. 3 и 25.
[89] Ф. Е. Корш, Древнейший народный стих, стр. 139—140. Перевод см. ниже, стр. 67.

„если небо не сокрушило, если земля не разверзлась“, что напрашивается на поэтическую форму»[90].

Эта оговорка ясно показывает, что сам Корш считал памятник в честь Кюль-тегина в целом не стихами, а прозой.

Музыкальная (или, по терминологии И. В. Стеблевой, «тонико-темпоральная») теория Ф. Е. Корша строилась на учении Рудольфа Вестфаля, отождествлявшего силлабо-тоническую стопу с музыкальным тактом[91], и в настоящее время может считаться оставленной[92]. С помощью специально созданной им тактовой нотации Корш пытался свести неравносложные, неравностопные и в большинстве случаев неравноударные ритмические ряды, не имеющие метрической структуры, к музыкальным тактам, пользуясь для этого, как и И. В. Стеблева, приемами метрического стяжения слогов или их растяжения (нотами разной длительности, а также «триолями»). Таким способом он интерпретировал стих алтайских богатырских сказок, русских былин и славянской народной поэзии и пытался доказать стихотворный характер «Слова о полку Игореве»[93].

«Темпоральная» теория стиха представляется несостоятельной по следующим соображениям:

1. Она основана на анахронизме, поскольку тактовое членение мелодии, тактовая запись и тактовая черта являются новациями западноевропейской музыки конца XVI — начала XVII в. По этому вопросу Г. Риман сообщает следующее: «Хотя тактовая черта и представляется нам в настоящее время безусловно необходимой (unentbehrlich), однако мензуральная нотация не знала ее до 1600 г., по крайней мере в вокальных партиях»[94]. Как известно, старая народная музыка, в том числе и русская, не укладывается в такты новоевропейской

---

[90] Ф. Е. Корш, там же, стр. 140.

[91] R. Westphal, Theorie der Neuhochdeutschen Metrik, Jena, 1870. На русском языке: Р. Вестфаль, Искусство и ритм, — «Русский вестник», 1880, т. 147, стр. 241 и сл; его же, О русской народной песне, — там же, 1879, т. 143, стр. 111—154.

[92] В Германии представителем «тонико-темпоральной» теории был выдающийся специалист по древней германской и скандинавской литературе Андреас Хойслер (Andreas Heusler). См. его работу о древнегерманском стихе: «Über den altgermanischen Versbau» (1894) и обобщающую монументальную историю немецкого стиха: «Deutsche Versgeschichte», Bd I—III, Berlin — Leipzig, 1925—1929 (изд. 2, 1956). Огромный материал, собранный Хойслером, чрезвычайно пострадал от его предвзятой интерпретации. К сожалению, авторитет трудов Хойслера до настоящего времени неблагоприятно отзывается на многих немецких работах по вопросам метрики.

[93] Ф. Корш, О русском народном стихосложении, — ОРЯС, 1895, т. I, кн. 1; его же, Введение в науку о славянском стихосложении, — «Статьи по славяноведению», т. II, 1906, стр. 300—378; его же, Слово о полку Игореве, СПб., 1909.

[94] Hugo Riemann, Musik-Lexikon, 11. Auflage, bearbeitet von Alfred Einstein, Berlin, 1929, стр. 1805.

классической музыки. Об этом писал еще такой авторитетный исследователь, как П. Сокальский: «Следует отбросить в сторону систему тактовых акцентов и... не забывать, что, внося в русскую песню наши тактовые черточки, мы вводим в народную песню и наши, ей чуждые акценты»[95]. Тактовая запись народной песни всегда сопровождалась ее искажением в результате искусственного приспособления к нормам классической новоевропейской музыки. Об этом свидетельствует и практика многих композиторов, пользовавшихся народными мелодиями[96].

К значительно более архаическим формам тюркского эпоса, в особенности древней богатырской сказке, все это относится прежде всего.

2. Темпоральное выравнивание нерегулярных ритмических строчек с помощью «стяжения», «растяжения» и т. п. носит чисто умозрительный характер, не подтвержденный никакими эмпирическими, тем менее экспериментальными данными. Оно подсказывается желанием уложить нерегулярное чередование ударных и неударных слогов в привычные для нас рамки регулярного новоевропейского стопосложения (силлабо-тонических «ямбов», «анапестов» и т. п.). Аналогией такому «выравниванию» могут служить высказывания некоторых русских теоретиков стиха десятых годов о необычных тогда формах чисто тонического стиха у А. Блока или А. Ахматовой (так называемых «дольниках»), с разным числом неударных слогов между ударениями. Так была создана в то время теория «трехдольного паузника» Сергея Боброва, в которой двусложные стопы дольников («ямбы») выравнивались под трехсложные («анапесты») с помощью «пауз», заменявших «пропущенный» слог[97]. Лишь появление еще более свободного в силлабическом отношении акцентного стиха Маяковского сделало полностью неприменимыми методы слогового выравнивания чисто тонических стихов под регулярные стопы (или такты) силлабо-тонических.

---

[95] П. Сокальский, Русская и народная музыка... в ее строении мелодическом и ритмическом, Харьков, 1888, стр. 317.

[96] По вопросам теории музыки я пользовался дружеской консультацией проф. С. Л. Гинзбурга.

[97] См.: С. Бобров, Новое о стихосложении Пушкина, М., 1915; его же, Записки стихотворца, М., 1916. Ср.: В. Жирмунский, Введение в метрику, Л., 1925, стр. 190—198. Г. Шенгели употреблял вместо «паузы» аналогичный термин «лейма» для «выпадения» одного или нескольких слогов. См.: Г. Шенгели, Трактат о русском стихе, изд. 2, М., 1924, стр. 81. В своих новейших работах С. Бобров пользуется анапестом, по-видимому как условным эталоном для статистики ритмических вариаций дольников. См.: С. Бобров, К вопросу о подлинном стихотворном размере пушкинских «Песен западных славян», — «Русская литература», 1964, № 3, стр. 119—137. Ср. по этому вопросу: А. Н. Колмогоров, О метре пушкинских «Песен западных славян», — «Русская литература», 1966, № 1, стр. 98—111.

3. Выше уже было сказано о неправильности рассмотрения разностопных, т. е. нерегулярных в слоговом отношении стихов, как своего рода «логаэдов», состоящих из простой суммы разных стоп. Добавим, что с помощью подобных «логаэдов», как и методами «темпорального» выравнивания вообще, любая проза, в том числе и газетная, может быть интерпретирована как стихи.

Таким образом, для того чтобы доказать метрический характер «стиха» древнетюркских рунических надписей, И. В. Стеблева вынуждена строить систему древнетюркской метрики на неравносложных «циклах» (абзацах), «преобладании» четверостиший, неравном числе слогов и нерегулярном их распределении (а также очень часто и на неравном числе ударений в стихе). Такая «относительная равносложность и равноударность», не проверенная статистически[98], в сущности не содержит никакого критерия для различения стихов и прозы.

Теория И. В. Стеблевой, приписывающая орхонским надписям характер «тактовых» стихов, подсказана была желанием автора сблизить их с устным героическим эпосом тюркских народов (дружинным или народным), о чем было уже сказано в начале этой статьи. Для автора орхонские надписи — это «историко-героические поэмы»[99]. Они были «созданы в русле единой литературно-поэтической традиции под влиянием или в связи с традицией дружинного эпоса»[100]. «Вообще сравнение древнетюркских поэм с героическими эпосами тюркских народов позволяет проследить эволюцию поэтических форм, а также их закономерную трансформацию»[101]. Поэмы эти были созданы для «рецитации» (или для пения?), потому что «практика исконного тюркского стиха знала только один принцип воспроизведения поэтического произведения — пение и речитатив»[102].

В отличие от И. В. Стеблевой я полагаю, что орхонские и другие древнетюркские рунические надписи представляют тексты не стихотворные, а прозаические. Я думаю, что надписи представляют собой особый литературный жанр, письменный, а

---

[98] Уже после того как эта статья была написана, я познакомился с опытом такой статистически-вероятностной поверки «относительной равносложности» тюркских рунических надписей в статье: L. Hřebiček, Are the Old-Turkic Inscriptions Written in Verses? — AOr, 1967, t. XXXV, стр. 477—482. Согласно выводам автора, дистрибуция в надписях ничем не отличается от нормальной для прозы. «Поэтому, прочитав книгу Стеблевой, мы не убедились в том, что древнетюркские надписи написаны стихами. Мы постарались показать, что метод демонстрации примеров не является удовлетворительным» (стр. 481).

[99] И. В. Стеблева, Поэзия тюрков, стр. 61.

[100] Там же, стр. 61.

[101] Там же, стр. 64.

[102] Там же, стр. 26.

не устный, и что «пение и речитатив» не имеют к ним никакого отношения. В качестве исторической аналогии следовало бы привлечь хорошо известные надгробные надписи древних царей Шумера, Вавилонии и Ассирии, хеттов, урарту или персов[103]. Они также отличаются торжественной приподнятостью и рядом признаков высокого стиля: параллелизмом и повторениями, связанными с известной ритмизацией, аллитерациями и рифмами, традиционными формулами и т. п.; однако они отличаются от песенных, собственно поэтических памятников эпоса, как надписи народов Месопотамии отличаются от эпоса о Гильгамеше или известная надпись о победах Дария I от гимнов Авесты. По этому вопросу А. Н. Бернштам, хотя и признав в несколько суммарном высказывании стихотворный характер надписи Кюль-тегина (по крайней мере «в отдельных местах»)[104], высказал совершенно правильную мысль: «Тексты Кюль-тегина и Могилян-хана представляют собой в части стилистической довольно живой и увлекательный рассказ, носящий, однако, черты некоторого стандарта в отдельных выражениях. Своеобразным стандартом являются описания сражений, подчеркивание заслуг кагана, эпитеты, вступление текста и его окончание. Все это говорит об известной выработке *стиля официального повествования* (курсив мой. — *В. Ж.*), равно как и стиля эпитафий»[105].

Историю могильных надписей у тюркских народов надо начинать с их наиболее древних и примитивных форм, с енисейских надписей, известных уже с V—VI вв. В них нет элементов стиховой структуры в понимании И. В. Стеблевой — ни равносложности, ни равноударности, ни метрических стоп, но есть некоторые элементы традиционной литературной формы, связанной с повторениями в конце строки (обычно слова *адырылтым* 'я умер, ушел'), которые перекликаются с другими глагольными формами с аффиксом 1-го лица ед. числа прошедшего времени *-дім/-дым* (часто: *бӧкмäдім* 'не насладился') и именами с аффиксом принадлежности *-ім/-ым* (*оғлым* 'мои сыновья', *қыз кäлінläрім* 'мои молодухи-невестки' и т. п.); наличествуют и свободные формы синтаксического параллелизма, и отдельные словесные повторы, и неизбежные, по-видимому непроизвольные, аллитерации начальных звуков.

---

[103] Пользуюсь в этом вопросе дружеской консультацией проф. И. М. Дьяконова.

[104] А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй, стр. 33: «...надгробная надпись Кюль-тегина представляет собой текст, построенный в форме стихотворного повествования. Особенно это ярко сказывается в *отдельных местах* (курсив мой. — *В. Ж.*)». Это слишком поспешное обобщение было неосмотрительно подхвачено некоторыми авторами. Ср.: И. В. Стеблева, там же, стр. 4.

[105] А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй, стр. 37—38.

Ср. памятник с р. Уюк-Туран, V в. (строки 4—6) [106]:

4. Ӱч јӓтміш јаш**ымқа** *адырылтым*,
Ӓгӱк қатун јӓр**імкӓ** *адырылтым*.
5. Тӓңрі ӓ**ймкӓ** қызғақ**ым** оғл**ым**,
Ӧз (?) оғл**ым**, алты бің јонт**ым**,
6. Қан**ым** тӱлбӓрі, қара будун кӱлӱг қадаш**ым**,
сізімӓ ӓл ӓш**ім**, ӓр ӱкӱш ӓр оғлан ӓр
кӱдӓгӱ**лӓрім**, қыз кӓлін**лӓрім** *бӧкмӓдім*.

Перевод [107]:

4. **На** шестьдесят третьем году **моем** *я отделился*,
на Эгюк-катун земле **моей** *я отделился*.
5. Божественным государством **моим**, дочерьми **моими**,
собственными сыновьями **моими**, шестью тысячами лошадей **моих**,
6. ханом **моим** Тюльбери (?), черным народом (и) именитыми друзьями **моими**,
вами — мужьями, воинами, зятьями **моими**, молодухами-невестками **моими** *я не насладился*

Разумеется, петь или рецитировать эту «кладбищенскую лирику», как назвал ее С. Е. Малов, совершенно невозможно, да и не нужно.

Однако вопрос о связи с героическим («дружинным») эпосом ставился исследователями не по отношению к этим непритязательным лирическим эпитафиям, а по поводу трех больших надписей — Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука — с обширным повествовательным содержанием героического характера. В связи с этим, может быть, следовало бы вспомнить и о некоторых внешних культурных факторах, которые могли иметь значение для дальнейшего развития этого жанра.

Как известно, в VII в. восточная часть Тюркского каганата в течение пятидесяти лет находилась под властью феодального Китая [108]. В самих памятниках содержится указание на большое культурное влияние Китая, сопровождаемое жалобами на то, что представители тюркской родовой знати, усваивая ки-

[106] С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, стр. 16—20. Ср.: И. В. Стеблева, там же, стр. 98 (текст), 138 (перевод).

[107] В основном использованы переводы с комментарием С. Е. Малова, с перестановкой в русском тексте синтаксического порядка слов в соответствии с оригиналом.

[108] См.: А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй, стр. 172—184; С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, стр. 18—42.

тайскую «образованность», прельщались «сладкой речью и роскошными дарами» китайцев. Борьбу против китайских завоевателей с 683 г. возглавила династия тюркских каганов — Гудулу-хан (Ильтериш-каган) и его младший брат Мочжо (Капаган-каган, 693—716), главным советником которых был «мудрый Тоньюкук», в молодости воспитывавшийся в Китае. Мочжо наследовали его племянники, сыновья Гудулу-хана, Бильге-каган (Могилян-хан, 716—734) и его младший брат полководец Кюль-тегин (ум. в 731 г.), в честь которых были воздвигнуты надгробные памятники [109].

Памятники эти сооружались китайскими мастерами, присланными китайским императором, чтобы почтить память его союзников и номинальных вассалов, тюркских каганов. Об этом говорится как в тексте самих надписей, так и в китайских исторических источниках [110]. На обоих памятниках мастерами были высечены и китайские надписи, текст которых прислал сам император.

Надгробные надписи, высеченные на каменных плитах, известны в Китае уже с I в. до н. э. Они не содержат фактов жизни покойного, а только повествуют о его государственной службе и заслугах перед императором. Не все члены даже знатной семьи удостоивались таких эпитафий, а только наиболее выдающиеся, могущие служить примером для потомства. Стиль надписей, как сообщает Д. Туитчет, с самого начала «строгий и формализованный», так что можно предположить их существование в еще более древнюю пору [111].

Акад. Н. И. Конрад, к которому я обратился за разъяснениями по этому вопросу, в своем ответном письме упоминает о китайских надгробных надписях на каменных и металлических стелах, относящихся к Ханьской эпохе (II в. до н. э. — III в. н. э.). К этому времени они приняли устойчивую форму, и надпись «превращается в литературный жанр». Такие надписи включались в литературные антологии («Вэньсуань», VI в. н. э., содержит пять больших надписей). «Разумеется, это — не реальные надписи на могильной стеле, а художественные произведения типа „славословий“. Такими же „славословиями“ были и действительные надписи». «Трудно себе представить, — пишет Н. И. Конрад, — что тюркские надписи не имели никакого отношения к китайским — столь распространенным».

---

[109] С. Г. Кляшторный, там же, стр. 55—71.

[110] См. сводку Н. Я. Бичурина (о. Иакинфа) в его кн.: «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», т. I, М.—Л., 1950, стр. 276—277.

[111] См.: D. C. Twitchett, Chinese Biographical Writing, Oxford, 1962, стр. 95—96, 107—112. Приношу благодарность О. Л. Фишман, любезно указавшей мне этот источник.

В книге китаиста проф. В. П. Васильева[112] имеются переводы китайских надписей на памятниках Кюль-тегину и Бильге-кагану, и карабалгасунской надписи более позднего (уйгурского) времени (около 795 г.), с приложением исторических комментариев китайских ученых. «Биографии» тюркских каганов изложены в этих надписях с китайской точки зрения (как союзников Китая) и очень абстрактны по своему, преимущественно этическому содержанию; об отдельных войнах и воинских подвигах говорится конкретно и подробно только в последней, наиболее обширной и поздней надписи.

Приведенные факты отнюдь не дают оснований думать, что жанр надгробной надписи, представленный в наиболее примитивной форме в лирических эпитафиях V в., пришел к тюркам из Китая; еще менее можно утверждать, что героическое содержание и литературная форма были заимствованы тюрками у китайцев. Но не исключается, что торжественный и украшенный характер трех больших надписей — в честь Тоньюкука, Кюль-тегина и Бильге-кагана — был подсказан существованием китайских образцов этого жанра, в особенности если сравнить их текст с гораздо более простой могильной надписью на Онгинском памятнике, воздвигнутом в 90-х годах VII в. в честь отца Кюль-тегина и Бильге-кагана[113]. Однако конкретное содержание больших надписей было отражением истории тюркских племен, героических подвигов в борьбе с соседними племенами и прежде всего с теми же китайцами за объединение кочевого государства тюрков, прославлением правящей династии как олицетворения этого единства и этих воинских подвигов.

В литературной форме надписей исследователи не раз отмечали ряд признаков приподнятого поэтического стиля, характерных для этого жанра и, вероятно, традиционных. Это прежде всего тот же синтаксический параллелизм однородных предложений, связанных в конце созвучными, а иногда и тождественными глагольными формами, который создает в отдельных отрывках впечатление некоторой ритмизации, однако очень нерегулярной; аллитерации, немногочисленные, но, по-видимому, неизбежные в украшенном стиле в соответствии с фономорфологическим строем тюркских языков; наконец, отдельные

[112] В. П. Васильев, Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне, СПб., 1897 («Сборник трудов орхонской экспедиции», вып. III).

[113] См.: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959, стр. 7—11. Согласно последним исследованиям, Онгинская надпись относится к более позднему времени (около 731 г.) и является эпитафией одного из полководцев Бильге-кагана. См.: С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники, стр. 68.

5 Заказ 1296

элементы традиционной поэтической образности (постоянные эпитеты, метафоры и сравнения), характерные для мышления людей того времени, не абстрактного, а образно-поэтического.

Уже П. М. Мелиоранский обратил внимание на эпизод с тремя конями Кюль-тегина в его большой надписи[114]:

Ср. большую надпись, строки 32—33:

32. [...Бір отуз јашыңа Чача сäңӯнкä сӯңӯшдіміз;] äң ілкі Тадықың̈ Чурың *боз* (*атығ бініп тäгді*, *ол ат анта*)

33. *ölmi*; Äкінті Ышбара Јамтар *боз атығ бініп тäгді*, *ол ат анта ölmi*; ӯчінч Јäгін Сіліг бäгің кäдімліг торығ *ат бініп тäгді*, *ол ат анта ölmi*...

Перевод: [...Когда ему было двадцать один год, мы сразились с Чача Сенгуном]. В самом начале он (Кюль-тегин) *бросился* (на врага), *сев на белого коня* Тадыкын-Чуры; *этот конь там пал*. Во второй раз *бросился* (на врага), *сев на белого коня* Ышбара Ямтара; *этот конь там пал*. В третий раз *бросился* (на врага), *сев на* оседланного гнедого *коня* Йегин-Силиг-бега; *этот конь там пал*...[115].

Ср. другой ряд формул, также традиционного характера, описывающих в малой надписи (строки 2—4) расширение власти Бильге-кагана и Кюль-тегина на все «концы» света:

2—3 ... *Ілгäрӯ кӯн* тоғсыққа, *біргäрӯ кӯн* ортусыңару, *қурығару кӯн* батсықыңа, *јырғару* тӯн ортусыңару — *анта* ічрäкі *будун қоп* маңа кöрӯр, *анча будун қоп* ітдім.

Перевод: *Впереди*, к солнечному восходу, *справа* (в стране) полуденной, *назади*, к солнечному закату, *слева* (в стране) полуночной — *там* живущие *народы все* мне подвластны, *столько народов всех* я устроил.

3—4... *Ілгäрӯ* Шантуң јазықа *тäгі сӯлäдім*, талуїқа *кічіг тäгмäдім*; *біргäрӯ* Тоқуз äрсäнкä *тäгі сӯлäдім*, Тӯпӯткä *кічіг тäгмäдім*; *қурығару* Јінчӯ ӯг(ӯз) кäчä Тäмір қапығқа *тäгі сӯлäдім*; *јырғару* Јір Бајырқу јіріңä *тäгі сӯлäдім*, бунча јіркä *тäгі* јорытдым.

Перевод:... *Вперед* с войском *вплоть до* Шантунской равнины *я прошел*, *немного* до моря *не дошел*: *направо* с войском *вплоть до* девяти эренов *я прошел*, до Тибета *немного не дошел*; *назад*, переправясь через реку

---

[114] П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 72; ср. его же, Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями, стр. 280.

[115] С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 31 и 40. Ср.: И. В. Стеблева, Поэзия тюрков, стр. 118. См. другое аналогичное описание боевых подвигов Кюль-Тегина в той же надписи, строки 40—49.

Йенчу (Жемчужную), с войском вплоть до Темир-капыга (Железных ворот) *я прошел*; *налево* с войском *вплоть* до страны Йыр-Байырку, *вплоть до* столь многих стран свои войска *я водил*...[116].

Эти формы синтаксического параллелизма, довольно свободного, придают речи характер слегка ритмизованной прозы, но никак не стихов, основанных на выравнивании числа слогов или ударений.

Составителем надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана называет себя их «родич» Йолыг-тегин, который трижды запечатлел свое имя в надписи Кюль-тегина и один раз — в надписи Бильге-кагана[117]. «Эту надпись писавший — родич его Йолыг-тегин» («Бу бітіг бітігмä атысы Јолығ тігін»). «Столько надписей написавший я, родич Кюль-тегина, Йолыг-тегин это написал. Двадцать дней просидев, на этот камень, на эту стелу, все я, Йолыг-тегин, написал». «Памятник Бильге-кагана я, Йолыг-тегин, написал. Столь многие здания, украшения и художества я, родич (Бильге-кагана) Йолыг-тегин, покрыл надписями и украсил, проведя (за работой) месяц и четыре дня»[118].

Этот первый известный нам тюркский «писатель», так упорно подчеркивавший свое авторство, разумеется, не мог быть одиночкой и опирался на традицию своего времени. Не исключается, конечно, и влияние на него традиции устной, единственной формы художественного слова, известной всем представителям его народа, в большинстве своем «неграмотного». Говоря об устной традиции, можно было бы прежде всего, вслед за Мухтаром Ауэзовым[119], подумать о близких по теме обрядово-бытовых жанрах, таких, как казахские кошоки (обрядовые плачи) или кересы (завещания — вроде завещания хана Кокетея его сыну Бок-Муруну в «Манасе»). Автор или авторы надписей, знавшие в быту эти древние устно-поэтические жанры как единственный способ стилистически приподнятого выражения высоких мыслей на тему оценки и оплакивания усопшего родича, могли находиться под бессознательным воздействием таких образцов. Однако это отнюдь не значит, что они писали

---

116 С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 27 и 34.

117 См.: П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 136; А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй, стр. 34—35; С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники, стр. 64—65, 69.

118 С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, стр. 28 (13); его же, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 19 (XI).

119 Мухтар Ауэзов, Киргизский героический эпос «Манас», — сб. «Киргизский героический эпос Манас», М., 1961, стр. 58—61.

стихами, для пения или устной рецитации. «Воспевать» политическую мудрость старого вельможи Тоньюкука или даже подвиги царевича Кюль-тегина в прозаической форме надгробных надписей было бы, конечно, совершенно невозможно.

Меньше всего следует искать при этом близости с героическим (дружинным) эпосом (как это делает И. В. Стеблева) и соответственно рассматривать надписи как генетический прототип или как отражение тюркского героического эпоса. Героический эпос, если и существовал в эту древнюю эпоху (что в принципе не исключается), имел, вероятно, характер не исторической былины (как произведения феодальной эпохи, вроде казахских жыров или даже киргизского «Манаса»); он должен был приближаться к более архаическому типу богатырской сказки, далекой от конкретных воспоминаний об истории народа и государства и окрашенной элементами сказочно-мифологической фантастики — подобно эпосу алтайцев, шорцев, хакасов, тувинцев, якутов, сохранявшему эту древнюю традицию от времен тюркского каганата и раньше до недавнего прошлого. Такой же архаический характер должна была иметь и стиховая форма этих героических сказок. Она строилась на ритмико-синтаксическом параллелизме, характерном для древнего эпического стиха тюркских народов, а не на «стопах» новоевропейской метрики и не на «тактах» новоевропейской музыки.

Е. И. Убрятова

ЗАДАЧИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

I

Тюркские языки с давних пор изучались в сравнении друг с другом. В процессе сравнительного изучения их было установлено, что тюркские языки очень близки между собой. Особенно часто и последовательно прибегали к сравнению исследователи тюркских языков, имеющих значительные отклонения (чувашский и якутский).

У тюркологов уже выработалось несколько типов сравнительных исследований:

1. Грамматики отдельных тюркских языков с максимальным привлечением сопоставительного материала по другим языкам при описании отдельных явлений. Такие грамматики постоянно создавались и создаются тюркологами. В качестве примеров можно назвать труды А. Казембека[1], О. Н. Бётлингка[2], Н. И. Ашмарина[3], Н. Ф. Катанова[4]. В этой же традиции написана «Грамматика современного турецкого литературного языка» А. Н. Кононова (М. — Л., 1956), содержащая очень большое число сравнений общих и частных деталей в различных тюркских языках в соответствии с современным уровнем их изученности.

2. Монографические исследования некоторых проблем тюркологии на базе отдельных тюркских языков с привлечением широкого сравнительного материала. Например, работы последних лет по аффиксальному и аналитическому словообразо-

---

[1] А. Казембек, Общая грамматика турецко-татарского языка, Казань, 1846.

[2] O. Böhtlingk, Ueber die Sprache der Jakuten. Jakutische Grammatik, St.-Pbg., 1851.

[3] Н. И. Ашмарин, Материалы для исследования чувашского языка, Казань, 1898.

[4] Н. Ф. Катанов, Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня, Казань, 1903.

ванию в азербайджанском [5], башкирском [6], киргизском [7], узбекском [8] и некоторых других языках.

3. Сравнительные и сравнительно-исторические исследования общетюркологического характера по разным проблемам и областям тюркологии. К их числу следует отнести труды В. В. Радлова [9], В. А. Богородицкого [10], К. Грёнбека [11], М. Рясянена [12] и др. Из работ, появившихся в последние годы, назовем книгу А. А. Юлдашева [13], коллективную работу сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР по тюркской лексике [14], статьи А. М. Щербака по сравнительно-исторической фонетике тюркских языков [15].

Особое место в этом ряду занимают исследования по сравнительной грамматике тюркских языков [16], подготовленные сектором тюркских языков Института языкознания АН СССР. Это первый опыт работ такого рода в тюркологии. Кончина организатора и руководителя коллектива, начавшего подготовку исследования, Н. К. Дмитриева, не позволила осуществить ее так, как было задумано. Однако и сейчас эта книга остается единственным справочным пособием такого рода.

4. В последние годы вышли два больших коллективных труда справочного характера, которые, вероятно, значительно продвинут вперед сравнительную и сравнительно-историческую

---

[5] См., например: Э. В. Севортян, Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования, М., 1962; его же, Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования, М., 1966.

[6] Т. М. Гарипов, Башкирское именное словообразование, Уфа, 1959; А. А. Юлдашев, Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке, М., 1958.

[7] Б. М. Юнусалиев, Киргизская лексикология, ч. 1, Фрунзе, 1959; Б. О. Орузбаева, Словообразование в киргизском языке, Фрунзе, 1964.

[8] А. Гулямов, Проблемы исторического словообразования узбекского языка, автореф. докт. дисс., Ташкент, 1955.

[9] W. Radloff, Phonetik der nördlichen Türksprachen, Leipzig, 1882—1883.

[10] В. А. Богородицкий, Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками, Казань, 1934.

[11] K. Grönbech, Der türkische Sprachbau. I, Kopenhagen, 1936.

[12] М. Рясянен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955; M. Räsänen, Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen, — «Studia orientalia», t. XXI, Helsinki, 1957.

[13] А. А. Юлдашев, Аналитические формы глагола в тюркских языках, М., 1965.

[14] «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961.

[15] А. М. Щербак, О тюркском вокализме, — сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 24—40; его же, Тюркские гласные в количественном отношении, — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1966, стр. 146—162.

[16] «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I. Фонетика, М., 1955; ч. II. Морфология, М., 1956; ч. III. Синтаксис, М., 1961; ч. IV. Лексика, М., 1962.

грамматику тюркских языков. Это вышедшие в Висбадене в 1959 г. «Philologiae Turcicae Fundamenta», t. I и в 1966 г. в Москве «Тюркские языки» («Языки народов СССР», т. II).

Оба эти труда состоят из кратких очерков по отдельным тюркским языкам. В них даны основные сведения по фонетике, грамматике, лексике и диалектологии этих языков. Но в построении и содержании этих изданий есть и существенные различия. «Тюркские языки» содержат очерки в основном по литературным языкам тюркоязычных народов СССР (в виде исключения в них даны очерки по языку барабинцев, караимов, чулымцев-тюрков и шорцев). Написаны они на основании материалов, отражающих современное состояние тюркских языков, что выгодно отличает наше издание от «Philologiae Turcicae Fundamenta», где очерки языков во многих случаях основываются на старых материалах и отличаются несколько произвольным пониманием состава тюркских языков СССР, их внутренних отношений, названий и самоназваний. Однако для сравнительной грамматики эти очерки дают больше материала, так как они охватывают все современные и древние тюркские языки, что в задачу советского издания не входило. Кроме того, труд «Philologiae Turcicae Fundamenta» снабжен прекрасными указателями, чего нет в нашем издании.

Работы, перечисленные выше, писались в разное время. Те из них, которые написаны еще в прошлом веке или в начале XX в., конечно, не могут полностью удовлетворять требованиям исследований сегодняшнего дня, когда изучение тюркских языков очень продвинулось вперед и редкий день не выходит книга, посвященная каким-нибудь новым вопросам тюркологии. Сплошным потоком идут авторефераты диссертаций, которые, хотя и слабо отражают большую работу вступающих в строй тюркологов, все же содержат много нового. Поднят огромный материал по многим тюркским языкам. Ведется очень интенсивное изучение диалектов почти по всем тюркским языкам, что тоже дает большой, новый и весьма важный для общей тюркологии материал, который, однако, остается необобщенным. Между тем все эти материалы должны обязательно учитываться в работах, имеющих целью решение общетюркологических задач, так как они показывают ход развития как самих тюркских языков, так и их составных элементов. У нас наблюдается очень большое несоответствие между накопленным фактическим материалом и его использованием как в общетеоретической тюркологической литературе, так и в исследованиях отдельных языков.

Изучение отдельных языков показало, что за материальной общностью тюркских языков скрываются значительные расхождения в использовании общих элементов в отдельных язы-

ках. Из-за неравномерности развития отдельных явлений и целых систем в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике, разной степени изолированности развития, различных, часто очень сложных условий взаимодействия с родственными и неродственными языками тюркские языки получили очень большие внутренние различия. Нередко одно и то же явление в разных тюркских языках оказывается как бы на разных уровнях развития, и потому сравнение всех данных по разным языкам оказывается очень важным для их понимания. Приведу только один пример. Не так давно у азербайджанских диалектологов и историков языка разгорелся спор о форме повелительного наклонения 1-го лица мн. числа. В диалектах азербайджанского языка она имеет аффиксы *-ағын*, *-əјүн*, *-ағуз*. М. Ш. Ширалиев рассматривает первый из них как состоящий из аффиксов 1-го лица мн. числа *-к* и 2-го лица *-н*[17]. Р. А. Рустамов считает его лишь фонетическим вариантом аффикса 1-го лица ед. числа *-ајын*, некогда употреблявшегося в значении 1-го лица мн. числа[18].

В акногайском диалекте ногайского языка имеются формы на *-ыякъ* (*-yjak*) и *-ягъынъыз* (*-jaɣyŋyz*)[19]. Первая из них рассмотрена С. А. Калмыковой как форма 1-го лица мн. числа повелительного наклонения, вторая — как форма 1-го лица мн. числа желательного наклонения. Башкирские диалектологи также обнаружили в некоторых диалектах аналогичные формы повелительного наклонения 1-го лица мн. числа. Так, Н. Х. Ишбулатов отметил, что в казмашевском говоре «желание — побуждение выражается формантом *-йығыҙ...*». По его мнению, он этимологически распадается на аффикс 2-го лица мн. числа *-айыҠ* и на показатель множественности *-ыҙ*[20]. С. Ф. Миржанова выявила аналогичные формы «двойного» множественного числа в говорах южного (юрматинского) диалекта *-əйеклəр* и в восточном (куваканском) диалекте *-əйегеҙ*[21]. В бурзянском говоре Н. Х. Максютова отметила форму повелительного наклонения 1-го лица мн. числа на *-айыҠ*(*-əйек, -йыҠ, -йек*). В различных пунктах этого же говора зафиксированы формы на *-айығыҙ* (*-əйегеҙ, -йығыҙ, -йегеҙ*) (дер. Гадельгареево) и *-айыҠлар* (*-əйек-лəр*), которые, по наблюдениям Н. Х. Максютовой,

[17] М. Ширəлијев, Азербајчан диалектоложијасынын əсаслары, Бакы, 1962, стр. 199.

[18] Р. А. Рустамов, Глагол в диалектах и говорах азербайджанского языка, автореф. докт. дисс., Баку, 1964, стр. 73—75.

[19] С. А. Калмыкова, Акногайский диалект ногайского языка, автореф. канд. дисс., М., 1965, стр. 17.

[20] Н. Х. Ишбулатов, Морфологические особенности казмашевского говора, — «Башкирский диалектологический сборник», Уфа, 1959, стр. 121.

[21] С. Ф. Миржанова, Материалы экспедиции 1958 года (Предварительное сообщение), — там же, стр. 199.

различаются по значению. В первой выражается «просьба, сопровождаемая легким приказанием», во второй «подчеркивается коллективность действия»[22]. Эта форма встречается в некоторых тюркских языках Сибири. Д. Г. Тумашева отмечает следующие аффиксы в повелительном наклонении в диалектах татарского языка Сибири, в которых имеются некоторые различия в оформлении лица.

Общие диалектные особенности:
1 л. ед. ч. *-ай-ым*
1 л. мн. ч. *-ай-ық*
Тюменский говор:
1 л. ед. ч. *-ай-ын//-ай-ым*
1 л. мн. ч. *-ай-ық//-ай-ың//-ай-ығ-ың*
Тобольский говор:
1 л. ед. ч. *-ай-ын*
1 л. мн. ч. —
Говор заболотных татар:
1 л. ед. ч. *-ай-ын*
1 л. мн. ч. *-ай-ың//-ай-ығ-ың*
Тевризский говор:
1 л. ед. ч. *-ай-ын//-ый-н*
1 л. мн. ч. *-а-қ*
Тарский говор:
1 л. ед. ч. *-ай-ын*
1 л. мн. ч. *-ай-ық-лар-ың*[23]

В языке томских татар А. П. Дульзон[24] различает во множественном числе аффиксы двойственного (*-лык* 'мы двое') и множественного числа (*-ыклар*). В якутском языке эта форма входит в литературный язык и имеет следующие аффиксы и значения:

-ыа-х : барыах 'пойдем-ка мы с тобой';

-ым-ыа-х : барымыах 'не пойдем-ка мы с тобой';

-ыа-ҕ-ың : барыаҕың 'давайте пойдемте мы все (мы вдвоем и вы)';

-ым-ыа-ҕ-ың : барымыаҕың 'давайте не пойдем мы все'.

Сопоставление многочисленных аффиксов повелительного наклонения 1-го лица ед. и мн. числа в разных тюркских языках и их диалектах позволяет сделать вывод, что в прошлом в 1-м лице мн. числа были широко распространены исключительная ('только мы с тобой') и включительная ('мы с тобой и вы') формы.

---

[22] Н. Х. Максютова, Бурзянский говор, — «Башкирская диалектология. Говоры юго-востока Башкирии», Уфа, 1963, стр. 103.

[23] Д. Г. Тумашева, Көнбатыш Себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сүзлек, Казан, 1961, стр. 86 (таблица).

[24] А. П. Дульзон, Диалекты татар — аборигенов Томи, — «Уч. зап. Томского пединститута», Томск, 1956, т. XV, стр. 358.

Сопоставление аффиксов и семантики форм повелительного наклонения 1-го лица мн. числа объясняет их структуру для тех языков, в которых отдельные элементы аффиксов уже не выделяются. Например, в якутском языке аффикс исключительной формы *-ыах* не расчленяется на свои составные элементы (*-ыа-х*<*-ыја-k*), так как в современном языке не сохранилось аффикса 1-го лица мн. числа *-х*, а сочетание *-ыја-* перешло в дифтонг *-ыа-*. Но в якутском языке сохранилась семантика формы, что позволяет объяснить ее значение в прошлом и для других языков.

В азербайджанском языке произошло другое. Там, по-видимому, утрачена семантика формы, но сохранились аффиксы, превратившиеся в диалектные варианты *-а-ј-н*||*-а-ғ-уз* (ср. аффиксы башкирского и татарского языков, о которых речь шла выше).

Приведенные здесь материалы также показывают, что включительная форма 1-го лица мн. числа уточнялась в разных языках по-разному. В диалектах татарского языка и в якутском языке к личному аффиксу 1-го лица мн. числа *-k(-х)* присоединяется аффикс *-ң* (аффикс 2-го лица ед. числа, который в повелительном наклонении служит личным оформлением 2-го лица мн. числа). В акногайском диалекте к этому аффиксу присоединяется древний показатель множественного числа *-з* (*-ягъынъыз*). В кизильском говоре восточного диалекта башкирского языка *-ң* выпало и осталось только *-з* (*-айығыз̧*). В диалектах азербайджанского языка стяжение пошло еще дальше и аффикс превратился в *-ағуз*. В некоторых языках и их диалектах во множественном числе включительной формы используется аффикс множественного числа *-лар*. Например, в южном диалекте башкирского языка (*-йа-к̄-лар*), в чулымском языке (*-ык-лар*). Есть, наконец, и такие языки, в которых используются и те и другие аффиксы, например, в тарском говоре татарского языка (*-айы-ķ-лар-ың*, т. е. как бы 'мы с тобой'+'они'+'вы').

Пример с исключительной и включительной формами повелительного наклонения 1-го лица мн. числа показывает, как важны диалектные материалы для исторической морфологии тюркских языков. Он также говорит и о том, что диалектологи должны внимательно изучать аналогичные диалектные материалы по другим тюркским языкам, особенно в тех случаях, когда описываются явления, пережиточно сохранившиеся в диалектах данного языка. Рудиментарные диалектные формы одних языков (в данном случае азербайджанского языка) в диалектах других языков (например, башкирском, ногайском, татарском и некоторых других) наслаиваются на другие формы парадигмы повелительного наклонения и утрачивают свою се-

мантику. Сведенные вместе, они позволяют видеть былую семантику этой формы, разные способы выражения в ней одного и того же грамматического значения и, главное, показывают, что данная форма была распространена прежде в большом числе тюркских языков на большой территории (Азербайджан, Татария, Башкирия, Якутия, Алтай и др.).

II

То, о чем шла речь выше, общеизвестно, но когда дело доходит до конкретного исследования, об этих общеизвестных вещах нередко забывается. Очень часто наши авторы исходят из своих наблюдений, сделанных на основе одного известного им языка, а выводы затем распространяют на все тюркские языки. Показателен в этом отношении спор о значении прошедшего времени на *-т* в разных тюркских языках. Каждый исходит в этом споре из того, что известно ему по одному языку, распространяя свои знания на все тюркские языки. В результате существует, вероятно, несколько взаимоисключающих определений прошедшего на *-т* в тюркских языках вообще.

Не так давно во Фрунзе вышла книга А. Джапарова «Главные члены предложения в современном киргизском языке» (Фрунзе, 1967). Автор, приняв без всяких оговорок высказывание П. М. Мелиоранского о том, что синтаксис тюркских языков в общих чертах является единообразным [25], счел себя вправе, привлекая сравнительный материал, рассмотреть все формулировки, характеризующие оформление подлежащего и сказуемого, данные другими авторами для других языков, исходя из синтаксиса киргизского языка.

Книга написана очень сердито, в тоне последней инстанции, приговор которой обжалованию не подлежит. К сожалению, этот стиль довольно распространен в тюркологической литературе, и надо сказать, что многие хорошие работы он очень портит. В книге А. Джапарова этот стиль выражен очень ярко. Желая вникнуть в суть замечаний А. Джапарова по поводу моей работы «Исследования по синтаксису якутского языка, ч. 1. Простое предложение» (М. — Л., 1950), я обнаружила, что А. Джапаров в моей книге читал только интересующие его определения. Иначе он не мог бы написать о том, что сказано у меня о широте функций основного (неоформленного) падежа имени существительного в якутском языке, следующее: «Таким образом, исследователь при таком подходе стирает грани между всеми членами предложения, сваливая их в одну кучу.

---

[25] П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. II. Синтаксис, СПб., 1897, стр. V.

Как показывают наши исследования, ничего неясного, темного, безгранично неопределенного здесь нет. Просто-напросто при отрицании наличия именительного падежа не учитывались стилистические функции оформленных и неоформленных косвенных падежей.

Как явствует, опущение или употребление формального показателя косвенных падежей (родительного, винительного) выступает средством выражения категории неопределенности или определенности...»[26].

Если бы автор прочел мою книгу, то он узнал бы о вещах, отчасти давно известных (по трудам Бётлингка и Грёнбека), что в якутском языке категория определенности не имеет морфологического выражения и родительный падеж в нем отсутствует, что в нем определение всегда имеет форму основного падежа (*киhи дьиэтэ* 'дом человека') и потому нет противопоставления оформленного и неоформленного родительного падежа. Из моей книги он мог узнать, что прямое дополнение в якутском языке выражается пятью падежными формами: винительным, винительным собирательным, частным, исходным и основным падежами. Выбор падежной формы определяется необходимостью выразить степень охвата объекта действием. Винительный падеж употребляется, когда объект и действие расчленены, но объект полностью охвачен им; основной падеж употребляется, когда объект сливается с действием и служит лишь его уточнением; винительный собирательный падеж показывает, что объект или часть его целиком охвачен действием; частный падеж выражает объект, представляющий собой неопределенную часть из числа других объектов; исходный падеж — объект, составляющий часть из неопределенного целого.

Поэтому в якутском языке прямое дополнение в основном падеже соотнесено не только с винительным, но в такой же степени и с другими падежными формами по принципу отношения к действию и по степени охвата им. Категория определенности здесь выражается не падежной формой, а другими средствами. Считать в этом случае основной падеж неоформленным винительным нельзя. Функции основного падежа охарактеризованы мною в соответствии с тем, что в данном случае имеется в якутском языке. А. Джапаров же возражает мне, исходя из особенностей киргизского языка. Если бы он направил свою энергию на сравнение изученных им явлений в киргизском языке с аналогичными явлениями других тюркских языков, мы получили бы новое сравнительно-грамматическое исследование в области синтаксиса тюркских языков.

---

[26] А. Джапаров, Главные члены предложения в современном киргизском языке, Фрунзе, 1967, стр. 57.

Якутскому языку, который во многих отношениях отличается от современных тюркских языков, а иногда и от всех тюркских языков, часто не везет. В сравнительно-грамматических работах якутские материалы очень часто отсутствуют, а если и приводятся, то нередко с ошибками. Так, в интересно задуманной книге Н. З. Гаджиевой «Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке» (М., 1963), в главе II, в которой сложноподчиненные предложения азербайджанского языка сопоставляются с аналогичными синтаксическими конструкциями других тюркских языков, якутские материалы в трех случаях из восьми приведены с ошибками. Например, на странице 166 дана форма на *-а илик* в местном падеже лично-притяжательного склонения (*утуйа илик-тэр-и-нэ* 'когда еще не уснули — они'), которую автор принял за условное наклонение.

В книге А. А. Юлдашева, посвященной сравнительно-грамматическому описанию некоторых аналогичных форм глагола тюркских языков[27], материалам из якутского языка тоже не очень повезло. Так, на странице 7 приведен пример из якутского языка на аналитическую форму сослагательного наклонения *-ыах э-т-*, к сожалению воспроизведенную с грубыми опечатками (вм. *-ыах э-т-* — *-нах эти-* и вм. *маны гыныах ӓтім* — *амны чыннах ӓтім*). На странице 128, где речь идет о временной форме на *-р эди-*, говорится: «Во всех языках, в которых данная форма вошла в систему прошедшего времени, она представлена также и в системе сослагательного наклонения...». На странице 251 еще более категорично: «Из всех форм сослагательного наклонения форма на *-р эди-* является в тюркских языках самой распространенной: ее не знают лишь хакасский и тувинский языки». Следовательно, автор в этой части книги относит якутский язык к числу тех тюркских языков, в которых сослагательное наклонение имеет форму *-р эди-?* Но сослагательное наклонение в якутском языке образуется по модели: причастие будущего времени+вспомогательный глагол *э-* в прошедшем времени, т. е. та форма на *-ыах э-т-*, которую А. А. Юлдашев привел на странице 7. Якутское причастие будущего времени на *-ыах* якутоведы обычно сопоставляют с формой на *-ацак*[28]. (Причастие на *-ар* в якутском языке выражает настоящее время.) Поэтому трудно согласиться с утверждением А. А. Юлдашева о том, что якутский язык совершенно не знает формы на *-чак эди-* (стр. 262). Будь у нас хорошо

---

[27] А. А. Юлдашев, Аналитические формы глагола в тюркских языках, М., 1965.

[28] С. В. Ястремский, Грамматика якутского языка, Иркутск, 1900, стр. 43; W. Radloff, Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen, St.-Pbg., 1908, стр. 48.

разработанная сравнительная грамматика, этих недоразумений, конечно, не было бы.

III

Создание сравнительной грамматики необходимо сейчас еще и потому, что у нас начинает развертываться работа по сравнительно-исторической грамматике, для которой она должна стать надежной базой. Она будет надежной базой и для целого ряда исследований в области истории отдельных тюркских языков (где это возможно), их исторических грамматик, исторических исследований отдельных явлений, их грамматического строя, исторической лексикологии и исторической диалектологии тюркских языков.

Сравнительно-грамматические работы в области тюркологии будут интересны и полезны также для этнографов и историков. Данные исторических исследований по языку иногда оказываются решающими для истории народа в тех случаях, когда отсутствуют исторические документы.

В докладах, прослушанных на этой конференции, несколько раз упоминались древние киргизы Сибири и их язык. И историков, и языковедов очень интересует вопрос об отношении древних киргизов к современным. Мне кажется, что данные сравнительной грамматики в решении этого вопроса могут иметь большое значение.

Близость современного киргизского языка к алтайскому уже давно установлена. По некоторым фонетическим и грамматическим признакам киргизский язык должен быть отнесен к группе сибирских тюркских языков. В этом отношении очень интересен состав вторичных причастных форм всей этой группы, включая и современный киргизский язык. Например, глагольная форма на *-а элек* (в киргизском), *-а илик* (в якутском), *-галак* (в алтайском, шорском, хакасском, тувинском, чулымском языках), которая в других тюркских языках пока не отмечена, формы на *-чу, -чук, -оочу* тоже свойственны только тюркским языкам Сибири. Общность вторичных причастных форм, характерных лишь для этой группы языков, свидетельствует о генетических связях современного киргизского языка с сибирскими, а следовательно, и киргизского народа с древними киргизами, жившими рядом с этими народами на Енисее.

Создание сравнительной грамматики — дело совершенно необходимое и неотложное, но для современного состояния изученности тюркских языков очень нелегкое. Сейчас уже имеется море материала, освоить который под силу только большому коллективу. Вероятно, нужно будет общими усилиями продумать план осуществления этой работы.

Создание сравнительной грамматики тюркских языков невозможно без большой подготовительной работы, так как необходимы и исследования частных и общих вопросов сравнительной грамматики, и составление полных и точных справочных пособий как по отдельным языкам или группам языков, так и по всем тюркским языкам.

Исследовательскую работу можно в значительной степени осуществить через диссертации, кандидатские и докторские.

Очень много дала бы тщательная разработка курсов сравнительной грамматики в наших тюркоязычных вузах, в которых это делается, но делается разобщенно. Может быть, следовало бы обсудить, специально для этого собравшись, программы курсов по сравнительной грамматике тюркских языков. Разработка таких курсов очень повысила бы сравнительно-грамматический уровень знаний будущих тюркологов и вместе с тем дала бы специальные пособия по сравнительной грамматике и исследования частного характера. Для создания справочников по сравнительной грамматике работу нужно распределить между нашими тюркологическими ячейками (исследовательскими институтами и кафедрами тюркских языков вузов).

Справочники по отдельным языкам, с учетом богатейших диалектных материалов, могут быть составлены местными институтами.

Главное сейчас заключается в том, чтобы работа по сравнительной грамматике началась, а это само по себе явится хорошей основой координации общей тюркологической работы.

Н. А. Баскаков

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИКИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

1

Современное тюркское языкознание располагает уже значительным богатством накопленного опыта и в отношении монографического описания грамматической структуры подавляющего большинства языков и диалектов, и в отношении учета лексики всех основных тюркских языков, который реализован в различного рода и объема двуязычных и толковых словарях.

Имеются, хотя и не исчерпывающие, но значительные исследования сравнительно-исторического характера, представленные как в узко тюркологических трудах (О. Бётлингка, В. Радлова, В. Банга, М. Рясянена, Н. Катанова и др.), так и в более широких по охвату алтаистических и урало-алтаистических штудиях (Б. Я. Владимирцова, В. Котвича, Г. Рамстедта, Н. Поппе, М. Рясянена, Д. Шинора, Дж. Клосона, Л. Лигети и др.).

Начаты исторические исследования конкретных тюркских языков. Делаются попытки применения математических методов изучения тюркских языков. Развертывается грандиозный план лингво-ареального изучения всех тюркских языков и диалектов в виде общетюркского лингвистического атласа. Но традиционная тюркология начиная с середины XIX в. имеет своими основными и наиболее многочисленными исследованиями исследования описательного типологического характера.

Подавляющее большинство тюркологов-лингвистов занимались описанием строя конкретных тюркских языков, их лексической, грамматической и фонолого-фонетической структуры.

Таким образом, современное тюркское языкознание обладает уже значительными достижениями в понимании природы и сущности различных явлений фонологической, грамматической и лексической структуры тюркских языков.

Успехами в познании специфики структуры тюркских язы-

ков мы обязаны в значительной степени русской и советской школе тюркологов-грамматистов Ильминского — Мелиоранского — Самойловича — Гордлевского — Дмитриева, которые в своих грамматических исследованиях вскрыли сущность многих явлений тюркской грамматики в сопоставлении с соответствующими явлениями индоевропейской и, в частности, русской грамматики.

Новые достижения общего языкознания, более совершенные методы исследования, применяемые в языкознании, ставят перед тюркологами новые актуальные задачи в изучении тюркских языков, и в частности грамматической их структуры.

В связи с постановкой общей проблемы изучения типологии всех языков мира, с задачами изучения схождений и расхождений типологии языков различных систем и установления универсальных констант, общих для всех языков, перед тюркологами ставится задача более тщательного изучения типологии тюркских языков в сравнительно-историческом плане.

Господствующие в современной тюркологии концепции грамматического описания конкретных тюркских языков, базирующиеся в значительной степени на сопоставлении фактов данного тюркского языка с фактами языка иной структуры, не охватывают всех специфических особенностей типологии описываемого тюркского языка и требуют замещения новыми концепциями, исходящими непосредственно из специфики изучаемых языков. Только точное отражение типологического своеобразия каждого конкретного языка или группы родственных языков позволит исследователю при дальнейшем типологическом сопоставлении данных разносистемных языков установить точно то универсальное и то специфичное, что характеризует каждый язык или каждую группу родственных языков.

Структурно-типологические сопоставления при описании конкретного языка с фактами какого-либо языка иной системы часто препятствуют истинному отражению специфики явления. Сравните, например, характерные для исследователей современной традиционной грамматики многих тюркских языков смешения категорий причастного оборота и придаточного предложения, вследствие того что придаточному предложению в русском языке в тюркских языках по смыслу (и только по смыслу) чаще соответствует конструкция причастного оборота, синонимичного придаточному предложению.

Между тем более точное установление специфики типологии при описании конкретного языка или группы родственных языков может быть ключом к раскрытию некоторых общих вопросов языкознания и, в частности, вопросов отношения категорий языка и мышления, вопроса происхождения языка, установления общих типологических универсалий и пр.

6 Заказ 1296

Итак, перед тюркологами-грамматистами стоит задача разработки основ историко-типологической грамматики тюркских языков, более точно отражающей как общие для всех языков универсальные, так и особенные, специфические только для тюркских языков категории.

2

Историко-типологическая грамматика тюркских языков предусматривает установление системы тех синтаксических, морфологических, лексических и фонологических единиц, которые определяют общий структурный тип тюркских языков.

Историко-типологическая грамматика тюркских языков должна быть основана на сравнении законов развития конкретных родственных языков на различных этапах их развития и иметь своими задачами: во-первых, установление характерной для тюркских языков идеальной, образцовой структуры и тех основных признаков, которые характеризуют ее; во-вторых, выявление процессов становления этой идеальной структуры и ее модификаций, которые образовались под влиянием внутреннего развития и внешних факторов (в том числе различного рода субстратов и адстратов), и, в-третьих, изучение общей системы взаимозависимости и иерархии всех уровней языка, а также основных типов синтаксических, морфологических и фонологических единиц тюркских языков.

При установлении характерной для тюркских языков идеальной структуры, сформировавшейся на определенной стадии их развития, необходимо синхронное сопоставление соответствующих синтаксических, морфологических и фонологических моделей, встречающихся во всех конкретных языках, чтобы, сопоставляя эти синхронные модели, можно было определить диахронический процесс их развития от наиболее древней конструкции к более новой, образовавшейся под воздействием внутренних и внешних факторов их развития. В таком диахроническом сопоставлении определяется и исходный, наиболее характерный для всех тюркских языков эталон каждой модели, а также диахроническая последовательность развития модификаций данного конкретного явления, представленного в разнообразных моделях в конкретных тюркских языках.

Таким образом, при сопоставлении различных типов и модификаций моделей различных элементов языка в синхронном плане определяются также и диахронные, последовательные процессы развития этих моделей, поскольку эти модели отражают собой неравномерное, разностадиальное развитие языковых явлений, конструкций их элементов и форм. Так, например, структура предложения в тюркских языках на различных ступе-

нях своего развития имеет свои особые дифференциальные признаки, по которым можно установить относительную хронологию развития предложения в тюркских языках вообще.

Историко-типологический подход к изучению языка показывает, что каждому конкретному тюркскому языку свойственно то общее, что имеет установленная идеальная структура для определенного этапа развития всех тюркских языков, и то различное, те отклонения в структуре, которые возникли в процессе развития данного конкретного языка под влиянием внутрилингвистических и внешнелингвистических факторов.

Историко-типологический анализ поможет определить своеобразие общих синтаксических, морфологических и фонологических моделей для всех тюркских языков и тех специфических моделей, которые характерны для того или иного конкретного тюркского языка; определить иерархию этих моделей как между соответствующими уровнями, так и внутри каждого уровня; установить соотнесенность синтаксических значений со специфическими средствами их морфологического выражения, а также продуктивность последних по отдельным конкретным языкам (ср., например, продуктивность причастия на *-мыш, -ған* или масдаров на *-мақ, -ыш, -уў* по конкретным языкам).

Установившийся в тюркологии подход к изучению грамматики тюркских языков характеризуется анализом явлений языка, который рассматривается не в единстве всех его аспектов или уровней, а в расчленении их на уровни лексический, синтаксический, морфологический и фонологический, без установления взаимосвязи явлений, без анализа причинности этих явлений.

Историко-типологический подход к изучению грамматики тюркских языков требует от исследователя как аналитического подхода к трактовке всех конкретных явлений языка, так и абсолютного обобщения всех аспектов языка в единую систему, т. е. применения различных методов исследования языковых явлений.

Если для исследования отдельных явлений языка необходим индуктивный подход (от более конкретных явлений к их обобщенным категориям, от анализа конкретных дифференциальных фонологических, лексических, морфологических и синтаксических явлений и установления конкретных видов и типов соответствующих моделей к их синтезу и установлению более общих интегральных категорий, общих явлений и типов моделей), то для констатации и описания общей структуры языка уместен дедуктивный метод (от наиболее общих исходных категорий языка, от более обобщенных типов моделей к конкретной реализации этих исходных общих категорий в более частных их проявлениях и в более конкретных моделях). Если

при исследовании языка возможно расчленение явлений по отдельным аспектам изучения (фонология, лексика, морфология, синтаксис) и регистрация соответствующих частных моделей и их типов, то для констатации и описания общей структуры языка в единой системе всех аспектов необходим единый последовательный порядок изложения от более общих категорий синтаксиса к лексическим, морфологическим и фонологическим категориям, выражающим эти синтаксические категории в их причинных связях и взаимоотношениях.

Установление общей типологической структуры тюркских языков во взаимосвязи всех уровней языка будет способствовать более успешному достижению конечной цели типологических исследований — определению основных признаков универсальных констант языка и их конкретных модификаций, т. е. установлению общей для всех языков структуры и ее реализации по конкретным языкам.

3

Наиболее общими, универсальными и едиными по своей сущности константами являются мыслительные акты, реализующие мышление человека, и те основные синтаксические единицы — предложение и словосочетание, которые выражают эти мыслительные акты в языке. Именно из мыслительных актов, общих для всего человечества, и наиболее универсальных категорий в языке, какими являются предложения и словосочетания, следует исходить при установлении всех других универсальных констант в языке и их модификаций по различным конкретным языкам. Следовательно, универсальные константы, а также их конкретные специфические модификации могут быть установлены только при точном определении отношений категорий мышления и категорий языка.

В задачи историко-типологического исследования группы родственных языков, в данном случае тюркских языков, таким образом, входит анализ основных мыслительных актов, установление их основных типов и реализации их в языке. Структура тюркских языков определяется прежде всего установлением общих категорий и типов мышления и языковых форм их реализации, представленных различными моделями синтаксических конструкций, которые имеют в диахронном разрезе разнообразное оформление и синтаксическую структуру. Эти модели имеют неодинаковую степень продуктивности по отдельным родственным языкам, что позволяет наметить их хронологию и установить закономерности процессов их развития. Типологические сопоставления различных синтаксических конструкций и их морфологического оформления позволяют установить

основные этапы развития всех конкретных родственных языков и определить общую специфику типологии данных языков, их как бы образцовую, идеальную структуру, модификации которой представлены в каждом родственном языке с их специфическими особенностями, которые вызваны, с одной стороны, внутренними закономерностями их развития, а с другой — влиянием различного рода субстратов и адстратов.

Диалектика всех явлений реальной действительности выявляется и в отношении актов человеческого мышления, которые представлены природой человека в оппозиции: а) акта дифференциации, конкретизации, реализующегося в языке в атрибуции — в атрибутивных словосочетаниях, и б) акта интеграции, абстрагирования, обобщения, реализующегося в языке в предикации — в предикативных словосочетаниях или предложениях.

И словосочетания и предложения являются наиболее общими и универсальными константами в языках всего человечества, реализующимися, однако, во множестве различных типов, видов и вариантов, структурно различающихся по конкретным языкам.

Историко-типологическая грамматика группы родственных (в данном случае тюркских) языков по существу должна дать точное представление о взаимоотношении категорий мышления, общих для всего человечества, и категорий данного языка или группы языков, реализующих эти единые для всех категории мышления, имеющие, однако, различную языковую форму.

Единое мышление и единые общие принципы соотношения категорий мышления и категорий языка позволяют предполагать, что существует во всех языках какой-то единый структурный каркас для каждой из основных синтаксических единиц — словосочетания и предложения — и что только детали этого каркаса, двусоставного по своей природе, выражают специфику конкретных языков, в которых они реализуются.

Проблема синтагматической оппозиции словосочетания и предложения как категорий, реализующих в языке два основных типа мыслительных актов, совершенно не изучена и ставится впервые, так как до настоящего времени словосочетания не рассматривались как синтагматические единицы, противопоставляющиеся предложению, но трактовались только как некий «строительный материал для предложения».

В плане историко-типологического исследования стоит большая задача изучения всех моделей словосочетаний и предложений, установления их основных типов, видов, подвидов и отдельных конкретных моделей, встречающихся во всех конкретных языках во всем многообразии разностадиальных их модификаций.

4

Если основной оппозицией в синтаксическом плане является противопоставление основных синтаксических конструктивных единиц — предложения и словосочетания, выражающих в языке два основных акта мышления, то основной лексико-семантической оппозицией в грамматическом плане является противопоставление слов по функциям, которые они выполняют в словосочетаниях и предложениях, т. е., с одной стороны, слов с субстантивным значением, выступающих в роли определяемых членов словосочетания и предложения, и, с другой стороны, слов с атрибутивным значением, выступающих в роли определяющих членов словосочетаний и предложений. Наконец, важным грамматическим противопоставлением основных лексических категорий являются имена и глаголы, выражающие в языке два основных типа понятий — статических и динамических предметов и признаков, которые в свою очередь имеют в семантическом плане более конкретные противопоставления.

В плане историко-типологического изучения тюркских языков стоит новая задача —изучение лексико-грамматических моделей, характеризующих различные структурные типы и виды имен и глаголов в различных конкретных языках. Особенно важной задачей является изучение типологии морфемного строения слов, так как именно морфемы служат средством выражения в языке всех указанных противопоставлений.

Типологические сопоставления синтаксических конструкций и их морфологического выражения позволяют установить общие для тюркских языков функциональные морфологические категории, выражающие те или иные элементы каждой синтаксической конструкции. Функциональные морфологические категории в свою очередь позволяют установить более точную лексико-грамматическую классификацию словарного состава языка.

Наконец, точное понимание всех типов синтаксических конструкций поможет также типологическому анализу морфологической структуры слова, установлению соответствующих морфологических моделей слова и их классификации.

В отношении типологического анализа слова в задачу исследования входит:

а) установление и классификация всех морфологических моделей структуры слова, которые имеются в тюркских языках и которые ограничены определенными типами и определенной сочетаемостью их морфологических элементов; б) установление основных типов корневой морфемы; в) установление основных типов двухморфемного слова, т. е. слова, состоящего из коренной морфемы и различного типа аффиксальной морфемы;

г) установление основных типов многоморфемных слов и границ предела многоморфемности.

В тюркских языках морфологическая структура слова строго соответствует синтаксической структуре словосочетания и предложения (определение перед определяемым, дополнение перед дополняемым, подлежащее перед сказуемым), т. е. в системе словообразования распределение корневой морфемы и аффиксальных морфем имеет тот же порядок — более абстрактные категории находятся в постпозиции по отношению к конкретным, определяемые категории находятся в позиции после определений.

В связи с этим можно допустить предположение о том, что каждая аффиксальная морфема на более раннем этапе развития тюркских языков представляла собой служебное слово, а еще раньше самостоятельное слово с реальным вещественным значением.

Любопытны в этом отношении типологические параллели между тюркскими агглютинативными языками и изолирующими, например китайским и кхмерским, языками. В статье Ю. А. Горгониева «Явления параллелизма в становлении грамматических категорий в языках изолирующего типа»[1] приводятся некоторые глагольные основы китайского языка, выражающие в грамматическом плане видовые оттенки глагола, которые в некоторых случаях фонетически редуцировались и превратились в соответствующие грамматические показатели — форманты, или аффиксы.

С тем же реальным и грамматическим видовым значением встречаются основы глагола в тюркских языках, например: кит. *лай,* тюркск. *кел-* 'приходить' в видовом значении служат детерминатами направления к говорящему лицу, ср., например, тюркск. *йумалап кел-* 'прикатиться'; кит. *цюй,* тюркск. *кет-* 'уходить' или *бар-* 'отправляться' указывает на направление от лица говорящего, ср. тюркск. *йумалап кет-* 'укатиться' или *йумалап бар-* 'покатиться'; кит. *цзинь,* тюркск. *кир-* 'входить' указывает на направление внутрь, ср. тюркск. *йумалап кир-* 'вкатиться'; кит. *чу,* тюркск. *чыҡ-* 'выходить' указывает на направление вне, изнутри, ср. тюркск. *йумалап чыҡ-* 'выкатиться'; кит. *ся,* тюркск. *түш-/түс-* 'спускаться, сходить' указывает на направление сверху вниз, ср. тюркск. *йумалап түш-* 'скатиться', а также временные оттенки, ср., например, глаголы: кит. *цзай,* тюркск. *тур-* 'стоять, являться, существовать, жить', которые служат в китайском и тюркских языках показателями длительного настоящего времени, ср., например, тюркск. *оҡуп тур-*

---

[1] Сб. «Лингвистическая типология и восточные языки», М., 1965, стр. 132—134.

'длительно учиться'; кит. *яо* 'хотеть, желать' служит детерминативом будущего времени, с этим же глаголом связано происхождение будущего времени в тюркских языках; кит. *вань*, тюркск. *бит-/бүт-* 'заканчивать, завершать' — показатель совершения действия и т. п.

Общие закономерности развития видовых модификаций глагола в китайском, кхмерском и в некоторых других изолирующих языках, а также в тюркских и других агглютинативных языках, а кроме того, и другие общие типологические черты позволяют более глубоко проникнуть в изучение морфологической структуры тюркского сложного слова, состоящего из корневой морфемы и одного или нескольких словообразовательных аффиксов, представлявших на более ранней стадии развития языка самостоятельные слова сначала с реальным, конкретным, затем абстрактным и, наконец, служебным грамматическим значением.

Итак, морфологический анализ состоит из установления определенных основных констант или конструктивных единиц внутри структуры слова и установления основных типов корневой морфемы и основных типов аффиксальных морфем, группирующихся в определенные парадигматические ряды.

Типы корневых морфем характеризуются, с одной стороны, своим фонологическим составом, а с другой — своим лексическим значением, семантикой. Все корневые морфемы с знаменательным реальным значением разделяются на две основные категории именных и глагольных морфем.

Более сложную систему представляют аффиксальные морфемы, которые типологически классифицируются на несколько основных типов: 1-й тип — лексико-грамматические морфемы, изменяющие реальное значение и имеющие два основных подтипа морфем или аффиксов: а) модифицирующие значение корневой морфемы без трансформации ее из глагольной в именную или из именной в глагольную и б) конверсирующие значение, т. е. трансформирующие корневую морфему из глагольной в именную и из именной в глагольную; 2-й тип — функционально-грамматические морфемы, изменяющие функциональное назначение слова и имеющие два основных подтипа: а) субстантивирующие и б) атрибутивирующие морфемы, или аффиксы; последние в свою очередь имеют еще два вида: адвербиализующие и адъективирующие. Наконец, 3-й тип — словоизменительные морфемы, выражающие отношения конструктивных членов словосочетания и предложения и разделяющиеся на два основных подтипа: а) выражающие предикативные отношения (лицо и число) и б) выражающие атрибутивные отношения (принадлежность и падежи). Каждый тип как основная типологическая единица в морфемном членении слова

представляет собой сложную систему конкретных выражений, составляющих своеобразные словообразовательные и словоизменительные ряды — парадигмы.

Весь словарный состав каждого конкретного языка, таким образом, укладывается в определенную систему словообразовательных моделей, которые образуют своеобразную иерархическую лестницу от более общих словообразовательных типов, подтипов к более конкретным видам и подвидам.

Словообразовательные аффиксы, если иметь в виду только живую продуктивную и малопродуктивную их часть, легко обозримы и составляют, как уже отмечалось выше, систему словообразовательных парадигм. Во всяком случае имеются в виду те аффиксы, которые легко выделяются из основы, сохраняющей после выделения аффикса конкретные смысловые значения, что по существу является основным критерием для определения живых и продуктивных, а с другой стороны, мертвых и непродуктивных аффиксов.

В задачу историко-типологического изучения морфемного состава слова входит, таким образом, установление не только основных типов, подтипов, видов и конкретных моделей аффиксальных морфем как по форме и составу (простые, сплавленные в определенные сочетания, сложные и пр.), так и по значению, но и тех основ слов, составляющих все многообразие сочетаний корневых морфем с аффиксальными.

Итак, типологическое изучение морфологической структуры слова заключается, во-первых, в определении основных типологических единиц, к которым правомерно отнесены корневые, словообразовательные лексико-грамматические, функционально-грамматические и словоизменительные морфемы с их делением на подтипы, виды и подвиды; во-вторых, в установлении основных типологических разновидностей основ слов по структурному (морфемному) их составу: аналитических и синтетических моделей, а также моделей основ слов, состоящих из различных комбинаций морфем и т. д.; в-третьих, в группировке типов, видов и подвидов в определенную систему словообразовательных и словоизменительных парадигм, т. е. в установлении групп или совокупностей форм, объединенных одной категорией и характеризующих данный словоизменительный (число, падеж, принадлежность, лицо) или словообразовательный (залоги, виды, времена, наклонения, уменьшительные формы имени, имена профессии и пр.) ряды.

5

Морфологическая структура слова и установление типичных ее моделей является ключом к определению и классификации

фонологических моделей слов в данном конкретном языке или в группе данных родственных языков.

Типология фонологической структуры слова имеет своей задачей установление, учет и классификацию всех фонологических моделей структуры слова, имеющихся в тюркских языках и ограниченных определенными типами и определенной сочетаемостью их фонологических элементов. Основными типами фонологических моделей являются однофонемные, двухфонемные, трехфонемные, четырехфонемные и многофонемные типы слов.

Фонологическая структура слова характеризуется многообразием конкретных звуковых оболочек, которые в свою очередь группируются в определенные типы, виды и конкретные реализации (модели).

Фонологические модели корневых морфем реализуются в тюркских языках в виде сочетания двух согласных, характеризующихся определенными дифференциальными признаками, которые диктуют данной модели определенную интерконсонантную огласовку. Фонологические модели аффиксальных морфем характеризуются разнообразием структуры морфем первичных по своей природе или вторичных, сложных, сплавленных из двух или нескольких морфем.

Наконец, отметим фонологические модели целых слов, состоящих из корневых и аффиксальных морфем (словообразовательных и словоизменительных).

Установление фонологических моделей морфем и слов имеет своей целью выяснить все возможные сочетания фонем во всех позициях в слове, корневой или аффиксальной морфеме и определить основные типы этих моделей и их конкретные модификации.

6

Итак, объектами историко-типологического изучения строя тюркских языков являются следующие противопоставляющиеся категории:

I. Исходя из общей системы языка как результата мыслительной деятельности человека, представленной двумя ее типами: атрибуцией (дифференциацией и конкретизацией понятий) и предикацией (интеграцией и абстрагированием понятий), можно констатировать, что основными объектами — единицами типологического изучения синтаксиса в логико-грамматическом аспекте являются:

а) атрибутивные словосочетания как выражение результата атрибуции во всем многообразии их типов, видов и конкретных моделей, с одной стороны, и

б) предикативные словосочетания или предложения как выражение результата предикации также во всем многообразии их типов, видов и конкретных моделей — с другой.

II. Исходя из того, что в логико-грамматическом плане вся лексическая система в тюркских языках представлена также двумя противопоставляющимися группами, отражающими основные отношения слов между собой как в атрибутивных, так и в предикативных словосочетаниях, а именно отношения определяемых слов (слов с субстантивным значением) и определяющих слов (слов с атрибутивным значением), можно констатировать, что основными единицами — объектами типологического изучения лексики в логико-грамматическом аспекте будут:

а) субстантивные функциональные формы слов, выступающих в функции определяемых членов в словосочетаниях и предложениях;

б) атрибутивные функциональные формы слов, выступающих в функции определяющих членов в словосочетаниях и предложениях. Атрибутивные функциональные формы слов в зависимости от их сочетаемости с субстантивными или с атрибутивными категориями, т. е. в зависимости от логико-грамматических значений, указывающих на признак субстанции или на признак атрибута, имеют в свою очередь два основных типа: атрибутивно-определительный и атрибутивно-обстоятельственный, представленные в системе языка в многообразных конкретных моделях.

III. Исходя из того, что в лексико-семантическом плане как субстантивные, так и атрибутивные формы слов выражают статические и динамические понятия, можно констатировать, что основными единицами — объектами типологического изучения лексики в лексико-семантическом аспекте будут:

а) имена как выражения статических категорий, выступающие как в субстантивной, так и в атрибутивной функциональной формах;

б) глаголы как выражения динамических категорий, выступающие также как в субстантивной, так и в атрибутивной формах.

IV. Исходя из морфологической структуры слова, состоящего из корневых и аффиксальных морфем, можно констатировать, что единицами — объектами типологического изучения в структуре слова в грамматическом аспекте будут:

а) корневые морфемы, разделяющиеся в свою очередь на два основных типа: глагольные и именные;

б) аффиксальные морфемы, разделяющиеся в свою очередь на два основных типа:

1) словообразовательные с двумя видами: А) лексико-грамматическим с двумя подвидами (конверсирующими и модифи-

цирующими), Б) лексико-функциональными с двумя подвидами (субстантивирующие и атрибутирующие);

2) словоизменительные с четырьмя типами, выражающими отношения слов в составе предложения и словосочетания, а именно предикативные отношения (число, лицо), и атрибутивные (категория принадлежности и падежа).

V. Наконец, исходя из фонологической первичной структуры корневого слова, состоящего из сочетания двух согласных, характеризующихся определенными дифференциальными признаками, которые диктуют каждой данной модели определенную интерконсонантную огласовку, можно констатировать, что основными единицами — объектами типологического изучения фонологической структуры слова будут: типы фонологических сочетаний, состоящих либо из фонем, реализующихся в виде начальных задних согласных (h — h, h — j, h — v), либо из фонем, реализующихся в виде начальных средних согласных (j — h, j — j, j — v), либо из фонем, реализующихся в виде начальных передних согласных (v — h, v — j, v — v) во всем многообразии конкретных их моделей.

Таковы основные объекты — единицы историко-типологического и фонологического строя тюркских языков и основные задачи их изучения.

Д. М. Насилов

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕУЙГУРСКОГО ЯЗЫКА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ВОСТОКОВЕДЕНИИ

Лингвистическое изучение письменных памятников древнеуйгурского языка неразрывно связано с именами представителей русской и советской востоковедческой науки. Благодаря их усилиям, а также в результате научных публикаций зарубежных ученых древнеуйгурская филология выделилась в самостоятельную научную отрасль среди комплекса других научных дисциплин, связанных с изучением уйгурского народа. Нельзя не отметить, что введение в научный оборот данных из письменных памятников самих уйгуров способствовало углубленной разработке истории этого народа, ранее базировавшейся исключительно на иноязычных источниках [1].

Несмотря на то что «уйгуры... принадлежали к числу древнейших тюркских племен и что это был весьма распространенный тюркский народ, занявший с давнего времени выдающееся место среди тюркских племен...» [2], большинство ранних письменных памятников их языка стало известно науке сравнительно поздно — с последнего десятилетия XIX в. До этого были известны уйгурописьменные памятники (уйгуро-китайский словарик, юридические и канцелярские документы), относящиеся к XIV—XVI вв. [3]. В 20-е годы XIX в. тюркологический мир знакомится с рядом новых рукописей, написанных также на уйгурском алфавите, из которых самой крупной была рукопись «Ку-

---

[1] См.: А. Н. Бернштам, Проблемы истории Восточного Туркестана, — ВДИ, 1947, 2(20); его же, Русская и советская уйгуристика, — ИАН КазССР, 1950, № 85, серия уйгуро-дунганской культуры, вып. I; А. Ю. Якубовский, Арабские и персидские источники об уйгурском турфанском княжестве IX—X вв., — ТОВЭ, 1947, т. IV; Д. И. Тихонов, Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв., М.—Л., 1966; A. v. Gabain, Das uigurische Königreich von Chotscho (850—1250), Berlin, 1961. В указанных работах приведена также обширная библиография.

[2] В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах (Из предисловия к изданию Кудатку-Билика), СПб., 1893 (приложение к ЗАН, т. LXXII, № 2), стр. 19—20.

[3] J. Klaproth, Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren, Paris, 1820.

тадгу билиг», переписанная в XV в. в Герате. Как справедливо отметил еще в 1861 г. Н. И. Ильминский, из всех этих последних памятников, являющихся по существу памятниками среднеазиатского литературного языка, только «Кутадгу билиг» можно рассматривать как «образчик уйгурского наречия»[4]. В изучение этого памятника огромный вклад внес крупнейший русский востоковед В. В. Радлов[5].

Однако основу подлинного расцвета уйгуристики составили блестящие открытия ряда экспедиций в Центральную Азию, предпринятых в конце XIX и в начале XX в. Кроме интересных архитектурных находок, знакомства с ярким искусством, экспедиции обнаружили также памятники письменности на санскритском, китайском, тибетском, согдийском, хотано-сакском, тюркском и других языках средневековой Центральной Азии. Тюркские рукописи были написаны на согдийском, сирийском, манихейском, тюркском руническом алфавите, на брахми и на так называемом уйгурском алфавите.

В накоплении древнеуйгурского материала и в создании в России богатой коллекции этих памятников большая заслуга принадлежит русским ученым-путешественникам. В России к древностям Восточного Туркестана привлекли всеобщее внимание результаты экспедиций, которые совершались в этот район с последней четверти XIX в. Здесь следует упомянуть путешествия Н. М. Пржевальского, экспедицию М. В. Певцова и В. И. Роборовского, П. К. Козлова, Г. Е. Грум-Гржимайло и других русских ученых. Особая роль в собирании среди других древностей также и рукописей на различных языках принадлежит русским консулам в Западном Китае, прежде всего Н. Ф. Петровскому, Н. Н. Кроткову и А. А. Дьякову, древнеуйгурские коллекции которых составляют значительную часть уйгурского фонда[6].

В 1898 г. Академией наук была предпринята специальная экспедиция в Восточный Туркестан для историко-археологических исследований, которую возглавил Д. А. Клеменц. Она до-

---

[4] Н. И. Ильминский, Вступительное чтение в курс турецко-татарского языка, — УЗКУ, 1861, кн. 3, стр. 28.

[5] В. В. Радлов, Кудатку-Билик. Факсимиле уйгурской рукописи, СПб., 1890; его же, Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun, T. I—II, St.-Pbg., 1891—1910; см. также: Ү. Асаналиев, К. Аширалиев, «Кутадгу билиг» эстелигинин тилдик өзгөчөлүктөрү, Фрунзе, 1965.

[6] См.: Т. Ф. Ольденбург, Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана, — ЖМНП, 1904, ч. 353, июнь; его же, Русские археологические исследования в Восточном Туркестане, — КМВ, 1921, 1—2; В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России Л., 1925; С. Е. Малов, Уйгуры и их изучение, — в кн.: С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951.

ставила несколько письменных памятников, среди которых были и древнеуйгурские[7].

В 1909—1911 гг. и вторично в 1913—1914 гг. на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии совершает поездки в Восточный Туркестан С. Е. Малов[8], также доставивший коллекцию древнеуйгурских рукописей, в том числе уникальную по объему и сохранности уйгурскую версию буддийской сутры «Золотой блеск».

В 1909—1910 гг. и в 1914—1915 гг. предпринимаются туркестанские экспедиции С. Ф. Ольденбурга, которые добыли более 60 древнеуйгурских фрагментов[9]. После этого планомерное исследование Восточного Туркестана русскими учеными прекращается и новые поступления письменных памятников из этого района носят случайный характер.

Памятники древнеуйгурского языка, доставленные различными исследователями в Россию, сосредоточены ныне в Центральноазиатском фонде рукописного отдела Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. В этом фонде насчитывается до четырех тысяч единиц рукописного материала (включая мельчайшие фрагменты), которые систематизированы по коллекциям консульским (до 90% фонда) и экспедиционным (около 10% фонда). В 1952 г. под руководством С. Е. Малова была проведена предварительная инвентаризация всех материалов по коллекциям. Однако, к сожалению, до сих пор отсутствует систематический каталог и подробное описание этого интереснейшего фонда[10].

Древнеуйгурские материалы представлены большим количеством самых различных по размеру и сохранности фрагментов рукописей и ксилографов, а также более или менее цельными свитками и книгами. Все рукописи написаны на бумаге курсивом или полукурсивом. По своему содержанию материалы представляют собой переводные произведения религиозной

---

[7] См. Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan, H. I, St.-Pbg., 1899.

[8] С. Е. Малов, Отчет о путешествии к уйгурам и саларам, — ИРКИСВА, сер. II, 1912, 11; его же, Отчет о втором путешествии к уйгурам..., — ИРКИСВА, сер. II, 1914, 3; см. также письма С. Е. Малова, написанные во время этих поездок: хранятся в ЛО Архива АН СССР: ф. 148, оп. 1, № 4, 94; ф. 177, оп. 2, № 161; ф. 208, оп. 3, № 369.

[9] С. Ф. Ольденбург, Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 г. Краткий предварительный отчет, СПб., 1914; см. также дневники и отчеты С. Ф. Ольденбурга об этих экспедициях в ЛО Архива АН СССР; ф. 208, оп. 1, № 162, 163, 179.

[10] См.: «Азиатский музей Российской Академии наук. 1818—1918 (Краткая памятка)», Пг., 1920; Д. И. Тихонов, Восточные рукописи ИВАН СССР, — УЗИВАН, 1953, т. VI. Автор благодарит Л. В. Дмитриеву, сообщившую ему ряд интересных сведений об этом фонде.

литературы (манихейской, буддийской, христианской), различные типы юридических документов уйгуров[11], имеется несколько фрагментов гадательного и астрологического содержания.

Как видно, древнеуйгурские рукописи, сосредоточенные в рукописном отделе ЛО ИВАН СССР, имеют огромную ценность и представляют исключительный лингвистический интерес.

В связи с накоплением материала перед тюркологией встала задача введения его в научный оборот. Пионером в этой области стал акад. В. В. Радлов. К этому времени он уже был крупнейшим в России тюркологом, известным своими трудами не только по современным тюркским языкам, но и исследованиями многих тюркских памятников: енисейско-орхонских, «Codex Cumanicus», «Кутадгу билиг», некоторых памятников арабской и сирийской письменности, ханских ярлыков[12]. Эти всеобъемлющие тюркологические познания ученого и явились той научной основой, на которой В. В. Радлов заложил и возвел здание русской уйгуристики.

В 1899 г. В. В. Радлов публикует четыре древнеуйгурских памятника (два юридических документа и два буддийских фрагмента) из материалов, доставленных упоминавшейся экспедицией Д. А. Клеменца[13]. В этой первой публикации уже представлена выработанная им ранее схема изданий памятников, которой В. В. Радлов обычно придерживался при последующих многочисленных публикациях памятников: наборное воспроизведение текста, его транскрипция, перевод, примечания и комментарии. Значение этой публикации определяется также тем, что она дает представление о ранних взглядах В. В. Радлова на древнеуйгурский язык.

Следующей работой В. В. Радлова над древнеуйгурскими текстами было издание материалов, доставленных первой немецкой экспедицией А. Грюнведеля в Турфан (1902—1903 гг.)[14].

---

[11] См.: А. Н. Бернштам, Уйгурские юридические документы, — ПИ, 1940, III; А. Кибиров, К вопросу о рабстве в Уйгуристане XIII—XIV вв., — ТИЯЛИКФ, 1952, вып. III; Д. И. Тихонов, Древние уйгурские документы — важнейшие источники для изучения общественного строя Центральной Азии, — «Историография и источниковедение истории стран Азии», вып. I, Л., 1965.

[12] См.: А. Н. Самойлович, В. В. Радлов, как турколог, — ТТКО ИРГО, 1914, т. XV, вып. I; его же, Радлов как турколог, — «Новый Восток», М., 1922, № 2; его же, Академик В. В. Радлов, — ВАН СССР, 1937, № 1.

[13] W. Radloff, Altuigurische Sprachproben aus Turfan, — в кн.: «Nachrichten über die... Expedition nach Turfan», H. I, St.-Pbg., 1899, стр. 55—83.

[14] W. Radloff, Uigurische Schriftstücke in Text und Übersetzung, — в кн.: A. Grünwedel, Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903, München, 1905 (ABAW, Kl. I, Bd XXIV, Abt. 1).

Позднее все 46 документов, переданных этой экспедицией русскому ученому для расшифровки, были вновь изданы им в работе «Памятники уйгурского языка» [15].

Затем следуют издания ряда крупных языковых текстов, доставленных в Азиатский музей русскими учеными из Восточного Туркестана. В 1909 г. В. В. Радлов издает покаянную молитву манихейцев — X^{u}āstvānīft, рукопись которой передал А. А. Дьяков [16]. Язык этого памятника архаичен по грамматическим формам и стоит близко к языку енисейско-орхонских памятников.

В серии «Bibliotheca Buddhica» он публикует уйгурскую версию буддийской Ṭišastvustik-сутры. Большой интерес представляют глоссы на брахми, которыми снабжены отдельные слова этой рукописи. Брахми-глоссы в издании истолковал русский санскритолог А. Сталь-Гольстейн [17].

В 14-м выпуске этой серии В. В. Радлов издает уйгурский перевод 25-й главы китайской версии сутры Saddharmapuṇḍarīka («Лотос доброго закона») — Ḳuan-ši-im Pusar [18]. К этому изданию приложены еще четыре отрывка буддийских текстов и индекс слов, прокомментированных издателем в примечаниях к Tišastvustik Sūtra и Ḳuan-ši-im Pusar.

С 1913 г. начинает выходить издание сутры «Золотой блеск», рукопись которой доставил С. Е. Малов. Этот список рукописи сделан в Дуньхуане и относится к концу XVII в., что указывает на длительное сохранение у тюрок-буддистов уйгурского письма.

В. В. Радлов считал, что перевод сутры выполнен в XIII—XIV вв. В. В. Радлов и С. Е. Малов, издатели текста, стремились с наибольшей точностью воспроизвести в наборе рукописный оригинал [19]. В. В. Радловым выполнен и перевод всего этого сочинения на немецкий язык. К сожалению, свет увидели лишь три выпуска этого перевода (соответствуют 466 страницам уйгурского текста), которые вышли под наблю-

---

[15] W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler, Л., 1932, стр. 97—109.

[16] Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer, hrsg. und übers. von W. Radloff, St.-Pbg., 1909; W. Radloff, Nachträge zum Chuastuanit (Chuastuanvt), dem Bussgebete der Manichäer (Hörer), — ИАН, сер. VI, 1911, т. V, № 12.

[17] Ṭišastvustik. Ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches Sūtra. I. Transscription und Übersetzung von W. Radloff; II. Bemerkungen zu den Brāhmīglossen... von Baron A. von Staël-Holstein, St.-Pbg., 1910 (Bibliotheca Buddhica, XII).

[18] Ḳuan-ši-im Pusar. Eine türkische Übersetzung des XXV. Kap. der chinesischen Ausgabe des Saddharmapuṇḍarīka. Hrsg. und übers. von W. Radloff, St.-Pbg., 1911 (Bibliotheca Buddhica, XIV).

[19] Suvarṇaprabhāsa (Сутра Золотого блеска). Текст уйгурской редакции издали В. В. Радлов и С. Е. Малов, СПб.—Пг., 1913—1917 (Bibliotheca Buddhica, XVII, [вып.] I—VIII).

7 Заказ 1296

дением и с предисловием С. Е. Малова[20], остальная часть перевода осталась в рукописи[21].

Кроме упомянутых выше опубликованных текстов сохранился полностью подготовленный В. В. Радловым к изданию уйгурский текст буддийского сочинения, который он называл сутрой «Восемь светов». В основу издания была положена рукопись, хранящаяся в Японии, при составлении сводного текста использованы фрагменты из фондов Азиатского музея; имеется немецкий перевод и примечания к тексту[22]. Сводный текст этой же сутры, в котором не могли быть полностью учтены ленинградские материалы, издан в 1934 г. В. Бангом, А. Габен и Г. Р. Рахмати[23].

Большой текст (200 строк) — хозяйственная запись уйгура, над которым работал В. В. Радлов в последние месяцы своей жизни, был опубликован Э. Р. Тенишевым (описание, транскрипция, перевод, примечания, характеристика языковых особенностей, указатель слов и фотокопия)[24] и Д. И. Тихоновым (фотокопия)[25].

За двадцать лет своей работы в области изучения древнетюркских памятников В. В. Радлов дал очень много для русской тюркологии. С его деятельностью связана целая ее эпоха — эпоха «интенсивного собирания и издания материалов... и первоначальной, только предварительной обработки наличных материалов»[26].

При издании памятники уйгурского письма набирались сначала маньчжурским алфавитом, но затем для Академической типографии был отлит специальный древнеуйгурский шрифт, напоминающий по дуктусу полукурсив. Для передачи текста в транскрипции В. В. Радлов применял выработанную им для тюркских языков транскрипцию на основе русской графики, называемую в дальнейшем русской академической транскрипцией. Он считал, что любая транскрипция памятника отражает субъективное представление исследователя о «фонетическом смысле данных знаков письма». Поэтому его транскрипции

---

[20] Suvarṇaprabhāsa (Das Goldglanz-Sūtra). Aus dem Uigurischen ins Deutsche übers. von Dr. W. Radloff. Nach dem Tode des Übersetzers mit Einleitung von S. Malov hrsg., Л., 1930 (Bibliotheca Buddhica, XXVII, [вып.] I—III).

[21] ЛО ААН, ф. 177, оп. 1, № 11/590.

[22] ЛО ААН, ф. 177, оп. 1, № 1—8.

[23] W. Bang, A. von Gabain u. G. R. Rachmati, Türkische Turfantexte. VI. Das buddhistische Sūtra Säkiz yükmäk, — SPAW, 1934, X.

[24] Э. Р. Тенишев, Хозяйственные записи на древнеуйгурском языке, — «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков», Ташкент, 1965.

[25] Д. И. Тихонов, Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв., М.—Л., 1966.

[26] А. Н. Самойлович, В. В. Радлов как турколог, — ТТКО ИРГО, 1914, т. XV, вып. I, стр. 32.

текстов воссоздают фонетический облик того древнетюркского диалекта, который, по мнению В. В. Радлова, отражен в том или ином памятнике[27]. Однако когда диалектная принадлежность текста была для ученого неясной, а также, видимо, учитывая известную критику В. Томсеном фонетической реконструкции языка «Кутадгу билиг»[28], В. В. Радлов считал возможным и даже нужным отказываться от фонетической транскрипции уйгурских текстов[29].

Характеризуя переводы уйгурских текстов (прежде всего религиозного содержания), выполненные В. В. Радловым, следует помнить, что Радлов «не был тюркологом с уклоном в синологию, Радлов не был тюркологом с уклоном в иранистику; он был тюркологом и только им»[30]. Поэтому передача В. В. Радловым некоторых termini technici в буддийских и манихейских произведениях вызывала критику со стороны синологов, индианистов и иранистов. Однако значение переводов этих текстов непреходяще. Нельзя забывать, что ученый открывал совершенно новую отрасль тюркологии, мастерски проникая в доселе неведомые никому тексты и язык.

Большой интерес представляют языковые примечания к этим переводам. Они показывают не только глубокие познания В. В. Радлова в тюркских языках, но и тонкое языковое чутье, помогающее ему вникнуть в сложное содержание нового текста. В них имеются многочисленные интересные наблюдения, морфологические миниатюры, этимологии, лексические параллели и т. п., которые не потеряли своей ценности и для современного исследователя древнетюркских языков.

После смерти В. В. Радлова советское уйгуроведение возглавил его ученик С. Е. Малов.

В своей хрестоматии по древнетюркским памятникам, вышедшей в 1926 г., С. Е. Малов дает в качестве образцов и древнеуйгурские тексты: три документа в латинской транскрипции[31].

В 1927 г. он издает два уйгурских юридических документа, приобретенных им во время второй поездки в Восточный Туркестан и относимых им к XIII в. В статье помещены фотографии с документов, транскрипция, перевод с примечаниями[32].

---

[27] W. Radloff, Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems, — ИАН, сер. V, 1901, т. XIV, № 4, стр. 452.

[28] V. Thomsen, Sur le système des consonnes dans la langue ouigoure, — KSz, 1901, t. II, № 4.

[29] Ср.: W. Radloff, Kuan-ši-im Pusar..., стр. IV.

[30] С. Е. Малов, Памятники..., стр. 100.

[31] С. Е. Малов, Образцы древнетурецкой письменности, с предисловием и словарем (стеклография), изд. вост. фак-та САГУ, Ташкент, 1926.

[32] С. Е. Малов, Два уйгурских документа, — сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927.

В 1928 г. публикуется известная работа В. В. Радлова «Памятники уйгурского языка». Работа, законченная и сданная в печать еще при жизни автора (1904 г.), содержит издание, перевод и комментарии 128 древнеуйгурских фрагментов, подавляющее большинство которых является юридическими и хозяйственными документами. В книге представлены памятники как из фондов Азиатского музея, так и доставленные или опубликованные немецкими учеными, причем часть опубликованных памятников является их новым переизданием. Здесь можно проследить, как работал над этими материалами В. В. Радлов, который корригировал предшествующее свое же чтение, толкование и перевод, учитывая поступление новейших рукописей и достижения развивающейся уйгуристики. К выходу в свет эту книгу подготовил С. Е. Малов, который написал предисловие, сверил с подлинниками и фотокопиями текст почти всех памятников, внес исправления в их чтение и перевод, а также составил словарь[33].

Уйгурскую редакцию буддийской Sitātapatrā-dhāraṇi, ксилограф которой был приобретен С. Е. Маловым в 1914 г., он опубликовал в 1930 г.[34]. Это издание дополнило опубликованную ранее часть той же магической формулы из Берлинского собрания[35].

Еще пять новых юридических документов, которые были доставлены С. Ф. Ольденбургом, С. Е. Малов издает в 1932 г. Фотокопии текстов сопровождаются их типографским набором уйгурскими буквами, транскрипцией и переводом с некоторыми комментариями[36]. К изданию приложены семь заметок по уйгурской лексике.

Капитальная работа С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности», вышедшая в 1951 г., включает и богатый древнеуйгурский материал. Кроме двух новых издаваемых юридических документов здесь даны в транскрипции и переводе два больших отрывка из сутры «Золотой блеск», отрывки из памятника христианского содержания «Поклонение волхвов» и манихейского — «Покаянная молитва манихейцев», переизданы пять юридических документов. Приведенные тексты сопровождаются историко-лингвистическими справками. В книге помещен очерк истории изучения уйгуров и дана библиография. В конце приложен словарь ко всем текстам. Выход этой рабо-

[33] W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov hrsg., Л., 1928.

[34] С. Е. Малов, Sitātapatrā-dhāraṇi в уйгурской редакции, — ДАН-В, 1930, № 5.

[35] F. W. K. Müller, Uigurica. II, Berlin, 1911.

[36] С. Е. Малов, Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга, — «Записки ИВАН», Л., 1932, т. I, стр. 129—149+VI табл.

ты имел большое значение для дальнейших исследований, так как она не только давала материал, но и способствовала повышению интереса к древнетюркским памятникам.

Ряд публикаций вновь открытых памятников письма принадлежит А. Н. Бернштаму. Целая серия его статей посвящена расшифровке обнаруженных при археологических работах в Семиречье языковых фрагментов[37]. Некоторый интерес как палеографические наблюдения представляют опубликованные им легенды на так называемых тюргешских монетах[38].

К последним работам А. Н. Бернштама примыкает коллективная статья «Монеты из раскопок городища Ак-Бешим...», в которой А. М. Щербак написал раздел «О чтении легенд на тюргешских монетах»[39].

Три новых юридических документа издает Э. Р. Тенишев совместно с Фэн Цзя-шэном[40]. В статье воспроизводятся фотокопии документов, дается транскрипция текста, перевод и комментарии.

Надпись на древнеуйгурском языке, которую обнаружили монгольские археологи, расшифровал и исследовал А. М. Щербак[41]. Эта надпись интересна не только своим содержанием и языковыми особенностями, но и тем, что ее можно рассматривать, по мнению издателя, «как древнейший образец согдо-уйгурской письменности у тюрок»[42].

К своей монографии по истории Уйгурского государства Д. И. Тихонов приложил, кроме упоминавшегося уже воспроизведения хозяйственной записи, фотокопию, транскрипцию и перевод нового уйгурского документа из фондов ЛО ИВАН СССР, а также перевод на русский язык и транскрипцию документа, изданного в Китае[43].

Таковы основные публикации памятников древнеуйгурского языка русскими и советскими тюркологами.

---

[37] А. Н. Бернштам, Уйгурская эпиграфика Семиречья. I—II, — ЭВ, 1947—1948, I—II; его же, Новые эпиграфические находки Семиречья, — ЭВ, 1948, II; его же, Уйгурская надпись из Эрши (Фергана), — ЭВ, 1952, VI.

[38] А. Н. Бернштам, Тюргешские монеты, — ТОВЭ, 1940, II; его же, Новый тип тюргешских монет, — «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951.

[39] Л. Р. Кызласов, О. И. Смирнова, А. М. Щербак, Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953—1954 гг., — УЗИВАН, 1959, т. XVI, стр. 514—561.

[40] Фэн Цзя-шэн, Э. Тенишев, Три новых уйгурских документа из Турфана, — ПВ, 1960, № 3, стр. 142—149.

[41] А. М. Щербак, Мўғулистонда топилган қадимги бир тош ёзма, — «Узбек тили ва адабиёти масалалари», Тошкент, 1959, № 3; его же, Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии, — ЭВ, 1961, XIV, стр. 23—25.

[42] А. М. Щербак, Надпись на древнеуйгурском языке..., стр. 25.

[43] Д. И. Тихонов, Хозяйство и общественный строй..., стр. 240—260.

* * *

Большинство памятников древнего уйгурского языка, обнаруженных в Восточном Туркестане, представляют собой более или менее крупные разрозненные фрагменты различных произведений. Поэтому перед исследователем, кроме правильного прочтения текста, стоит задача правильно его идентифицировать и соотнести с другими фрагментами. Эта сложная и кропотливая работа требует не только глубокого проникновения в данный текст, но и хорошего знания других текстов в коллекции, а также четкого представления об оригинальном произведении, уйгурскую версию или перевод которого держит в руках тюрколог.

В связи с этим первые издатели текстов вынуждены были лишь частично касаться других очень важных сторон текстологической работы: археографической и палеографической интерпретации рукописи, определения текстологического взаимоотношения различных фрагментов и списков, датирования текстов, установления места их возникновения и т. п. Особо сложную проблему представляет датировка рукописей, поскольку большинство из них не имеет указаний не только на дату составления перевода (если произведение переводное), но и на дату составлечия документа или списка рукописи. Палеографическая неизученность рукописей не позволяет установить и их относительную хронологию. Оценивая достижения уйгуристики за прошедшие 70 лет, можно сказать, что комплексное изучение древнеуйгурских текстов — задача будущего.

Из ученых, уделявших известное внимание палеографии, следует назвать прежде всего В. В. Радлова. В его археографических справках и комментариях содержится много интересных наблюдений по палеографии[44]. В. В. Радлов предпринял также попытку теоретически обосновать некоторые вопросы развития уйгурской графики и орфографии. В специальной статье «Доисламские виды письма у тюрков и их отношение к языку последних» он дал общую характеристику енисейско-орхонского и уйгурского алфавита и остановился на способах передачи этими алфавитами древнетюркских звуков[45]. Этих же вопросов он неоднократно касался в серии своих исследований по древнетюркским языкам. Заслуживает внимания интересное предположение В. В. Радлова о случаях употребления широких гласных в аффиксах в языке некоторых памятников манихейского содержания, которые он объяснял влиянием приемов

[44] См.: W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler..., стр. 71—76, 83.

[45] W. Radloff, Die vorislamitischen Schriftarten der Türken und ihr Verhältniss zu der Sprache derselben, — ИАН, сер. VI, 1908, т. II, № 10.

графической передачи начальных гласных в сиро-манихейском письме[46].

Древнеуйгурский алфавит В. В. Радлов рассматривал как адаптацию тюрками сирийского письма эстрангело в его несторианской разновидности[47]. Однако работами Р. Готьо, А. Лекока, Ф. Мюллера и других ученых было доказано, что основой уйгурского алфавита послужила одна из разновидностей согдийского курсива. Эта точка зрения разделяется ныне большинством уйгуроведов[48]. Следует заметить, что и В. В. Радлов в последних своих работах уже допускал возможность посредничества согдийского алфавита между сирийским алфавитом и уйгурским[49]. В связи с вопросом происхождения уйгурского алфавита большой интерес представляет изучение почерков рукописей и их графических особенностей.

В работах русских востоковедов затрагивались также отдельные проблемы формирования и развития применявшегося у уйгуров сиро-манихейского письма[50].

Поскольку тюркологи располагают, как правило, лишь косвенно датированными памятниками, написанными на различных алфавитах, обнаруженными в различных географических пунктах и отражающими, надо полагать, язык не единой этнической тюркоязычной группы, становится ясной вся сложность классификации этих памятников, проблематичность выбора ее основания и исходных принципов. Несмотря на эти трудности, были предприняты попытки систематизировать древнеуйгурские памятники, определить их место среди других памятников письма и соотнести их язык с определенными этническими образованиями тюрок. Следует заметить, однако, что пока нау-

[46] W. Radloff, Alttürkische Studien. III, — ИАН, сер. VI, 1910, т. IV, № 13, стр. 1033—1035; его же, Alttürkische Studien. VI, — ИАН, сер. VI, 1912, т. VI, № 12, стр. 749—751.

[47] W. Radloff, Die vorislamitischen Schriftarten..., стр. 842; его же, Alttürkische Studien. IV, — ИАН, сер. VI, 1911, т. V, № 5; его же, Alttürkische Studien. VI, —ИАН, сер. VI, 1912, т. VI, № 12; его же, Турфанские тексты в лингвистическом отношении (изложение доклада), — ЗВОРАО, 1912, т. XXI, вып. I, стр. XV.

[48] См.: В. В. Бартольд, К вопросу об языках согдийском и тохарском,— «Иран», т. I, Л., 1926, стр. 37; С. Е. Малов, Изучение древних турецких языков, — «I Всесоюзный тюркологический съезд...», Баку, 1926, стр. 140; А. Соколов, От камня к печатному станку. Из истории турецких алфавитов,— «Культура и письменность Востока», кн. II, Баку, 1928, стр. 100—105; A. v. Gabain, Das Alttürkische, — PhTF, 1959, t. I, стр. 23.

[49] Ср. Ţišastvustik..., стр. V.

[50] См.: W. Radloff, Alttürkische Studien. III, VI; П. К. Коковцов, К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья, — ИАН, сер. VI, 1919, т. III, № 11, стр. 773—796; Н. В. Пигулевская, Сирийские и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана, — «Советское востоковедение», I, М.—Л., 1940, стр. 212—234; ее же, Еще раз о сиро-тюркском, — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1966, стр. 228—232.

ка не дает точного представления об этногенезе и этническом составе и расселении тюркских племен на территории Восточно го Туркестана и в смежных районах[51].

В. В. Радлов в своей классификации древнетюркских языков и диалектов учитывал особенности языка памятников, применяемый в них алфавит, а также некоторые исторические и географические данные о древнетюркских народах[52].

Все памятники енисейско-орхонской письменности он относил к древнему северному диалекту (die Sprache des Türk-Sir-Volkes). Вторым диалектом является древний южный диалект (или die uigurische Sprache). Он формировался в южных областях еще в период до возникновения Уйгурского каганата и стал нам известен по памятникам, написанным уже после его падения в тех местах, где оставалось оседлое уйгурское население. Эти памятники написаны на уйгурском алфавите. В. В. Радлов относил к указанному диалекту небольшой круг памятников: сутру Rājāvavādaka, курсивные документы из Турфана и Гератскую рукопись «Кутадгу билиг». Третья группа — смешанные диалекты — представлена в памятниках различного содержания (большинство из них — буддийские тексты) на манихейском и уйгурском шрифте. В этой группе диалектов В. В. Радлов выделял в свою очередь два языковых типа (поддиалекта): западный — язык западных тюрок, западных Ту-кю, который представлен в памятнике X^uāstvānīft, и восточный — язык буддийской литературы. Орфография всех буддийских текстов характеризуется известным единством, что дало В. В. Радлову повод поставить вопрос о существовании единой языковой традиции и об отдаленности этого чисто литературного языка от разговорного[53]. Давая свою схему диалектов, ученый приводил их характерные фонетические и морфологические особенности.

Эта классификация не может считаться вполне удовлетворительной, ибо в ней дается слишком общая картина древних диалектов, с которыми соотносятся отдельные памятники пись-

---

[51] См.: В. В. Радлов, К вопросу об уйгурах...; Д. [М.] Позднеев, Исторический очерк уйгуров, СПб., 1899; В. В. Бартольд, История турецко-монгольских народов, Ташкент, 1928; его же, Общие работы по истории Средней Азии, — Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, разд. I; Г. Е. Грум-Гржимайло, Историческое прошлое Бэй-Шаня в связи с историей Средней Азии, СПб., 1898; С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964; К. Шаниязов, Узбеки-карлуки, Ташкент, 1964; Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, М., 1967 (в указанных работах представлена обширная библиография).

[52] W. Radloff, Alttürkische Studien. IV—V, — ИАН, сер. VI, 1911, т. V, № 5—6, стр. 305—326, 427—452.

[53] См. также: W. Radloff, Ṭišastvustik..., стр. V; В. В. Радлов, Турфанские тексты в лингвистическом отношении..., стр. XV и план-конспект последнего сообщения в ЛО ААН СССР: ф. 177, оп. 1, № 41.

ма. Однако она остается первой и пока единственной, где хоть как-то классифицированы языки всех древнетюркских памятников. Очевидно, что создание новой схемы потребует самого тщательного изучения языка каждого отдельного памятника (что пока еще не проделано в тюркологии) и их взаимного детального сопоставления.

Проблемы определения места языка древнеуйгурских памятников касались и другие исследователи, но либо при составлении классификаций всех тюркских языков[54], либо в связи с исследованием отдельных памятников или языков.

Особые разделы об основных этапах развития восточнотуркестанской тюркской языковой общности и о диалектах восточнотуркестанского языка содержатся в работе А. М. Щербака, где он рассматривает преимущественно памятники карлукского диалекта, однако в сопоставлении с уйгуро-огузскими[55].

Вопросы взаимодействия древнеуйгурского языка и уйгурской письменной традиции с другими диалектами и литературными языками Западного Туркестана, Средней Азии, а также со староосманским и староазербайджанским языками неоднократно поднимаются в нашей тюркологической литературе начиная со времен Радлова.

Известно, что наибольшее влияние уйгурский язык оказывал на формирование староузбекского (чагатайского) языка и на некоторые другие средневековые литературные тюркские языки[56].

---

[54] А. [Н.] Самойлович, Некоторые дополнения к классификации турецких языков, Пг., 1922; С. Е. Малов, Памятники..., стр. 5—8; Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков, М., 1962; В. В. Решетов, Узбекский язык, ч. I, Ташкент, 1959.

[55] А. М. Щербак, Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана, М.—Л., 1961, стр. 10—30.

[56] См.: В. В. Радлов, Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга,— ЗВОРАО, 1888, т. III, стр. 1—40; А. Н. Самойлович, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, — «Мир-Али-Шир. Сборник к пятисотлетию со дня рождения», Л., 1928, стр. 1—23; С. Е. Малов, Мир Алишер Навои в истории тюркских литератур и языков Средней и Центральной Азии, — ИАН СССР, ОЛЯ, 1947, вып. 6, стр. 475—480; А. К. Боровков, Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, — сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 92—120; его же, Очерки истории узбекского языка. III, — УЗИВАН, 1958, т. XVI, стр. 194—219; его же, Лексика среднеазиатского тефсира XII—XIII вв., М., 1963, стр. 3—28; А. М. Щербак, К истории узбекского литературного языка древнего периода, — сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию», М., 1953, стр. 317—323; его же, Огуз-нāме. Мухаббат-нāме, М., 1959, стр. 101—109; его же, Грамматика староузбекского языка, М.—Л., 1962, стр. 12—19, 222—246; Г. Ф. Благова, Х. Данияров, Говоры «тюрков» Узбекистана в их отношениях к языку староузбекской литературы, — ВЯ, 1966, № 6; Э. Н. Наджип, Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века, автореф. докт. дисс., М., 1965; Э. И. Фазылов, Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века, автореф. докт. дисс., Ташкент, 1967 и др.

Исследование фонетического строя любого мертвого языка на основе изучения письменных памятников этого языка, да еще записанных на малоприспособленном для передачи его звуков алфавите, — крайне сложная задача. Поэтому эта область уйгуристики является наименее разработанной и наиболее спорной.

В. В. Радлов, будучи крупным знатоком тюркских языков Алтая и считая древнеуйгурский язык по своей фонетической структуре близким к этим языкам, при восстановлении фонетики древнеуйгурского языка исходил из правила, что качество согласных звуков определяется положением их в слове и что в анлауте и ауслауте могут быть лишь глухие звуки[57]. На указанной основе он транскрибировал «Кутадгу билиг» и все издаваемые им тексты из Восточного Туркестана. Такое «обалтаивание» В. В. Радловым языка уйгурских памятников вызывало возражения со стороны ряда ученых. Однако, несмотря на критику В. Томсена, К. Фоя, В. Банга и других тюркологов, В. В. Радлов до конца жизни защищал свой тезис о том, что памятники, принадлежащие к уйгурскому диалекту (прежде всего юридические документы), отражают именно такую фонетическую систему, допуская, однако, при этом, что искусственный литературный язык буддийских текстов и текстов манихейского содержания базируется на иной фонетической основе[58].

Точку зрения В. В. Радлова на фонетический строй языка древних жителей Восточного Туркестана в новейшее время поддержал Э. Р. Тенишев, который опирается на данные фонетики языка желтых уйгуров и саларов[59]. Он указывает, что «язык уйгуров Турфана и Ганьсу, запечатленный в памятниках уйгурского письма, не различал звонких и глухих согласных» и что «противопоставление древнеуйгурских согласных фонем установилось по линии наличия или отсутствия аспирации»[60]. Исходя из этого, Э. Р. Тенишев дал транскрипцию изданной им хозяйственной записи уйгура[61].

С. Е. Малов в своих последних публикациях транскриби-

---

[57] См.: В. В. Радлов, Турфанские тексты в лингвистическом отношении..., стр. XV; W. Radloff, Altuigurische Sprachproben aus Turfan..., стр. 62—63; его же, Alttürkische Studien. IV—VI.

[58] См.: W. Radloff, Alttürkische Studien. V..., стр. 437; В. В. Радлов, Турфанские тексты..., стр. XV.

[59] Э. Р. Тенишев, Б. Х. Тодаева, Язык желтых уйгуров, М., 1966; Э. Р. Тенишев, Саларский язык, М., 1963.

[60] Э. Р. Тенишев, Система согласных в языке древнеуйгурских памятников уйгурского письма Турфана и Ганьсу,— «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. III, Баку, 1963, стр. 124—135.

[61] Э. Р. Тенишев, Хозяйственные записи на древнеуйгурском языке..., стр. 40—48.

ровал тексты, принимая во внимание точку зрения В. Томсена, и отмечал, что «точка зрения В. Томсена на фонетику древнеуйгурского языка в настоящее время является общепризнанной»[62].

Некоторые вопросы древнеуйгурской фонетики нашли также отражение в исследованиях Э. Р. Тенишева[63], А. М. Щербака[64], В. М. Насилова[65] и других тюркологов.

Более глубокое освещение в работах русских и советских тюркологов получила морфология древнеуйгурского языка. Пионером изучения морфологического строя языка памятников также является В. В. Радлов. Хотя у него и нет специального исследования по морфологии памятников, в его работах так или иначе рассматриваются или затрагиваются многие вопросы древнеуйгурской морфологии. Так, в работе «Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen»[66] он использует древнеуйгурский материал для подтверждения своих общетеоретических построений; при классификации древнетюркских диалектов В. В. Радлов дает описание характерных морфологических особенностей каждого из диалектов; в комментариях к текстам рассматриваются и трактуются многие грамматические формы древнеуйгурского языка, причем часто в сравнительно-сопоставительном плане.

Такую же научную ценность представляют морфологические штудии С. Е. Малова в его примечаниях к текстам. Особо следует упомянуть указатель грамматических форм, который составлен им по сутре «Золотой блеск»[67].

Язык этой буддийской сутры, одного из немногих дошедших до нас обширных древнеуйгурских памятников, описан Э. Р. Тенишевым в его диссертационной работе[68]. При исследовании Э. Р. Тенишев большое внимание уделяет сравнению языка этого сочинения с языком памятников рунической письменности, других памятников древнеуйгурского языка и таких, как

---

[62] С. Е. Малов, Памятники..., стр. 97; ср. В. В. Радлов, Uigurische Sprachdenkmäler..., стр. VIII.

[63] Э. Р. Тенишев, Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск», канд. дисс., Л., 1953.

[64] А. М. Щербак, О тюркском вокализме, — сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 24—40; его же, Тюркский консонантизм, — ВЯ, 1964, № 5, стр. 16—35; его же, Тюркские гласные в количественном отношении, — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1966, стр. 146—162; его же, О фонологической оппозиции гласных по признаку раствора в тюркских языках, — НАА, 1966, № 1, стр. 121—128.

[65] В. М. Насилов, Древнеуйгурский язык, М., 1963, стр. 7—11.

[66] W. Radloff, Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türksprachen, — ЗАН, серия VIII, 1906, т. VII, № 7.

[67] С. Е. Малов, Памятники..., стр. 187—198.

[68] Э. Р. Тенишев, Грамматический очерк древнеуйгурского языка по сочинению «Золотой блеск», автореф. канд. дисс., Л., 1953.

«Кутадгу билиг», «Дӣвāну лугāт-ит-турк», «Тефсир», кроме того, привлекаются данные современных тюркских языков.

Работа А. М. Щербака «Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана» посвящена описанию фонетики и морфологии восточнотуркестанских памятников карлукско-уйгурских диалектов. В ней рассмотрена система грамматических форм всех частей речи.

На основе изучения различных памятников древнеуйгурского языка В. М. Насиловым написан очерк «Древнеуйгурский язык». Значительная часть этого очерка отводится изложению морфологической системы языка указанных памятников.

Морфология уйгурских памятников рассматривается и в работе Э. Фазылова «Историческая морфология узбекского языка», где описывается также и язык других древнетюркских памятников [69].

Изучению системы временны́х форм, отмеченных в памятниках древнеуйгурского языка, написанных на уйгурском алфавите, посвящена диссертационная работа Д. М. Насилова. Автор приходит к выводу о наличии системных отношений между временны́ми формами, которые целесообразно рассматривать внутри коррелирующих между собой двух подсистем — подсистемы абсолютных и относительных временны́х форм [70].

Отдельные частные вопросы морфологии затрагивали или описывали и те тюркологи, которые, занимаясь проблемами исторической грамматики тюркских языков, изучали и анализировали некоторые языковые памятники, или определенный период развития языка, или определенные факты синхронии. Среди подобных работ достаточно упомянуть хотя бы исследования А. Н. Самойловича, А. К. Боровкова, С. Е. Малова, А. Н. Кононова, Н. А. Баскакова, И. А. Батманова, Э. В. Севортяна, Г. Ф. Благовой, С. М. Муталлибова, А. Гулямова, Ш. Шукурова, М. Рагимова, Д. Мирзазаде и целого ряда других советских тюркологов.

Слабо разработанными остаются вопросы древнеуйгурского синтаксиса. Из специальных исследований следует отметить диссертационную работу А. С. Аманжолова об управлении древнетюркского глагола, где широко привлекаются древнеуйгурские материалы [71]. Сведения по синтаксису древнеуйгурских текстов

---

[69] Э. Фозилов, Ўзбек тилининг тарихий морфологияси, Тошкент, 1965.

[70] Д. М. Насилов, Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма), автореф. канд. дисс., М., 1963; его же, Прошедшее время на jük/juq в древнеуйгурском языке и его рефлексы в современных языках, — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1966, стр. 92—104.

[71] А. С. Аманжолов, Об управлении древнетюркского корневого глагола, — ИАН КазССР, серия филологии и искусствоведения, 1959, вып. 1—2; его же, Об управлении производных глагольных основ в язы-

даются в особом разделе очерка В. М. Насилова «Древнеуйгурский язык»[72]. Выяснению некоторых вопросов исторического формирования подчиненного комплекса в структуре предложения на основе имен действия посвящена статья В. М. Насилова «Глагольные имена в их развитии в тюркских языках»[73]. Материалы древнеуйгурских памятников привлекаются также и тюркологами, изучающими синтаксис отдельных тюркских языков (Е. И. Убрятова, Н. З. Гаджиева, Г. А. Абдурахманов, У. Б. Алиев, Е. А. Поцелуевский, Қ. Қ. Сартбаев и др.).

Лексическое богатство памятников древнетюркской письменности, в том числе и древнеуйгурских, с момента их открытия и по мере введения в научный оборот всегда было предметом пристального внимания русских и советских тюркологов. Лексика этих памятников является постоянным фоном во всех исследованиях исторического развития словарного состава тюркских языков. В настоящем кратком обзоре нет возможности указать (да в этом и нет необходимости) все те работы, в которых привлекаются в целях научного сравнения и сравнительно-исторического изучения лексические данные древнетюркских памятников. В любом издании языковых текстов позднейшего времени, в любом словаре или индексе к ним, в каждом исследовании того или иного раздела тюркской лексики, в каждой работе по диалектологии тюркских языков, а также в трудах по этнографии и истории тюркских народов как к важнейшему источнику обращаются к языку древнетюркских памятников.

В последнее время широкому привлечению древнетюркских материалов в различных работах немало способствовали глоссарии, приложенные С. Е. Маловым к труду В. В. Радлова «Памятники уйгурского языка» и к своим «Памятникам древнетюркской письменности».

Систематическое изучение лексики древнеуйгурского языка начал В. В. Радлов. Уже в «Опыт словаря тюркских наречий» он включил лексику сочинения «Кутадгу билиг», которое он относил к памятникам уйгурского языка, а также материалы уйгуро-китайского словаря времен минской династии. Масса лексических заметок сосредоточена в комментариях В. В. Радлова к изданным текстам. При работе с рукописью сутры «Золотой блеск» он произвел полную лексическую расписку текста. Эти материалы легли впоследствии в основу «Уйгуро-немецкого словаря». Кроме лексики сутры «Золотой блеск» им были ис-

---

ке древнетюркских памятников, — «Труды Ин-та языка и литературы АН ҚазССР», Алма-Ата, 1959, т. I; его же, Глагольное управление в языке памятников древнетюркской письменности, автореф. канд. дисс., М., 1963.

[72] В. М. Насилов, Древнеуйгурский язык, стр. 94—118.

[73] В. М. Насилов, Глагольные имена в их развитии в тюркских языках, — сб. «Вопросы тюркской филологии», М., 1966, стр. 131—140.

пользованы материалы всех известных тогда древнеуйгурских памятников, а также и «Кутадгу билиг». Этот словарь, явившийся первым в тюркологии крупным сводом лексики древнетюркских памятников, был полностью подготовлен к изданию, и даже было отпечатано 96 страниц (гласные а, ӓ и часть ы, i), но затем издание прекратилось [74].

В связи с возникшим в 20-е годы замыслом переиздания «Опыта словаря тюркских наречий» было решено его древнетюркскую часть издать отдельно, слив с уйгурским словарем В. В. Радлова, но эти планы тогда не были осуществлены [75]. Однако лексические материалы той подготовительной работы легли потом в основу картотеки Древнетюркского словаря, работа над составлением которого началась по инициативе и под руководством А. К. Боровкова с 1959 г. в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР. Этот словарь включает лексику древних тюркских языков и диалектов, представленную в многочисленных памятниках древнетюркской письменности VII—XIII вв. Значительную часть его лексических источников составляют памятники древнеуйгурского языка. Словарь содержит около 20 тыс. слов и выражений (включая собственные имена, географические и этнографические наименования). Он является первой попыткой полного сведения лексики древних тюркских языков [76].

Рассматривая путь развития отрасли отечественной тюркологии, занимающейся изучением памятников древнеуйгурского языка, следует сказать, что русские и советские тюркологи внесли неоценимый научный вклад во все ее направления: публикация текстов, изучение их фонетики, морфологии, синтаксиса, исследование лексики, создание лексикографических трудов. Особенно большие успехи достигнуты после Великой Октябрьской социалистической революции, когда к изучению тюркских языков, в том числе и языка памятников тюркской письменности, подключились многие ученые республик нашей страны.

---

[74] Ныне рукопись этого словаря хранится в ЛО ААН СССР; ф. 177, оп. 1, № 80, 82, 90.

[75] См.: ИАН, сер. VI, 1927, № 18, стр. 1684, 1687, 1688, 1694, 1697, 1699—1701, 1705—1706.

[76] Древнетюркский словарь, Л., 1969.

А. М. Щербак

ЕНИСЕЙСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ. К ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

I. Енисейские рунические надписи встречаются на территории Тувинской АССР и Хакасии. Материалом для них служил камень — продолговатые, округлые или прямоугольные плиты песчаника и гранита, которые закапывались в землю в вертикальном положении на глубину до одного метра. Некоторые надписи — наскальные (Туба II, Ах-юс, Хара-юс, Хая-Бажы, *resp.* Хая-Ужу, и т. д.). Небольшое количество надписей сделано на монетах, металлических зеркалах, бляшках, пряслице, золотых и серебряных сосудах.

Как в Туве, так и в Хакасии, стелы с надписями ставились главным образом на надпойменных террасах и горных плато вблизи Енисея и его притоков, либо по одной, либо по две и даже по четыре в одном месте. В непосредственной близости или рядом с ними сохраняются следы курганов, частично раскопанных археологами. По сведениям, собранным Л. Р. Кызласовым, камни были расположены преимущественно с восточной или юго-восточной стороны насыпей курганов[1].

Подробное описание первоначального местонахождения памятников и результатов археологических раскопок содержат работы А. В. Адрианова[2], А. О. Гейкеля[3], С. В. Киселева[4],

---

[1] Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, — СА, 1960, № 3, стр. 101.

[2] А. В. Адрианов, Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском Крае, Минусинск, 1902—1924; его же, Дневник раскопок, произведенных в Урянхайском крае (рукопись). Архив музея Томского университета, № 78 (согласно сообщению Л. Р. Кызласова).

[3] A. O. Heikel, Die Grabuntersuchungen und Funde bei Tascheba, — «Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft», Helsinki, 1912, XXVI.

[4] С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 598—604; Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Десятый сезон раскопок Саяно-Алтайской экспедиции ИИМК и ГИМ, — КСИИМК, 1940, III, стр. 39—42; их же, Чаа-тас у села Копены, — «Труды ГИМ», 1940, XI, стр. 21—54.

Л. А. Евтюховой[5], Л. Р. Кызласова[6] и С. И. Вайнштейна[7].

В настоящее время памятники енисейской письменности хранятся в Кызыльском, Минусинском, Абаканском и Красноярском музеях, в Историческом музее в Москве, в Национальном музее в г. Хельсинки, часть их привезена в Ленинград (Эрмитаж, Музей антропологии и этнографии АН СССР) и часть продолжает оставаться на месте (более подробно см. ниже)[8].

А. Надписи на камнях и скалах

Кызыльский музей

Уюк-Туран[9]	№ 3	Кызыл-Чираа I	№ 43
Барык I	№ 5	Кызыл-Чираа II	№ 44
Барык II	№ 6	Кежээлиг-Хову	№ 45
Барык III	№ 7	Телээ	№ 46
Барык IV	№ 8	Элегес I	№ 52
Кара-Суг	№ 9	Элегес II	№ 53
Чаа-Холь II	№ 14	Оттук-Даш III	№ 54
Чаа-Холь VI	№ 18	Кезек-Хурээ	№ 58
Чаа-Холь VIII	№ 20	«Усть-Элегес» (Хербис-Баары)	№ 59

Минусинский музей

Уюк-Тарлаг	№ 1	Алтын-кёль II	№ 29
Уюк-Аржан	№ 2	Уйбат I	№ 30
Оттук-Даш I	№ 4	Уйбат II	№ 31
«Элегеш» (Элегес)	№ 10	Уйбат III	№ 32
Бегре	№ 11	Туба I	№ 35
Чаа-Холь I	№ 13	«Туба III» (Алып)	№ 37
Чаа-Холь VII	№ 19	Ташеба	№ 40
Означенная	№ 25	Хемчик-Чиргакы	№ 41
«Ачура» (Очуры)	№ 26	«Памятник Минусинского	
Оя	№ 27	музея» (Бай-Булун I)	№ 42
Алтын-кёль I	№ 28	«Абаканский памятник»	№ 48

---

[5] Л. А. Евтюхова, Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), Абакан, 1948; Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Саяно-Алтайская экспедиция, — КСИИМК, 1949, XXVI, стр. 120—127.

[6] Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 93—120; его же, О датировке памятников енисейской письменности, — СА, 1965, № 3, стр. 38—49; его же, Новый памятник енисейской письменности, — СЭ, 1965, № 2, стр. 107—111.

[7] С. И. Вайнштейн, Курганы и стела с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары,— «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», Кызыл, 1963, X, стр. 264—267.

[8] Бо́льшая часть енисейских надписей осмотрена и обследована нами на месте их первоначального нахождения и в упомянутых выше музеях. Попутно заметим, что условия, в которых находятся памятники в Кызыльском и Минусинском музеях, не могут обеспечить их продолжительной сохранности.

[9] Стелы обозначены по названиям рек, населенных пунктов и урочищ, вблизи которых они были найдены. Нумерация их условна: в соответствующем порядке они приводятся в работе С. Е. Малова «Памятники енисейской письменности тюрков» — до № 51. Последующие номера присвоены вновь открытым или ранее неопубликованным памятникам.

«1-й памятник из Тувы» (Бай-Булун II)	№ 49
«2-й памятник из Тувы»	№ 50
«3-й памятник из Тувы»	№ 51
«Тувинская стела — Г» (Улуг-Сайра? Изд. С. В. Киселев, Д. М. Насилов)	№ 55
Малиновка [10]	№ 56
Сайгын (Борбак-Арыг)	№ 57
Оттук-Даш II (изд. И. А. Батманов и А. Ч. Кунаа)	№ 64
Эль-Бажы (изд. Д. М. Насилов)	№ 68
Чер-Чарык (изд. Д. М. Насилов)	№ 69

Музей антропологии и этнографии (г. Ленинград)

Чаа-Холь V	№ 17
Чаа-Холь IX	№ 21
Чаа-Холь X	№ 22
Чаа-Холь XI	№ 23
Подкунинская	№ 71

Национальный музей г. Хельсинки

Чаа-Холь IV № 16

На местах первоначального нахождения

Кули-Хем (Алдыы-Бель I)	№ 12
Чаа-Холь III	№ 15
Хая-Бажы (Хая-Ужу)	№ 24
Уйбат IV	№ 33
Уйбат V	№ 34
Туба II	№ 36
Ак-юс (Ах-юс)	№ 38
Кара-юс (Хара-юс)	№ 39
Саргал-Аксы	№ 60
Суглуг-Адыр-Аксы	№ 61
Канмыылдыг-Хову	№ 62
Ортаа-Хем	№ 63
Кара-Булун I	№ 65
Кара-Булун II	№ 66
Кара-Булун III	№ 67
Ир-Холь (Элегест IV)	№ 70
Алдыы-Бель II	№ 72
Ийме	№ 73

Б. Надписи на монетах, металлических зеркалах, сосудах и т. п.

Минусинский музей

Надпись на монете — Инв. № 5885 [11]
Надписи на зеркалах — Инв. № 5194, 5243
Надпись на пряслице — Инв. № 2164 (?)

Абаканский музей

Надпись на зеркале — Инв. № 5242

[10] Как любезно сообщил Л. Р. Кызласов, плита у кургана в с. Малиновка была осмотрена им вместе с С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой в 1947 г. В 1948 г. Э. Р. Рыгдылон доставил ее в Минусинск и сдал в местный музей, где впоследствии она затерялась.

[11] Вторую монету, бронзовую бляшку и пряслице нам не удалось обнаружить ни в экспозициях, ни в материалах, находящихся в фонде музея.

8 Заказ 1296

Эрмитаж

Надпись на серебряном сосуде из Уйбатского чаа-таса — Инв. № 4899-2

Государственный Исторический музей (г. Москва)

Надписи на золотых сосудах из Копёнского чаа-таса

II. Открытие первых рунических надписей на территории Хакасии связано с именем Д. Г. Мессершмидта, объехавшего Сибирь в 1720—1727 гг. и обнаружившего в 1721—1722 гг. первый уйбатский памятник и, совместно с Ф. И. Страленбергом, третий памятник у р. Тубы (каменная фигура человека с надписью на спине)[12]. В начале XIX в. территорию Хакасии обследовал Г. И. Спасский, опубликовавший результаты своего исследования в 1818 г.[13]. В 1847 г. на р. Уйбат и в других местах побывал М. А. Кастрен, который открыл пятый уйбатский памятник и стелу у д. Означенной. Несколько позднее Н. А. Костровым были найдены памятники с руническими письменами у устья р. Оя и около д. Очуры в Койбальской степи и Е. Ф. Корчаковым — два памятника у оз. Алтын-кёль. В 1885 г. И. П. Кузнецов открыл второй, в 1886 г. Д. А. Клеменц — первый, а в 1888—1889 гг. финская экспедиция — четвертый памятник у р. Уйбат, памятники Туба I, Ташеба и др. В разное время разными лицами были обнаружены надписи на скалах по берегам рек Туба, Ах-юс, Хара-юс, а также монеты и предметы хозяйственного назначения[14], точные места находки которых неизвестны.

Честь открытия первой надписи на территории Тувы принадлежит Г. Н. Потанину, который во время экспедиции 1879 г. обнаружил на левом берегу р. Каа-Хем стелу с надписью. Несколько позже, в 1881 г., А. В. Адрианов, путешествуя по

---

[12] Ph. von Strahlenberg, Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia, Stockholm, 1730, стр. 409 и сл. (в этом же издании воспроизведена зарисовка фрагмента зеркала с руническими знаками, стр. 357); D. G. Messerschmidt, Forschungsreise durch Sibirien, 1720—1727, T. I, Berlin, 1962, стр. 174. См. также: В. В. Радлов, Сибирские древности, I, вып. 2, — «Материалы по археологии России», № 5. Приложения, СПб., 1891, стр. 31; вып. 3, — «Материалы по археологии России», № 15. Приложения, СПб., 1894, стр. 96 и сл.

[13] Г. И. Спасский, Древности Сибири (с приложением альбома), — «Сибирский вестник», ч. I, отд. 1, СПб., 1818, стр. 5—14, табл. II, III.

[14] См.: O. Donner, Wörterverzeichniss zu den Inscriptions de l'Iénisséi, Helsingfors, 1892, стр. 3, 65; Д. А. Клеменц, Северо-азиатские рунические письмена и чтение их, Иркутск, 1895, стр. 24.

верхнему течению Енисея и его притокам, открыл и скопировал надпись на скале Хая-Бажы (*resp.* Хая-Ужу). Копии этой надписи были посланы Н. М. Ядринцеву, который опубликовал их вместе с копиями других надписей (из Минусинского музея) в 1885 г.[15]. В 1888 г. в верховьях Енисея побывала финская экспедиция во главе с И. Аспелином[16], обследовавшая 17 рунических надписей (Уюк-Аржан, Уюк-Тарлаг, Уюк-Туран, Кара-Суг, Элегес, Кули-Хем, Чаа-Холь, Оттук-Даш, Хая-Бажы). В 1889 г. А. О. Гейкелем были найдены стелы Хемчик-Чиргакы и Чаа-Холь III, а в 1891 г. Д. А. Клеменц открыл памятники у р. Барык[17]. Другие находки относятся к более позднему времени.

В собирании памятников енисейской письменности важную роль сыграл Минусинский музей, ставший с конца XIX в. основным местом их сосредоточения[18].

III. Начало публикации енисейских надписей с текстами, переводами, комментариями, грамматическим очерком и словарем было положено В. В. Радловым, использовавшим материалы финской экспедиции и эстампажи В. А. Ошуркова[19].

---

[15] Н. М. Ядринцев, Древние памятники и письмена в Сибири, — «Литературный сборник», СПб., 1885, стр. 456—476. См. также: А. В. Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г., — ЗИРГО, 1888, XI, стр. 147—290, 402—421; Д. А. Клеменц, Древности Минусинского Музея. Памятники металлических эпох, Томск, 1886, стр. 39 и сл., 178.

[16] Inscriptions de l'Iénisséï recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'Archéologie, Helsingfors, 1889. См. также: O. Donner, Wörterverzeichniss zu den Inscriptions de l'Iénisséï, стр. 66 (в этом издании опубликованы два новых текста: на стелах Чаа-Холь III и Хемчик-Чиргакы); J. Aspelin, Über die Jenisei-Inschriften, — «Zeitschrift für Ethnologie», XXI, Berlin, 1889, стр. 744—746; Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887—1889, herausgegeben von H. Appelgren-Kivalo, Helsingfors, 1931 (в последнем издании имеется копия надписи с р. Уюк-Туран).

[17] См.: Л. Р. Кызласов, Краткая история археологического изучения Тувы, — «Вестник МГУ», 1965, № 3, стр. 56 и сл.

[18] См.: «Минусинский публичный местный музей. Десятилетие Минусинского музея. 1877—1887», Томск, 1887, стр. 53, 54, 56; «Отчет по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1889 год», Минусинск, 1890, стр. 11 (о сдаче в музей монеты и бронзовой бляшки); «Отчет... за 1892 год», Минусинск, 1893, стр. 5, 17; «Отчет... за 1893 год», Минусинск, 1894, стр. 7; «Отчет... за 1897 год», Минусинск, 1898, стр. 4; «Отчет... за 1900 год», Минусинск, 1901, стр. 13; «Отчет... за 1901 год», Красноярск, 1902, стр. 12; «Отчет... за 1902 год», Минусинск, 1903, стр. 16, 25 (о доставке камней, китайских зеркал и других предметов с надписями); «Отчет... за 1913 год», Минусинск, 1914, стр. 20. См. также: И. С. Боголюбский, Исследование древностей Красноярского и Минусинского округов, 1881, 1882 и 1883 годы, СПб., 1890, стр. 16 и сл.

[19] W. Radloff, Atlas der Alterthümer der Mongolei. Arbeiten der Orchon-Expedition, Zweite Lieferung, St.-Pbg., 1893; Dritte Lieferung, St.-Pbg., 1896; его же, Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, St.-Pbg., 1895, стр. 299—387.

В первой половине нынешнего столетия енисейские надписи привлекли внимание В. Томсена, Х. Н. Оркуна и С. Е. Малова. В. Томсен сделал поправки к чтению надписей с рек Барык, Элегес и наскальной надписи Хая-Бажы (Хая-Ужу)[20]. Х. Н. Оркун опубликовал с несколько измененным чтением и переводом 15 надписей из Хакасии и 27 — из Тувы[21]. В издание С. Е. Малова, помимо надписей, опубликованных Х. Н. Оркуном и С. В. Киселевым[22], вошли эпитафии Телэз, Элегес (I—II), Кызыл-Чираа (I, II) и Кёжээлиг-Хову[23]. Изданию отдельных надписей посвящены статьи или разделы в работах Ф. Р. Мартина[24], Э. Друэна[25], А. Н. Самойловича[26], Л. А. Евтюховой[27], С. В. Киселева[28], Э. Р. Рыгдылона[29], Ю. Л. Аранчына[30],

---

[20] V. Thomsen, Turcica. Etudes concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie, — MSFOu, XXXVII, 1916, стр. 38, 60, 65.

[21] H. N. Orkun, Eski türk yazıtları, III, İstanbul, 1940.

[22] С. В. Киселев, Неизданные надписи енисейских кыргызов, — ВДИ, 1939, № 3 (8), стр. 124—134 («Абаканский памятник», «1-й памятник из Тувы», — Бай-Булун II, «2-й памятник из Тувы», «3-й памятник из Тувы». Оттук-Даш I, Улуг-Сайра?).

[23] С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.—Л., 1952; его же, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959, стр. 68—75. Три надписи из Тувы (Хемчик-Чиргакы, Кызыл-Чираа I, Бай-Булун I) были изданы С. Е. Маловым в 1936 г., см.: С. Е. Малов, Новые памятники с турецкими рунами, — сб. «Язык и мышление», VI—VII, М.—Л., 1936, стр. 259—274.

[24] F. R. Martin, Sibirica, Stockholm, 1897, Taf. 25 (надписи на фрагментах зеркал).

[25] E. Droin, La monnaie bilingue de Minoussinsk, — «Bulletin de Numismatique», Paris, 1892, VIII, mars, стр. 133—135.

[26] А. Н. Самойлович, О надписи тюркскими рунами на р. Бегре в Тувинской республике, рукопись, Архив востоковедов Ин-та народов Азии АН СССР в Ленинграде, Р. II, оп. 4, № 56.

[27] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Открытия Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 г., — ВДИ, 1939, № 4 (9), стр. 162; их же, Чаа-тас у села Копены, стр. 43, табл. II; Л. А. Евтюхова, Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), стр. 41—43 (надписи на золотых сосудах из Копенского чаа-таса).

[28] С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, стр. 601, 602, табл. LIII (надписи на золотых сосудах из Копенского чаа-таса и на пряслице из Минусинского музея); его же, Письменность енисейских кыргыз, — КСИИМК, 1949, XXV, стр. 37—40 (надпись на пряслице из Минусинского музея). Рец. см.: А. Н. Бернштам, — ВЛУ, 1950, № 4, стр. 167.

[29] Э. Р. Рыгдылон, Новые рунические надписи Минусинского Края,— ЭВ, 1951, IV, стр. 87—93 (надписи на камне у д. Малиновка в долине р. Уюк Тувинской АССР, на фрагментах зеркал, китайской монете и пряслице). Рец. см.: С. Е. Малов, — «Изв. ОЛЯ АН СССР», М., 1954, XIII, 2, стр. 197. Э. Р. Рыгдылон, Подкунинская руническая надпись,— ЭВ, 1956, XI, стр. 59—62.

[30] Ю. Л. Аранчын, Сайгынская плита с древнетюркской надписью, — ЭВ, 1951, V, стр. 76—77.

А. Н. Бернштама[31], Л. Базена[32], З. Б. Арагачы[33], А. М. Щербака[34], И. А. Батманова[35], А. К. Боровкова[36], Д. М. Насилова[37], Л. Р. Кызласова[38]. В 1963 и 1965 гг. И. А. Батманов и А. Ч. Кунаа издали три выпуска альбома рунических надписей Тувы[39].

Ряд памятников, главным образом из Хакасии (наскальная надпись у д. Фыркалы, надписи на фрагменте зеркала и на камнях из окрестностей Уйбатского чаа-таса, из улуса Усть-Сос Аскизского р-на, из могильника около улуса Чаптыкова[40], надписи, хранящиеся в Абаканском и Красноярском музеях и др.), будет опубликован в ближайшее время.

Повторные публикации надписей, имевшие место в последние годы, к сожалению, не внесли почти ничего нового в их чтение и интерпретацию. Между тем этот участок освоения

---

[31] А. Н. Бернштам, Древнетюркское письмо на р. Лене, — ЭВ, 1951, IV, стр. 85 (надпись на серебряной кружке из Уйбатского чаа-таса).

[32] L. Bazin, L'inscription d'Uyug-Tarlïq, — «Acta Orientalia», Kopenhagen, 1957, XXII, стр. 1—7.

[33] З. Б. Арагачы, Памятник с Элегеста, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», Кызыл, 1961, IX, стр. 235—237; ее же, Новые эпиграфические находки в Туве, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», Кызыл, 1963, X, стр. 247—256 (Саргал-Аксы, Суглук-Адыр-Аксы, Канмыылдыг-Хову, Ортаа-Хем); ее же (совместно с Д. М. Насиловым), О надписи на скале Хая-Ужу, — там же, стр. 257—263.

[34] А. М. Щербак, Новая руническая надпись на камне, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», Кызыл, 1961, IX, стр. 238—241; его же, Памятники рунического письма енисейских тюрок, — НАА, М., 1964, № 4, стр. 140—151 (Кызыл-Чираа I, II, Кёжээлиг-Хову, Телээ, Элегес II); его же, L'inscription runique d'Oust-Eléguestе (Touva), — UAJb, 1964, XXXV, «B», стр. 145—149; его же, Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска, — ВДИ, 1960, № 2, стр. 139—141.

[35] И. А. Батманов, Еще о надписи на скале Хая-Ужу, — «Труды Кызыльского пединститута», 1963, III, стр. 239—242; И. А. Батманов и А. Ч. Кунаа, Памятник из Ийме, — сб. «Материалы по общей тюркологии и дунгановедению», Фрунзе, 1964, стр. 92—94.

[36] А. К. Боровков, Енисейские надписи на сосудах, — сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 194—196 (надписи на золотых сосудах из Копенского чаа-таса).

[37] Д. М. Насилов, О некоторых памятниках Минусинского музея, — НАА, 1963, № 6, стр. 124—129 (Улуг-Сайра?, Эль-Бажы, Чер-Чарык).

[38] Л. Р. Кызласов, Новый памятник енисейской письменности, стр. 104—113 (Ир-Холь; Элегес II).

[39] И. А. Батманов и А. Ч. Кунаа, Памятники древнетюркской письменности Тувы, вып. I, Кызыл, 1963 (Телээ, Чаа-Холь XIV, XVIII, XX, Оттук-Даш III, Кара-Суг, Барык I—IV, Элегес I, II, Хербис-Баары, Саргал-Аксы, Кезек-Хурээ, Кызыл-Чираа I, II, Уюк-Туран, Кёжээлиг-Хову); вып. II, Кызыл, 1963 (Уюк-Тарлаг, Уюк-Аржан, Хемчик-Чиргакы, Оттук-Даш I, II, Бегре, Чаа-Холь I, «2-й памятник из Тувы», Сайтын); вып. III, Кызыл, 1965 (Кара-Булун I, II, III, Алдыы-Бель I, II, Ийме, «3-й памятник из Тувы», Чер-Чарык, «Памятник Минусинского музея» — Бай-Булун I, «1-й памятник из Тувы» — Бай-Булун II).

[40] По сведениям, полученным от Л. Р. Кызласова и А. Н. Липского. Можно с уверенностью сказать, что существует еще много неоткрытых памятников.

енисейских надписей, являющийся бесспорно важнейшим и во многом предопределяющим уровень их лингвистического и культурно-исторического исследования, еще далек от окончательной разработки. Достаточно познакомиться с несколькими примерами из одного текста — с Бегре, чтобы убедиться в этом. Так, в конце 3-й строки названного текста вместо *ӧрӱнӱміг ҟарамыҕ азыдым а* (С. Е. Малов, № 11, 3) отчетливо читается *ӱрӱңӱмгӓ ҟарамҕа аздїм* и вместо перевода «теперь я глух (и слеп) к своим стадам» можно предложить нечто иное: «я перестал различать белое и черное», т. е. умер (*аз-* 'заблуждаться'), ср. там же, в 1-й строке: *кӱн аj аздїм* 'я перестал различать солнце и луну'. Вместо *анта алыҕ адашыма анта сізімӓ ӓдгӱ ӓшімӓ адырылдым* 'там от своих бесчисленных друзей (или: от богатства и друзей) я отделился (т. е. умер) от вас моих, моих добрых товарищей' (С. Е. Малов, № 11, 8) лучше читать и переводить: *антлїҕ адашїма антсїз да ӭдгӱ ӭшімӓ адїрїлдїм* 'от моих товарищей, связанных со мной клятвой, а также от моих хороших друзей, не дававших клятву, я отделился'. Для 9-й строки: *бӓш jӓгірмі jашымда табҕач ҟанҕа бардым ӓр ӓрдӓмім ӱчӱн алпун алтун кӱмӱшіг ӓгрітӓб ӓl дӓ кіші ҟазҕандым а* 'в мои пятнадцать лет я пошел к китайскому императору ради моих способностей по геройству (*алпун?*); золото, серебро, дорогие ткани, в (китайском) государстве (и) людей (жену?) я приобрел' (С. Е. Малов, № 11, 9) предпочтительнее следующий перевод: «в мои пятнадцать лет я отправился к китайскому императору и благодаря моему мужеству и умению (*алпун?*) приобрел золото, серебро, одногорбых верблюдов (*ӭгрі тӭбӓ*)... ... (*ӭ̂лдӓ кіші?*)». Ср. надпись на памятнике с р. Телээ (№ 46): *ӭ̂лдӓ кішім ӭгрі тӭбӭ̂м тӧрт боталїм jїлкїм...*[41]. Сочетание *ӭгрі тӭбӓ* означает «одногорбый верблюд»[42]. Все другие варианты его толкования, например: *ӓгір іт ӓбі* 'конура собаки агир' (В. В. Радлов), *ӓгрітӓбі* 'его попона' (В. Томсен, С. Е. Малов), *ӭгрітӭбі* 'обязан' («deruhde ettirip», Х. Н. Оркун), недостаточно убедительны. Кстати, наличие в этом сочетании слова *ӭгрі* следует считать вполне обычным, ср. у Махмуда Кашгарского: *тӭвӭ боjнїн ӭгрі тӭр* 'шею верблюда называют кривой (горбатой)' (МК I, 127). Существенные изменения должны быть внесены также в чтение и перевод памятников № 2, 3, 5, 10 и т. д. Разумеется, внесение исправлений нисколько не умаляет заслуг предшествующих исследо-

[41] См.: А. М. Щербак, Памятники рунического письма енисейских тюрок, стр. 146.

[42] См.: R. Giraud, L'inscription de Baïn Tsokto. Édition critique, Paris, 1961, стр. 113; Jean-Paul Roux, Le chameau en Asie Centrale, — CAJ, 1959, V, 1, стр. 37.

вателей: чтение и перевод надписей, имеющих небольшие размеры и сохранившихся неполностью, связаны с большими трудностями, преодолеть которые можно только в результате длительного и упорного труда многих специалистов. В этой связи уместно привести здесь одно из высказываний С. Е. Малова, содержащееся в предисловии к «Енисейской письменности тюрков». Указывая на необходимость уточнения старых переводов, он пишет: «Моя цель: заменить эти прежние переводы енисейских надгробий новыми. „Я сделал, что мог, а лучшее пусть сделают могущие". Работы еще много».

В настоящее время остро ощущается необходимость в издании полного собрания енисейских надписей с фотографиями, эстампажами, уточненным чтением и переводом и подробным филологическим комментарием. Осуществление такого издания явилось бы началом нового этапа в изучении енисейской руники.

Тамги на стелах с эпитафиями и в наскальных надписях (см. табл. 1) изданы Э. Р. Рыгдылоном[43] и Л. Р. Кызласовым[44], причем последним из них была предпринята оригинальная попытка установить по тамговым знакам и расположению памятников генеалогию «древнехакасских» правителей и границы их феодальных уделов. Охарактеризовав тамги как наследственные родовые знаки, Л. Р. Кызласов затем приходит к выводу, что усложнение каждого элементарного типа является свидетельством перехода от одного поколения к другому по нисходящей линии[45]. Этот вывод заслуживает серьезного внимания и должен быть проверен с учетом палеографических и других данных. При этом следует сразу же заметить, что палеографические данные сами по себе не имеют решающего значения для определения относительной хронологии памятников: надписи в пределах одного и того же бага могли выбивать разные мастера.

IV. Общая характеристика енисейских надписей и их содержания предваряет почти любую специальную работу.

Енисейские надписи не велики: каждая из них состоит из нескольких строк, располагающихся вдоль камня. Самая большая надпись — Уйбат III (№ 32) — насчитывает более 400 знаков.

Тексты надписей представляют собой обычное прозаическое

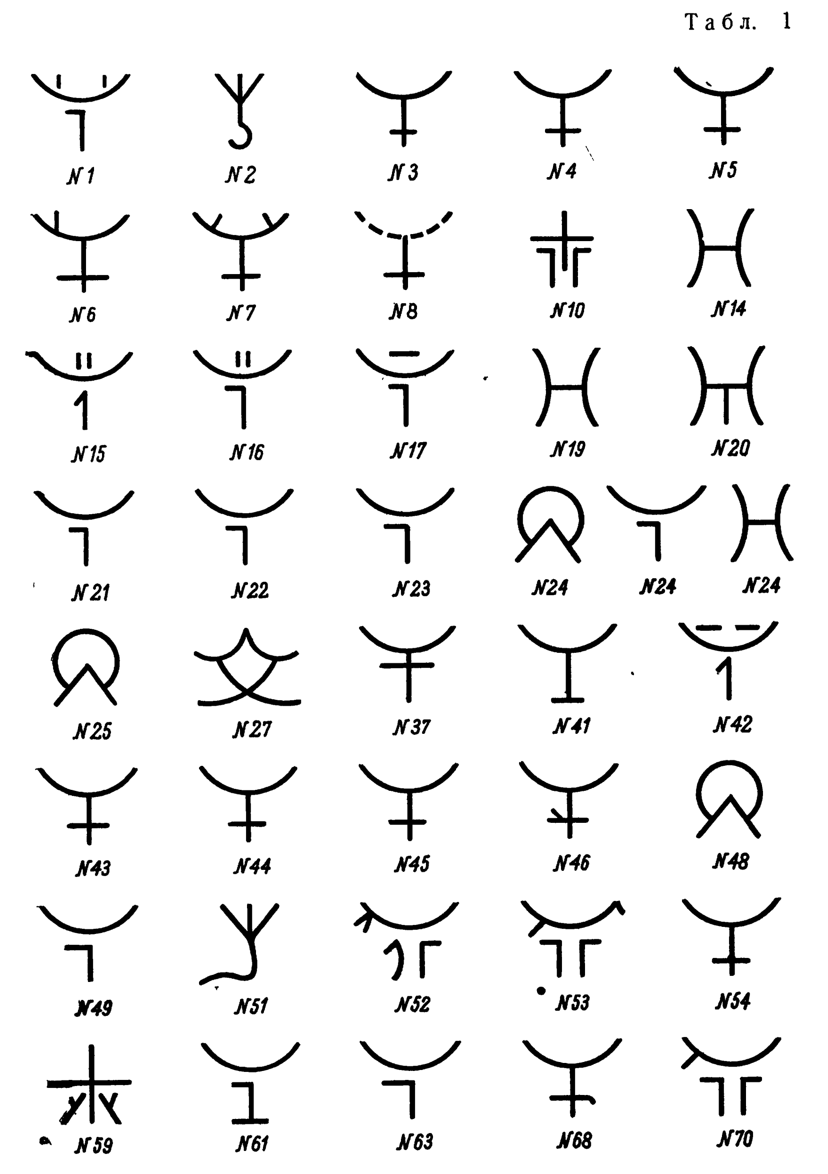
---

[43] Э. Р. Рыгдылон, О знаках на плитах с руническими надписями, — ЭВ, 1954, IX, стр. 63—72.

[44] Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 104—118; его же, О датировке памятников енисейской письменности, стр. 38—49.

[45] Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 105—107.

Табл. 1

повествование[46]. Правда, существует и другая точка зрения, согласно которой их следовало бы отнести к числу поэтических

[46] См.: В. М. Жирмунский, Некоторые проблемы теории тюркского стиха (тезисы доклада), — «Тюркологическая конференция, Ленинград, 7—10 июня», Л., 1967; L. Hřebiček, Are the Old-Turkic Inscriptions written in Verses? — AOr, 1967, XXXV, 3, стр. 477—482.

произведений. Эта точка зрения подробно излагается в монографии И. В. Стеблевой[47], которая рассматривает древнетюркское стихосложение как тонико-темпоральное (*resp.* тоническое, так как признак «темпоральности» обязателен для ритма вообще).

Выбор того или иного принципа стихосложения — тонического, квантитативного, силлабического или силлабо-тонического — предопределяется обычно историческими или чисто языковыми обстоятельствами. Так, например, исторические обстоятельства способствовали внедрению в поэзию ряда тюркских народов квантитативного метра (аруза). С другой стороны, чисто языковые факторы — более или менее равномерное распределение ударения с преобладающим усилением его в конце слова, исключающее возможность соразмерного чередования ударных и неударных слогов, — создали благоприятную почву для развития у тюркских народов силлабического стиха. Что касается тонической системы стихосложения, то для использования ее древними тюркскими народами не было ни исторических, ни языковых условий, и, таким образом, мы вправе считать, что древнетюркский народный стих, как и современный, был силлабическим, построенным по принципу изосиллабизма разных строк и повторяемости ритмических частей внутри каждой строки.

Итак, чтобы решить вопрос о правомерности рассмотрения енисейских текстов как поэтических произведений, необходимо установить, возможна ли разбивка их на стихотворные строки и строфы исходя из принципов построения силлабического стиха. Совершенно очевидно, что такая возможность отсутствует. См., например, начало текста из Кёжээлиг-Хову (№ 45) в поэтической записи И. В. Стеблевой:

(1) 1. *оҕлан атїм Чубуч*
2. *їнал... тä атїм Кӱмӱл öгä*
(2) 3. *б$\hat{\text{э}}$ш јашїмта kаңсїз kалїп*
4. *tokуз ј$\hat{\text{э}}$гірмі јашїмҕа öгсӱз болуп*
(3) 5. *kатїҕланїп*
6. *отуз јашїмҕа öгä болтум*[48].

[47] См.: И. В. Стеблева, Поэзия тюрков VI—VIII веков, М., 1965 (тексты енисейских эпитафий приводятся на стр. 97—102). Еще раньше А. Н. Бернштам высказал предположение, что енисейские эпитафии являются первыми поэтическими произведениями киргизской литературы (А. Н. Бернштам, Истоки киргизской литературы, — «Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР», Фрунзе, 1945, I, стр. 80 и сл.).

[48] И. В. Стеблева, Поэзия тюрков..., стр. 99 (в транскрипцию и интерпретацию текста, приведенного в издании И. В. Стеблевой, мною внесены небольшие изменения.— *А. Щ.*).

Абсолютное большинство енисейских надписей — эпитафии. В начале их приводится имя покойного, описание его жизни, походов, сражений, затем выражается неудовлетворенность земным существованием и скорбь по поводу разлуки с родственниками, близкими, воинами и т. д.

Широко распространено мнение, что енисейские надписи не являются связными текстами, очень примитивны[49] и отражают стадию дологического мышления[50]. В самом деле, указанные надписи, как правило, лишены композиционной стройности и производят впечатление случайного набора отрывочных фраз, и все же примитивизм их скорее следствие недостаточной изученности, чем отражение каких-либо объективных моментов.

V. Палеографическим исследованием енисейских надписей в сравнении с орхонскими и таласскими и в связи с выяснением общих вопросов развития рунической письменности занимались В. В. Радлов и С. В. Киселев. В. В. Радлов и вслед за ним некоторые другие тюркологи подчеркивали значительное расхождение между енисейским и орхонским алфавитами. На этом основании и принимая также во внимание отсутствие на территории между р. Хануй и хребтом Танну-Ола каких-либо следов надписей, В. В. Радлов делал заключение о параллельном и независимом друг от друга развитии двух упомянутых разновидностей рунического письма. Местом, где произошло разветвление некогда единого алфавита, была, как он предполагает, территория, примыкающая к Черному Иртышу, от которой сравнительно недалеко до р. Хемчик и из которой вместе с тем нетрудно было пройти в бассейн р. Орхон[51].

С. В. Киселев разделял точку зрения В. В. Радлова о параллельном развитии енисейских и орхонских рун, но, учитывая, что «на всем протяжении от Кемчика до Черного Иртыша и на самом Черном Иртыше» надписей нет, считал колыбелью рунической письменности и исходным пунктом ее распространения Семиречье. Следует также отметить, что, по мнению С. В. Киселева, енисейские руны палеографически близки к таласским и, будучи более древними, чем орхонские, отражают «ту стадию рунической письменности, на которой еще не закончилось сложение буквенных форм»[52].

В отличие от В. В. Радлова и С. В. Киселева А. Габен

---

[49] См.: G. Clauson, Turkish and Mongolian Studies, London, 1962 («Prize Publication Fund», vol. XX), стр. 69.

[50] См.: L. Bazin, La turcologie: bilan provisoire, — «Diogène», Gallimard, 1958, № 24, стр. 106.

[51] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, St.-Pbg., 1895, стр. 301.

[52] С. В. Киселев, Краткий очерк древней истории хакасов, Абакан. 1951, стр. 70—73; его же, Древняя история Южной Сибири, стр. 607—610.

Табл. 2

	Енисейск. Тув.	Енисейск. Хак.	Орхонск.
a, ä, ӛ	[illegible]	[illegible]	[illegible]
э̂	[illegible]	[illegible]	—
б¹	[illegible]	[illegible]	[illegible]
б²	[illegible]	[illegible]	[illegible]
ƃ	[illegible]	[illegible]	[illegible]
г	[illegible]	[illegible]	[illegible]
д¹	[illegible]	[illegible]	[illegible]
д²	[illegible]	[illegible]	[illegible]
з	[illegible]	[illegible]	[illegible]
i, ï, ӛ	[illegible]	[illegible]	[illegible]
j¹	[illegible]	[illegible]	[illegible]
j²	[illegible]	[illegible]	[illegible]
j̇	—	—	[illegible]
k	[illegible]	[illegible]	[illegible]
к	[illegible]	[illegible]	[illegible]
(о)k, (у)k	[illegible]	[illegible]	[illegible]
(ö)к, (ÿ)к	[illegible]	[illegible]	[illegible]
(ï)k	[illegible]	—	[illegible]
л¹	[illegible]	[illegible]	[illegible]
л²	[illegible]	[illegible]	[illegible]

Продолжение

	Енисейск.		Орхонск.
	Тув	Хак.	
лт	𐰞	—	𐰞
м	𐰢 𐰢 𐰢 𐰢 𐰢 𐰢 𐰢	𐰢	𐰢
н¹	𐰣 𐰣 𐰣	𐰣	𐰣
н²	𐰤 𐰤 𐰤 𐰤 𐰤 𐰤	𐰤 𐰤 𐰤	𐰤 𐰤 𐰤 𐰤
ң¹	𐰮 𐰮 𐰮 𐰮	𐰮 𐰭	𐰭
ң²	𐰭 𐰭	𐰭	𐰭
нт	𐰦	𐰦	𐰦 𐰦 𐰦
нч	𐰨 𐰨 𐰨 𐰨 𐰨	𐰨 𐰨	𐰨 𐰨
о, у	𐰆	𐰆	𐰆
ö, ÿ	𐰇 𐰇 𐰇	𐰇 𐰇 𐰇	𐰇 𐰇
п	𐰯	𐰯	𐰯
р¹	𐰺 𐰺 𐰺 𐰺 𐰺 𐰺	𐰺 𐰺 𐰺	𐰺 𐰺
р²	𐰼	𐰼	𐰼
с¹	𐰽 𐰽	𐰽	𐰽 𐰽 𐰽
с²	𐰾	𐰾	𐰾
т¹	𐱃 𐱃	𐱃	𐱃 𐱃 𐱃
т²	𐱅 𐱅 𐱅	𐱅 𐱅	𐱅
ч	𐰲 𐰲	𐰲	𐰲
ш¹	𐱁 𐱁 𐱁 𐱁	𐱁 𐰲	𐱁 𐰾
ш²	𐰲 𐱁		𐱁

намечает следующий путь и последовательность развития рунической письменности: 1. Талас, 2. Енисей, 3. Орхон[53].

Пока трудно принять или отвергнуть какую-либо из приведенных выше точек зрения. Мы можем только указать на незначительность различий между руническими алфавитами Хакасии, Тувы и Монголии и проиллюстрировать это соответствующей таблицей. Как показывает последняя (табл. 2), первые два алфавита отличаются от третьего главным образом бо́льшим разнообразием графических вариантов.

VI. Наиболее полный список енисейских рун (с вариантами) приводят в своих работах А. Габен[54] и И. А. Батманов[55], подробное описание дано Дж. Клосоном[56].

В енисейском руническом алфавите 39 знаков, не считая те, которые не поддаются определенному чтению или являются не вполне обычными для него (например, знаки на пряслице, имеющие явно выраженный не-енисейский характер). Из них 5 служат для передачи гласных: *а—ӓ—э*, *э̂*, *ï—і—э*, *о—у*, *ö—ӱ* и 28—для передачи согласных: *б*, *ҕ*, *д*, *j*, *k*, *л*, *н*, *ң*, *р*, *с*, *т*, *ш* (по два знака для каждого согласного, обозначающих велярный и палатальный варианты), *з*, *м*, *п*, *ч* (по одному знаку, без различия указанных вариантов). Шесть знаков используются для передачи сочетаний гласного с согласным или согласного с согласным: *ok—yk*, *öк—ӱк*, *ïk—ік*, *лт*, *нт*, *нч*.

Расшифровка большинства знаков енисейского алфавита является окончательной и общепринятой, чтение же некоторых из них периодически подвергается пересмотру или уточнению. Так, В. Томсен предложил читать знак X как закрытый *э̂*[57], а Дж. Клосон высказался в пользу более широкой интерпретации рун, обозначающих *б*, *п* и *д* (*б — в*, *п—ф* и *д* — δ)[58]. Предположения В. Томсена и Дж. Клосона не встречают больших препятствий с фактической стороны. Тем не менее для окончательного решения этого вопроса необходимо иметь параллельные тексты, записанные другими алфавитами, или толкования рун, наподобие того, которое было издано Х. Н. Оркуном (к сожалению, сохранился лишь небольшой фрагмент)[59]. Особенно часто вносятся

---

[53] A. von Gabain, Alt-türkisches Schrifttum, — «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», phil.-hist. Kl., Jg. 1948, III, Berlin, 1950, стр. 12.

[54] A. von Gabain, Alttürkische Grammatik, 2. verb. Aufl., Leipzig, 1950, стр. 12.

[55] И. А. Батманов, Язык енисейских памятников древнетюркской письменности, Фрунзе, 1959, стр. 16 (табл.).

[56] G. Clauson, Turkish and Mongolian Studies, стр. 69—84.

[57] V. Thomsen, Une lettre méconnue des inscriptions de l'Iénissei, — JSFOu, 1916, XXX, стр. 1—9.

[58] G. Clauson, Turkish and Mongolian Studies, стр. 77.

[59] H. N. Orkun, Eski türk yazıtları, II, стр. 24.

коррективы в чтение знака ᛞ. В. Банг рассматривал его как идеограмму для *баш* в значении «голова, вершина горы»[60], Р. Жиро считал указанный знак своеобразной лигатурой, передающей сочетание *ча* (*чä*)[61], а Дж. Клосон — лигатурой, передающей сочетание *лïk* или *nïk*[62].

VII. Язык енисейских надписей постоянно находился в центре внимания тюркологов, интересующихся вопросами истории тюркских языков. Описание его в различных аспектах содержат упомянутые выше работы В. Томсена, В. В. Радлова, Х. Н. Оркуна, С. Е. Малова и, кроме того, работы К. Брокельмана[63], И. А. Батманова, З. Б. Арагачы, Г. Ф. Бабушкина[64], В. М. Насилова[65] и др.

VII, 1. Лексика исследовалась преимущественно с целью выделения таких слов, которые имеют ограниченное распространение в тюркских языках и, таким образом, могут указывать на языковую принадлежность текстов. Уточнялись значения отдельных слов и фразеологических сочетаний[66].

В надписях встречается около 300 слов, относящихся к разным тематическим группам, ср.:

названия космических тел и явлений

аj 'луна', *кӳн* 'солнце', *jӭр* 'земля', *суб* 'вода', *тӭңрі* 'небо', *булут* 'облако';

названия частей тела

адаk 'нога', *kол* 'рука', *баш* 'голова', *бӭл* 'поясница', *jӱрäк* 'сердце';

термины родства

ӭкä 'старшая сестра', *ӭр* 'муж, мужчина', *ӭчі* 'старший брат', *іні* 'младший брат', *јанчï*...(?), *јотуз* 'жена, женщина', *јурчï* 'шурин', 'свояченица', *kадаш* 'родственник', *kаң* 'отец', *kадïн*

---

50 W. B a n g, Turcica, — «Mitteilungen der Vorderasiatische Gesellschaft», Jg. 1916, Leipzig, 1917, стр. 289. Чтение В. Банга было принято С. Е. Маловым («Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии», стр. 65).

61 R. G i r a u d, L'inscription de Baïn Tsokto, стр. 52.

62 G. C l a u s o n, Turkish and Mongolian Studies, стр. 78. См. также: G. J. R a m s t e d t, J. G. G r a n ö und P e n t t i A a l t o, Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei, — JSFOu, 1958, IX, стр. 55.

О чтении других знаков см.: O. N. T u n a, On the Phonetic Values of the Symbols X, ⊗, ᛕ Used in Some of the Texts in Kök-Turkish Script, — CAJ, 1966, XI, 4, стр. 241 и сл.

63 C. B r o c k e l m a n n, Zu den alttürkischen Inschriften aus dem Ienissei-Gebiet, — UAJb, 1952, XXIV, 1—2, стр. 137—142.

64 И. А. Б а т м а н о в, Язык енисейских памятников древнетюркской письменности; И. А. Б а т м а н о в, З. Б. А р а г а ч ы, Г. Ф. Б а б у ш к и н, Современная и древняя енисеика, Фрунзе, 1962.

65 В. М. Н а с и л о в, Язык орхоно-енисейских памятников, М., 1960.

66 См., например: T. T e k i n, On a Misinterpreted Word in the Old Turkic Inscriptions, — UAJb, 1964, XXXV, «B», стр. 134—144 (о слове *ӭсіз, ӭсізім* 'жаль', 'увы').

'тесть', *кїз* 'девочка', 'дочь', *кэлін* 'невестка', *кÿдäгÿ* 'зять', *кÿн* (*кін*) 'родственница', *оғул* (*оғлан*) 'мальчик, юноша', 'сын', *öг* 'мать', *уја* 'родственники', *тöӊÿр* 'свойственники' и т. д.

В ряде работ получили толкование термины, связанные с общественным устройством древних тюрок: *эл* 'племенной союз', *бодун* (*кара бодун*) 'народ', *баҕ* 'феодальный надел' (согласно толкованию Л. Р. Кызласоза); титулы и звания: *элчі*, *бэг*, *їнал*, *їнанчу*, *ічрäкі*, *јалабач*, *јэмліг*, *öгä*, *кан*, *саӊун*, *таркан*, *тэгін*, *тутук*, *чабїш*, *чігші*, *чур*, *шад*; этнонимы: *тÿргäш эл* (№ 37), *јÿз кÿмÿл бодун* (№ 44, 45), *токуз татар* (№ 59)[67].

VII, 2. Исследование фонетики проводилось по линии установления звуков и основных фонетических явлений.

Опираясь на анализ текстов и учитывая другие факты, можно предположить, что в языке енисейских надписей было девять гласных фонем (различение открытого и закрытого *э* не являлось исконным: закрытый *э* встречается в соседстве с *ј* и на месте общетюркского **ä*).

Для языка надписей характерно наличие последовательно выраженной палатально-велярной и проявляющейся частично губной гармонии гласных. При этом огубленные гласные обозначались регулярно лишь в первом слоге и в конце слова; во втором и третьем (закрытом) слогах имели место колебания. Так, для ряда текстов графическое изображение огубленных гласных в непервых слогах полностью исключено, в отдельных текстах оно наблюдается в одном-двух словах, ср. 𐰚𐰇𐰠𐰇𐰏 *кÿлÿг* 'известный, знаменитый' (№ 6, 7), 𐰉𐰆𐰭𐰆𐰽𐰆𐰔 *буӊусуз* 'беспечальный' (№ 6, 7), 𐰆𐰍𐰞𐰆𐰢 *оғлум* 'мой сын' (№ 20), 𐰉𐰆𐰑𐰆𐰣 *бодун* 'народ' (№ 32), а в надписи из Кежээлиг-Хову (№ 45) является сплошным, ср. 𐰚𐰇𐰢𐰇𐰠 *кÿмÿл* — этноним, 𐰲𐰆𐰉𐰆𐰲 *Чубуч* — имя собственное, 𐱃𐰸𐰆𐰔 *токуз* 'девять', 𐰇𐰏𐰾𐰇𐰔 *öгсÿз* 'без матери', 𐰉𐰆𐰞𐰆𐰞 *болул* 'став', 𐰆𐱃𐰆𐰔 *отуз* 'тридцать', 𐰉𐰆𐰞𐱃𐰆𐰢 *болтум* 'я стал', 𐱃𐰆𐱃𐰑𐰆𐰢 *тутдум* 'я держал', 𐰉𐰆𐰑𐰆𐰣 *бодун* 'народ', 𐰽𐰆𐰉𐰆𐰢 *субум* 'моя вода', 𐰴𐰆𐰣𐰲𐰆𐰖𐰆𐰢 *кунчујум* 'моя госпожа', 𐰇𐰼𐰇𐰭𐰇𐰢 *ÿрÿӊÿм* 'мое «белое»', 𐰉𐰆𐰑𐰆𐰣𐰆𐰢 *бодунум* 'мой народ', 𐰇𐰚𐰇𐱁 *укÿш* 'много', 𐰉𐰆𐰞𐱃𐰆𐰢 *бултум* 'я на-

---

[67] M. F. Köprülü, Zur Kenntnis der alttürkischen Titulatur, — KCsA, Budapest, 1938, I. Ergänzungsband, 4, стр. 334—336; А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков, М.—Л., 1946; С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 23, 31, 42, 91; L. Bazin, L'antiquité méconnue du titre turc «čavuš», — «1er Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Résumés des communications linguistiques», Sofia, 1966, стр. 7—11, 13.

шел, «собрал»'. Вопрос о возможности существования гармонии согласных остается пока открытым. По-видимому, был прав В. Томсен, который в отличие от И. Крамского[68] и некоторых других тюркологов видел в парности графической передачи согласных не отражение их собственных различий, а прием обозначения тембра соседних гласных[69].

В распределении согласных прослеживаются особенности, типичные для восточной (так называемой уйгуро-карлукской) группы тюркских языков. В енисейских надписях нет ни одного слова, которое бы начиналось согласными *ҕ*, *г*, *д*, *з*, *л*, *м*, *н*, *ң*, *п*, *р*, *ш*. Из звонких в начальной позиции возможны только *б* и *j*. В конце слова встречаются любые согласные.

Обращает на себя внимание большая устойчивость качества глухих шумных согласных в положении перед гласными при наращении морфологических элементов, ср. *ki̇зҕаki̇м* (*ki̇зҕаk*) 'мои дочери' (№ 3), *jолуkаjïн* (*jолуk*) 'встречусь-ка я' (№ 10), *тӱкäтi* (*тӱкäт*) 'полностью' (№ 11), *атïм* (*ат*) 'мое имя' (№ 15), *кэjiкi* (*кэjiк*) 'его газели', *барсïм* (*барс*) 'мой барс' (№ 28), *ӭгсӱкӱм* (*ӭгсӱк*) 'мои недостатки', *jӱрäкiм* (*jӱрäк*) 'мое сердце', *тусум* (*тус*) 'польза, принесенная мною' (№ 44).

В соседстве с любыми гласными и согласными, кроме сонорных, завершающих основу, в начале аффиксальных морфем наблюдаются обычно звонкие смычные согласные: *тапдïм* 'я оказывал услуги, служил' (№ 13, 46), *ӭлтдi* 'она носила' (№ 28), *кэjiкдä* '(среди) зверей', *jаҕïда* '(среди) врагов' (№ 44), *тутдум* 'я держал', *аздïм* 'я заблудился' (№ 45), *kуjда* 'в покоях, в тереме' (№ 46), *тоkуз ӭлiг jашда* 'в 49 лет'. Ср. также: *артзун* 'пусть увеличится' (№ 48), где в начале аффикса после глухого смычного согласного оказывается звонкий щелевой. В сочетании же с сонорными согласными на месте второго компонента выступают как глухие, так и звонкие смычные, например: *jашïмда* 'в моем возрасте', *ӭлiмкä* 'моему племенному союзу', *ӭртiм* 'я был', *бодунkа* 'народу' (№ 1), *бӭлiмтä* 'на моей пояснице', *бантïм* 'я повязал себе', *ӭлiмтä* 'в моем племенном союзе', *jунтум* 'мои лошади'; *адïрïлтïм* 'я отделился' (№ 3), *болдум* 'я стал', *kïлдï* 'он сделал', *ӭрдä* '(среди) мужей', *адïрïлдïм* 'я отделился' (№ 6), *тӭңрiдäкi* 'находящийся на небе', *кӱнкä* 'солнцу', *jӭрдäкi* 'находящийся на земле', *оҕлумkа* 'в отношении моих сыновей', *адïрïлдïм* 'я отделился' (№ 7), *öлӱртӱм* 'я убил', *kïрk jашïмда* 'в мои сорок лет' (№ 44), *бӭш jашïмта* 'в мои пять лет', *тоkуз jӭгiрмi jашïмҕа* 'к моим де-

---

[68] J. Krámský, Über den Ursprung und die Funktion der Vokalharmonie in den ural-altaischen Sprachen, — ZDMG, Wiesbaden, 1956, CVI, стр. 126, 127.

[69] [V. Thomsen], Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par V. Thomsen, Helsingfors, 1896 (MSFOu, V), стр. 17.

вятнадцати годам', *болтум* 'я стал', *кӱнгä* 'в отношении солнца', *јунтум* 'мои лошади', *kïлтïм* 'я сделал' (№ 45) и т. д. Различия в качестве аффиксальных смычных, выступающих после шумных смычных основы и после сонантов, остаются пока необъясненными. Напомним, что О. Прицак высказал предположение о существовании в древних тюркских языках оппозиции начальных согласных в аффиксах по признаку силы/слабости, например: *-ті* (афф. наречий) и *-ді* (афф. глагольной формы прошедшего времени), *-kа* (афф. дательного падежа) и *-ҕа*(*ру*) (афф. направительного падежа) и т. д. В соседстве с сонантами, по мнению О. Прицака, слабые согласные вследствие диссимилятивных изменений превращались в сильные, и таким образом происходила нейтрализация указанной оппозиции: *нд>нт*, *лд>лт*, *рд>рт*[70].

Примечательной особенностью языка надписей является отражение пратюркского δ в виде *д*, ср.: *кӱдäгӱ* 'зять' (№ 3), *адаk* 'нога' (№ 10), *kадïн* 'тесть' (№ 17), *адïрïлтïм* 'я отделился' (№ 43), *бодунум* 'мой народ', *бэдӱк* 'великий' (№ 45), и в виде *ј*: *кэјікдä* '(среди) зверей' (№ 44). В данном случае, возможно, употреблялся межзубный δ, для которого не было специального знака и который поэтому обозначался ближайшими графическими средствами.

VII, 3. Изучение морфологии из-за небольших размеров и нарочитой однотипности синтаксических конструкций было ограниченным и носило эпизодический характер[71]. Приведем полный перечень встречающихся форм: местный падеж на *-да~-дä~-та~-тä*, винительный падеж на *-ïҕ~-іг~-уҕ~-ӱг*, дательный на *-ҕа~-гä~-kа~-кä*, *-а~-ä*, орудный на *-ïн~-ін*; формы принадлежности 1-го, 2-го и 3-го лица ед. числа на *-ïм~-ім~-ум~-ӱм*, *-ïң~-ің~-уң~-ӱң*, *-*(*с*)*ï~-*(*с*)*і* и 2-го лица мн. числа на *-ïңïз~-іңіз~-уңуз~-ӱңӱз*; относительные прилагательные на *-лïҕ~-ліг~-луҕ~-лӱг*, *-kï~-кі*, *-дakï~-дäкі~-тakï~-тäкі*; формы отыменного и отглагольного образования имен на *-k~-к*, *-дам*; прошедшее категорическое на *-дï~-ді~-ду~-дӱ~-тï~-ті~-ту~-тӱ*; форма страдательного залога на *-ïл~-іл*; форма возвратного залога на *-ïн~-ін*; форма совместно-взаимного залога на *-ïш~-іш*; форма каузатива на *-ур~-ӱр*; формы повелительно-желательного наклонения 1-го, 2-го и 3-го лица на *-аjïн~-äjін*, — , *-ҕïл~-гіл*, *-ïң~-ің*, *-зун~-сун*; форма условного наклонения на *-сар~-сäр*; отглагольные имена—причастия на *-дуk~-дӱк*, *-мïш~-міш*, *-ар~-äр~-ур~-ӱр*; деепричастия на *-ïп~-іп;* форма именной привативности на *-сïз~-сіз~-суз~*

[70] О. Pritsak, Die Herkunft der Allophone und Allomorphe im Türkischen, — UAJb, 1961, XXXII, 1—2, стр. 143.

[71] См.: A. von Gabain, Über Ortsbezeichnungen im Alttürkischen, — StO, 1950, XIV_5, стр. 1—14.

-сӳз; форма множественного числа на *-лар~-ләр*; послелоги *ӳчӳн*, *бірлә*, *ара*, *ічінтә*.

Отметим, что употребление в енисейских надписях двух аффиксов дательного падежа (преимущественно для форм принадлежности) не служит целям различения каких-либо семантических оттенков [72]. Причины подобной двойственности пока не ясны.

VII, 4. Большие усилия были приложены для отыскания в языке енисейских надписей следов разных говоров.

И. А. Батманов, начавший работу в этой области несколько лет назад, выделил два наречия, различающихся рефлексами общетюркского **ä* (*ӭ* — наречие и *і* — наречие), и шесть диалектов — в зависимости от характера отражения общетюркских **с* и **ш*, по три в каждом наречии (*ш* — диалект, *ш>с* — диалект и *с>ш* — диалект) [73]. Нисколько не отрицая положительного значения поисков И. А. Батманова, мы должны вместе с тем отметить недостаточную обоснованность разграничения енисейских текстов по названным признакам и прежде всего по признаку употребления *і* вместо *ӭ*. Хорошо известно, что почти все рунические знаки, служившие для передачи гласных, были полифонными и что знак ᚴ обозначал не только *ї*(*і*), но и *ӭ* [74]. Поэтому в памятниках № 6, 15, 26—29, 31, 32, которые И. А. Батманов относит к *і*-наречию, параллельно встречаются слова с пропуском знака, обычно рассматриваемым как способ передачи *ӭ* (*ä*), см., например, *ӭр* 'мужской', *тӭгін* 'принц', *бӭн* 'я', *ӭдгӳ* 'хороший', *ӭліг*—50. Кстати, кажущееся появление *і* вместо *ӭ* имеет место почти исключительно в словах *ӭл* 'племенной союз', *ӭлт-* 'носить', *ӭліг* — 50 и *ӭчі* 'старший брат' и наблюдается чрезвычайно редко (№ 6 — один случай, № 15 — один, № 26 — два, № 27 — два, № 28 — три, № 29 — три). Приблизительно так же обстоит дело с выделением диалектов по признаку употребления *с* вместо *ш* и *ш* вместо *с* [75]. Енисейские тюрки имели в своем распоряжении два знака для *с* (Ꭹ с различными вариантами — твердорядный *с*, | — мягкорядный *с*) и

[72] Иную точку зрения высказывает Л. Базен. См.: L. Bazin, L'inscription d'Uyuġ-Tarlïq, стр. 1—7.

[73] И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин, Современная и древняя енисеика, стр. 45—50; И. А. Батманов, О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», Кызыл, 1963, X, стр. 297. См. также: T. Tekin, Bir «runik» harfın fonetik değeri hakkında, — «Türk Ķültürünü Araştırma Enstitüsü yayınları»: 19, Seri: I,— Sayı: A 2 (Reşid Rahmeti Arat için), Ankara, 1966, стр. 412—417.

[74] См.: V. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon..., стр. 14—16 (изложение см. в работе: П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, — ЗВОРАО, 1899, XII, стр. 20—21); W. Radloff, Zur Geschichte des türkischen Vocalsystems, — ИАН, СПб., 1901, XIV, № 4, стр. 425—462.

[75] Для некоторых надписей способ передачи *с* и *ш* установить невозможно из-за отсутствия в них слов с указанными звуками. Памятник № 41 не учтен по той причине, что в своей значительной части он до сих пор не поддается чтению и таит в себе много загадочного.

один знак для *ш* (⋀, в некоторых надписях, например, № 15, 16 — ◊ или ⌑), см. № 2, 3, 6, 13, 18, 25, 28, 30, 34, 42, 44, 45, 48, 49, 51[76]. В четырех текстах (№ 10, 11, 29, 59) средства передачи *с* и *ш* распределены несколько иначе: Ƴ — твердорядные *с*, *ш*, | — мягкорядный *с*, ⋀ — мягкорядный *ш*, однако и в этом случае, вызванном необходимостью различения твердорядного и мягкорядного *ш*, полного совпадения графической передачи *с* и *ш* не было (мягкорядные *с* и *ш* передавались разными знаками).

Дж. Клосон использовал в качестве разграничительного признака фонетический облик местоимения 1-го лица ед. числа: *мӭн* — в надписях из Хакасии (исключения — № 37, 48), *бӭн* — в надписях из Тувы (исключения — № 10, 45)[77]. Этот признак, вообще говоря, примечателен и используется при классификации тюркских языков, но в данном случае он не имеет решающего значения, так как в других словах соответствующей группы подобное разграничение не наблюдается и в начале слова выступает только *б*, ср. *бің* — 1000, *буң* 'печаль', *бӭңгӱ* 'вечный', *бін-* 'садиться верхом'.

Таким образом, попытки выделить в языке енисейских надписей разные диалекты пока не принесли ощутимых результатов. Разумеется, это не значит, что на огромной территории Тувы и Хакасии был совершенно единый язык. Мы вправе говорить об отсутствии заметных диалектных различий, лишь имея в виду язык письменных памятников.

VII, 5. Об отношении языка енисейских надписей к современным тюркским языкам высказывались разные мнения. Первые исследователи рунических текстов были единодушны в признании наличия большого количества особенностей, сближающих их язык с огузскими и карлукско-уйгурскими языками. Действительно, состав звуков и их распределение (например, наличие *ǰ* и *б* в анлауте, присутствие глухих согласных в интервокальном положении, состав грамматических форм и способ образования числительных, обозначающих десятки) не позволяют сделать иного вывода. Тем не менее тюркологи, изучавшие язык надписей в последующий период, сочли возможным квалифицировать его как древнейшее состояние в первую очередь киргизского[78] или тувинского и хакасского языков[79]. Правда, новая точка зрения имеет строго определенные локальные границы и широкого распространения в среде специалистов не получила. Еще

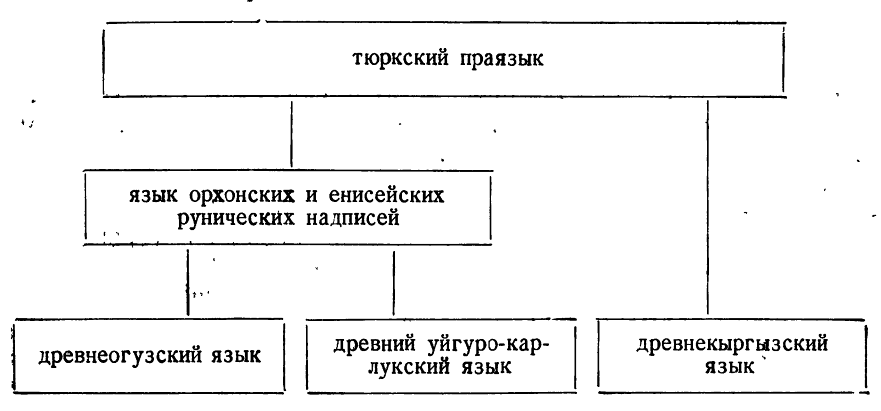
[76] Подробно об этом см.: А. М. Щербак, Памятники рунического письма енисейских тюрок, стр. 150.

[77] G. Clauson, Turkish and Mongolian Studies, стр. 69.

[78] См.: А. Н. Бернштам, Истоки киргизской литературы, стр. 80.

[79] И. А. Батманов, О датировке енисейских памятников, стр. 294, 297.

в 1940 г. К. К. Юдахин справедливо заметил, что «лингвистических данных для сближения языка этих надписей с современным киргизским языком пока нет»[80]. Добавим, что нет никаких лингвистических данных и для сближения его с тувинским и хакасским языками. Конечно, современные языки отделены от языка енисейских тюрок большим периодом времени, и поэтому различия между ними могут быть следствием исторических изменений. Однако объяснить все различия историческими изменениями невозможно. Дело в том, что язык енисейских надписей отражает такой модус развития общетюркского языкового достояния, который, как мы осмеливаемся утверждать, никогда не мог быть одним из древних срезов киргизского, хакасского или тувинского языков. Поясним эту мысль небольшой схемой, имеющей чисто прикладное значение:

Для общего представления о языке надписей важное значение имеет фонетический облик различных слов: *ӱч* 'три', *бэш* 'пять', *эшід-* 'слышать', *jэті* 'семь', *сэкіз* 'восемь', *токуз* 'девять', *jӧрӱ-* 'ходить', *jӱз* 'сто', *кач-* 'бежать, убегать'; структура числительных, обозначающих десятки: *jэгірмі*—20, *отуз*—30, *кïрк* — 40, *эліг* — 50, *алтмïш* — 60, *jэтміш* — 70 (ср. турецк., узб. *jэтміш*, кирг. *жэтміш*, хак. *чітон*, тув. *чэдэн*); состав грамматических форм: причастия на *-мïш~-міш*, *-дук~-дӱк* и т. д.

VIII. Вопрос о датировке енисейских надписей — один из наиболее трудных: в самих текстах нет ни прямых, ни косвенных указаний на время их составления. В. В. Радлов, опиравшийся на содержание текстов и палеографические данные, относил их к концу VII или началу VIII в.[81]. В. Томсен и П. М. Мелиоран-

[80] К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1940, стр. 6.

[81] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, стр. 301—303.

ский, которые воспринимали енисейскую письменность как более архаическую по сравнению с орхонской, относили составление надписей к VI—VII вв.[82], С. Е. Малов — к V—VI вв.[83]. Против датировки В. Томсена, П. М. Мелиоранского и С. Е. Малова выступил Л. Р. Кызласов, который, ссылаясь на археологические данные, решительно заявил, что все известные енисейские надписи, за исключением двух на камнях (№ 32, 40) и трех на сосудах, были составлены не ранее IX—X вв. Третий памятник с Уйбата (№ 32) Л. Р. Кызласов датировал VII в., а памятник с Ташеба (№ 40) — VIII в.[84]. Точку зрения Л. Р. Кызласова разделяет Дж. Клосон, отмечающий вместе с тем отсутствие достаточных оснований для отнесения к более раннему, чем IX в., времени памятников № 32 и № 40[85].

IX. Проблема происхождения енисейского рунического алфавита, как и вообще рунического письма у тюрок, привлекала к себе внимание специалистов главным образом в конце прошлого столетия. Сразу же после расшифровки орхоно-енисейского алфавита В. Томсен указал в общей форме на связь тюркских рун с арамейскими буквами[86], а О. Доннер предпринял попытку сблизить их с одной из разновидностей арамейского письма, зафиксированной на аршакидских монетах[87]. Почти одновременно с работами В. Томсена и О. Доннера появились статьи Н. А. Аристова[88] и Н. Маллицкого[89], в которых была высказана мысль о происхождении древнетюркских рун из тамг, оформившаяся впоследствии в гипотезу о существовании особого тамгово-пиктографического этапа развития древнетюркской письменности[90]. В некотором смысле компромиссной явилась точка зрения Д. Н. Соколова, поддержавшего гипотезу В. Томсена и О. Доннера и в то же время высказавшего предположение о роли формы тамг в «национализации» букв

---

[82] V. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, стр. 53; П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 47—48.

[83] С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, стр. 7—8. См. также: И. А. Батманов, О датировке енисейских памятников, стр. 291—302.

[84] Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 96, 117—120.

[85] G. Clauson, Turkish and Mongolian Studies, стр. 70.

[86] V. Thomsen, Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Iénisseï, Copenhague, 1894, стр. 47.

[87] O. Donner, Sur l'origine de l'alphabet turc du Nord de l'Asie, — JSFOu, 1896, XIV, стр. 5, 44.

[88] Н. А. Аристов, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргизов..., — «Живая старина», СПб., 1894, III—IV, стр. 418—419.

[89] Н. Маллицкий, О связи тюркских тамг с орхонскими письменами, — ПТКЛА, год третий, 1897—1898, стр. 43—46.

[90] См.: А. Соколов. От камня к печатному станку, — «Культура и письменность Востока», Баку, 1928, II, стр. 116, 118.

арамейского алфавита[91]. В 1938 г. А. Дж. Эмре выступил с попыткой идеографического объяснения всех знаков рунического письма[92].

Из приведенных выше гипотез наиболее вероятной кажется первая. Использование арамейского письма древними тюрками явилось естественным выражением тех интенсивных культурных связей, которые они постоянно поддерживали с согдийцами, сыгравшими, как известно, важную роль в появлении у тюрок и двух других алфавитов — уйгурского и манихейского.

X. Подробные библиографические данные, относящиеся к открытию и изучению енисейских надписей, имеются в названных выше работах и в специальном библиографическом указателе[93], который охватывает только дореволюционный период[94].

---

[91] Д. Н. Соколов, О башкирских тамгах, — «Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии», Оренбург, 1904, XIII, стр. 85.

[92] A. C. Emre, Eski türk yazısının menşeği, İstanbul, 1938. О возможности идеографической интерпретации отдельных рун см.: Е. Д. Поливанов, Идеографический мотив в формации орхонского алфавита, — «Бюлл. САГУ», Ташкент, 1925, № 9, стр. 177—179; A. von Gabain, Alt-türkisches Schrifttum, стр. 11.

[93] А. Н. Самойлович, Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности, — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического об-ва», СПб., 1914, XV, 1. 1912, стр. 55—80.

[94] Считаю своим долгом выразить искреннюю глубокую благодарность Л. Р. Кызласову, информировавшему меня о новых находках в Хакасии и Туве и сделавшему, после ознакомления с рукописью настоящего обзора, много ценных замечаний. Благодарю также за полезные советы С. Г. Кляшторного.

И. В. Стеблева

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЖАНРА *ТУЮГ*

Особенности туюга как литературного жанра были впервые сформулированы в конце XV в. Алишером Навои в трактате по метрике «Мизан ал-авзан», где изложение их велось в терминах арабо-персидской поэтики. Произошло это не только потому, что не существовало иного способа интерпретации литературных понятий, но и потому, что ко времени Алишера Навои туюг представлял собой поэтическую форму с вполне определившимися признаками жанра именно на основе категорий арабо-персидской поэтики. Алишер Навои писал: «Еще есть размеры, распространенные среди тюрков, в особенности среди чагатайского народа; и они (тюрки. — *И. С.*), сочиняя этими размерами свои песни, поют [их] в собраниях. Одна из них — туюг, который состоит из двух бейтов; и стараются произносить таджнис; и размер этот — рамал-и мусаддас-и максур...» [1]. В «Мухакамат ал-лугатайн» Навои добавил, что такой поэтической формы у персов нет [2]. В трактате по стихосложению (арузу) Захираддина Мухаммада Бабура (первая треть XVI в.) сказано, что туюг пользовался большой популярностью «в собраниях могольских ханов и тюркских султанов...» [3]. Бабур приводит примеры на разные виды туюга, что может быть представлено следующим образом: 1) туюг с рифмой типа a a b a, содержащей полный таджнис (слова-омонимы) в трех рифмующихся строках; 2) туюг с рифмой типа a b c b, содержащей составной таджнис в двух рифмующихся строках; 3) туюг с рифмой типа a a b a, содержащей начертательный таджнис в двух первых рифмующихся строках, после чего следует редиф; 4) туюг с рифмой типа a b c b без таджниса; 5) туюг с рифмой типа a a a a, содержащей полный таджнис во всех че-

---

[1] Алишер Навоий, Мезонул авзон, Тошкент, 1949, стр. LXVII; в узбекской транскрипции стр. 91.

[2] محاكمة اللغتين (M. Quatremère, Chrestomathie en turc oriental, Paris, 1841), стр. 11—12.

[3] Рукопись парижской Bibliothèque nationale, Suppl. turc, № 1308, л. 138б.

тырех строках; 6) туюг с рифмой типа a a b a, полный таджнис содержится в редифе; 7) туюг с рифмой типа a a b a, содержащей полный таджнис в трех рифмующихся строках и имеющей перед собой хаджиб (редиф перед рифмой). При этом пятому виду туюга предпослано такое замечание: «Приходят на память еще несколько видов туюка (так у Бабура. — *И. С.*), которые нигде не встречаются...»[4]. Примеры на пятый, шестой и седьмой виды туюга принадлежат самому Бабуру. Весьма любопытно, что пример, иллюстрирующий пятый вид туюга, в изданном А. Н. Самойловичем по парижской рукописи тексте «Дивана» Бабура представлен как два фарда[5]. Можно было бы предположить, что данный вид туюга — изобретение самого Бабура, но М. Ф. Кёпрюлю в статье, посвященной исследованию этого жанра, приводит монorимический туюг с таджнисом в рифме, извлеченный им из трактата по музыке Абд ал-Кадира Мараги[6].

Разнообразие видов туюга в трактате Бабура появилось главным образом за счет описания вариантов таджниса и его места в бейтах, что относится скорее к области возможного творческого выбора при создании стихов в этом жанре, но не собственно к жанровой характеристике туюга. Если суммировать высказывания о туюге Навои и Бабура, то становится очевидным, что: 1) для туюга обязателен метр рамал-и мусаддас-и максур; 2) система рифмы в туюге может быть a a b a, a b c b и, по-видимому, a a a a; 3) предпочтительно, чтобы в рифме содержался таджнис, который может быть любым в соответствии с арабо-персидской теорией поэтических фигур, но желательно, чтобы он давал омонимическую рифму.

А. Н. Самойлович, который был первым, кто посвятил жанру туюга серьезное исследование[7], не мог использовать сведений о туюге, содержащихся в трактате Бабура, так как рукопись трактата была обнаружена М. Ф. Кёпрюлю в парижской Национальной библиотеке в 1923 г.[8]. Поэтому он выделил только

---

[4] Там же, лл. 138б—139а.

[5] А. Н. Самойлович, Собрание стихотворений императора Бабура, Пг., 1917, ١٨٧, ١٨٨.

[6] M. F. Köprülüzade, Türk klâsik edebiyatında hususî nazım şekilleri. Tuyug, — M. F. Köprülüzade, Türk dili ve edebiyatı hakkında araştırmalar, İstanbul, 1934, стр. 222.

[7] А. Н. Самойлович, Четверостишия-туйуги Неваи, — «Мусульманский мир», вып. 1, Пг., 1917, стр. 10—22. О туюге см. также: E. J. W. Gibb, A History of Ottoman Poetry, London, 1900, vol. 1, стр. 90; П. М. Мелиоранский, Отрывки из дивана Ахмеда Бурхан-ед-дина Сивасского, — «Восточные заметки», СПб., 1895, стр. 131—152.

[8] Первое сообщение о ней появилось в 1926 г. в статье كوپریلی زاده محمد فواد، تورك قلاسيق ادبياتنده حصوصی نظم شكللری تويوغ

те виды туюга, которые можно было наблюдать непосредственно на материале самой поэзии[9].

То обстоятельство, что туюг является специфически тюркской поэтической формой, не встречавшейся ни в арабской, ни в персидской поэзии, заставляло думать о привнесении его в классическую поэзию из фольклора. Этот вывод А. Н. Самойловича был постулирован рядом фактов. Так, например, Гибб, говоря о туюгах Ахмеда Бурханеддина (конец XIV в.), сравнил их с фольклорной формой мани[10]. Были известны так называемые джинаслы мани среди собраний турецкого фольклора И. Куноша[11]. Наконец, А. Н. Самойлович прочел строки из поэмы «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского (XI в.)

بو سوزکا بقالورسا معنی بو سوز
اشیت ایشکا توتغیل ایا کونکلی توز[12]

как: «Пусть-ка взглянут на это слово; это слово — мани; Выслушай и примени к делу, о благоразумный!», хотя здесь же в примечании указал, что современное написание слова — مانی[13]. Так наблюдение А. Н. Самойловича над тем, что древнейшие из известных нам туюгов — туюги Бурханеддина ближе не к позднейшим туюгам чагатайских авторов, но к четверостишиям из «Кутадгу билиг», а к последним приложимо название «мани», делало связь между туюгом и мани вполне реальной. Путь развития жанра туюга в представлении А. Н. Самойловича таков: некогда туюг был фольклорным четверостишием, обладающим скрытым смыслом; потом эта форма попала в литературу как противопоставление персидскому рубаи; тогда-то скрытый смысл фольклорного четверостишия стал заменяться таджнисом в подражание арабским и персидским поэтическим образцам[14]. В дальнейшем А. Н. Самойлович обнаружил

которая затем была напечатана в журнале «تورکیات مجموعه‌سی»، جلد ۲، ۱۹۲۸, а позднее была под тем же названием включена им в сборник его работ «Türk dili ve edebiyatı hakkında araştırmalar», İstanbul, 1934, стр. 204—256.

[9] А. Н. Самойлович, Четверостишия-туйуги Неваи, стр. 15. Следует заметить, что четвертый вид туюга, выделенный А. Н. Самойловичем, — туюг метра рубаи с типом рифмы рубаи и таджнисом, вряд ли можно рассматривать как туюг, потому что он не обладает основным признаком жанра — метром рамал. Можно думать, что это рубаи с таджнисом.

[10] См.: А. Н. Самойлович, Четверостишия-туйуги Неваи, стр. 11.

[11] Опубликованы в издании: В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, т. VIII, СПб., 1899, стр. 487—535.

[12] См. транскрипцию в издании: R. R. Arat, Kutadgu bilig, I. Metin, İstanbul, 1947, 3448.

[13] А. Н. Самойлович, Четверостишия-туйуги Неваи, стр. 13.

[14] Там же, стр. 14.

в поэме «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского четверостишие, которое имеет полный таджнис (слова-омонимы) в рифмующихся строках и этим напоминает туюг [15]. Это обстоятельство, по-видимому, убедило А. Н. Самойловича в правильности своих выводов настолько, что еще позднее, анализируя хивинские туюги XIX в., он писал, что жанр туюга нам известен с XI в. [16].

Однако с переводом приведенных выше строк из «Кутадгу билиг», сделанным А. Н. Самойловичем, вряд ли можно согласиться, потому что у Юсуфа сказано: «Если взглянуть на это слово, то это слово обладает смыслом (содержательно). Выслушай [его] и примени к делу, о добродетельный!» [17]. Таким образом, нет оснований считать, что четверостишия из «Кутадгу билиг» назывались мани.

М. Ф. Кёпрюлю, которому принадлежит следующая крупная работа об этом жанре, был в основном согласен с выводами А. Н. Самойловича. Его добавления сводятся к тому, что литературный туюг сложился в результате соединения элементов, составлявших мани и кошук тюркского фольклора, с формой фахлавият персидского фольклора [18]. Здесь необходимо пояснить, что термином мани М. Ф. Кёпрюлю пользовался чрезмерно широко. Можно сказать, что в его работе происходит перенесение термина мани, который как обозначение определенного жанра фольклора стал известен довольно поздно, на любое четверостишие, относящееся к любому периоду времени вплоть до глубокой древности [19]. В данном случае речь идет не только о терминологической неточности, потому что, хотя в тюркоязычной поэзии начиная с эпохи рунического письма и до наших дней четверостишие всегда было и остается очень популярным, фольклорный тип четверостишия — мани является продуктом вполне определенного влияния классической поэзии на поэтические формы фольклора. Иными словами, некогда у тюрков существовало четверостишие (обозначения его мы не знаем), и в результате взаимодействия его с литературными типами четверостиший, которые сложились под влиянием арабской и персидской поэзии, появилась позднейшая форма мани.

К выводу о том, что туюг вобрал в себя элементы кошука,

---

[15] А. Н. Самойлович, Из поправок к изданию и переводу «Кутадгу билиг», — ДАН-В, 1924, стр. 150—151.

[16] А. Н. Самойлович, Хивинские туюги XIX в., — ДАН-В, 1927, стр. 43.

[17] Так же читает это место и Р. Р. Арат (см.: Yusuf Has Hacib, Kutadgu bilig, II. Tercüme, R. R. Arat, Ankara, 1959, 3448). Ср. также бейт 1620, пример и перевод см. ниже.

[18] M. F. Köprülüzade, Türk klâsik edebiyatında hususî nazım şekilleri. Tuyug, стр. 216—217.

[19] Там же, стр. 223.

М. Ф. Кёпрюлю пришел на основании трактата по музыке Абд ал-Кадира Мараги (XV в.), где сказано, что тюрки Ирака пели на определенную мелодию — мутадил — четверостишия метра рамал-и мусаддас-и максур. Пример, приведенный Абд ал-Кадиром Мараги, является не чем иным, как туюгом, снабженным таджнисом. В другом своем сочинении Абд ал-Кадир Мараги говорит, что песня на мелодию мутадил называется по-тюркски кошук, и снова в качестве примера приводит туюг, но без таджниса. Следовательно, делает вывод М. Ф. Кёпрюлю, в XIV—XV вв. кошук был метрически идентичен туюгу и оба они исполнялись почти на одну и ту же мелодию[20]. Последнее утверждение вполне справедливо, потому что, как известно из трактатов по метрике Навои и Бабура, кошук в арузе был приноровлен к метру рамал-и мусамман-и махзуф (— ⌣ — — — ⌣ — —/— ⌣ — —/— ⌣ —), туюг — к метру рамал-и мусаддас-и максур (— ⌣ — —/— ⌣ — —/— ⌣ —). Разница между метрами кошука и туюга состоит в том, что кошук по сравнению с туюгом содержит на одну полную стопу рамаля больше. Что же касается последних стоп кошука и туюга, то, хотя зихафы в них разные, метрически они однозначны, так как в тюркском арузе более чем долгие слоги практически не учитываются. Последовательное соблюдение этих зихафов осуществлялось ради соблюдения букв рифмы. Таким образом, если учесть, что мелодия исполняемого произведения, как правило (но не всегда), соотносилась с метром, можно предположить, что и кошук и туюг пелись почти на одну и ту же мелодию. Однако нет оснований доверять трактату по музыке Абд ал-Кадира Мараги, который, по-видимому, нетверд в названиях тюркских песен и не говорит по поводу них ничего определенного, больше, чем трактатам по метрике Навои и Бабура, где метры кошука и туюга определены совершенно точно, и, следовательно, маловероятно, что метр кошука мог быть идентичен метру туюга. Утверждение М. Ф. Кёпрюлю о том, что туюг вобрал в себя нечто из кошука, малообосновано и потому, что они являются принципиально разными жанрами. В «Диван лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари (XI в.) к слову «кошук» стоит объяснение: «стихи, касыда»[21], и в качестве примера приведен бейт, который, объединенный с двумя другими бейтами, приведенными в других местах «Дивана», образует отрывок из какого-то довольно пространного сочинения, напоминающего моноримическую касыду[22]. Можно думать, что уже в XI в. понятие «кошук» связывалось с определенным видом поэтического про-

[20] Там же, стр. 221—223.

[21] Divanü lügat-it-türk tercümesi. Çeviren B. Atalay, c. I, стр. 376.

[22] См. текст XV в кн.: И. В. Стеблева, Развитие тюркских поэтических форм в XI в. (в печати).

изведения, отнюдь не похожего на лаконичное четверостишие. Дальнейшая практика приспособления тюркских поэтических форм к метрам аруза только подтвердила это, четко разграничив метры кошука и туюга.

Что же касается влияния на туюг персидских фахлавият, которые, как пишет М. Ф. Кёпрюлю, в начале XIII в. были очень распространены среди населения Ирака и в подражание которым тюрки и создали жанр туюга[23], то следует сказать, что система рифмы рубаи — a a b a была известна в тюркоязычной поэзии еще в XI в. («Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского). Для того чтобы понять, откуда появился самый распространенный в туюгах тип рифмы — a a b a, достаточно обратиться к истории самой тюркоязычной поэзии. Иной вопрос, как появилось четверостишие с системой рифм рубаи в первом тюркоязычном памятнике мусульманской эпохи «Кутадгу билиг», — проникло непосредственно из персидской поэзии (что очевиднее всего) или явилось результатом тюрко-персидского фольклорного взаимодействия (что также не исключено).

А. Н. Самойлович, поставив решение вопроса о судьбах литературного туюга в зависимость от изучения ранних периодов классической тюркоязычной поэзии[24], предложил по сравнению с М. Ф. Кёпрюлю более плодотворный путь, так как формирование туюга представлялось им в плане литературного процесса, опирающегося на определенные тексты. Каков же был характер фольклорных произведений тех времен, можно только предполагать. Однако вопреки мнению А. Н. Самойловича, полагавшего, что историю становления туюга предположительно следует начинать с мусульманской эпохи и что в центре проблемы должны находиться взаимоотношения литератур Малой и Средней Азии[25], представляется возможным наметить несколько иную линию развития этого жанра.

А. Н. Самойлович совершенно справедливо указал на то, что ранние туюги, принадлежащие Ахмеду Бурханеддину (XIV в.), больше похожи на четверостишия из «Кутадгу билиг», чем на чагатайские туюги. Однако А. Н. Самойлович не пояснил, что он конкретно имел в виду. Сходство туюгов Бурханеддина с четверостишиями из «Кутадгу билиг», хотя те и другие были написаны разными метрами — туюги Бурханеддина метром рамал, четверостишия в «Кутадгу билиг» — мутакарибом, заметно даже при первом взгляде. Туюги Бурханеддина не имеют

---

[23] M. F. Köprülüzade, Türk klâsik edebiyatında husûsî nazım şekilleri. Tuyug, стр. 219—221.

[24] А. Н. Самойлович, Четверостишия-туйуги Неваи, стр. 14.

[25] Там же.

таджниса в рифме. Это обстоятельство интересно тем более, что П. М. Мелиоранский в свое время писал о высокой технике поэтического мастерства, проявленного Бурханеддином в его рубаи, которые он снабдил и таджнисом, и другими поэтическими фигурами[26]. Другая особенность туюгов Бурханеддина содержится в их тематике. Туюги периода расцвета классической тюркоязычной поэзии (конец XV — начало XVI в.) посвящались главным образом любовной теме, туюги же Бурханеддина далеко не все посвящены перипетиям любви (суфийской или земной). Именно последние туюги, несущие некоторый элемент назидания и афористичности, чрезвычайно напоминают четверостишия из «Кутадгу билиг». Например:

ازلدا حق نا يازميشيسا بولور
كوز ننى كه كورجا كيسه كورر
ايكى عالمده حقا سيغنمشوز
توختامش نا اولا يا اخسخ تمور[27]

Что первоначально всевышний предписал, то будет (сбудется),
Глаза, что им суждено видеть, увидят.
В обоих мирах мы уповаем на бога (господа),
Так чтó [нам] Тохтамыш или хромой Тимур!

Или:

همیشه عاشق كوكلى بريان بولر
هر نفس غريب كوزى كريان بولر
صوفيلاروك ديلكى محراب نماز
ار كشينوك آرزوسى ميدان بولر[28]

Сердце влюбленного всегда пламенеет,
Глаза несчастного (скитальца) каждый миг
становятся плачущими.
Суфии стремятся к алтарю [и] молитве,
Истинный муж жаждет поля [битвы].

---

[26] П. М. Мелиоранский, Отрывки из дивана Ахмеда Бурхан-еддина Сивасского, стр. 135.
[27] Kadı Burhanettin divanı, İstanbul, 1943, стр. 586.
[28] Там же, стр. 588.

С последним туюгом Бурханеддина перекликается один из старейших чагатайских туюгов, который принадлежит одному из внуков Тимура Абу Бекру-мирзе:

ایر کیراك اورتانسه یانسه یالینه
یارانیب یاتسه آنی‌نینك یالینه
ایت اولومی بیرله اولسه یخشی‌راق
ایر آتانیب دشمنی‌غه یالینه

Следует, чтобы муж воспламенялся, сгорал *в пламени*,
Чтобы, будучи ранен, склонялся на *гриву* коня.
Смертью собаки лучше погибнуть,
Чем, именуясь мужем, *умолять* врага [29].

Как видно из примера, туюг Абу Бекра-мирзы содержит таджнис в рифме.

То обстоятельство, что самые ранние туюги Ахмеда Бурханеддина близки к четверостишиям в «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, — факт чрезвычайно важный, так как благодаря этому истоки жанра прослеживаются в его домусульманском прошлом.

Поэма «Кутадгу билиг» явилась первым произведением классической тюркоязычной поэзии и занимает в истории развития ее жанров совершенно особое место. Объясняется это тем, что в поэме нашли свое отражение несколько жанров, заимствованных из арабской и персидской поэзии: поэма написана в форме месневи, включает в себя большое число четверостиший — по рифме рубаи (хотя последние не имеют метра рубаи) и в заключительной части содержит три касыды. Можно добавить также, что одно из четверостиший игрой слов в рифме напоминает туюг (хотя не имеет метра туюга).

Форма поэмы — месневи, так же как ее метр — мутакариб, появились в поэме Юсуфа Баласагунского под влиянием персидской поэзии, в частности «Шах-наме» Фирдоуси. Заключительные касыды, в которых Юсуф сетует на старость, жестокость друзей и греховность мира, — темы, уже разрабатывавшиеся в персидской поэзии, — не имеют непосредственного отношения к основному содержанию поэмы и стоят в ее структуре несколько обособленно. Что же касается четверостиший, то по своему содержанию они выполняют роль как бы дополнитель-

---

[29] Текст и перевод даны по статье А. Н. Самойловича «Четверостишия-туйуги Неваи», стр. 11. См. также: Алишер Навоий, Мажолисун нафоис. Илмий-танқидий текст. Тайёрловчи С. Ғаниева, Тошкент, 1961, стр. ۱۹۷. Здесь и далее выделены слова, образующие омонимическую рифму.

ных иллюстраций к высказываниям Юсуфа Баласагунского или определенного подытоживания его рассуждений, какой бы темы они ни касались. Можно думать, что они выделены другой поэтической формой из общего целого месневи в целях наибольшего эффекта. Например:

negü tir eşitgil ölügli ök er
ölümke ökänüp ulıġlı bek er
ķarındın çıķardıṅg ķarınķa kirür
şękęrdin igidting yılanķa birür
isizim yigitlik tiriglik isiz
öķünçün sıġıt birle gürke kirür[30].

Послушай, что говорит умирающий муж,
сильный муж, стенающий, сожалеющий о [своей] смерти:
Ты вывел [мое тело] из чрева, оно входит (возвращается) в чрево.
Ты питал [мое тело] сахаром, его отдают змеям.
Увы, жаль молодости [и] жизни,
с сожалением [и] плачем (стенаниями) входят (я вхожу) в могилу.

Или, например, рассуждения из другой области:

negü tir eşitgil bu şi'r ayġuçı
sözüg mạ'ni birle tizip ķoḍġuçı
yorıġlı körür men yaraġlısı yoķ
yaraġlı bulunsa yorıġlısı yoķ
ķalın boḍ ķara baş yorıġlı telim
telimde tilese tusuġlısı yoķ[31].

Послушай, что говорит произносящий эти стихи,
строящий речь (слово) со смыслом:
Я вижу [вокруг] бродящих, но годных [для дела] нет,
а если и найдется [где-то] годный, то он не бродит [около].
Многие бродят толпой в качестве слуг,
[но] если в [этом] множестве [кто-то] потребуется, полезного нет.

Такую же функцию иллюстрации выполняют и другие четверостишия в «Кутадгу билиг», в том числе четверостишие с игрой слов в рифме, на которое указывал А. Н. Самойлович:

negü tir eşitgil ay ilçi başı
örüg keḍ köngüllüg sınamış kişi
kayu erde bolsa uķuş birle ög
anı er ataġıl neçe ögse ög

---

[30] R. R. Arat, Kutadgu bilig, I. Metin, 1514—1516.
[31] Там же, стр. 1620—1622.

uķuş ög bilig kimde bolsa tükel
yav̇uz erse keḍ it kiçig erse ög[32].

Послушай, о повелитель, что говорит
уравновешенный, добросердечный [и] опытный человек:
Если у какого-либо мужа будет ум и р а з у м,
называй его мужем и х в а л и, сколько бы ни хвалить.
У кого будут ум, разум [и] знание совершенны,
[того] считай, если он дурной (злой),— добрым, [если он] мал,—
б о л ь ш и м.

Функция вставных в месневи четверостиший пояснять, иллюстрировать рассуждения автора имеет свою предысторию в аналогичном стилистическом приеме, нашедшем свое отражение в древнетюркском сочинении — Надписи в честь Тоньюкука (VIII в.). В начале текста надписи, составленного от имени Тоньюкука, кратко излагаются события, предшествовавшие деятельности Тоньюкука в качестве главного советника кагана. При этом подчеркивается роль Тоньюкука в жизни Восточнотюркского каганата и, в частности, в утверждении Кутлуга каганом: «Я сказал: не пожелать ли мне [его] каганом?» (21)[33]. Далее поясняется, почему Тоньюкук считает себя столь необходимой в развертывающихся событиях фигурой:

Saqyntym turuq buqaly
sämiz buqaly arqada bilsär
sämiz buqa turuq buqa tijin
bilmäz ärmis tijin (22—25)[34].

Я размышлял: [О том, что у него есть] тощие быки
[и] жирные быки, если он издали и знает,
[то] жирный [это] бык [или] тощий бык,
сказать не может.

Приведенное четверостишие обладает скрытым символом: каган не обязан вникать во все подробности ведения государственных дел, так как это — задача его советника «мудрого Тоньюкука».

В той же надписи имеется другое четверостишие, иллюстрирующее размышления Тоньюкука о том, как предотвратить

---

[32] Там же, 1992—1994.

[33] См.: И. В. С т е б л е в а, Поэзия тюрков VI—VIII вв., М., 1965, стр. 124. См. также: И. В. С т е б л е в а, Еще раз об орхоно-енисейских текстах как произведениях поэзии, — НАА, 1969, № 2 (ответ на ст.: В. М. Ж и р м у н с к и й, Орхонские надписи — стихи или проза? — НАА, 1968, № 2).

[34] Там же, стр. 86.

грозящую тюркам опасность со стороны табгачей, огузов и киданей, задумавших объединиться в целях войны:

Juïqa ärikliɡ toplaɣaly učuz ärmis
Jinčgä ärikliɡ üzgäli učuz.
Juïqa qalyn bolsar toplaɣuluq alp
jinčgä joɣan bolsar üzgülük alp ärmis (65—68)[35].

Тонкое собрать — легко,
слабое разорвать — легко.
[Но] если тонкое станет толстым, тот, кто соберет [его],— герой,
[и] если слабое станет крепким, тот, кто разорвет [его],— герой.

Скрытый смысл четверостишия в том, что нетрудно справиться со слабым и малочисленным врагом, но чтобы победить сильного врага, требуются значительные усилия.

Можно предположить, что, поместив в свою пространную поэму, созданную по новым для тюрков правилам арабо-персидской поэтики, более двухсот четверостиший, Юсуф Баласагунский тем самым отдал дань домусульманской литературной традиции. Вместе с тем среди этих четверостиший наблюдается одно, имеющее омонимическую рифму. Здесь небесполезно вспомнить предположение, высказанное А. Н. Самойловичем (см. выше), что туюг был некогда фольклорным четверостишием, обладающим скрытым смыслом, который в дальнейшем заменился таджнисом (игрой слов) в подражание арабским и персидским поэтическим образцам. По-видимому, эту мысль А. Н. Самойловича можно вывести, во-первых, из области предположения в область реально наблюдаемых фактов и, во-вторых, из сферы возможного взаимодействия литературы и фольклора в сферу развития собственно литературы. Естественно, последнее утверждение не исключает влияния фольклора тюрков на их литературу на каждом этапе ее развития, как в древнетюркский период, так и в эпоху классической поэзии. Но наблюдаемые четверостишия со скрытым смыслом в памятнике рунического письма отодвигают истоки жанра значительно раньше XI в., и так же далеко должно быть отодвинуто предполагаемое взаимодействие литературы и фольклора в создании этого жанра.

Однако утверждение А. Н. Самойловича о том, что туюг нам известен с XI в., на основании четверостишия из «Кутадгу би-

---

[35] Там же, стр. 87.

лиг» (см. выше), неправомерно, потому что упомянутое четверостишие не является туюгом в его жанровом понимании. Омонимическая рифма встречается не только в поэме «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского, но и в другом памятнике XI в. «Диван лугат ат-турк» Махмуда ал-Кашгари. Например, в «Элегии на смерть Алп Эр Тонга» (текст XIII, 4) [36]:

Ögräjüki mundaγ oq
munda azyn tändaγ(?) oq
atsa ažun oγrab oq
taγlar bašy kärtilür.

Таков *ведь* его (времени) обычай,
кроме [того], здесь — равный *удел* [всех] (?)
Если мир, прицелясь, пускает *стрелу*,
рассекаются вершины гор.

Наибольший интерес, как возможный жанровый прообраз туюга, представляет следующее четверостишие из «Диван лугат ат-турк» (текст XXIV):

Iklädi mäniŋ azaq
körmäzib oγry tuzaq
igläd im andyn uzaq
ämlägil ämdi tuzaq.

Моя нога наступила,
так как я не заметил скрытой *ловушки*.
От этого я надолго захворал,
исцели [меня] теперь, *любимая*.

Приведенное четверостишие близко к туюгу, потому что удовлетворяет ряду необходимых требований. Во-первых, оно написано рамалем [37] (рамал-и мурабба-и максур) по формуле — ⌣ — —/— ⌣ —. Этот метр отличается от метра туюга тем, что в нем отсутствует одна полная стопа рамаля, и, таким образом, здесь мы видим четырехстопный рамал, а не шестистопный, как в туюге. Во-вторых, это четверостишие представляет собой моноримм, встречающийся в туюге редко, но все же упоминаемый в теории (см. выше, из трактата Бабура).

---

[36] Нумерация текстов из «Дивана» Махмуда ал-Кашгари дана по книге: И. В. *Стеблева*, Развитие тюркских поэтических форм в XI в. Кроме приведенных примеров, см. также тексты III, 2; XXXIX, 3; XXXV, 22; XLI, 6; XLII, 8.

[37] Подробно о метрах аруза в стихах из «Дивана» Махмуда ал-Кашгари см.: И. В. *Стеблева*, Развитие тюркских поэтических форм в XI в., гл. 2.

В-третьих, в рифме содержится полный таджнис (слова-омонимы): tuzaq (капкан) — tuzaq (любимая). Одновременно с этим четверостишие в целом является развернутой метафорой. Скрытый смысл четверостишия в том, что влюбленный жалуется на муки любви, которых он не ожидал, и просит любимую ответить ему взаимностью. И наконец, данное четверостишие обладает еще одной особенностью туюга как жанра: лирической темой. Таким образом, наиболее реальный прообраз туюга обнаруживается среди поэтических текстов, собранных Махмудом ал-Қашгари во время путешествия по разным землям, населенным тюрками, и вряд ли можно точно указать территорию его возникновения — вопрос, занимавший и А. Н. Самойловича, и М. Ф. Қёпрюлю. Можно только сказать, что четверостишие, легшее в его основу, действительно восходит к глубокой древности, что с течением веков оно менялось, приобретая новые черты как в области своей формы (от древнетюркского стиха и аллитерационной системы к метру аруза и конечной рифме), так и по содержанию.

ИСТОРИЯ

С. Г. Кляшторный, В. А. Ромодин

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ В АН СССР

Основы отечественной историографии тюркских народов Сибири, Центральной и Средней Азии были заложены в 20-е—80-е годы XIX в. Освоение письменных и нумизматических восточных источников, а также достижения географической науки (вкупе с этнографией) позволили тогда перейти от спорадической интерпретации разрозненных исторических сведений к их критической проверке и первым обобщениям (труды Х. Френа, Н. Я. Бичурина, Б. А. Дорна, В. В. Григорьева, В. В. Вельяминова-Зернова, В. Г. Тизенгаузена и др.) [1]. До конца прошлого столетия в центре внимания большинства исследователей оставался период между XIII—XVIII в. Лишь В. В. Радловым и отчасти Н. А. Аристовым были сделаны попытки осветить различные аспекты древней истории тюркских народов, привлекая для этого сведения древнетюркской письменности, археологические материалы, данные этнографии и результаты сравнительного изучения тюркских языков.

В конце XIX в. началась научная деятельность В. В. Бартольда, труды которого, завершив русскую дореволюционную историографию тюркских народов, начинают и их новую, советскую историографию [2]. Его жизнь и научная деятельность непосредственно соединяют советское востоковедение с лучшими традициями старого русского востоковедения. Поэтому следует более подробно остановиться на работах В. В. Бартольда в области тюркологии.

В деятельности В. В. Бартольда можно выделить два периода, когда история тюркских народов разрабатывалась им особенно интенсивно, — это 1892—1899 и 1925—1930 гг.

---

[1] Подробнее см.: В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России, изд. 2, Л., 1925; О. Э. Ливотова, В. Б. Португаль, Востоковедение в изданиях Академии наук, 1726—1917. Библиография, М., 1966

[2] Труды В. В. Бартольда, посвященные истории тюркских народов, теперь переизданы. См.: В. В. Бартольд, Сочинения, т. V, М., 1968. Некоторые тюркологические работы В. В. Бартольда вошли в состав предыдущих томов, главным образом в т. II (ч. 1—2, М., 1963—1964).

К первому периоду относятся работы, связанные главным образом с несколькими интересовавшими тогда В. В. Бартольда проблемами: формирование и характер огузского эпоса; историографическое значение впервые прочтенных тогда орхонских надписей; история Караханидов. В течение первых двух десятилетий XX в. В. В. Бартольд в сравнительно немногочисленных тюркологических работах редко выходил за пределы занимавших его ранее сюжетов, однако он серьезно углубил и обогатил новым материалом свои прежние разработки.

Труды по истории тюркских народов, созданные В. В. Бартольдом в 20-х годах нашего века, отличаются более широким проблемным и хронологическим диапазоном; в них реализуется огромная эрудиция и опыт исследователя, результаты более чем тридцатилетнего детального изучения им самых разнообразных источников, относящихся к истории тюркских народов; синтезируются итоги длительной работы по выявлению и многосторонней оценке самых разнообразных исторических фактов, которые в совокупности оказываются необходимыми элементами реконструируемой картины событий.

В обобщающих трудах В. В. Бартольда по истории тюркских народов, несмотря на многообразие сюжетов, не только не утрачиваются, но, напротив, находят наиболее полное воплощение качества, характерные для его более специальных и узких по теме работ: стремление к максимальной полноте используемых материалов, строгие критические оценки источников, скрупулезность в подходе к любому вопросу, возникающему в процессе исследования; этими обстоятельствами в немалой степени объясняется непреходящая ценность обобщающих работ В. В. Бартольда в области тюркологии, где быстрое накопление новых фактов не раз отодвигало на задний план и делало предметом лишь истории науки аналогичные попытки, предпринятые с более скромным научным багажом.

Проявившийся в середине 20-х годов интерес В. В. Бартольда к обобщающим темам, прежде всего тюркологическим, неразрывно связан с теми великими социальными изменениями, которые потрясли Туркестанский край после Октябрьской революции. Гигантские по размаху культурные преобразования и национальное строительство, начавшиеся в Туркестане едва завершилась гражданская война, поистине революционными темпами меняли лицо бывшей азиатской окраины Российской империи. Естественно, что ученый, отдавший многие годы жизни восстановлению исторического и культурного прошлого народов, населявших Среднюю Азию, не мог оказаться в стороне от разработки тех вопросов, решение которых имело большое значение и для последующей исторической жизни этих народов.

Не следует, конечно, упускать из виду, что даже самые

смелые предположения В. В. Бартольда о возможном будущем народов Средней Азии, о мерах, необходимых для улучшения их настоящего положения и для изучения их прошлого, появлявшиеся в некоторых дореволюционных работах и письмах ученого, не выходили за рамки гуманистических идей, распространенных среди прогрессивной части русской научной интеллигенции. Не всё и не сразу в происходивших после 1917 г. событиях было понято и принято В. В. Бартольдом. Но осознания своего долга ученого-патриота, не мыслившего сойти с пути служения отечественной науке, перед которой революция выдвинула новые задачи, В. В. Бартольд не утратил ни на мгновение.

Стремление В. В. Бартольда принять самое активное участие в этой работе стимулировал интерес к национальной истории и национальным культурным традициям, пробудившийся в Средней Азии в период революционных событий и особенно усилившийся во время национального размежевания 1924 г. Стало очевидным, что изучение истории среднеазиатских народов, главным образом тюркоязычных, и немедленный ответ на главные вопросы, касающиеся их прошлого, являются насущно необходимой частью культурного и национального строительства.

После 1924 г. В. В. Бартольд создает серию исторических очерков, посвященных отдельным среднеазиатским народам, в том числе киргизам (1927 г.) и туркменам (1929 г.), и не случайно, что аспект политической истории не заслоняет в них аспектов истории этнической и культурной. В дальнейшем эти очерки стали основой для последующей разработки истории отдельных республик Средней Азии. Но уже в 1926 г. В. В. Бартольд не ограничивал своих задач серией очерков; тогда им была предпринята первая научно обоснованная попытка достигнуть более высокой ступени обобщения — рассмотрения истории тюркоязычных народов как сложного процесса, в котором родственные по языку, но часто различные по своему экономическому быту народы на протяжении по меньшей мере двух тысячелетий прошли путь самостоятельного социального, политического и культурного развития, путь, который во многих случаях приводил к созданию устойчивых национальных и государственных образований в разных частях Азиатского континента. Это направление исследований В. В. Бартольда отразилось прежде всего в его работе «Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии».

Этот курс лекций, изданный в 1927 г. на турецком, а в 1935 г. на немецком языке, в своих отдельных частях складывался в течение ряда лет. Мысли, связанные с возможностью создания подобной работы, высказывались В. В. Бартольдом в рецензиях конца 1890-х — начала 1900-х годов на труды Каёна, Аристова, Шаванна. Однако лишь через много лет состоя-

ние науки, в особенности расширение круга источников, позволило В. В. Бартольду вернуться к прежним замыслам.

В рецензиях на труды де Грота о хуннах и Маркварта о половцах (начало 20-х годов) впервые находит отражение напряженная работа В. В. Бартольда над наиболее трудными для него разделами истории кочевников евразийских степей, мало привлекавшими его внимание ранее.

Во время первой после революции поездки в Западную Европу, в 1922 г., В. В. Бартольд по предложению Лондонского университета прочел в King's College курс из шести лекций, посвященный истории тюркских и монгольских племен Центральной Азии. Этот курс, основное содержание которого было изложено В. В. Бартольдом в докладе «Кочевники Средней Азии, их прошлое и настоящее», прочитанном на английском языке 27 марта 1923 г. в Лондоне, в Королевском антропологическом институте, а затем — в приложении к курсу лекций, прочитанных в Баку в 1924 г., стал той основой, на которой вырос наиболее значительный обобщающий труд ученого, посвященный тюркским народам.

В феврале 1926 г. В. В. Бартольд принял участие в Первом Всесоюзном туркологическом съезде в Баку, где выступил с докладом «Современное состояние и ближайшие задачи изучения истории турецких народностей». В том же году была завершена работа В. В. Бартольда над наиболее полным курсом лекций по истории тюркских народов, который по просьбе турецкого правительства был предназначен для чтения студентам Стамбульского университета.

В этом курсе лекций, как и во многих других его трудах, отразились взгляды В. В. Бартольда на сущность изучаемых им явлений. Он придавал большое значение экономическим и социальным факторам, считая, что одним из чрезвычайных обстоятельств, под влиянием которых создавались государства кочевников, могло быть обострение сословной борьбы между богатыми и бедными, между беками и простым народом. Это выгодно отличало взгляды В. В. Бартольда от взглядов большинства современных ему буржуазных исследователей. Однако возникновение имущественного и сословного неравенства, классовой борьбы и государства у кочевников В. В. Бартольд был склонен рассматривать как спорадическое явление в «родовом» обществе, обусловленное чрезвычайными обстоятельствами. В связи с этим он полагал, что при наличии сильной государственной власти возможна ликвидация сословных противоречий и укрепление или возрождение «родового строя» у кочевников в результате примирения классовых противоречий.

Разработка В. В. Бартольдом социальных проблем средневековой истории народов Средней Азии привела его к ряду

ценных выводов, значительная часть которых была впоследствии принята советскими историками-востоковедами и получила дальнейшее развитие в их исследованиях [3].

Великая Октябрьская социалистическая революция и социалистическое строительство в нашей стране вызвали большие организационные перемены в востоковедении. На советское востоковедение были возложены ответственные задачи научной помощи республикам Советского Востока, в которых развивалась новая, социалистическая, национальная культура, создавались свои университеты и академии наук, росли свои научные кадры, в том числе и кадры историков. Большую помощь национальным республикам в организации научных учреждений и в подготовке кадров исследователей оказали институты Академии наук СССР, и в их числе Институт востоковедения АН СССР. Активное участие в организации исследовательской работы в области истории, источниковедения и археологии в молодых среднеазиатских республиках принимал В. В. Бартольд. Он оказал большую помощь при создании кафедры истории Востока в Туркестанском государственном университете (1920 г.), в налаживании учета и охраны археологических памятников Средней Азии и в составлении плана их изучения [4].

После кончины В. В. Бартольда в АН СССР продолжалось углубленное изучение средневековой и древней истории тюркских и монгольских народов, причем наряду с письменными источниками все большее значение для исследования ранних периодов стали приобретать археологические материалы, объем которых быстро возрастал по мере развертывания археологических работ в Советском Союзе. Непосредственными продолжателями исследований В. В. Бартольда в области древней и раннесредневековой истории тюркских народов в АН СССР стали: А. Н. Бернштам, С. П. Толстов и С. В. Киселев, а в области истории более поздних периодов — А. Ю. Якубовский и П. П. Иванов.

Большую роль в развитии советской историографии тюркских народов сыграл труд Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (Л., 1934), хотя он и не имеет прямого отношения к тюркским народам. В этой монографии Б. Я. Владимирцов впервые поставил во всей полноте вопрос о характере общественных отношений у монголов в средние века, показал, насколько монгольские пле-

---

[3] См.: И. П. Петрушевский, Предисловие, — В. В. Бартольд, Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 25—31.

[4] См.: И. И. Умняков, В. В. Бартольд (По поводу 30-летия профессорской деятельности), — «Бюлл. САГУ», 1926, вып. 14, стр. 193—194, Б. В. Лунин, Туркестан в материалах личного архива В. В. Бартольда, — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1965, № 5, стр. 49 и сл.

мена эпохи Чингис-хана отличались друг от друга по уровню своего общественного развития; привлекая обширный фактический материал, он проанализировал монгольское общество той эпохи в целом и квалифицировал его как феодальное (в кочевом варианте) [5].

Книга Б. Я. Владимирцова оказала большое влияние на многих советских исследователей, занимавшихся изучением истории кочевников и полукочевников тюркских народов.

В 30-х годах большая научно-исследовательская работа, в которую внесли свой вклад и историки-востоковеды, велась в начавшем тогда свою деятельность Институте востоковедения АН СССР. В работу включались новые поколения исследователей истории Востока, овладевавших методологией марксизма-ленинизма и вместе с тем воспринимавших лучшие традиции своих предшественников в науке. С конца 30-х годов советская историография Сибири, Средней и Центральной Азии уже полностью основывается на марксистско-ленинской методологии, сохраняя научные традиции русской востоковедной школы и в первую очередь преемственность в методике работы над источниками.

С начала 30-х годов древняя и раннесредневековая история тюркских народов, прежде всего история орхонских тюрков и енисейских киргизов, сравнительно мало разработанная в трудах В. В. Бартольда, становится предметом исследований А. Н. Бернштама, С. В. Киселева, А. П. Окладникова, С. П. Толстова. Они работали тогда в основном в Государственной Академии истории материальной культуры (впоследствии Институт археологии АН СССР), но в своих исследованиях наряду с археологическими данными опирались на письменные источники и на историко-этнографический материал (в особенности С. П. Толстов).

А. Н. Бернштам (1910—1956), проходивший в 1935—1937 гг. докторантуру в Институте востоковедения АН СССР, где он занимался уйгурским и китайским языками, свою наиболее значительную работу тех лет посвятил исследованию социальной структуры Тюркского каганата [6].

Из письменных источников, использованных А. Н. Бернштамом в этой работе, основными были древнетюркские рунические тексты. Применяя марксистско-ленинское учение для объяснения ранних этапов истории тюрков, он пытался проследить ди-

---

[5] См.: А. Ю. Якубовский, Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв., — «Очерки по истории русского востоковедения», [вып. I], М., 1953, стр. 84—85.

[6] А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков, М.—Л., 1946. Список основных печатных работ А. Н. Бернштама см.: КСИИМК, 1960, вып. 80, стр. 9—16.

намику социально-экономической жизни тюркских племен VI—VIII вв. Главные выводы его близки к тем заключениям, которые сделали советские исследователи истории смежных больших областей — С. В. Киселев и С. П. Толстов, также уделившие преимущественное внимание социально-экономическим проблемам. Все они дали совершенно новое объяснение характера древнетюркского общества и истории ранних тюркских государств, связывая их развитие прежде всего с перерастанием рабовладельческого и военно-демократического укладов в систему раннефеодальных отношений. Приведенные ими для обоснования своих взглядов исторические и этнографические данные показывают, что эти процессы протекали в тесной связи с социально-экономическим развитием оседлоземледельческих центров Средней и Центральной Азии, что и в степи и в оазисах шла ожесточенная классовая борьба.

В течение 40-х и в начале 50-х годов А. Н. Бернштам много сделал для изучения истории киргизского народа, осветив ряд неисследованных ее проблем. Разработанная А. Н. Бернштамом на основе изучения археологических памятников и письменных источников периодизация древней истории Киргизии выдержала испытание временем и в главных чертах сохранила свое значение, хотя впоследствии археологи внесли в нее существенные дополнения и уточнения. В связи с изучением вопросов этногенеза в работах А. Н. Бернштама освещались также и проблемы истории казахского и туркменского народов, прежде всего ранних ее этапов. В научной деятельности А. Н. Бернштама, неустанного исследователя археологических памятников Тянь-Шаня, Памира и других труднодоступных тогда районов Средней Азии, интерпретация материала, добытого в археологических экспедициях, постоянно сопровождалась изучением письменных источников.

В области изучения истории тюркских народов Средней Азии эпохи феодализма большие заслуги принадлежат А. Ю. Якубовскому (1886—1953) и П. П. Иванову (1893—1942). А. Ю. Якубовский, работая в основном в Государственной Академии истории материальной культуры — Институте археологии и в Государственном Эрмитаже, одновременно принимал активное участие в научно-исследовательской деятельности, проводившейся в Среднеазиатском кабинете ИВАН. А. Ю. Якубовский был внимательным и тонким исследователем письменных источников, а также археологом; в открытии многих изучавшихся им памятников материальной культуры он принимал личное участие, выезжая в экспедиции в Среднюю Азию, где под его руководством проводились раскопки (в частности, в Пенджикенте), в результате которых были открыты замечательные произведения древнего искусства.

Среди разнообразных сюжетов по истории Средней Азии, привлекавших внимание А. Ю. Якубовского, видное место занимала тюркологическая тематика. Он принимал участие в написании первого коллективного сводного труда по истории Узбекистана[7], опубликовал работы, посвященные вопросам этногенеза узбеков и туркмен[8]. Результатом его занятий, посвященных истории туркмен, была статья о сельджукском движении и туркменах в XI в.[9] и большая работа по истории туркмен и Туркмении с VIII до XV в., опубликованная на правах рукописи в коллективном сборнике «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана» (главы I—XIII и XV)[10]. В этой работе систематизирован обширный материал по вопросам происхождения туркменского народа, его родо-племенной структуры, хозяйственной жизни и социально-экономических отношений в средние века, а также политической истории Средней Азии и Хорасана, с событиями которой были связаны туркмены. Специальную статью А. Ю. Якубовский посвятил изучению огузского эпоса «Китаб-и Коркуд» как исторического источника[11].

А. Ю. Якубовский интересовался и историей казахского и киргизского народов. Он принимал участие в обсуждении ряда дискуссионных проблем истории этих народов, в частности вопроса о тяньшаньских и енисейских киргизах, рассматривая их как отдельные этнические общности, что в значительной мере подтвердилось введенными впоследствии в научный обиход историко-этнографическими и историко-культурными данными, показывающими наибольшие соответствия между тяньшаньскими киргизами и алтайскими тюрками и существенные различия между ними и енисейскими киргизами. Одним из важнейших исследований А. Ю. Якубовского является написанная им совместно с академиком Б. Д. Грековым книга по истории Золотой Орды[12].

Большой заслугой А. Ю. Якубовского перед советской исто-

---

[7] История народов Узбекистана, т. I. С древнейших времен до начала XVI века, Ташкент, 1950.

[8] А. Ю. Якубовский, К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941; его же, Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв., — СЭ, 1947, № 3, стр. 48—54.

[9] А. Ю. Якубовский, Сельджукское движение и туркмены в XI веке, — ИАН СССР, ООН, 1937, № 4, стр. 921—946.

[10] «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.», Ашхабад, 1954. (На правах рукописи. Материалы для обсуждения.)

[11] А. Ю. Якубовский, «Китаб-и Коркуд» и его значение для изучения туркменского общества в эпоху раннего средневековья, — в кн.: «Книга моего деда Коркута». Огузский героический эпос. Пер. В. В. Бартольда, М.—Л., 1962, стр. 121—130.

[12] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950.

риографией Востока была критическая оценка им взглядов и концепций В. В. Бартольда с точки зрения марксистской теории общественного развития [13]. В последнем своем историографическом исследовании, изданном посмертно, А. Ю. Якубовский дал обзор истории изучения монголов XI—XIII вв. в западноевропейской, русской и советской науке, уделив большое место анализу вопросов социально-экономического строя средневековых монголов в связи с освещением их в рассматриваемых исторических трудах [14]. Эта историографическая работа А. Ю. Якубовского важна в теоретическом отношении для изучения социально-экономической истории не только монголов, но и многих других кочевых народов восточного средневековья, прежде всего для исследования прошлого тюркских народов, исторически наиболее тесно связанных с монголами.

П. П. Иванов, работавший в Институте востоковедения АН СССР в 1934—1942 гг., занимался исследованием истории Средней Азии XVI—XIX вв. Наряду с социально-экономическими проблемами, которые он изучал на основе документальных и повествовательных источников, П. П. Иванов разрабатывал также вопросы этнической и политической истории тюркских народов Средней Азии эпохи позднего феодализма, а в некоторых своих трудах уделял внимание также этногенетическим и историко-географическим сюжетам более раннего времени. Так, в изданном им в 1935 г. исследовании о каракалпаках П. П. Иванов тщательно проанализировал ранние упоминания о них в письменных источниках и рассмотрел существующие в науке гипотезы об их происхождении в связи с данными о печенегах и ногаях, а затем систематически изложил сведения о каракалпаках, имеющиеся в восточных и русских источниках позднего времени [15].

Значительным вкладом в историографию народных движений в Средней Азии был труд П. П. Иванова, посвященный восстанию китай-кипчаков в Бухарском ханстве в 1821—1825 гг., в котором автору удалось в ходе изложения событий выявить существенные черты общественных отношений в Бухарском ханстве рассматриваемого периода [16]. В области политической истории П. П. Иванова привлекали вопросы взаимоотношений среднеазиатских ханств с кочевыми и полукочевыми тюркскими народами: каракалпаков, казахов и туркмен с Хи-

---

[13] А. Ю. Якубовский, Проблема социальной истории народов Востока в трудах академика В. В. Бартольда, — ВЛУ, 1947, № 12, стр. 62—79.

[14] А. Ю. Якубовский, Из истории изучения монголов..., стр. 31—95.

[15] П. П. Иванов, Очерк истории каракалпаков, — «Материалы по истории каракалпаков», М.—Л., 1935 («Труды ИВАН», т. VII), стр. 9—89.

[16] П. П. Иванов, Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825. (Источники и опыт их исследования), М.—Л., 1937 («Труды ИВАН», т. XXVIII).

вой, казахов и киргизов — с Кокандом. Одна из его статей, основанная главным образом на данных, извлеченных из кокандских нарративных источников, посвящена политическим взаимоотношениям казахов и Кокандского ханства[17]. По этим же источникам П. П. Иванов разрабатывал и вопросы взаимоотношений киргизов и Кокандского ханства, но не успел завершить начатых им в этом направлении исследований.

Крупным событием в развитии советской историографии Средней Азии было исследование и описание П. П. Ивановым открытого им в 1936 г. архива хивинских ханов. Результаты работы П. П. Иванова над изучением документов этого архива отражены в опубликованном им описании архива (с кратким историческим введением)[18], которое он успешно защитил как диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук в Ленинграде 24 ноября 1941 г., в дни блокады[19]. В документах архива хивинских ханов, писавшихся на узбекском языке, содержатся разнообразные сведения по истории хозяйства, налогового обложения и других сторон жизни населения Хивинского ханства, а также данные историко-этнографического характера об узбеках, туркменах, каракалпаках и казахах. Изданное описание П. П. Иванов рассматривал как первый том своей работы по исследованию документов архива хивинских ханов и готовил к печати второй том[20]. Выполнить намеченную работу он не успел. В ночь со 2 на 3 февраля 1942 г. П. П. Иванов погиб в осажденном Ленинграде[21]. Незавершенными остались и другие его научные замыслы. Но и того, что он сделал, вполне достаточно, чтобы считать его одним из крупнейших советских историков-востоковедов[22]. Некоторые фундаментальные труды ученого были изданы посмертно[23]. В «Очерках по истории Средней Азии» П. П. Иванову впервые удалось дать цельную картину событий, происходивших во всех трех сред-

---

[17] П. П. Иванов, Казахи и Кокандское ханство (к истории их взаимоотношений в начале XIX в.), — «Записки ИВАН», М.—Л., 1939, т. VII, стр. 92—128.

[18] П. П. Иванов, Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Новые источники для истории народов Средней Азии, Л., 1940.

[19] ЛА ААН, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 262, лл. 48—52.

[20] Там же, л. 49.

[21] А. Н. Кононов, Тюркология в Ленинграде (1917—1957), — УЗИВАН, 1960, т. XXV, стр. 283.

[22] О нем см.: А. Ю. Якубовский, Павел Петрович Иванов как историк Средней Азии, — «Советское востоковедение», 1948, т. V, стр. 313—320.

[23] См.: П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., М.—Л., 1954; его же, Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.), М., 1958.

неазиатских ханствах — Бухарском, Хивинском и Кокандском, в тесной связи с историей казахов, туркмен, каракалпаков и киргизов. Личный архив П. П. Иванова передан его вдовой О. К. Ивановой в ЛО ИВАН. В рукописном наследии П. П. Иванова имеются оставшиеся неопубликованными исследования, дневники с записями экономических данных (сделанных во время командировок в Среднюю Азию, где он в течение ряда лет работал экономистом), историко-этнографические материалы, собранные им в Киргизии, сведения о топографии старого города Ташкента и т. д.

Как и А. Ю. Якубовский, П. П. Иванов принимал участие в подготовке кадров историков для республик Средней Азии. Он читал курс истории среднеазиатских ханств для аспирантов, был руководителем работ по специальности многих аспирантов-узбеков, обучавшихся в Ленинграде, читал курс истории народов Средней Азии в ЛИФЛИ и т. д.[24].

Введение в научный обиход письменных источников по истории тюркских народов — издание текстов и переводов — осуществлялось как отдельными учеными, сотрудниками институтов АН СССР, так и методом коллективных работ. В Институте востоковедения АН СССР основными организационными ячейками в деле коллективной разработки источников по истории тюркских народов были Среднеазиатский, Турецкий (впоследствии Тюрко-монгольский) и Иранский кабинеты.

В 30-х годах в Институте востоковедения АН СССР было подготовлено несколько сборников материалов по истории тюркских народов Советского Востока. В 1935 г. вышел в свет сборник материалов по истории каракалпаков[25]. В его составлении участвовали академик А. Н. Самойлович и П. П. Иванов. А. Н. Самойлович выполнил для сборника сокращенный перевод отрывков из хивинских хроник XIX в. о хивинско-каракалпакских отношениях. П. П. Иванов перевел отрывки по истории правления Сейид Мухаммед-хана из сочинения Агехи и написал для сборника упоминавшуюся выше исследовательскую статью «Очерк истории каракалпаков», опубликованную в нем в качестве введения. Материалы по истории каракалпаков, помещенные в сборнике, относятся преимущественно к периоду с XVII в. до 70-х годов XIX в. Кроме переводов из восточных источников в сборнике были опубликованы известия о каракалпаках из русских источников, печатных и рукописных, подобранные проф. Н. И. Пальмовым и А. И. Пономаревым, а также составленная А. И. Пономаревым сводка библиографических

---

[24] ЛО ААН, ф. 152, оп. 3, ед. хр. 261, л. 23.

[25] «Материалы по истории каракалпаков», М.—Л., 1935 («Труды ИВАН», т. VII).

материалов о каракалпаках. Вложивший много сил и труда в работу по подготовке этого сборника А. И. Пономарев (1886—1942) был ученым по призванию, а не по должности [26].

Успеху проводившейся в Институте востоковедения АН СССР в 30-х — начале 40-х годов деятельности, связанной с изучением и публикацией материалов по истории тюркоязычных народов Советского Союза, в значительной мере способствовало то обстоятельство, что для выполнения этих работ объединялись силы многих специалистов и энтузиастов. В результате тюркологами — историками и филологами — в сотрудничестве с иранистами и арабистами были подготовлены и изданы сборники материалов по истории туркмен и Туркмении, по истории Башкирской АССР и Казахской ССР, а также некоторые другие, из числа которых назовем здесь сборник извлеченных из русских архивов сведений о торговле и дипломатических сношениях Московского государства со Средней Азией и второй выпуск материалов по истории Золотой Орды (собранных в 70—80-х годах XIX в. В. Г. Тизенгаузеном) [27].

Не имея возможности сколько-нибудь подробно охарактеризовать здесь каждый из этих сборников, остановимся на двух из них — двухтомнике по истории туркмен и Туркмении и втором выпуске материалов по истории Золотой Орды.

Основное содержание сборника «Материалы по истории туркмен и Туркмении» составили переводы извлечений из источников, написанных на арабском, персидском и тюркских языках, охватывающих историю Туркмении и туркмен с VII по XIX в. Переводы снабжены примечаниями, во вводных статьях к обоим томам охарактеризованы источники, из которых сделаны

---

[26] А. И. Пономарев работал в Институте востоковедения АН СССР бухгалтером и принимал активное участие в научно-исследовательской деятельности Среднеазиатского кабинета. Он окончил в 1924 г. Институт живых восточных языков в Ленинграде со специализацией по Средней Азии и, хотя в дальнейшем обстоятельства его жизни мало благоприятствовали научным занятиям, опубликовал несколько серьезных исследовательских работ (см.: Кононов, Тюркология в Ленинграде, стр. 286, прим. 32).

[27] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, вып. 3. «Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв.», Л., 1933 («Труды Историко-археографического института и ИВАН СССР», т. VI); «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I. «VII—XV вв. Арабские и персидские источники». Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского, М.—Л., 1939, т. II. «XVII—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники». Под ред. В. В. Струве, А. К. Боровкова, А. А. Ромаскевича и П. П. Иванова, М.—Л., 1938; «Материалы по истории Башкирской АССР», М.—Л., 1939 («Труды ИВАН», т. I); «Материалы по истории Казахской ССР», М.—Л., 1940; «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды». II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным, М.—Л., 1941 (отв. ред. П. П. Иванов).

извлечения, и указаны использованные издания текстов и рукописи, в библиографии приведены данные об основных пособиях, привлеченных при составлении примечаний. Сборник «Материалы по истории туркмен и Туркмении» дает исследователям истории обширные и разносторонние данные, важные не только для изучения прошлого туркменского народа, но и соседних с ним народов Советского и зарубежного Востока. Этот свод материалов оказал большую помощь историкам Туркменистана при написании обобщающего труда «История Туркменской ССР» (т. I, кн. 1—2, Ашхабад, 1957) и был использован советскими учеными во многих других исследованиях, посвященных различным вопросам истории, этнографии и археологии народов Средней Азии. Можно с полным правом сказать, что сборник «Материалы по истории туркмен и Туркмении» был и остается сейчас одной из настольных книг исследователей разных специальностей, обращающихся к изучению прошлого народов Средней Азии [28].

Второй выпуск «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» содержит переводы извлечений из персидских источников, собранных в прошлом веке В. Г. Тизенгаузеном, которые оставались неопубликованными и неподготовленными к печати. Доработка извлечений и перевод части текстов, оставшихся у В. Г. Тизенгаузена непереведенными, были выполнены в основном С. Л. Волиным; он же написал введения к переводам, содержащие характеристики источников и данные об использованных изданиях и рукописях, составил справки о значении встречающихся в извлеченных отрывках специальных терминов и о местоположении географических названий. В обработке собранных В. Г. Тизенгаузеном материалов принимал участие выдающийся иранист А. А. Ромаскевич. В подготовке публикации оказали помощь своими замечаниями П. П. Иванов (ответственный редактор издания), А. И. Пономарев и А. Ю. Якубовский. В приложениях к сборнику помещена часть текстов, которые оставались неизданными ко времени выхода в свет сборника и использовались по рукописям сочинений. С изданием второго выпуска «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды» в научный обиход было введено много новых данных по истории татар, чувашей, ногаев, казахов, узбеков, а также некоторые интересные сведения по истории других народов СССР.

Крупнейшей коллективной работой, осуществленной глав-

[28] И. Ю. Крачковский высоко оценил значение первого тома «Материалов по истории туркмен и Туркмении» с точки зрения арабистики и особо отметил достоинства помещенной в начале тома статьи В. И. Беляева, посвященной арабской историко-географической литературе. См.: И. Ю. Крачковский, Очерки по истории русской арабистики, М.—Л., 1950, стр. 261.

ным образом силами иранистов, была подготовка критического текста и перевода сочинения Рашид ад-дина «Джами ат-таварих» («Сборник летописей»). Имеющий наибольшее значение как историко-этнографический источник для изучения средневековых тюрко-монгольских племен и народностей первый том этого сочинения в настоящее время опубликован полностью в русском переводе, издана также первая часть критического текста этого тома [29].

Из осуществленных в течение последнего десятилетия изданий восточных источников по истории тюркских народов большое значение для исследования истории тюрков Средней Азии позднефеодального периода имеет публикация А. Н. Кононовым сочинения Абу-л-Гази «Родословная туркмен» [30]. Публикация эта включает вводную статью, сводный критический текст сочинения, русский перевод, обстоятельные историко-филологические комментарии, грамматический очерк, указатели к тексту, переводу и грамматическому очерку, библиографию.

Дальнейшее изучение документов архива хивинских ханов, столь успешно начатое П. П. Ивановым, продолжается не только в Узбекской ССР, где находятся теперь подлинники документов этого архива, но и в Институте востоковедения. Материалы архива были широко использованы тюркологом-историком Ю. Э. Брегелем при написании им монографии о хорезмских туркменах в XIX в.; им же осуществлена публикация документов из этого собрания, содержащих сведения о каракалпаках (с введением, переводом, примечаниями и указателями) [31]. Из числа выполненных в ЛО ИНА работ следует отметить «Описание документов архива Кокандских ханов», составленное А. Л. Троицкой (М., 1968), и сданный в печать сборник переводов извлечений из арабских, персидских и тюркских нарративных источников, содержащих сведения по истории киргизов и Киргизии с VIII до XIX в. Этот сборник явился результатом работы группы востоковедов Ленинграда, начатой под руководством М. Ю. Юлдашева в 1954—1955 гг. и завершенной впоследствии в Иранском кабинете ЛО ИНА.

---

[29] Рашид ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. 1, пер. с перс. Л. А. Хетагурова, редакция и примечания А. А. Семенова, М.—Л., 1952; т. I, кн. 2, пер. с перс. О. И. Смирновой, примечания Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, редакция А. А. Семенова, М.—Л., 1952; Фазлаллах Рашид ад-дин, Джами ат-таварих, т. I, ч. 1, Критический текст А. А. Ромаскевича, Л. А. Хотагурова, А. А. Али-заде, М., 1965.

[30] А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского, М.—Л., 1958 (отв. ред. чл.-корр. АН СССР С. Е. Малов).

[31] Ю. Э. Брегель, Хорезмские туркмены в XIX веке, М., 1961; «Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков». Подбор документов, введение, перевод, примечания и указатели Ю. Э. Брегеля, М., 1967.

11 Заказ 1296

Из опубликованных за последние годы монографических исследований по истории тюркских народов следует назвать, кроме упомянутого выше исследования Ю. Э. Брегеля о хорезмских туркменах в XIX в., книги С. Г. Кляшторного[32] и Л. Н. Гумилева[33] по истории древних тюрков.

Своими историческими и археологическими исследованиями, а также введением в научный обиход письменных источников путем издания их текстов и переводов историки и филологи Академии наук СССР внесли крупный вклад в тюркологию и в содружестве с иранистами и арабистами впервые разработали историю тюркских народов Советского Востока в широком историческом плане. Их трудами за истекшие 50 лет была заложена надежная основа для дальнейшего развития исторических исследований в области тюркологии как в институтах Академии наук СССР, так и в научных учреждениях восточных республик Советского Союза. В эти научные учреждения в течение последних десятилетий вполне закономерно переносится основная часть исследований по истории тюркских народов. Вместе с тем активное участие в важной общей работе по изучению истории тюрков продолжают принимать и специалисты институтов Академии наук СССР, бережно сохраняющие лучшие традиции отечественной академической тюркологии.

---

[32] С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964.

[33] Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, М., 1967.

Л. П. Потапов

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ НАРОДНОСТЕЙ В СССР ЗА СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Великая Октябрьская социалистическая революция стала переломным этапом в развитии русской этнографии, зародившейся у нас в XVIII в. Этнографическое изучение народов СССР началось с первых же лет Советской власти в связи с практическими потребностями Советского государства. X съезд ВКП(б), руководимый В. И. Лениным, разработал и принял практическую программу социалистического строительства у советских народов уже на раннем этапе истории нашего государства. Уничтожив национальный гнет, необходимо было ликвидировать экономическую, политическую и культурную отсталость многих угнетенных ранее народов, различных по языку и происхождению, историческому прошлому, экономическому положению, уровню культурного развития и особенностям быта. В числе таких народов в решении X съезда ВКП(б) были названы и различные тюркские народности, общая численность которых определялась тогда около 30 млн. Чтобы помочь им продвинуться по пути социального, экономического и культурного прогресса, требовалось знание не только их современного состояния, но и их исторического прошлого, этнографических особенностей культуры и быта и т. д. Эти знания должны были практически вооружать советских и партийных работников. Упомянутый съезд подчеркнул, что строительство нового общества, советской государственности должно осуществляться при помощи людей, «знающих быт и психологию местного населения». Естественно, что этнографы оказались одними из первых представителей советской исторической науки, посвятивших свою деятельность практическому служению социализму. В стране стали быстро возникать и развиваться этнографические центры, которые включали в сферу исследований и тюркские народы. Выдающуюся роль в этом отношении играл Ленинград, где научная работа была организована в большом масштабе и было создано высшее этнографическое образование, в основном в рамках ЛГУ. Этнографические исследовательские

центры находились при Академии наук (Комиссия по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран — КИПС и Музей антропологии и этнографии), Ленинградском университете, Географическом обществе и Этнографическом отделе Русского музея. Крупный этнографический центр оформился при Московском университете. Вскоре такие центры появились в Ташкенте, Баку, Тбилиси, Киеве, Минске, Иркутске и других городах страны (в основном при отделениях Географического общества). КИПС выполнил большую плодотворную работу по этнографическому изучению страны, в том числе и тюркских народов. В этом учреждении выдающуюся роль играли акад. С. Ф. Ольденбург и акад. В. В. Бартольд. С именем С. Ф. Ольденбурга связано и создание в 1926 г. журнала «Этнография». Он был его первым редактором.

Придавая большое государственное значение этнографическим исследованиям, Советское правительство поддерживало организацию и проведение этнографических работ. Это позволило широко развить экспедиционную и издательскую деятельность, положительные результаты которой стали сказываться уже в середине 20-х годов. В данной связи нельзя не отметить вклад в организационную и научную работу по изучению тюркских народов одного из старейших ленинградских этнографов проф. С. И. Руденко, издавшего в 1925 г. этнографическую монографию о башкирах, а несколько позже — работу о казахах[1]. В эти же годы при участии С. И. Руденко вышел в свет ряд томов серийного издания «Материалы по этнографии», в которых появились публикации, посвященные и некоторым тюркским народностям. Ценные монографии и исследовательские статьи, посвященные тюркским народностям Сибири, публиковались в это время в сборниках Музея антропологии и этнографии (т. V—IX, 1918—1930). В последующие годы, в условиях углубленного этнографического изучения народов СССР, исследование тюркских народностей приобрело широкий характер и практически распространилось почти на все группы тюркоязычного населения.

Заметное расширение научной этнографической работы произошло в результате возникновения и развития национальных научных центров в союзных и автономных республиках и областях СССР. Назовем лишь некоторые из них, где ведется этнографическая работа по изучению тюркоязычного населения. Это Академии наук Узбекской, Туркменской, Казахской, Киргизской, Азербайджанской ССР; филиалы АН СССР в Казани

---

[1] С. И. Руденко, Башкиры, Л., 1925; его же, Очерк быта северо-восточных казахов, — «Казахи. Сборник статей антропологического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР. Исследования 1927 г.», Л., 1930.

и Дагестане; научно-исследовательские институты языка, литературы и истории в Каракалпакской, Якутской, Тувинской, Чувашской, Татарской, Кабардино-Балкарской АССР, в Горно-Алтайской, Хакасской и Карачаево-Черкесской автономных областях. Кроме того, такую работу ведут многие музеи перечисленных республик и областей, а кое-где — отделения Географического общества и высшие учебные заведения.

Показателем размаха этнографических работ может служить общеизвестный факт, что в многотомном фундаментальном издании Института этнографии под названием «Народы мира. Этнографические очерки» имеются обобщающие очерки по этнографии всех тюркских народов СССР, как правило, освещающие не только историческое прошлое, этнографические особенности дореволюционного периода, но и современные характерные черты культуры и быта этих народов. Многолетняя подготовка упомянутого серийного издания в свою очередь стимулировала этнографическое изучение многих народов, в том числе и тюркских. Общее количество посвященных тюркским народностям этнографических работ, выполненных за истекшие 50 лет существования Советского государства, подсчитать трудно. Многие десятки книг и тысячи статей, огромное количество еще не обработанных полевых материалов, не изданных, но подготовленных к печати рукописей, имеющихся в каждом учреждении, где ведется этнографическая работа, обширные и многочисленные этнографические коллекции могут дать лишь общее представление о достигнутых результатах, обобщить и оценить которые можно только коллективными усилиями.

Такое обилие этнографических работ объясняется не только тем, что в нашей стране проживает примерно 25 тюркских народностей (не считая многих групп внутри их), но главным образом потому, что этнографическая тематика охватывает многие области народной жизни. Разумеется, невозможно в одном докладе сделать обзор итогов этнографического изучения за истекшие полвека ни по всем тюркским народностям, ни тем более по всему кругу этнографической тематики. Поэтому я остановлюсь на характеристике этнографического изучения тюркских народов СССР лишь по нескольким крупным проблемам: 1) общественный строй, 2) история отдельных тюркских народов, 3) этногенез, 4) современная культура и быт, что, как мне кажется, может дать представление о больших достижениях в этой области советских этнографов, преимущественно тюркологов, и их ценном вкладе в дело изучения этнографии тюркских народов вообще.

Проблема изучения дореволюционного общественного строя народов СССР была тесно связана прежде всего с общими государственными задачами построения социалистического об-

щества у отсталых в прошлом племен и народностей. Такие исследования имели большое практическое значение, так как помогали руководящим партийным и советским органам правильно ориентироваться в конкретной исторической обстановке применительно к той или иной народности или группе народов. Разумеется, чтобы полнее понять и оценить значение исследовательской работы по изучению общественного строя тюркских народов в то время, требуются конкретные исторические примеры, на одном из которых я остановлюсь.

Вспомним, как обстояло дело в этом отношении, скажем, у киргизов, казахов и алтайцев, население которых, вместе взятое, исчислялось несколькими миллионами человек. Они вели в основном скотоводческое кочевое хозяйство на огромной территории. Относительно этих народов распространялась теория, что до Октябрьской революции они жили родовым строем, внутри которого не было ни классов, ни эксплуатации. Эксплуатация и угнетение трудящихся-скотоводов признавались только со стороны русских эксплуататорских элементов. Теория о родовом строе у этих народов опиралась главным образом на дореволюционную этнографическую литературу, в которой вопросы общественного строя хотя и не исследовались, но декларировались именно в этом плане. Для такого заключения считалось вполне достаточным, чтобы у описываемого народа было обнаружено родо-племенное деление. Подобная точка зрения высказывалась не только в старых дореволюционных работах, появлялись и некоторые новые, в которых также развивалась теория родового строя. Взгляды, опирающиеся на представления о родовом строе и отрицавшие классовое расслоение казахского, киргизского аула или алтайского аила, в свое время получили суровую научно-политическую оценку. Целесообразнее поэтому остановиться на некоторых положительных итогах марксистского изучения общественного строя у этих народов. Прежде всего нужно сказать о том, что полевые этнографические исследования у упомянутых тюркских народов выявили и дали возможность изучить и описать основные средства производства в кочевом скотоводческом хозяйстве, определить формы собственности на них, их распределение по социальным группам. На этой основе удалось вскрыть и описать классовое расслоение киргизов, алтайцев и казахов, базировавшееся на давнем и далеко зашедшем социально-экономическом неравенстве. Этнографы конкретно охарактеризовали общественные классы у этих тюркоязычных кочевников, социальные прослойки внутри классов, изучили, а местами впервые обнаружили и собрали социальную терминологию, отражающую классовое расслоение, различные категории работников и эксплуататоров в скотоводческом кочевом хозяйстве. Этногра-

фы изучили и описали многочисленные и весьма своеобразные формы эксплуатации, нередко выдаваемые за родовую помощь, как, например, раздача скота в доение и на выпас (*саун* — у казахов, *саан* — у киргизов и *полыш* — у алтайцев) и т. д. Более того, этнографы обратили внимание и на то обстоятельство, что классовое расслоение у изучавшихся тюркоязычных кочевников наложило глубокий отпечаток не только на общественный, но и на домашний быт, нашло отражение в верованиях, в фольклоре. Все это позволило не только доказать наличие классового общества у кочевников-скотоводов, но и определить характер их социально-экономических отношений как ранних форм феодальных отношений, осложненных пережитками патриархально-родовых отношений.

В 1930 г. появляется работа, в которой сочетание экономического и этнографического материала раскрыло реальную, полную своеобразия картину народного хозяйства и быта кочевников в условиях классового феодального строя[2]. С конца 1932 г. появляется ряд работ, принадлежащих перу этнографов, исследовавших общественный строй у народов Алтая и установивших здесь наличие феодальных отношений[3]. В 1935 г. появились первые работы, доказывающие существование феодализма у казахов[4]. Несмотря на то что в некоторых из них содержались крупные теоретические ошибки (вроде утверждения об особом виде феодализма у казахов, настолько отличном от феодализма вообще, что предлагалось объявить его особой формацией), все же теоретическое и практическое значение этих первых работ было, конечно, велико.

Касаясь теоретического аспекта работ этнографов по изучению общественного строя тюркских народов, основу хозяйства у которых составляло кочевое скотоводство, нельзя не отметить, что некоторые из этих работ предшествовали известной книге одного из крупнейших советских монголистов, акад. Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», изданной в Ленинграде в 1934 г., в которой выдвигалось и обосновывалось понятие «кочевой феодализм».

Таким образом, в первой половине 30-х годов уже был накоплен столь значительный материал по этой проблеме, что была предпринята попытка наметить происхождение феодализ-

---

[2] П. Погорельский и В. Батраков, Экономика кочевого аула Киргизстана, М., 1930.

[3] Л. П. Потапов, Очерк истории Ойротии, Новосибирск, 1933; С. А. Токарев, Докапиталистические пережитки Ойротии, Л., 1936; Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, Новосибирск, 1948.

[4] А. П. Чулошников, К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв., — ИАН СССР, 1936, № 1.

ма у кочевников[5]. В дальнейшем изучение общественного строя проводилось почти у всех тюркских народов СССР. Назову, например, в этом плане работы по якутам, тувинцам, каракалпакам туркменам, киргизам, казахам, башкирам, кумыкам и др.[6]. Определенный вклад в теоретическую разработку проблемы общественного строя у тюркских народов СССР внесли этнографы открытием, описанием и научным анализом кочевой (аульной) общины, выявлением ее различных конкретных форм, а также более мелких семейно-родственных объединений[7]. Изучение этого интересного вопроса, весьма важного для понимания генезиса и ранних форм феодальных отношений у кочевников, продолжается и в настоящее время и далеко еще от завершения, позволяющего обобщить теоретически весь накопленный материал.

Обращаясь к теоретическому аспекту проблемы, нужно отметить, что, изучая ее на материале тюркских народов (по хозяйственному профилю — скотоводов-кочевников), советские этнографы и историки внесли ценный вклад не только в советскую историческую науку, но и в мировую этнографию, в мировую историческую науку. Повышенный интерес к кочевникам земного шара отражают в настоящее время некоторые научные органы международной организации ЮНЕСКО и МОТ. Советская историческая наука, в том числе и советская этнография, открыла новые специфические формы феодального устройства

---

[5] С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах, — «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества», М.—Л., 1934.

[6] С. А. Токарев, Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв., Якутск, 1945; В. И. Дулов, Социально-экономическая история Тувы, М., 1956; М. П. Вяткин, Батыр Срым, М.—Л., 1947; Л. П. Потапов, Очерки истории Ойротии; его же, Очерки по истории алтайцев, Новосибирск, 1948; его же, Очерки по истории Шории, Л., 1936; его же, Краткие очерки по истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), Абакан, 1952; А. Е. Еренов, Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов, Алма-Ата, 1960; С. З. Зиманов, Общественный строй казахов первой половины XIX в., Алма-Ата, 1958; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950 (ТИЭ, новая серия, т. 9); В. П. Невская, Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в, Черкассы, 1960.

[7] С. М. Абрамзон, Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии, — сб. «Родовое общество. Этнографические материалы и исследования» (ТИЭ, новая серия, т. 14), М.—Л., 1951; О. А. Сухарева, Быт жилого квартала города Бухары (в конце XIX— начале XX века), — КСИЭ, 1958, вып. 28; ее же, Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане, — КСИЭ, 1958, вып. 30 и др.; К. Шаниязов, Общинное землепользование в сел. Каллык, — КСИЭ, 1960, вып. 34; С. А. Токарев, Происхождение сельской общины у якутов, — «Исторические записки», 1945, вып. 14; Л. П. Потапов, Очерки этнографии тувинцев бассейна левобережья Хомчика, — «Труды Тувинск. компл. археолого-этнографической экспедиции», М.—Л., 1966, т. II, стр. 17—28, «Аальная община».

общества у кочевников, не известные ранее закономерности развития кочевого общества, определила весьма своеобразную модель такого общества. Все это сделано в значительной мере при помощи этнографов-тюркологов, благодаря всестороннему изучению и широкому привлечению этнографического материала по тюркским народам СССР.

Я не имею возможности коснуться истории изучения феодализма у кочевников. Скажу только, что термин «кочевой феодализм» был вскоре же отвергнут, но научное значение поднятого вопроса привлекало внимание советской исторической науки. В 1954 г. в Ташкенте была организована научная сессия по истории народов Средней Азии и Казахстана, проводившаяся Академией наук СССР совместно с Академиями наук Узбекской, Таджикской, Туркменской, Киргизской и Казахской Союзных Социалистических Республик. Одной из главных проблем, вынесенных на обсуждение сессии, оказалась проблема феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, т. е. практически у тюркских народов. Активное участие в обсуждении этой проблемы приняли советские этнографы-тюркологи. Они активно участвовали также и в научной дискуссии на эту тему, проведенной журналом «Вопросы истории» в 1954—1955 гг. Оба мероприятия весьма способствовали уточнению и единству взглядов абсолютного большинства советских историков и этнографов по излагаемой проблеме. Эти взгляды стали достоянием мировой науки, как через публикации, так и благодаря выступлениям наших тюркологов-этнографов на международных съездах этнографов и востоковедов.

Уже упоминалось, что к изучению кочевников вообще проявляют интерес ЮНЕСКО и МОТ. В изданиях ЮНЕСКО появились статьи советских историков и этнографов, касающиеся общественного строя у тюркских народов СССР[8]. Постоянная Международная Алтаистическая конференция, ежегодно устраивающая свои собрания в разных странах, в 1967 г. провела свое десятое собрание в Манчестере, посвятив его проблеме «Феодализм в алтайском мире». Факт весьма примечательный. На собрании, которое состоялось 23—26 июня 1967 г. обсуждалась проблема, поставленная и разработанная советскими тюркологами — этнографами и историками.

Однако у многих зарубежных ученых, как и следовало ожидать, положения, сформулированные в советской этнографии, встретили отрицательное отношение уже потому, что упомянутые достижения явились следствием применения марксист-

---

[8] См., например, работу Л. П. Потапова и А. Турсунбаева «Quelques aspects du devellopement socio-economique et culturel des nomades en URSS», — «Revue internationales des sciences», t. XI, Paris, 1959, № 4.

ского исторического метода к изучению преимущественно тюркских народов СССР.

Выше отмечалось практическое значение изучения этнографии тюркских народов по проблеме общественного строя для социалистического строительства у этих народов. Необходимо подчеркнуть также, что изучение общественного строя дало возможность разрабатывать историю той или иной тюркской народности, взятой в отдельности. Проблема научного воссоздания истории отсталых в прошлом народов, не имевших своей письменности или младописьменных, также представляет интерес, далеко выходящий за рамки истории народов Советского Союза. Общеизвестно, что в зарубежной, точнее в буржуазной, науке давно и широко распространено мнение, что воссоздать историю таких народов невозможно, что народы эти по существу не имели истории и относятся к так называемым неисторическим народам, к народам неполноценным и безнадежно отсталым, неспособным создавать ценности, имеющие значение для современной цивилизации и т. д. Подобного рода теория вполне может быть определена как один из вариантов расистских взглядов. Хотя, разумеется, есть и такие ученые, которые никакого отношения к расизму не имеют, а придерживаются подобных взглядов потому, что не верят в возможность воссоздания истории бесписьменных народов из-за отсутствия источников, в частности письменных, которые принадлежали бы непосредственно изучаемым народам.

Советские историки, больше всех именно этнографы, решили эту научную проблему практически. Они достигли успеха благодаря применению в исследовании марксистского исторического метода и привлечению комплекса источников, среди которых большой и разнообразный этнографический материал органически сочетается с археологическими памятниками, антропологическими (в том числе и палеоантропологическими) материалами, с данными языка, фольклора. Конечно, непременно используются и всякого рода письменные источники, содержащие упоминания об изучаемых племенах и народах. Результаты вполне оправдали такой подход к изучению истории рассматриваемой категории тюркских (да и не только тюркских) народов.

Почти все тюркские народы СССР (якуты, алтайцы, хакасы, шорцы, тувинцы, каракалпаки, киргизы, казахи, туркмены, узбеки, кумыки, карачаевцы, балкары, татары, башкиры, чуваши) получили научно разработанную историю в виде специальных монографий или очерков[9]. Некоторые из перечисленных книг

[9] См., например: «История Якутии», т. 1 (Под ред. А. П. Окладникова), Якутск, 1949; Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953; его же, Очерки истории Шории, Л., 1936; его же, Краткие очерки по

по истории созданы преимущественно усилиями этнографов (как, например, по истории тюркских народов Сибири); в других, особенно коллективных, трудах этнографам принадлежит значительная роль (работы по истории тюркских народов Средней Азии, Поволжья и Северного Кавказа). Естественно, что в истории каждого изучавшегося тюркского народа проблема его общественного строя занимает одно из первых мест.

Характерной чертой книг, посвященных истории тюркских народов СССР, в прошлом бесписьменных и младописьменных, нужно признать их большой хронологический диапазон. Почти каждая монография рассматривает историю народа с древнейших времен, широко опираясь на археологические, палеоантропологические конкретные материалы и древние письменные свидетельства, и доводит ее до современности. Поэтому в некоторых случаях этнографам-тюркологам приходилось проделать большую работу по научной периодизации. Показательны в этом отношении книги по истории тюркских народов Сибири, в которых на основе общей исторической периодизации по социально-экономическим эпохам дана дополнительная периодизация в рамках данных эпох, связанная с политической историей восточной части Центральной Азии начиная с гуннского периода. Достижением является и определение археологических культур в хронологическом отношении с последующим отнесением их к различным социально-экономическим эпохам.

Есть еще одна особенность у книг по истории тюркских народов СССР, написанных этнографами или при участии этнографов. В них дана характеристика народной культуры и быта различных исторических эпох, что весьма обогащает содержание таких работ и создает представление о конкретном вкладе того или иного народа в общую культуру.

Работа по созданию истории тюркских народов СССР, выполненная за 50 лет Советской власти, имеет весьма актуальное значение. Великая Октябрьская революция пробудила национальное сознание всех освободившихся от гнета народов царской России, что вызвало у них повышенный интерес к сво-

---

истории и этнографии хакасов XVII—XIX вв., Абакан, 1952; «История Тувы», т. 1, М., 1964; «История Казахской ССР», т. I—II, Алма-Ата, 1957—1959; «История Киргизии», т. I—II, Фрунзе, 1963; А. А. Росляков, Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России), Ашхабад, 1956; «История Туркменской ССР», т. I—II, Ашхабад, 1957; «История Узбекской ССР», т. I—II, Ташкент, 1955—1957; Т. Х. Кумыков, История Кабардино-Балкарской АССР, т. I, Нальчик, 1958; Р. Г. Кузеев, Очерки истории и этнографии башкир, Уфа, 1957; «История Татарской АССР», т. 1, Казань, 1955; «История Азербайджана», т. 1, Баку, 1958; «История Кабардино-Балкарской АССР с древних времен до Великой Октябрьской революции», т. 1, М., 1967; А. Чулошников, Очерки по истории казах-киргизского народа, Оренбург, 1924, и др.

ему историческому прошлому. Советские тюркологи, в частности этнографы, выполняют в этом отношении свой долг перед народом. Отрадно отметить, что в большой творческой работе по созданию истории тюркских народов все чаще принимают участие этнографы и историки, археологи и антропологи, вышедшие из среды самих тюркских народов, тех народов, которые еще недавно были только объектом изучения. Развитие местных национальных научных центров у тюркских народов СССР весьма положительно повлияло на итоги изучения многих проблем, о которых говорится в настоящем докладе.

Наконец, характеризуя работу этнографов по проблеме истории тюркских народов СССР, нельзя не отметить, что некоторые итоги их исследований были использованы высшими советскими законодательными органами. В 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР переименовал бывшую Ойротскую автономную область в Горно-Алтайскую. Это было сделано на основании ходатайства местных советских и партийных организаций, опиравшихся на результаты изучения истории и этнографии народов Горного Алтая.

Весьма сложной научной проблемой, над которой работали советские тюркологи-этнографы в течение полувекового периода существования Советского государства, является и проблема этногенеза. Если две первые проблемы, о которых я говорил, не только не изучались в дореволюционное время, но, можно сказать, и не ставились, то проблеме этногенеза, если говорить о тюркских народах СССР, уделялось внимание и в дореволюционной русской тюркологии. Можно назвать, например, обобщенную работу Н. А. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности» (СПб., 1897), научное значение которой в отношении ряда идей и гипотез сохранилось до нашего времени. Однако такие работы до революции были редким исключением. Как ни много сделал акад. В. В. Радлов для изучения народов Южной Сибири, но именно ему принадлежит пессимистическое заявление: «...едва ли окажется когда-либо возможным разрешить вопрос о происхождении древнейших обитателей Сибири»[10]. Учитывая уровень развития науки того времени, следует признать, что основания для подобного заявления у В. В. Радлова имелись. Изучение этногенеза того или иного тюркского народа было тогда предметом только индивидуального интереса отдельных ученых. По-иному обстоит дело в наше время.

Проблема этногенеза вызывает острый интерес среди каждого народа, особенно вступившего на путь самостоятельного

[10] W. Radloff, Aus Sibirien, Bd II, Leipzig, 1884, стр. 143.

свободного развития и не имевшего ранее своей научно разработанной истории. Эта проблема находится в центре внимания советских тюркологов Ленинграда, Москвы и на местах. Может быть, этим и можно объяснить то отрадное обстоятельство, что каждому тюркскому народу СССР посвящены специальные исследования по этногенезу и этнической истории.

Совокупность разнообразных источников (этнографических, археологических, антропологических, письменных и др., взаимно дополняющих и контролирующих друг друга) дает возможность не только выяснить этнический состав, но порой установить этапы этнической истории народа. При исследовании проблемы этногенеза еще больший простор открывается для использования этнографического материала, в частности такого, как этнонимы и эпонимы, экзогамность родо-племенных делений и некоторые виды религиозных верований, атрибуты шаманского культа (костюм, бубен), имеющие весьма устойчивую и характерную семантику. Едва ли нужно говорить о том, что результаты этногенетических исследований весьма необходимы для соответствующих разделов истории тюркских народов, хотя нельзя отрицать и их самостоятельного значения. За рассматриваемый период времени опубликованы исследования по этнической истории почти всех тюркских народов Сибири, Средней Азии и Казахстана, татар, чувашей и башкир. Рассмотрены эти вопросы и для тюркских народов Северного Кавказа [11].

Мне кажется, что столь широкое изучение этногенеза и этнической истории тюркских народов по отдельным районам позволит в ближайшем будущем разработать эту проблему в отношении ряда народов обобщенно (например, для Сибири).

Мы можем констатировать в связи со сказанным еще одно положительное явление. Исследование этногенеза и этнической истории тюркских народов в советское время, к примеру, в той же Сибири дает возможность не только создать новые, но уточнить и более глубоко обосновать некоторые старые представле-

---

[11] Л. П. Потапов, Происхождение и формирование хакасской народности, Абакан, 1957; его же, Очерк этногенеза южных алтайцев. — СЭ, 1952, № 3; его же, Этноним *теле* и алтайцы, — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1966; А. П. Окладников, Происхождение якутского народа, М.—Л., 1951; С. И. Вайнштейн, Очерк этногенеза тувинцев, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», 1957, вып. V; Г. Е. Марков, Очерки истории формирования северных туркмен, М., 1961; А. Джикиев. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, Ашхабад, 1961; А. Н. Бернштам, Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа, — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», Фрунзе, 1959, т. 3; С. М. Абрамзон, Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии, — там же; Е. П. Алексеева, Карачаевцы и балкары — древние народы Кавказа, Черкесск, 1953; «О происхождении чувашского народа (сборник статей)», Чебоксары, 1957.

ния, выдвинутые учеными дореволюционного периода. Я хотел бы проиллюстрировать это на материале, более мне известном. Напомню, что акад. В. В. Радлов выдвинул гипотезу о том, что северные алтайцы — это тюркизированные по языку южные самоеды и енисейцы (кеты). Это безоговорочно принял и повторил Н. А. Аристов. Однако теперь можно считать доказанным, что сложные по своему этническому происхождению северные алтайцы (тубалары, кумандинцы, челканцы-лебединцы) включили в себя большой этнический пласт тюркских скотоводов-кочевников, связанных своим происхождением с древнетюркскими племенами *теле* и западными *тюкю*.

Мне остается коснуться еще одной новой для науки проблемы, над изучением которой плодотворно трудились и продолжают трудиться советские этнографы-тюркологи. Я хочу сказать об изучении современной культуры и быта тюркских народов СССР. Научное и практическое значение этого вопроса для советского общества и даже для зарубежного читателя не нуждается в разъяснении. Подобные исследования не только отражают изменение социальной структуры многих тюркских народов (формирование и рост национального колхозного крестьянства и рабочего класса, национальной интеллигенции), но и характеризуют особенности культуры и быта этих новых социальных слоев народа. Этнографические исследования раскрывают пути формирования социалистической культуры тюркских народов и ее взаимоотношения со старыми культурно-бытовыми традициями. Появились и монографические работы, отражающие итоги изучения культуры и быта колхозного крестьянства у тюркских народов СССР[12]. Названные и многие не названные работы дают картину современной культуры и быта крестьянства тюркских народов Средней Азии и Казахстана (как кочевников-скотоводов в прошлом, так и земледельцев). Достигнуты успехи также и в области изучения быта рабочих. Работы по киргизам, туркменам, казахам, узбекам положили начало исследованию этой весьма актуальной и новой темы[13],

---

[12] С. М. Абрамзон и другие, Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан, М., 1958 (ТИЭ, новая серия, т. 37); Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, — ТИЭ, новая серия, 1954, т. 21; Т. А. Жданко, Быт каракалпакского колхозного аула, — СЭ, 1949, № 2; У. Х. Шалекенов, Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района в прошлом и настоящем, — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», М., 1958, т. 3; М. А. Бикжанова и О. А. Сухарева, Прошлое и настоящее селений Айкыран, Ташкент, 1955; «Культура и быт казахского аула», Алма-Ата, 1967 и др.

[13] С. М. Абрамзон, Прошлое и настоящее киргизских шахтеров Кызыл-Кия (Материалы к изучению быта киргизских рабочих), — СЭ, 1954, № 4; К. Мамбеталиева, Быт и культура шахтеров-киргизов каменноугольной промышленности Киргизии, Фрунзе, 1963; Ш. Аннаклычев, Быт рабочих-нефтяников Небит-Дага и Кум-Дага, Ашхабад, 1961; А. С. Моро-

интерес к которой проявляют и ученые некоторых социалистических стран.

Значительное число монографий посвящено изучению отдельных этнографических тем[14]. Для них характерно широкое использование кроме полевых материалов также и музейных этнографических коллекций, хранящихся в центральных и местных музеях.

Широкое этнографическое изучение тюркских народов СССР на подлинно научной базе развилось именно в советский период истории нашей науки. Этим изучением, несмотря на некоторую неравномерность, у нас охвачены почти все тюркские народы. Своими исследованиями этнографы-тюркологи внесли значительный вклад в советскую историческую науку. Их научные труды и методологический опыт имеют положительное значение и для развития международной этнографической науки.

зова, Опыт изучения рабочего класса Казахстана, — СЭ, 1962, № 6; К. Л. Задыхина, Этнографические материалы о быте рабочих-узбеков Ташкента и Андижана, — ТИЭ, новая серия, 1959, т. 47; Ф. Арипов, Изучение быта и культуры рабочих-узбеков, — СЭ, 1960, № 5.

[14] Б. Кармышева, Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, Сталинабад, 1954; К. Шаниязов, Узбеки-карлуки, Ташкент, 1964; Н. И. Воробьев, Казанские татары, Казань, 1953; С. И. Вайнштейн, Тувинцы-тоджинцы, М., 1961.

А. Д. Желтяков

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ ТУРЦИИ В ЛЕНИНГРАДЕ ЗА 50 ЛЕТ (1917—1967)

История, экономическая жизнь, быт, нравы, язык и культура Турции начали привлекать внимание образованных людей и ученых России около 250 лет назад, хотя, конечно, знакомство русских с Ближним Востоком, в том числе с Турцией, относится к гораздо более раннему периоду [1].

С началом издания в 1702 г. петровских «Ведомостей», которые систематически печатали заметки о событиях в Османской империи [2], русское общество ближе заинтересовалось своим южным соседом. Возрастание этого интереса диктовалось прежде всего экономическими, политическими и военными потребностями. В XVIII столетии в России, главным образом в Петербурге, было издано весьма значительное количество самых разнообразных по своему характеру, содержанию и достоинствам материалов о Турции. Среди них несколько десятков книг (преимущественно переводных с французского, немецкого, польского и других языков), в том числе «Монархия Турецкая» Рикота (1741 г.), «История Турецкая» Миньота (в трех частях, 1789—1790), «Путешествие Вольнея в Сирию и Египет» (в двух частях, М., 1791—1793), «Полная картина Оттоманской империи» Мураджа д'Оссона (1795 г.), «Картина или описание всех нашествий на Россию татар, и турков и их тут браней...» Павла Левашева (1792 г.), «Нещастные приключения...» Василия Баранщикова, выдержавшие четыре издания (1787—1793), «Турецкая грамматика» Холдермана, изданная дважды (в 1776 и в 1777 г.), и др. Кроме того, в те же годы был опубликован ряд географических описаний, этнографических и иных очерков путешественников, посольских чиновников, купцов, «Хождения» монахов, переводы из энциклопедий, рассказы о жизни сул-

---

[1] См. об этом: Б. М. Данциг, Из истории русских путешествий и изучения Ближнего Востока в допетровской Руси, — «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1953, стр. 185—231.

[2] Известна, например, серия статей «О турецкой земле и турках», опубликованных в «Ведомостях» в 1739 г.

танского двора («анегдоты») и т. п. В последние десятилетия XVIII в. начали регулярно печататься документальные и официальные материалы — сборники конвенций, трактатов и договоров Порты с другими государствами (в частности, серия «Капитуляции или трактаты»), различные «грамоты», донесения дипломатов о политических событиях в Турции, разнообразные «известия» (публиковавшиеся с 1791 г. в журнале «Политическая жизнь»), описания посольств и церемониала приема их при русском и турецком дворах и т. д.[3].

В XIX в. в России начинаются планомерные научные исследования истории, географии, общественной и культурной жизни Турции. Помимо материалов периодической печати выходят в свет: «Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, составленное русским путешественником М. В[ронченко]» (ч. I—II, 1839—1840), написанные по личным впечатлениям отчетные статьи о Турции И. Н. Березина (40—50-е годы)[4], «Обозрение Оттоманской Империи, Молдавии, Валахии и Сербии» Е. Н. Серчевского (1854 г.), путевые заметки, очерки и воспоминания В. Теплова (70—90-е годы)[5], «Турция. Ее могущество и распадение. Исторические и военные очерки» А. Чемерзина (1878 г.), географические труды о Турции П. И. Чихачева[6], многочисленные «обозрения» по историческим, политическим и военным вопросам, справки и статистические материалы по торговым делам[7]. На русский язык переводятся многие десятки ра-

---

[3] Библиографическую справку о русских дореволюционных изданиях см. в кн.: «Библиография Турции (1713—1917)», сост. А. К. Сверчевская и Т. П. Черман, М., 1961. По XVIII в. особенно интересны: № 349, 354, 361, 364, 371, 375, 383, 403, 427, 467, 469, 577, 586, 707, 765, 797, 804, 1351, 1365—1366, 1371, 1378—1379, 1394, 1398, 1413, 1423, 1544, 1550, 1560—1562, 1680—1683, 1690, 1697, 1713, 1717, 1744, 1765, 1785, 2238—2240, 2254, 2275, 2298, 2333, 2349—2350, 2356, 2357, 2384, 2385, 2405, 2412, 2413, 2444, 2485, 2619, 2631, 2634, 2635, 2644, 2665, 2691, 2718, 2720, 4780, 4781, 4875, 4876, 5066.

[4] См. работы И. Н. Березина: «Извлечение из отчета путешествующего на Востоке», — УЗКУ, 1844, кн. III, стр. 3—28; «Извлечение из годичного отчета путешествующего по Востоку», — ЖМНП, 1845, № 4, стр. 23—50; № 10, стр. 19—28; «Обзор трехлетнего путешествия по Востоку», — ЖМНП, 1847, № 7, стр. 1—24; «Посещение цареградских достопримечательностей...», — ЖМНП, 1854, № 4, стр. 1—42; № 5, стр. 79—127.

[5] См., например: В. Теплов, Адрианополь в 1874 г. (Из воспоминаний путешественника), СПб., 1877; его же, По Малой Азии. Из путевых записок, — «Вестник Европы», 1890, кн. 6, стр. 571—618; его же, Представители европейских держав в прежнем Константинополе, СПб., 1890; его же, Русские представители в Царьграде. 1496—1891, СПб., 1891; Смутное время и дворцовый переворот в Константинополе (Записки очевидца), СПб., 1897.

[6] Почти все труды П. И. Чихачева были опубликованы на французском языке. Наиболее полную библиографию его работ см.: Р. Фюрон, Введение в геологию и гидрогеологию Турции. Пер. с франц. В. Г. Левинсона, М., 1955, стр. 107.

[7] Среди них выделяется «Записка о Малой Азии» Д. В. Путяты, СПб., 1896.

12 Заказ 1296

бот западноевропейских ориенталистов, занимающихся изучением Турции.

Основным центром русской туркологии во второй половине XIX столетия становится открытый в 1855 г. факультет восточных языков С.-Петербургского университета. Здесь работали А. О. Мухлинский (1808—1877), впервые поставивший систематический курс истории Османской империи; уже упомянутый выше И. Н. Березин (1818—1896); организатор первой в России кафедры истории Востока В. В. Григорьев (1816—1881) и его преемник Н. И. Веселовский (1848—1918); видный османист — филолог и историк — В. Д. Смирнов (1846—1922) и крупнейший исследователь Востока В. В. Бартольд (1869—1930)[8].

Среди этих выдающихся русских ориенталистов, внесших важный вклад в изучение истории и культуры народов Ближнего Востока, только В. Д. Смирнов вел систематические научные исследования в области истории Османской империи. Его основные труды — «Кучибей Гӧмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции» (1873 г.), «Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века» (1887 г.), «Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты в XVIII столетии» (Одесса, 1889) — сохраняют свое научное значение и поныне[9]. Академику В. В. Бартольду, прославившему русскую и советскую ориенталистику выдающимися трудами по истории и культуре народов Востока, принадлежит огромная заслуга и в разработке многих коренных проблем историко-культурного развития тюркских народов. Его глубокие исследования безусловно оказали значительное влияние на изучение истории Турции, а некоторые его статьи имели прямое к ней отношение[10].

Тем не менее ко времени Великой Октябрьской социалистической революции в отечественной ориенталистике еще не было работ по общей истории Турции, ее экономическому и общественному строю, по истории турецкой культуры. Тем сложнее и грандиознее были задачи, вставшие перед историками Турции в советский период.

В послеоктябрьскую эпоху, когда вся научная работа была постепенно перестроена на базе марксистско-ленинской методологии, когда изменились самый характер и направление истори-

---

[8] Подробнее см.: А. М. Голдобин, А. Д. Желтяков, Л. В. Строева, Кафедра истории стран Ближнего Востока, — «Уч. зап. ЛГУ», № 296, Л., 1960, стр. 143—159.

[9] Наиболее полно научная и педагогическая деятельность В. Д. Смирнова освещена В. А. Гордлевским; см.: Wl. Gordlewsky, Wasiliy Dmitriewitsch Smirnov (1846—1922), — «Mitteilungen zur osmanischen Geschichte», Bd II (1923—1926), Wien, [1927], стр. 325—333.

[10] См., например: В. В. Бартольд, Сочинения, т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов, М., 1968.

ческих исследований, в центре внимания советских туркологов-историков оказались такие кардинальные научные проблемы, как эволюция феодальной и капиталистической формаций в Турции, развитие ее производительных сил и перемены в производственных отношениях, классовая борьба во всех ее формах и проявлениях, национально-освободительное движение, становление национальной культуры турецкого народа, идеологические учения. Откликаясь на злободневные проблемы современности, связанные с борьбой турецкого народа за свою национальную независимость, строительством самостоятельной Турецкой Республики, советские туркологи-историки обязаны были вместе с тем на новой теоретической основе изучать прошлое Турции. Ленинградские историки Турции приняли активное участие в разработке всех этих важных научных проблем, в освещении и изучении наболевших вопросов.

После ликвидации в 1919 г., в результате многочисленных реорганизаций университета, факультета восточных языков университетское востоковедение и, в частности, туркология значительный период времени были ослаблены, а порой туркологические исследования вовсе прекращались. В 20-х годах преподавание истории Турции поддерживалось лишь В. А. Гурко-Кряжиным, периодически приезжавшим в ЛГУ для чтения курса лекций о национально-освободительных движениях в странах Ближнего Востока. Систематический курс истории Турции был возобновлен в университете только в 1930 г. А. А. Алимовым (1900—1935), но на твердую почву преподавание этого предмета в университете было поставлено лишь в 1934 г., когда были созданы кафедра истории колониальных и зависимых стран и кафедра тюрко-монгольской филологии [11].

В довоенный период основными центрами изучения истории, экономики и культуры Турции в Ленинграде становятся Ленинградский восточный институт (1920—1938) и Институт востоковедения АН СССР (учрежден в 1930 г.). Турецкий (с 1951 г.— Тюрко-монгольский) кабинет ИВАН являлся в то время своеобразным координационным центром по изучению истории и филологии Турции в Ленинграде. С 1923 г. в нем работали А. А. Алимов, Х. И. Муратов (1907—1941), Х. М. Цовикян (1900—1942), А. Е. Мачанов (1898—1940), А. Д. Новичев, А. С. Тверитинова, Т. П. Черман, А. Н. Кононов.

Небольшая группа туркологов, трудившихся в этих двух учреждениях, учебном и научном, проделала весьма значитель-

[11] С 1930 по 1937 г. востоковедные отделения и кафедры находились в формально выделившемся из университета самостоятельном Ленинградском историко-лингвистическом институте (ЛИЛИ), преобразованном в 1933 г. в Ленинградский историко-философско-лингвистический институт (ЛИФЛИ).

ную работу. Особенно большая заслуга в организации изучения истории и экономики Турции, а также постановке первых вузовских курсов по истории Турции принадлежит Абиду Ахмедовичу Алимову — талантливому исследователю и организатору. Сын уездного учителя из г. Касимова, он семнадцати лет ушел в Красную Армию, участвовал в борьбе за советизацию Азербайджана и Армении и за особые заслуги был награжден орденом Красного Знамени. Окончив Коммунистический университет трудящихся Востока (в 1924 г.) и Институт красной профессуры (в 1930 г.), А. А. Алимов с 1930 г. стал научным сотрудником ИВАН, его ученым секретарем, а также заведующим кафедрами истории стран Востока в ЛВИ и ЛИЛИ — ЛИФЛИ. Он принимал также активное участие в работе Общества марксистов-востоковедов, являлся членом его совета [12].

А. А. Алимов разработал и поставил в ЛВИ и в университете первый марксистский курс общей истории Турции. После смерти этого талантливого ученого, ушедшего из жизни в тридцатипятилетнем возрасте, чтение курса истории Турции продолжали его ученики, Х. М. Цовикян — в ЛВИ и Х. И. Муратов — в университете. В своих научных трудах А. А. Алимов, Х. М. Цовикян и Х. И. Муратов главное внимание уделяли изучению Турции в эпоху империализма, особенно либеральным и революционным движениям последней трети XIX — начала XX столетия, а также экспансии европейских держав в Турции после Крымской войны 1853—1856 гг. Все трое владели турецким (А. А. Алимов также персидским, а Х. М. Цовикян — армянским) и западными языками, много работали над архивными материалами, использовали турецкие источники и исследования, что было характерно отнюдь не для всех писавших о Турции в 20—30-х годах.

А. А. Алимов опубликовал три крупные работы: статью «Борьба за конституцию 1876 г. в Турции» [13], очерк по истории Турции в эпоху империализма [14] и исследование о младотурецкой революции 1908 г. [15]. Помимо того, как это видно из личного архива ученого, А. А. Алимов очень основательно занимался историей русско-турецкой войны 1877—1878 гг., эко-

---

[12] Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 68, оп. 1 (официальная биографическая справка); ф. 98, д. № 7, лл. 1—17 (биографическая справка, написанная Х. И. Муратовым).

[13] «Историк-марксист», 1929, т. 14, стр. 36—67.

[14] Аб. Алимов, Турция, — «Очерки по истории Востока в эпоху империализма», М.—Л., 1934, стр. 3—92.

[15] А. Алимов, Революция 1908 года в Турции, — сб. «Пробуждение Азии. 1905 год и революции на Востоке», Л., 1935, стр. 1—93; эта работа, изданная посмертно, была подготовлена к печати Х. И. Муратовым, написавшим ее последнюю (пятую) главу, и А. Д. Новичевым.

номикой, политикой и идейными течениями в османской Турции на рубеже XIX и XX вв., серьезно интересовался общими вопросами развития колониальных и зависимых стран Азии и Африки [16].

Очень большую исследовательскую работу проделал за свою короткую жизнь Хасан Исхакович Муратов. С 1934 по 1941 г. он регулярно читал в университете курсы истории, историографии и источниковедения Турции. Ему принадлежит раздел по истории Османской империи эпохи империализма в первом советском вузовском учебнике по новой истории стран Азии, Африки и Латинской Америки [17]. Однако большую часть начатых исследований Х. И. Муратову не удалось довести до конца — летом 1941 г. он погиб на фронте под Ленинградом. В его личном архиве, сохраненном сестрой ученого, сотрудницей кафедры тюркской филологии Восточного факультета ЛГУ Н. И. Шамиловой, остались многие незавершенные работы. Среди них кандидатская диссертация «Общественно-политические и экономические взгляды лидера младоосманов Али Суави и его роль в конституционном движении 1865—1878 годов в Турции», а также целая серия статей о восточном кризисе 50—70-х годов XIX в.: «Англо-франко-турецкий союз 1854—1856 годов и его последствия для Турции» (статья готовилась для «Военно-исторического журнала»), «Англо-франко-турецкий союз 1854—1867 годов и политика Англии в нейтральных странах во время Крымской кампании 1853—1856 гг.», «Внешняя политика Англии на Ближнем Востоке и Балканах от Парижского до Берлинского конгресса (из истории традиционной политики Англии в „восточном вопросе“)», «Политика Англии на Балканах и Ближнем Востоке накануне и во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов» [18]. Кроме того, Х. И. Муратов готовил к печати статьи: «Конституционное движение 1865—1867 годов в Турции и русско-турецкая война 1877—1878 годов», «Образование общества младоосманов», «Абдулхамидовский режим и превращение Турции в полуколонию (1878—1908 гг.)», а также разделы по истории кемалистской революции для второго тома вузовского учебника по истории колониальных и зависимых стран [19].

Х. М. Цовикян занимался углубленным исследованием проблем младотурецкого движения и революции 1908 г. и в 1937 г.

---

[16] Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 98, д. № 3—11, 16, 46—118.

[17] Х. И. Муратов, Османская империя, — «Новая история колониальных и зависимых стран», т. I, М., 1940, стр. 421—458.

[18] Из серии работ на эту тему была опубликована только статья «Роль Англии в „восточном кризисе“ (Английская дипломатия и русско-турецкая война 1877—1878 годов)», — «Историк-марксист», 1940, № 7 (83), стр. 65—81.

[19] Архив востоковедов ЛО ИВАН, ф. 98, д. № 10—16, 29а, 46.

защитил кандидатскую диссертацию «Младотурецкая революция и национальный вопрос». Из нее была опубликована лишь небольшая часть[20] уже после того, как блокада унесла жизнь и этого талантливого исследователя истории Турции.

С конца 20-х годов начинается научная и педагогическая деятельность представителя этого же поколения ленинградских историков Турции А. Д. Новичева (род. в 1902 г.). Окончив в 1926 г. аспирантуру ЛВИ, А. Д. Новичев был оставлен при институте и в течение многих лет читал курс страноведения, включавший географию, экономику, этнографию и государственно-политический строй Турции. В своей научной работе в те годы А. Д. Новичев главное внимание уделял проблемам экономического развития Турции в новое и новейшее время. В 1928—1936 гг. в разных журналах и сборниках был опубликован ряд его статей о промышленности и промышленной политике, сельском хозяйстве и аграрном строе, транспорте и внешней торговле республиканской Турции, о феодализме в Турецком Курдистане, об отмене капитуляций, об экономическом кризисе 1929—1933 гг. и др. Основными трудами А. Д. Новичева, написанными в довоенный период, являются хорошо известные специалистам кандидатская диссертация «Экономика Турции в период мировой войны» (М. — Л., 1935) и книга «Очерки экономики Турции до мировой войны» (М. — Л., 1937) — первые обобщающие марксистские труды по экономике и экономической истории Турции в новое время. В этих двух трудах, основанных на значительном круге источников и исследований, А. Д. Новичев обрисовывает в основных чертах картину эволюции сельского хозяйства, ремесленного и промышленного производства, торговли, транспорта и финансов Османской Турции, показывает процесс превращения ее в полуколонию империалистических держав, дает характеристику социальным сдвигам, происходившим в турецком обществе с начала танзиматских реформ до конца первой мировой войны. В последние предвоенные годы А. Д. Новичевым были в основном завершены еще три работы, увидевшие свет уже в обстановке войны: «Турция. Политико-экономический очерк» (Тбилиси, 1941), «Турция. Государственный строй. Экономика. Этнография» (Тбилиси, 1942)[21], «Аграрное законодательство современной Турции» (Тбилиси, 1942). Проблемами современной Турции занимался и Т. П. Черман, сначала аспирант, позднее научный сотрудник Турецкого кабинета.

---

[20] Х. М. Цовикян, Влияние русской революции 1905 г. на революционное движение в Турции, — «Советское востоковедение», 1945, г. III, стр. 15—35.

[21] Раздел «Этнография» был написан при участии А. Н. Кононова, Х. М. Цовикяна, А. С. Тверитиновой.

Трое из работавших в Ленинграде историков Турции, А. Е. Мачанов, А. А. Аджян (1904—1938) и А. С. Тверитинова, занимались исследованием коренных проблем средневековой османской истории. А. Е. Мачанову и А. С. Тверитиновой принадлежит заслуга создания первых в советской исторической науке трудов о народных движениях в Турции в эпоху средневековья. В 1939 г. А. Е. Мачанов защитил диссертационную работу «Восстание Патрона Халиля в Стамбуле в 1730 г.». В следующем году автор умер, и работа осталась неопубликованной. Тогда же защитила свою диссертацию о крупном народном движении в Турции на рубеже XVI—XVIII вв. и А. С. Тверитинова[22], ныне видный советский медиевист-турколог. Сотрудник Государственного Эрмитажа А. А. Аджян, основываясь на материалах «Книги путешествия» знаменитого турецкого путешественника XVII в. Эвлии Челеби, написал интересное исследование «Ремесленная промышленность Константинополя в первой половине XVII в.». Безвременная гибель ученого помешала довести до печати эту работу.

Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война прервала научные исследования ленинградских историков Турции и еще больше сократила их и без того небольшое число. После войны к работе вернулись только трое — А. С. Тверитинова, А. Д. Новичев, Т. П. Черман.

Оглядываясь сейчас на то, что было проделано нашими товарищами, необходимо отметить разнообразие выдвинутых ими проблем, широту исследованного круга вопросов, высокий научный уровень их работ. Без всяких преувеличений можно сказать, что проделанная ими в течение 10—12 предвоенных лет работа явилась важным вкладом в советскую туркологию, в советское востоковедение в целом, и в последующие годы многие аспекты истории и экономики Турции исследовались на путях, проложенных этими нашими предшественниками. Достаточно указать, что любой современный советский историк Турции, исследующий экономическое развитие Турции, неизменно учитывает работы в этой области А. Д. Новичева. Труды А. А. Алимова и Х. М. Цовикяна о младотурецкой революции 1908 г. и поныне являются отправными в изучении многих сторон этого движения. Общие очерки А. А. Алимова и Х. И. Муратова по истории Турции в эпоху империализма в течение многих предвоенных и военных лет стояли в ряду важнейших учебных пособий для студентов. Работа А. С. Тверитиновой остается пока единственной книгой в советской исторической науке о крупном народном восстании в средневековой Османской им-

---

[22] А. С. Тверитинова, Восстание Кара Языджи-Дели Хасана в Турции, М.—Л., 1946.

перии. Ждут своих продолжателей работы, начатые А. А. Аджяном и А. Е. Мачановым.

В послевоенный период ленинградское востоковедение вступило в новую стадию своего развития. В 1944 г. в ЛГУ был воссоздан восточный факультет. Кроме кафедры тюркской филологии, на факультете была организована кафедра средневекового и нового Востока. В 1949 г. после перевода с исторического факультета на восточный кафедры истории колониальных и зависимых стран и после соответствующей реорганизации в составе восточного факультета появились две новые кафедры — истории стран Ближнего Востока и истории стран Дальнего Востока. Эта реорганизация обеспечила особенно благоприятные условия для комплексного изучения Турции, самым положительным образом отразилась на подготовке кадров по турецкой истории и филологии.

Одновременно начали возрождаться исследования по истории Турции в Турецком кабинете ИВАН СССР. Реорганизация Института в 1950 г. болезненно отразилась на развитии этих исследований, особенно в период 1950—1956 гг.

С этого времени исследовательской работой в области истории, экономики, культуры, этнографии и идеологии Турции в различных учреждениях Ленинграда занимались или продолжают заниматься доц. А. С. Тверитинова (ИВАН — ЛГУ, с 1951 г. — в ИВАН, Москва), проф. А. Д. Новичев (ИВАН — ЛГУ), канд. истор. наук Т. П. Черман (ИВАН — ЛО ИВАН), канд. истор. наук А. Х. Рафиков (ИВАН — БАН), а также воспитанники восточного факультета ЛГУ — доц. А. Д. Желтяков и А. П. Григорьев (ЛГУ), канд. истор. наук Ю. А. Петросян, канд. филол. наук Г. В. Сорокоумовская и Н. А. Дулина (ЛО ИВАН), канд. истор. наук Ю. А. Миллер и Н. А. Папчинская (Эрмитаж), М. Н. Серебрякова, И. Ф. Шаврина, В. П. Курылев (ЛО ИЭАН СССР), ст. преп. В. И. Шеремет (Ленинградский государственный педагогический институт), Л. В. Жукова (Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

Главные направления научных исследований ленинградских историков Турции в послевоенный период остались прежними: генезис и развитие турецкого феодализма и капитализма, история рабочего класса и крестьянства, народные движения и национально-освободительная борьба, либерально-реформаторские течения. Таким образом, были продолжены основные линии изучения Турции, начатые еще довоенным поколением ленинградских историков, однако конкретные исследования по многим из названных направлений были значительно расширены и углублены. Кроме того, были начаты и продолжаются исследования в ряде новых областей истории культуры, искусства и этнографии Турции, истории идеологических течений,

турецкой историографии и источниковедения, истории отечественной туркологии и некоторых вспомогательных исторических дисциплин (эпиграфика, сфрагистика).

Важные исследования во многих из названных областей в послевоенный период проведены А. Д. Новичевым, который «является одним из виднейших в нашей стране знатоков истории и экономики Турции»[23]. Перу проф. А. Д. Новичева принадлежит около 70 работ[24]. Особенно плодотворными в его работе были истекшие полтора десятилетия. В этот период времени им написаны основные труды по вопросам социально-экономического развития Турции в XX в., о борьбе трудящихся масс Турции в новейшее время, о внутренней политике буржуазно-республиканской Турции. Этим вопросам посвящены такие крупные исследования А. Д. Новичева, как его докторская диссертация «История рабочего класса Турции» (Л., 1958), монография «Крестьянство Турции в новейшее время» (М., 1959), ряд статей по рабочему и крестьянскому вопросам в Турецкой Республике в до- и послевоенное время, в том числе о турецких кочевниках и полукочевниках. Важное место в работе А. Д. Новичева продолжало занимать турецкое средневековье. Основным его трудом в этой области является первый в нашей стране очерк истории Турции в эпоху феодализма[25]. В эти же годы проф. А. Д. Новичев написал главы о Турции в вузовские учебники по новой и новейшей истории стран зарубежного Востока[26] и предназначенную для широкого читателя книгу «Турция. Краткая история» (М., 1965), этнографический очерк о турках[27] и (совместно с О. Л. Вильчевским) о национальных меньшинствах Турции[28], ряд статей о борьбе народов Балканского полуострова против турецкого господства в конце XVIII — первой трети XIX в., несколько источниковедческих и историографических статей[29]. В настоящее время А. Д. Новичев завершил второй том своего исследования по истории Турции, посвященный периоду 1789—1839 гг., а также главы о Турции

[23] «Юбилей А. Д. Новичева», — ВЛУ, 1962, № 20, стр. 170.

[24] Список его основных трудов см.: там же, стр. 170—171.

[25] А. Д. Новичев, История Турции, I. Эпоха феодализма (XI—XVIII века), Л., 1963.

[26] А. Д. Новичев, Турция, — в кн.: «Новая история стран зарубежной Азии и Африки», Л., 1959, стр. 189—220, 506—534; его же, Турция, — в кн.: «Новейшая история стран зарубежной Азии и Африки», Л., 1963, стр. 266—294, 528—550. В отличие от других подобных изданий, в этих пособиях имеются разделы о культуре, а также историографии и источниковедении.

[27] А. Д. Новичев, Турки, — в кн.: «Народы Передней Азии», М., 1957, стр. 309—369.

[28] А. Д. Новичев, О. Л. Вильчевский, Национальные меньшинства Турции, — там же, стр. 370—382.

[29] Библиографию работ А. Д. Новичева за 1963—1965 гг. см.: ВЛУ, 1967, № 2, вып. 1, стр. 153—154 (№ 299—307).

для подготовленного в ЛГУ учебника по истории стран зарубежной Азии и Африки в средние века. А. Д. Новичев — активный участник XXV Международного конгресса востоковедов в Москве (1960 г.) и Первого конгресса балканистов в Софии (1966 г.).

С Ленинградом тесно связана научно-исследовательская деятельность видного исследователя средневековой истории Османской империи А. С. Тверитиновой. Работая с 1950 г. в Москве, А. С. Тверитинова продолжает сохранять постоянные научные контакты с ленинградскими туркологами — историками и филологами. С 1957 г. она руководит состоящим преимущественно из ленинградцев коллективом[30], который работает над изданием извлечений о народах СССР из десятитомной «Книги путешествия» Эвлии Челеби. Под ее редакцией вышел первый выпуск этих извлечений, посвященный землям Украины и Молдавии[31], и готовится выпуск второй — о Подонье и Северном Кавказе. В 1961 г. А. С. Тверитинова издала подготовленную при участии Ю. А. Петросяна уникальную рукопись турецкого историка XVII в. Ходжи Хюсейна «Удивительные события» — наиболее полный из составленных тогда сводов истории Османского государства от его основания до 1520 г.[32]. Еще находясь в Ленинграде, А. С. Тверитинова начала исследование аграрных отношений в феодальной Османской империи XV—XVII вв., и эта тематика стала основной в ее работе[33].

Ряд ленинградских историков Турции вел исследования по более узкой, но также важной и актуальной проблематике. Т. П. Черман в 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию об аграрной реформе 1945 г. в Турции и занялся составлением библиографии русских изданий о Турции. Два выпуска этой библиографии, завершенной при участии А. К. Сверчевской, бы-

---

[30] В его состав входят: А. П. Векилов, В. С. Гарбузова, А. П. Григорьев, А. Д. Желтяков, А. А. Зырин, Р. Д. Иванова, С. Н. Иванов, Ф. А. Салимзянова, Х. Кямилев, Е. И. Маштакова.

[31] Эвлия Челеби, Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии, вып. 1. Земли Молдавии и Украины. Отв. ред. А. С. Тверитинова, составитель А. Д. Желтяков, комментарии А. П. Григорьева, А. Д. Желтякова, М., 1961 («Памятники литературы народов Востока». Переводы. VI).

[32] Хюсейн, Беда’и‘ ул-века’и‘ (Удивительные события). Издание текста, введение и общая редакция А. С. Тверитиновой. Аннотированное оглавление и указатели Ю. А. Петросяна. Ч. 1—2, М., 1961 («Памятники литературы народов Востока». Тексты. Большая серия. XIV).

[33] Из важнейших работ, опубликованных А. С. Тверитиновой по этой проблеме, отметим: «Второй трактат Кочибея», — УЗИВАН, М.—Л., 1953, т. VI, стр. 212—268); главу «Османская феодальная империя в XV—XVII вв.» в кн.: «Всемирная история» (т. IV, М., 1958, стр. 542—555); статью «К вопросу о крестьянстве и крестьянском землепользовании в Османской империи (XV—XVI вв.)» (УЗИВАН, М., 1959, т. XVII, стр. 3—50); книгу «Аграрный строй Османской империи XV—XVI вв. Документы и материалы», М., 1963.

ли изданы в 1959 и 1961 гг. и являются ныне настольными книгами для любого тюрколога[34]. В 1955 г. завершил диссертационное исследование о борьбе турецкого крестьянства в революции 1918—1923 гг. и автор этих строк[35]. В следующем году кандидатскую диссертацию защитил Ю. А. Петросян. Она была посвящена буржуазно-либеральному движению в Турции в 60—70-х годах XIX в. и первой турецкой конституции и вскоре была издана отдельной книгой[36]. Над историей русско-турецких отношений конца XVIII — первой трети XIX в. несколько лет работает В. И. Шеремет. В настоящее время он завершает основанное главным образом на архивных материалах исследование о восточном кризисе конца 20-х годов XIX в. и Адрианопольском мире 14 сентября 1829 г.[37].

В последнее время в Ленинграде все более заметное место начинают занимать исследования, выходящие за рамки собственно политической и экономической истории Турции. В разных востоковедных учреждениях города стали организовываться группы историков и филологов, ведущих исследования в области истории материальной и духовной культуры Турции, изучающих историю формирования буржуазной идеологии в турецком обществе. Сотрудник Государственного Эрмитажа Ю. А. Миллер написал первый в нашей стране очерк по истории искусства Турции в XV—XVIII вв.[38]. Архитектурными памятниками Малой Азии XI—XIV вв. занимается Н. А. Папчинская (Отдел Востока Эрмитажа). В. С. Гарбузова, которая до войны опубликовала небольшой этюд о стамбульских ювелирах, изучала фаянсовое производство в Малой Азии и напечатала статью о нем[39].

---

[34] «Библиография Турции (1917—1958)», М., 1959; «Библиография Турции (1713—1917)», М., 1961.

[35] Помимо автореферата («Турецкое крестьянство — решающая сила в борьбе за национальное освобождение страны в 1918—1920 гг.», Л., 1955) были опубликованы: «Национально-освободительная борьба турецкого крестьянства Юго-Восточной Анатолии в 1918—1920 гг.» (ВЛУ, 1957, № 8, стр. 202—214); «Антиимпериалистическая борьба турецкого крестьянства Западной Анатолии в 1919 г.» («Уч. зап. ЛГУ», 1960, № 256, вып. 7, стр. 3—20); «Антифранцузское восстание в Мараше в 1920 г.» («Уч. зап. ЛГУ», 1962, № 304, вып. 14, стр. 30—42).

[36] Ю. А. Петросян, «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, М., 1958.

[37] В. И. Шеремет, Турция и банк Ротшильда в 1828—1830 гг., — ВЛУ, 1967, № 2, вып. 1, стр. 40—44; его же, К истории русско-турецкой торговли в конце XVIII — начале XIX вв., — «Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки», Л., 1968, вып. II, стр. 136—147.

[38] Ю. Миллер, Искусство Турции, М.—Л., 1965.

[39] В. С. Гарбузова, Эвлия Челеби о стамбульских ювелирах XVII в., — «Труды Отдела Востока» (Гос. Эрмитаж), 1940, т. III, стр. 313—324; ее же, Из истории производства малоазийских фаянсов в XIII—XIX вв., — «Уч. зап. ЛГУ», 1958, № 256, вып. 7, стр. 21—40, 12 рисунков.

Сотрудники ЛО ИЭАН М. Н. Серебрякова, И. Ф. Шаврина, В. П. Курылев занимаются этнографией Турции. В. П. Курылев, которому принадлежит несколько этнографических этюдов (об истории земледелия в Малой Азии, организации ремесленных цехов в Турции, общественном строе огузов), завершил «Очерки хозяйства и материальной культуры турецкого крестьянства».

Сложный и малоизученный вопрос о семейно-брачных отношениях у турок, преимущественно на материале турецкого фольклора, разрабатывает М. Н. Серебрякова.

Ю. А. Петросян совместно с автором этих строк опубликовал очерк по истории просвещения в Турции в новое время[40]. С начала 60-х годов Ю. А. Петросян успешно работает над исследованием вопросов социально-политического развития и буржуазно-либеральной реформистской идеологии второй половины XIX — начала XX в., а также идеологии младотурецкого движения. По этим вопросам им опубликован ряд работ[41]. А. Д. Желтяков занимается изучением истории книгопечатания и прессы в Турции в эпоху нового времени[42].

В изучении истории турецкой культуры активное участие принимают и тюркологи-филологи. Доцент восточного факультета ЛГУ В. С. Гарбузова издала три книги по истории турецкой литературы, в которых дается описание и анализ некоторых сторон культурного развития феодальной Турции[43]. История реформы алфавита в Турции была предметом специального исследования проф. А. Н. Кононова[44]. А. П. Векилов занимался историей турецких знамен и турецкими эпиграфическими памятни-

---

[40] А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян, История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX века), М., 1965. Перевод помещенного в приложении Устава о просвещении 1869 г. сделан Н. А. Дулиной, принявшей также участие в составлении библиографии.

[41] Важнейшие из них: «Из истории общественно-политической мысли в Турции в XIX в.» (КСИНА, М., 1964, № 71, стр. 88—98); «Из истории пропагандистской деятельности младотурок в эмиграции» (НАА, 1963, № 4, стр. 184—188); «Ideology of the Jong Turk Movement (Outline of Its Essential Features)», Moscow, 1967; «К характеристике основных черт идеологии младотурецкого движения», — «Ближний и Средний Восток (история, культура, источниковедение). Сборник статей в честь 70-летия проф. И. П. Петрушевского», М., 1968, стр. 91—97.

[42] А. Д. Желтяков, Начальный этап книгопечатания в Турции, — «Ближний и Средний Восток...», стр. 47—60; его же, История турецкого книгопечатания и периодики от реформ «низам-и джедид» до конституции 1876 г., см. ниже, стр. 238—276.

[43] В. С. Гарбузова, Сказание о Мелике Данышменде, М., 1959; ее же, Турк адабиёти класиклари, Тошкент, 1960; ее же, Поэты средневековой Турции, Л., 1963.

[44] А. Н. Кононов, Реформа алфавита в Турции (к истории вопроса), — «Уч. зап. ЛГУ», 1959, № 282, вып. 11, стр. 158—169.

ками[45]. Значительную работу по подготовке к изданию переводов из «Книги путешествия» Эвлии Челеби проделал А. П. Григорьев[46].

В течение целого ряда лет группа сотрудников Тюрко-монгольского кабинета (Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов) занималась описанием хранящихся в фондах ЛО ИНА рукописей. Результатом этой работы явились подготовка и издание аннотированного каталога тюркоязычных рукописей по истории народов СССР, Синьцзяна, Ирана, Арабских стран и Турции[47]. Сотрудник БАН А. Х. Рафиков, которому принадлежит описание национальной библиотеки в Анкаре[48], готовит к изданию сводный аннотированный каталог книг по истории Турции, хранящихся в библиотеках Ленинграда[49].

Важное место в деятельности ленинградских тюркологов занимает изучение истории русской и советской тюркологии, в первую очередь ее развитие в Петербурге — Петрограде — Ленинграде. Основатель и руководитель этого направления исторических исследований А. Н. Кононов опубликовал ряд работ по истории отечественной тюркологии, истории восточного факультета ЛГУ[50]. Под редакцией и при участии А. Н. Кононова в 1960 г. вышел сборник, посвященный развитию востоковедной науки в С.-Петербургском — Ленинградском университете[51], и в настоящее время подготовлены два фундаментальных коллективных труда: по истории Азиатского музея — Института востоковедения и по истории восточного факультета, которые подводят итоги их деятельности за 150 лет существования и

---

[45] А. П. Векилов, Памятник турецкой эпиграфики в Петродворце (Ленинград), — «Уч. зап. ЛГУ», 1958, № 256, вып. 7, стр. 127—130; его же, О турецких эпиграфических памятниках в городе Пушкине, — ЭВ, 1960, т. XIII, стр. 69—77.

[46] А. П. Григорьев (в соавторстве с пишущим эти строки) составил поглавный комментарий к первому выпуску названного издания (см. сноску 31 на стр. 186), а также написал предисловие и комментарий к подготовленному для печати второму выпуску.

[47] Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов, Описание тюркских рукописей Института народов Азии, т. I. История, М., 1965.

[48] А. Х. Рафиков, Национальная библиотека Турции, — «Труды БАН СССР и ФБОН АН СССР», М., 1961, т. V, стр. 229—244.

[49] Впервые аналогичная работа была проделана более 30 лет назад А. С. Тверитиновой («Каталог книг по истории на турецком языке, находящихся в библиотеках Ленинграда, — «Библиография Востока», вып. 10, 1936, стр. 201—226).

[50] А. Н. Кононов, Из истории отечественной тюркологии, — УЗИВАН, 1953, т. VI, стр. 269—275; его же, Столетие Восточного факультета Ленинградского университета (1855—1955), — СВ, 1956, № 2, стр. 83—90; его же, К истории русской тюркологии (до XIX в.), — «Исследования по истории культуры народов Востока», М.—Л., 1960, стр. 202—214; его же, Тюркология в Ленинграде (1917—1957), — УЗИВАН, 1960, т. XXV, стр. 278—290.

[51] «Востоковедение в Ленинградском университете», Л., 1960 («Уч. зап. ЛГУ», № 296, вып. 13).

50 лет развития советской ориенталистической науки. В изучении истории туркологии в Ленинграде участвуют сотрудники восточного факультета С. Н. Иванов[52] и А. Д. Желтяков.

Наряду с научными исследованиями важное место в работе историков Турции занимают преподавание и подготовка кадров молодых специалистов на восточном факультете ЛГУ. С 1946 по 1949 г. общий курс истории Турции и курсы источниковедения и историографии читала доц. А. С. Тверитинова. С 1949 г. на факультете начал работать проф. А. Д. Новичев, с 1950 г. — доц. А. Д. Желтяков. После организации в 1949 г. кафедры истории стран Ближнего Востока А. Д. Новичев разработал и читает (с перерывом в 1951—1953 гг.) курсы общей истории Турции, источниковедения и историографии, экономики, государственного и политического строя, курсы по рабочему и аграрно-крестьянскому вопросам в новейшее время, русско-турецким и советско-турецким отношениям, ведет ряд семинаров. А. Д. Желтяков читает курсы истории Турции, истории буржуазно-национальной революции 1918—1923 гг., физической и экономической географии, спецкурс о политическом развитии Турции после военного переворота 27 мая 1960 г., ведет занятия по турецкому языку (исторические и политические тексты, современные официальные документы) для студентов-турковедов восточного факультета; он читает также курсы новой и новейшей истории стран Ближнего Востока (Турция, Иран, Египет) на историческом факультете университета. Курс истории турецкой литературы для историков Турции постоянно читает доц. В. С. Гарбузова.

За время, что прошло после воссоздания восточного факультета в 1945 г., в Ленинграде подготовлено значительное число квалифицированных специалистов по истории Турции. Они успешно работают в университете, ЛО ИВАН СССР, ЛО ИЭАН СССР, Государственном Эрмитаже, Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, Морском Атласе, в ряде научных учреждений советских тюркоязычных республик и областей.

При активном участии историков университета и ЛО ИВАН в 1955 г. в Ленинграде был создан общегородской Тюркологический семинар. Историки Турции неизменно принимают участие как в работе этого семинара, так и в ежегодных научных сессиях восточного факультета ЛГУ, в организуемых историческими кафедрами факультета регулярных межвузовских научных конференциях по источниковедению и историографии истории стран Азии и Африки, общесоюзных научных совещаниях и международных конгрессах ориенталистов.

Таким образом, ленинградская туркология в ее историче-

---

[52] С. Н. Иванов, Кафедра тюркской филологии, — там же, стр. 69—78.

ской части охватывает широкий круг узловых вопросов истории, экономики и культуры Турции. Особенно значителен вклад ленинградцев в изучение таких проблем, как экономика Турции в новое время, история рабочего класса и крестьянства в новейшее время, история конституционного движения 60—70-х годов XIX в. и младотурецкой революции 1908 г., история буржуазно-национальной революции 1918—1923 гг., история культуры и искусства Турции в средние века и в новое время, история отечественной тюркологии.

Обзор изучения истории, экономики и культуры Турции в Ленинграде показывает, что за пятьдесят лет своего развития ленинградская тюркология преодолела немало трудностей. Некоторые из них (острая нехватка иностранной, в первую очередь турецкой, научной литературы, современных периодических научных изданий, общественно-политических журналов и газет; слабость востоковедной издательской базы, особенно в университете; отсутствие ленинградского востоковедного журнала) существуют и в настоящее время. Они тормозят развитие научных исследований особенно по современной тематике, отрицательно сказываются на педагогической работе ленинградских тюркологов.

Тем не менее Ленинград продолжает оставаться одним из важнейших в нашей стране центров востоковедения и такой его важной для Советского государства отрасли, какой является тюркология. Помимо научных исследований в области тюркской, в том числе турецкой, филологии, а также истории, экономики, культуры Турции здесь осуществляется подготовка высококвалифицированных кадров специалистов по Турции. Опираясь на уже достигнутое, ленинградские тюркологи — историки, литературоведы, лингвисты — будут и впредь прилагать все свои силы, знания и опыт для дальнейшего процветания советской ориенталистики.

С. Г. Агаджанов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ОГУЗСКИХ ПЛЕМЕН СРЕДНЕЙ АЗИИ

История средневековых огузов издавна привлекала внимание отечественных и зарубежных ученых. Первые опыты освещения этнической и политической истории огузов в историографии Азии и Европы нового времени относятся к XVII—XVIII вв. В XVII в. хивинский историк хан Абу-л-Гази составил «Родословную туркмен», основанную на данных нарративных источников и народных преданиях[1]. Значительное внимание в этом историческом сочинении уделяется огузам, которые считаются предками туркмен.

В XVII—XVIII вв. история огузских племен находит свое отражение и в историографии зарубежного Востока. Большой интерес к огузской тематике проявляют турецкие историки, в частности Мюнеджжим-баши. В его «Сахаиф уль-ахбар»[2] приведены ценные сведения о племенах огузов и сельджукском государстве. Мюнеджжим-баши использовал при написании своего произведения многочисленные сочинения предшествующих мусульманских хронистов.

В западноевропейской историографии нового времени первые исторические публикации о средневековых огузах появляются в конце XVII в. Пионером в этой области среди европейских ученых был французский ориенталист д'Эрбело. В своей «Восточной библиотеке» он ввел в научный оборот сведения ряда восточных источников о происхождении и исторических судьбах огузов и туркмен X—XIII вв.[3]. Отдельных проблем

---

[1] Обстоятельная характеристика исторического труда Абу-л-Гази дана в работах А. Н. Кононова: «Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского, как источник для истории туркмен и как памятник узбекской литературы и языка», — «Материалы Первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4—11 июня 1957 г.», Ташкент, 1958; «Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази, хана Хивинского», М.—Л., 1958.

[2] Derviş Ahmed Müneccimbaşı, Sahaif ül-ahbar, İstanbul, 1273.

[3] D'Herbelot, Bibliothèque orientale, ou dictionnaire universel..., t. I—II, La Haye, 1789.

этнической и политической истории огузов, вслед за д'Эрбело, коснулся в XVIII в. французский медиевист Жан Дегинь. Большое место в его «Всеобщей истории гуннов, тюрок, монголов» было отведено сельджукидской державе, в создании которой огромную роль сыграли огузские и туркменские племена [4].

В дореволюционной историографии России начало изучения проблем истории огузов относится к XVIII в. Первые шаги в этом направлении были предприняты В. Н. Татищевым. Огузская тематика рассматривалась им в связи с историей народов Восточной Европы. В. Н. Татищев, знавший тюркские языки [5], сделал попытку использовать данные Абу-л-Гази по этнологии огузских племен [6]. Дальнейшее освещение эта проблема получила в работах Н. М. Карамзина — отца русской истории. Н. М. Карамзин одним из первых указал на значение торков-огузов в истории южных областей России [7].

В советской историографии начало изучению различных аспектов огузской проблемы было положено капитальными трудами В. В. Бартольда. Работы этого замечательного ученого заложили прочный фундамент для дальнейших исследований в области истории огузских племен Средней Азии. Особый интерес в этом отношении представляет труд В. В. Бартольда, посвященный историческому прошлому туркменского народа [8].

В разработку истории огузских племен ученые Европы и Азии внесли большой вклад. Однако, несмотря на трехвековую давность изучения, огузская проблема содержит еще немало дискуссионных и нерешенных вопросов. Среди них одним из наиболее спорных является вопрос о путях формирования огузской конфедерации в Средней Азии.

Ряд зарубежных и отечественных историков считает, что огузы являются пришельцами из Центральной Азии. В. В. Бартольд и другие ученые отмечали, что предки огузов иммигрировали в Среднюю Азию в VI—VIII вв. [9]. Инфильтрация огузов

---

[4] J. D e g u i g n e s, Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux, t. I—II, Paris, 1756—1758.

[5] И. Ю. К р а ч к о в с к и й, Избранные сочинения, т. V, М.—Л., 1958, стр. 48.

[6] В. Н. Т а т и щ е в, История Российская, т. I, М.—Л., 1962, стр. 235.

[7] Н. М. К а р а м з и н, История государства Российского, т. 1—11, СПб., 1833; Примечания к Истории государства Российского, СПб., 1852.

[8] В. В. Б а р т о л ь д, Очерк истории туркменского народа, — сб. «Туркмения», т. I, Л., 1929 (то же: В. В. Б а р т о л ь д, Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 545—623).

[9] В. В. Б а р т о л ь д, [рец. на:] Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, — Сочинения, т. V, М., 1968, стр. 270 и сл.; В. В Б а р т о л ь д, Очерк истории туркменского народа; O. P r i t s a k, Der Untergang des Reiches des oğuzischen Yabğu, — «Mélanges Fuad Köprülü», Istanbul, 1953; I. K a f e s o ğ l u, Türkmen adı, manası ve mahiyeti, — «Jean Deny armağanı», Ankara, 1958.

на запад связывается обычно с экспансией древнетюркских каганов и распадом Западнотюркской державы.

Другая группа исследователей полагает, что огузы являются исконными обитателями Средней Азии. Подобного взгляда придерживаются, например, С. П. Толстов, который последовательно приводит эту точку зрения в своих историко-археологических работах, имеющих важное значение для изучения истории материальной культуры огузов Средней Азии[10], и разделяющий его мнение Т. Бангуоглу[11].

В исторической литературе высказывались различные взгляды на этногенез огузов. Среди многообразных точек зрения можно выделить четыре основных: а) огузы происходят от гуннов и тюрок-тюгю, б) огузы соответствуют половцам или команам, в) огузы тождественны уйгурам, г) огузы — потомки массагетов[12].

Сторонником первого из этих взглядов еще в XVIII в. был Ж. Дегинь, пытавшийся доказать, что огузы являются потомками древних хунну[13]. Впоследствии аналогичного мнения придерживались Ю. Клапрот[14] и Ж. Рено[15].

Теория о хуннском происхождении огузов не стала общепризнанной в исторической науке. Датский историк П. Ф. Сум считал ошибочной эту концепцию и выступил с критикой ее[16]. В свою очередь он выдвинул тезис о тождестве огузов с половцами-кыпчаками[17]. Приверженцами этой точки зрения был це-

---

[10] С. П. Толстов, Города гузов (Историко-этнографические этюды),— СЭ, 1947, № 3; его же, Огузы, печенеги, море Даукара (Заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья), — СЭ, 1950, № 4; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948.

[11] T Banguoğlu, Oğuzlar ve Oğuzeli üzerine, — «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten», Ankara, 1959, № 180.

[12] В зарубежной и отечественной историографии имеются также утверждения о генетическом родстве огузов с хазарами, печенегами, мадьярами, древними утиями и огурами. См.: П. В. Голубовский, Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв., Киев, 1884; его же, Об узах и половцах, — ЖМНП, 1884, ч. 224; J. Malcolm, Geschichte von Persien, Stuttgart — Tübingen, 1830, стр. 229; G. Clauson, Turk, Mongol, Tungus, — «Asia Major», New Series, 1960, vol. VIII, pt I.

[13] J. Deguignes, Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols.

[14] J. Klaproth, Tableaux historique et géographique de l'Asie Centrale, Paris, 1824, стр. 121, 122.

[15] Géographie d'Aboulféda, trad. par M. Reinaud, Paris, 1848, t. I, стр. CCCLXVI.

[16] П. Ф. Сум, Историческое рассуждение о хозарах, — «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей при Московском университете», отд. III, 1846, № 3; его же, О пацинаках (печенегах). Перевел с датского С. Сабинин, — там же, 1846, № 1.

[17] П. Ф. Сум, Об узах или половцах, — «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей при Московском университете», отд. III, 1848, № 8.

лый ряд историков XIX — начала XX в., в том числе и такой известный исследователь, как И. Маркварт[18]. Концепция о половецко-кыпчакском происхождении огузов встретила горячие возражения. Сначала П. В. Голубовский[19], а затем более основательно В. В. Бартольд[20] отметили ее несостоятельность.

Приверженцем теории идентичности огузов и уйгуров был в свое время В. Томсен[21]. С его точки зрения, *огуз* — это этнический, а *уйгур* — политический термин. В. Томсен считал, что огузами называлась группа племен, во главе которых стояла уйгурская династия.

Взгляд В. Томсена на этническую историю огузов разделялся Н. А. Аристовым, по мнению которого огузы, жившие в эпоху раннего средневековья в Центральной Азии, являлись частью уйгуров[22]. В VIII—X вв. имя «огуз» приняли канглы и кыпчаки, обитавшие в степной полосе Средней Азии.

Точка зрения Н. А. Аристова подвергалась критике со стороны В. В. Бартольда. «Мы не можем, — писал В. В. Бартольд, — отождествить ни уйгуров с огузами, ни гузов с команами»[23]. В. В. Бартольд считал огузов потомками тюрок-тюгю, не имевших «ничего общего с канглами»[24].

Сторонником массагетского происхождения огузов является советский историк С. П. Толстов. Согласно его концепции, исходным ареалом этногенеза огузов является Приаралье и нижнее течение Сырдарьи[25]. С. П. Толстов сближает имя «огуз» с названием племени аугасиев, которое упоминается в античных источниках. Он считает аугасиев одним из племен древних массагетов, подвергшихся в III—VI вв. влиянию гуннов и хиони-

---

[18] См., например: Д. А. Хвольсон, Известия Ибн Даста о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русских, СПб., 1869; А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (С половины VII века до конца X века, по Р. Х.), СПб., 1870; С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, М., 1879; Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, — «Живая старина», СПб., 1896, вып. IV; Fessler, Geschichte von Ungarn, Bd I, Leipzig, 1867; J. Marquart, Über das Volkstum der Komanen, — в кн.: W. Bang und J. Marquart, Osttürkische Dialektstudien, Berlin, 1914, стр. 25—238.

[19] П. В. Голубовский, Печенеги, торки и половцы до нашествия татар; его же, Об узах и половцах.

[20] В. В. Бартольд, Новый труд о половцах, — Сочинения, т. V, М., 1968, стр. 392—408.

[21] W. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, Helsingfors, 1896; его же, Alttürkische Inschriften aus der Mongolei, — ZDMG, 1924—1925, Bd 78.

[22] Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен, стр. 21, 22, 144, 145.

[23] В. В. Бартольд, [рец. на:] Н. А. Аристов, Заметки..., стр. 271—272.

[24] Там же, стр. 271.

[25] С. П. Толстов, Города гузов; его же, Огузы, печенеги, море Даукара; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации.

тов-эфталитов. Потомки тюркизированных в раннем средневековье эфталитов выступают позднее под собирательным именем огузов. В истории формирования огузского союза племен, по мнению С. П. Толстова, важную роль помимо аугасо-массагетских сыграли гунно-эфталитские, тохаро-асские и финно-угорские элементы. С. П. Толстов полагает, что название «огуз» было занесено в VI в. из Средней Азии в Центральную Азию племенами эфталитского объединения [26].

В настоящее время проблема этногенеза огузов, несмотря на безусловные успехи в ее изучении, не может считаться окончательно решенной. Дальнейшая разработка этой проблемы во многом зависит от общего направления исследований в данной области. При этом следует учесть опыт изучения этнической истории огузов за последние три столетия, его положительные и отрицательные стороны. Прежде всего этот опыт свидетельствует о безуспешности одностороннего подхода к проблеме без учета всего комплекса исторических фактов. Становится очевидным неоправданность игнорирования как древнейшего местного субстрата, так и пришлых восточно-огузских и других тюркоязычных элементов. Вряд ли оправдала себя и попытка рассматривать этногенез огузов как прямолинейное развитие от одного народа — предка.

Перед исследователями рассматриваемой проблемы стоят весьма важные и трудные задачи. Необходима систематизация имеющегося и введение в научный оборот нового фактического материала. Для решения этой проблемы использованы далеко не все письменные, особенно византийские и другие западные, источники. Остаются без должного внимания и исторические предания огузов, восходящие к циклу сказаний «Огуз-наме». В качестве примера можно указать на «Историю Огуза», сохранившуюся в отдельных рукописных списках труда Рашид ад-дина [27]. Эта малоизвестная версия содержит ценные сведения о племенах огузов Средней Азии. Исследование этих преданий на основе критического метода несомненно поможет выяснению отдельных аспектов этнической истории огузов. Дальнейшее изучение рассматриваемой проблемы немыслимо и без нового палеоантропологического материала, добытого в ареале расселения средневековых огузских племен. В настоящее время удельный вес этих материалов весьма незначителен. Советскими антропологами в основном изучена серия черепов из огузо-печенежских курганов IX—X вв. в Западном Казахстане и По-

---

[26] С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 275.

[27] См., например, фотокопию рукописи Британского музея в ЛО ИВАН (ИВФ-242).

волжье и торко-огузских погребений XI—XII вв. на Украине[28]. Однако пользование этим материалом затрудняется из-за отсутствия палеоантропологических данных из огузских захоронений Приаралья, нижнего и среднего течения Сырдарьи[29].

Разработка вопросов этнической истории огузов тесно связана с проблемой их территориальной локализации в IX—XI вв.

В зарубежной и отечественной историографии высказывались различные точки зрения о расселении огузских племен до образования сельджукидской державы. Среди работ, посвященных данной теме, необходимо сначала указать специальные картографические публикации. В числе подобного рода трудов можно, к примеру, назвать работу Спунера-Менке по исторической географии Средней Азии и Восточной Европы[30]. Страна огузов в этом атласе локализована в Приуралье, Нижнем Поволжье, Приаралье и на восточном побережье Каспия до р. Гурган. На другой карте с изображением мусульманского мира X—XI вв. огузы (узы) помещаются в междуречье Волги и Урала, у Азова, в нижнем течении Дона, на восточных берегах Хазарского моря, около Нисы, Абиверда, в районе Даргана и Гурганджа. Карта Европы и Азии эпохи крестовых походов локализует огузов на их прежних местах обитания. Между тем в эту пору произошли большие изменения в их расселении, вызванные нашествием половцев — кыпчаков.

Наибольшую ценность из историко-картографических трудов представляет работа К. Миллера[31]. В своей публикации арабских географических атласов К. Миллер пытается нанести земли огузов на современную карту Средней Азии и Казахстана. К. Миллеру принадлежит одна из первых локализаций описываемых Идриси в «Нузхат ал-муштак» городов, рек, гор и озер страны огузов. В его капитальном труде содержится ряд интересных интерпретаций географических данных «Нузхат ал-муштак». Однако в целом предложенные К. Миллером сопо-

---

[28] См.: И. В. Синицын, Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане, — КСИИМК, 1951, вып. XXXVII; В. В. Гинзбург, Б. В. Фирштейн, Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана,— СМАЭ, 1958, т. XXVIII; В. В. Гинзбург, Антропологический состав Саркела — Белой Вежи, — МИА СССР, 1963, № 109; Л. Г. Вунч, Черепа из кочевнического могильника возле Саркела — Белой Вежи, — МИА СССР, 1963, № 109; Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948 (ТИЭ, новая серия, т. 4).

[29] Исследована лишь небольшая часть черепов, относимых к огузам, из Сасык-булака, в среднем течении Сырдарьи. См.: В. В. Гинзбург, Древние и современные антропологические типы Средней Азии, — в кн.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества», М., 1951.

[30] Spuner-Menke, Hand-Atlas für die Geschichte des Mittelalters und der Neuen Zeit, Gotha, 1880.

[31] K. Miller, Mappae arabicae. Arabische Welt- und Länderkarten des 9—13. Jahrh., Bd I—V, Stuttgart, 1926—1931.

ставления не подтверждаются историко-археологическим материалом и противоречат тексту Идриси.

В существующей историко-географической литературе поразному определяется максимальный ареал расселения средневековых огузов. Ж. Рено, например, в свое время писал, что огузы IX—XI вв. обитали к востоку, северу и северо-западу от Аральского моря. Племена огузов господствовали на обширной территории степной полосы Средней Азии. Огузы жили между страной карлуков Семиречья и царством хазар в Восточной Европе[32]. Ж. Рено отмечает, что отдельные группы огузов проникли в приазовские и приднепровские степи. Само название Азовского моря, по его мнению, произошло от имени огузов (узов). В действительности же Азов назывался Меотидой, а по арабским источникам — Майтас.

В своем комментарии к «Худуд ал-алам» В. Ф. Минорский привел различные сведения из восточных источников о расселении огузских племен в X—XI вв. В. Ф. Минорский указал, что огузы до образования сельджукской империи занимали степи, простиравшиеся от Иртыша до Волги, между Каспийским морем и Мавераннахром. Кочевья огузов были разбросаны в Приаралье, Северном Прикаспии, на Устюрте, в низовьях Сырдарьи, достигая на западе р. Эмбы[33]. Обширная сводка исторических данных о передвижениях огузских и туркменских племен в IX—XI вв. приведена им в публикации текста и перевода сочинения Марвази[34].

Исследователи, начиная со времен д'Эрбело и В. Н. Татищева, не раз указывали на интенсивные миграции средневековых огузских племен. Наиболее значительные перемещения были вызваны сельджукским и кыпчакским движениями. В XI в. огузы оказались в водовороте огромной волны миграций степных племен Азии. Огузские племена, возглавлявшиеся сельджуками, ушли из Мавераннахра и Хорезма на юг и обосновались в Хорасане. Значительная масса огузов долины Сырдарьи и Приаралья была разгромлена пришедшими с востока племенами кыпчаков. И. Маркварт в своей работе о команах подробнее, чем другие историки, остановился на ожесточенных столкновениях половцев с огузами. Кыпчаки, оказавшиеся сильнее, обратили в бегство огузов, ушедших через южнорусские степи на Балканский полуостров[35]. И. Маркварт правильно от-

[32] «Géographie d'Aboulféda», стр. CCCLVI.

[33] Hudūd al-'Ālam. «The Regions of the World». A Persian Geography 372 A. H. — 982 A. D. Transl. and Explained by V. Minorsky, London, 1937, стр. 311, 312.

[34] Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī on China, the Turks and India. Arabic Text (Circa A. D. 1120) with an English Translation and Commentary by V. Minorsky, London, 1942.

[35] J. Marquart, Über das Volkstum der Komanen, стр. 25—27.

метил, что кыпчакское движение было одним из звеньев интенсивного передвижения кочевых племен от Северного Китая и до границ Западной Европы. Однако при этом он неверно считал, что название «Огузская степь» было переименовано в «Дешти Кыпчак» в XIII в. В. В. Бартольд убедительно доказал, что это переименование имело место уже в XI столетии [36].

Следует отметить, что в отечественной и зарубежной историографии слабо изучен вопрос о судьбах огузов Средней Азии после разгрома их кыпчаками в середине XI в. Лишь в отдельных работах делается попытка выяснить изменения в картине их расселения и основную территорию обитания. В этом отношении наибольший интерес представляет специально посвященное огузам исследование Т. Бангуоглу. Огузские племена, по его мнению, обитали в X в. на Сырдарье, Устюрте, в степях между Иртышом и Волгой. В первой половине XI в. они были оттеснены кыпчаками в Приаралье. Огузы переместились также из Прибалхашских и Приаральских степей в низовья Сарысу, на среднее течение Сырдарьи и к предгорьям Каратау. Во второй половине XI в. название «Страна огузов» прилагалось в основном к долине р. Сырдарьи [37].

Проблема территориальной локализации огузов в X — начале XI в. нашла свое отражение и в других исторических трудах. В частности, В. В. Григорьев [38], В. В. Бартольд [39], А. Ю. Якубовский [40], А. А. Росляков [41] отметили, что до образования сельджукского государства огузы обитали на нижнем и среднем течении Сырдарьи, в Прикаспии и Приаралье, доходя на западе до Поволжья. Огузы были соседями областей халифата от устья р. Гурген до местности у современного г. Чимкента. В. В. Бартольд подчеркнул, что в арабоязычных источниках X в. туркмены со своим «царем» отмечаются в округе Исфиджаба, а зимняя резиденция правителя огузов упоминается в Янгикенте, в низовьях р. Сырдарьи [42]. Огузы кочевали также в степной полосе теперешнего Казахстана, откуда были вытеснены кыпчаками в первой половине XI столетия.

В изучении проблемы расселения средневековых огузов важную роль сыграли работы С. П. Толстова. Опираясь на исто-

---

[36] В. В. Бартольд, Новый труд о половцах, стр. 166.

[37] T. Banguoğlu, Oğuzlar ve Oğuzeli üzerine, стр. 4—12.

[38] В. В. Григорьев, Об арабском путешественнике X века Абу Долефе и странствовании его по Средней Азии, — ЖМНП, ч. CLXIII, № 9, 1872.

[39] В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, — Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963.

[40] А. Ю. Якубовский, Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв., — СЭ, 1947, № 3.

[41] А. А. Росляков, Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России), Ашхабад, 1956.

[42] В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, стр. 560.

рико-археологический материал, он сделал попытку выяснить характер огузских поселений в дельте Сырдарьи и в Восточном Приаралье[43]. С. П. Толстов предложил свою интерпретацию местоположения некоторых принадлежавших огузам в X—XI вв. городов. Руководимая С. П. Толстовым Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция обследовала недавно ряд новых археологических памятников, которые ученые связывают с культурой сырдарьинских огузов[44]. Племена огузского объединения, по С. П. Толстову, в X в. граничили на юго-востоке с областью Тараз и Шашем (современным Ташкентским оазисом), на юге они обитали в бассейне Кувандарьи, на севере — в бассейне Сарысу, Челкара и Иргиза, на северо-западе достигали предгорий Урала, на западе доходили до поволжских владений хазар, а на юго-западе огузы населяли значительную часть Устюрта. С. П. Толстов полагает, что страна огузов, описываемая Идриси, может быть локализована между Аральским морем на западе, областью Шаш на востоке и горами Мугоджары на северо-востоке.

Проблема территориальной локализации огузских племен IX—X вв. содержит еще много нерешенных вопросов. В существующей историко-географической литературе, как правило, неточно определяется максимальный ареал их расселения до половецко-кыпчакского движения и образования сельджукидской державы. Многие историки неверно определяют территорию обитания огузов на основании данных географического труда Идриси. Более глубокий анализ текста «Нузхат ал-муштак» показывает, что кочевья огузов в X в. простирались от Прибалхашья до Южного Урала[45]. Весьма спорной является локализация огузов в X в. в бассейне р. Сарысу и в предгорьях Улутау. Очевидно, туда уходила на лето кочевать лишь незначительная часть огузов, находившихся в тесных связях с кимаками. Археологическое обследование степной полосы теперешнего Центрального Казахстана выявило здесь памятники кимако-кыпчакских племен IX—XIII вв.[46].

---

[43] С. П. Толстов, Города гузов; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации.

[44] С. П. Толстов, Приаральские скифы и Хорезм, М., 1960; его же, История освоения древней дельты Сыр-Дарьи. (По материалам Хорезмской археолого-этнографической экспедиции), — «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г.», М., 1961.

[45] Результаты изучения этого текста опубликованы в нашей работе «Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии в IX—XIII вв.», Ашхабад, 1969.

[46] А. Х. Маргулан, Отчет о работе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, — ИАН КазССР, 1947, № 6; его же, Архитектурные памятники района рек Кенгир и Сарысу, — КСИИМК, 1949, вып. XXVIII; его же, К изучению памятников района Сарысу и Улутау, — ВАН КазССР, 1948, № 2; его же, Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане, — ИАН КазССР, серия археологии, 1951, вып. 3.

* * *

Среди круга проблем огузской истории важное значение имеет вопрос о хозяйстве и общественном строе огузов в IX—XI вв. Зарубежные востоковеды уделили мало внимания социально-экономической истории огузов[47]. Научная разработка данной проблемы нашла свое отражение главным образом в советской историографии. Советские историки (В. А. Гордлевский, А. Ю. Якубовский, А. А. Росляков) отмечают, что ведущей формой хозяйства огузов IX—XI вв. было кочевое экстенсивное скотоводство. С. П. Толстов подчеркивает комплексность хозяйства огузов, обитавших на Сырдарье и в Приаралье. Огузы занимались скотоводством, земледелием, рыбной ловлей, ремеслами и торговлей. Вопреки мнению В. В. Бартольда и А. Ю. Якубовского С. П. Толстов считает, что огузы X — начала XI в. составляли преобладающую массу городского населения на Сырдарье[48].

Огузское общество, как отмечают советские историки, было родо-племенным по форме и классовым по содержанию. В. А. Гордлевский одним из первых указал на сравнительно развитую социальную дифференциацию у огузов в X в.[49]. А. Ю. Якубовский замечает, что огузские племена X—XI вв. находились на одной из ранних ступеней развития классового общества[50]. Среди огузов выделилась кочевая знать, имевшая многочисленное поголовье скота. А. А. Росляков отмечает постепенную узурпацию огузской аристократией права распоряжаться общинными пастбищами и водными источниками[51].

Советские историки внесли большой вклад в разработку проблемы общественного строя огузских племен исследуемого периода. Однако в резюмированной литературе нет достаточно четкого ответа на вопрос о путях и особенностях становления классовых антагонистических отношений у огузов. Приходится вместе с тем сожалеть, что в советской историографии не уделено достаточно внимания развитию феодальных институтов. Вне

---

[47] В некоторых работах турецких историков делается попытка доказать, что огузские племена по уровню своего социально-экономического строя стояли выше населения покоренных ими в XI в. стран Востока. Ошибочность подобной точки зрения показана в работе А. С. Тверитиновой «Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии» («Византийский временник», 1953, т. VII).

[48] С. П. Толстов, Города гузов, стр. 55 и сл.; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 246—248.

[49] В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941, стр. 43 и сл.

[50] «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.», Ашхабад, 1954, стр. 39 и сл.

[51] А. А. Росляков, Краткий очерк истории Туркменистана, стр. 67, 68.

поля зрения многих историков, кроме того, оказались весьма интересные факты, содержащиеся в ряде средневековых источников. Достаточно отметить, что по-настоящему не использованы даже материалы «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгарского. Совершенно не привлечены к исследованию более поздние толковые словари и другие источники, позволяющие говорить о сдвигах в хозяйстве и социальной структуре огузов XII—XIII вв.

В исторических судьбах огузских племен Средней Азии важную роль сыграло образование государства сырдарьинских ябгу. Однако в отечественной и зарубежной историографии этой державе посвящены считанные работы.

В разработке проблемы государственности средневековых огузов основная заслуга принадлежит советским историкам. В. В. Бартольд одним из первых указал на существование у огузов в X в. примитивной державы с политическим центром в низовьях Сырдарьи. Возникновение огузского государства он связывает с распадом Западнотюркского каганата [52]. В. В. Бартольд отметил также, что зимней резиденцией огузских правителей был г. Янгикент. Однако власть огузских «царей» не была достаточно прочной [53].

Проблема сложения государственности у средневековых огузов рассматривалась также в работах С. П. Толстова и А. А. Рослякова. С. П. Толстов считает, что огузы создали свою «варварскую» державу в X в. Огузское государство было осколком распавшегося в VIII в. Западнотюркского каганата. В процессе политической консолидации огузских племен важную роль сыграли внутренние, социально-экономические факторы. Развитие товарного скотоводства, продукция которого превышала потребности натурального хозяйства, привело к появлению влиятельной степной аристократии. Огузская кочевая знать захватила власть над рядовыми скотоводами и оседлым населением сырдарьинских городов [54].

А. А. Росляков считает, что огузы консолидировались в примитивное «раннефеодальное» государство в X в. Держава сырдарьинских ябгу возникла как политическая организация огузской феодально-племенной знати для подавления рабов и свободных общинников [55].

Проблеме государственности огузских племен Средней Азии посвящена и одна из статей О. Прицака, в которой он иссле-

---

[52] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, — Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 259.

[53] В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, стр. 560, 563.

[54] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 243 и сл.

[55] А. А. Росляков, Краткий очерк истории Туркменистана, стр. 70, 71.

дует главным образом внешнеполитические факторы, способствовавшие падению державы сырдарьинских ябгу. Начальную историю этого государства О. Прицак также связывает с распадом Западнотюркского каганата. О. Прицак выдвигает предположение, что огузы захватили области в бассейне Сырдарьи около 766 г. Так было положено начало государству среднеазиатских огузов[56].

В исторической литературе существует и другая точка зрения, согласно которой огузы не имели своей государственности. Подобного взгляда придерживается, например, А. Ю. Якубовский, который считает, что сырдарьинские ябгу не обладали реальной властью над огузскими племенами. Отличительной чертой рыхлого огузского объединения X в. была племенная раздробленность. А. Ю. Якубовский полагает, что основной формой политической организации огузов, до образования сельджукидской империи, было племенное самоуправление[57].

В современной историографии, как мы видим, имеется два противоположных подхода к решению проблемы государственности огузских племен Средней Азии. Отдельные исследователи отрицают существование у них своего государства до образования империи Сельджукидов. Большинство же историков признает наличие огузской державы с центром в низовьях Сырдарьи. Сторонники негативного решения данной проблемы указывают на отсутствие у огузов X — начала XI в. верховного титула хана или кагана. Констатация этого факта не может иметь характера решающего аргумента. Средневековые тюркские властители носили различные титулы и звания. Однако градация в титулатуре свидетельствует лишь о развитии системы иерархии. Трудно принять за доказательство и указание сторонников этой концепции на наличие сильных родовых вождей и межплеменной борьбы у огузов X в. Знать крупных и влиятельных племен повсеместно играла ведущую роль в кочевых державах. Специфический способ ведения экстенсивного скотоводства приводил к частым военным столкновениям в степи. Поэтому родо-племенные и военные институты кочевников отличались довольно большой стабильностью и сохранялись после их консолидации в ранние формы государственной организации.

Следует также указать на спорный характер тезиса о возникновении огузского государства в Приаралье и Северном Прикаспии в VIII в., сразу после распада Западнотюркского каганата. В источниках рассматриваемой поры нет достаточно определенных сведений, позволяющих установить точную дату

---

[56] O. Pritsak, Der Untergang des Reiches des oğuzischen Yabğu, стр. 397—410.

[57] «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана», стр. 65, 66.

этого очень важного события в истории огузских племен Средней Азии. Первые более или менее достоверные сведения о существовании государства огузских ябгу относятся к концу IX — началу X в. Держава сырдарьинских огузов в тех границах, которые она имела в период своего расцвета, вряд ли могла существовать во второй половине VIII столетия. Образование этого государства со столицей в г. Янгикенте скорее всего относится ко времени между самым концом IX — началом X в.

Признавая факт существования государства у огузов Средней Азии в конце IX — первой половине XI в., вместе с тем необходимо подчеркнуть весьма примитивный характер его политической организации. Держава сырдарьинских ябгу не была монолитным государством. Власть огузских правителей Янгикента была довольно слабой и ограничивалась советом знати. Крупную роль в политическом управлении играли предводители сильных территориальных и племенных группировок. Среди огузских племен X в. сохранялся трансформированный пережиток народного собрания. Однако в ходе дальнейшего развития патриархально-феодальных отношений эти институты военной демократии постепенно сводятся на нет и теряют свое значение.

Среди обширного круга проблем огузской истории X—XI вв. важное место занимает вопрос о сельджукском объединении.

В зарубежной и советской историографии существуют различные взгляды на генеалогию первых Сельджукидов и образование сельджукской группировки. Среди медиевистов имеет хождение несколько теорий о генезисе этой группировки, во главе которой стояла династия Сельджукидов.

Отдельные исследователи полагают, что сельджукская группировка образовалась из монгольского племени салджиут. Сторонниками подобной точки зрения являются некоторые зарубежные историки, например Э. Блоше[58], Н. Асим. Сельджукиды, по мнению Н. Асима, являются выходцами из кераитов или найманов, исповедовавших христианскую религию. Основателем этой династии был Сельджук (Салджик, Салчик), находившийся на службе у одного из тюрко-монгольских правителей Центральной Азии. Миграция племен сельджукского объединения в Среднюю Азию отнесена ученым к X в. Н. Асим полагает, что Сельджук, не поладив со своим сюзереном, ушел вместе с подвластными ему племенами в Мавераннахр. Сельджук и его «казаки» овладели Джендской областью в 962 г. и приняли ислам[59].

Совершенно иного взгляда на генезис сельджукского объ-

---

[58] E. Blochet, Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-Din, Leyden — London, 1910, стр. 303.

[59] N. Asîm, Türk tarihi, İstanbul, 1316, стр. 244—245.

единения придерживаются З. В. Тоган[60] и Д. М. Данлоп[61]. Сельджукская группировка, по их мнению, происходит из так называемых «хазарских» тюрок[62]. Династия, стоявшая во главе этого объединения, вышла из среды огузских племен. Первые Сельджукиды находились на службе у огузского ябгу, который был «заместителем» хазарского кагана. В конце X в. племена огузо-сельджукского объединения ушли на Сырдарью и основали свое независимое владение[63].

Зарубежные историки высказывали и другие взгляды на раннюю историю сельджукской группировки. Г. Вейль, например, считал, что основатель династии Сельджукидов находился вначале на службе у «киргизского» правителя по имени Бейгу. Потом Сельджук не поладил с Бейгу и ушел со своим родом в Мавераннахр[64]. Аналогичной точки зрения придерживается и К. Брокельман, считающий сельджуков выходцами из «киргизских» степей[65].

В современной западноевропейской историографии наиболее обстоятельной работой о первых Сельджукидах является исследование К. Каэна. Французский историк обращает внимание на значение источника XI в. «Малик-наме» для изучения проблемы генезиса Сельджукидов[66]. Сторонники теории «хазарского» происхождения сельджукской группировки основывают свои взгляды на «Малик-наме». Однако К. Каэн, исследуя этот источник, приходит совершенно к иному выводу. К. Каэн подчеркивает, что под «хазарским царем», упоминаемым в отдельных версиях «Малик-наме» в качестве сюзерена первых Сельджукидов, не следует понимать верховного правителя исторических хазар. Употребляемый в этом источнике термин «хазар» не имеет конкретного этнического содержания.

Проблема образования сельджукского объединения нашла свое отражение и в трудах советских историков. Вопросы ранней истории этой группировки освещались в работах

---

[60] A. Z. V. Togan, Umumî türk tarihine giriş, Istanbul, 1946.

[61] D. M. Dunlop, The History of the Jewish Khazars, Princeton, 1954 (Princeton Oriental Series, vol. 16), стр. 258—259.

[62] Так именует эту группировку З. В. Тоган в своем предисловии к переводу арабского текста Ибн Фадлана. Однако в работе по всеобщей истории тюрок он употребляет уже термин «хазарские огузы». Последние, по его мнению, обитали между Аральским и Каспийским морями и южной частью Уральских гор.

[63] A. Z. V. Togan, Ibn Fadlan's Reisebericht, Leipzig, 1939, стр. 26—28; его же, Umumî türk tarihine giriş, стр. 174—176.

[64] G. Weil, Geschichte der islamischen Völker von Muhammed bis zu Zeit des Sultan Selim, Stuttgart, 1866, стр. 266.

[65] C. Brockelmann, History of Islamic Peoples, London, 1949, стр. 171.

[66] C. Cahen, Le Malik-nameh et l'histoire des origines Seldjucides, — «Oriens», 1949, vol. II, стр. 31—65.

В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского, Б. Н. Заходера, С. П. Толстова и А. А. Рослякова[67]. Сельджукиды, по их мнению, происходят из огузов, обитавших в нижнем течении Сырдарьи. В X столетии они стали передвигаться на юг и в XI в., перейдя Амударью, оказались в Хорасане. Сельджукское движение было вызвано потребностью огузской знати в расширении пастбищ и обрабатываемых земель, а также сложной политической обстановкой, в которой сельджуки оказались в конце X — начале XI в.

В резюмированной исторической литературе отражены различные взгляды на происхождение сельджукского объединения. Большим разнообразием суждений отличается и вопрос о ранней хронологии сельджукского движения. Среди историков ведутся оживленные дискуссии, например, о времени переселения Сельджукидов в окрестности Дженда и долину Зеравшана[68].

Существующие в исторической литературе точки зрения о генезисе сельджукского объединения не учитывают всего комплекса фактических данных. Ряд исследователей, особенно З. В. Тоган, развивая свою концепцию, опираются на серию надуманных отождествлений. С необычайной легкостью, например, превращает З. В. Тоган Лукмана — одного из ранних сельджукских предводителей — в Катана, упоминаемого Ибн Фадланом в качестве огузского вождя X в.

Концепция о происхождении сельджукского объединения из «хазарских» тюрок не подтверждается реальными историческими фактами. М. И. Артамонов справедливо замечает, что против этого взгляда говорит отсутствие в источниках после VII в. титула ябгу в значении верховного главы хазар[69].

Малоубедительной и необоснованной представляется также концепция о происхождении сельджуков из монгольской среды. Сторонники этой теории прибегают к натяжкам, стараясь доказать, что Байгу, сюзерен первых Сельджукидов, идентичен Бугу — легендарному родоначальнику салджиутов[70].

Трудно согласиться и с мнением о том, что сельджукская

---

[67] В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, стр. 556—573; А. Ю. Якубовский, Сельджукское движение и туркмены в XI веке, — ИАН СССР, ООН, 1937, № 4, стр. 921—946; Б. Н. Заходер, История восточного средневековья, М., 1949, стр. 90, 91; С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 270, 271; его же, Города гузов, стр. 88—91; А. А. Росляков, Первые Сельджукиды, — «Изв. Туркм. ФАН СССР», 1951, № 3, стр. 38—42.

[68] См., например: I. Kafesoğlu, Selçuklu tarihinin meseleleri, — TTKB, 1955, XIX; M. A. Köymen, Büyük Selçuklu imparatoru Melikşah devrine dair bir eser münasebetiyle, — TTKB, 1953, XVIII; C. Cahen, A propos de quelques articles du Köprülü Armağanı, — JA, 1954, t. CCXLII.

[69] М. И. Артамонов, История хазар, Л., 1962, стр. 420.

[70] N. Asîm, Türk tarihi, стр. 244 245

группировка происходила из числа огузских племен нижнего течения Сырдарьи и Приаралья. В средневековых источниках имеются сведения о том, что сельджуки первоначально жили в нынешней Южно-Казахстанской области. Большой интерес в этом отношении представляет итинерарий Гетума, в котором указывается на происхождение сельджуков из окрестностей Карачыка и Сыгнака[71]. Карачыком в этом сочинении, как в свое время отметил и М. Броссе, именуются сырдарьинские Каратау. Действительно, еще в XI в. Карачыком назывались горы к северо-востоку от Сырдарьи, а также «огузские города» Фарабского округа[72]. Очевидно, колыбелью сельджукского объединения был район среднего, а не нижнего течения р. Сырдарьи. В пользу этого предположения говорят также исторические предания туркмен Самаркандской и Бухарской областей. Эти туркмены, некогда входившие в сельджукское объединение, поселились в Нуре Бухарском в X — начале XI в. Согласно их преданиям, они являются выходцами из Южного Казахстана, со среднего течения Сырдарьи. В качестве своей первоначальной родины эти туркмены указывают область нынешнего г. Туркестана. Предки туркменского народа, по их словам, двинулись из Туркестана через Нур Бухарский и ушли в Закаспийские степи[73]. Все это дает основание полагать, что колыбелью сельджукских племен был район среднего течения р. Сырдарьи.

Рассмотренным выше кругом вопросов, разумеется, не ограничивается вся история огузских племен Средней Азии. В предлагаемом докладе мы лишь сделали попытку дать обзор некоторых спорных проблем, разрешение которых имеет важное научное значение.

---

[71] Deux historiens arméniens Kiracos de Gantzac, XIII-e s., Histoire d'Arménie; Oukhtanès d'Ourha, X-e s., Histoire en trois parties, trad. par M. Brosset, St-Pbg., 1870, стр. 178—179.

[72] Махмуд Кашгари, Диван лугат ат-турк, Стамбул, 1914, т. I, стр. 28 (карта), 404.

[73] В. Г. Мошкова, Туркмены Самаркандской и Бухарской областей,— «Бюлл. АН УзССР», 1945, № 4.

Р. А. Гусейнов

СЕЛЬДЖУКСКАЯ ТЕМАТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Среди актуальных проблем истории ряда народов Советского Союза, Ближнего и Среднего Востока важное место занимает период XI—XII вв., и хотя исследователи уделяют ему большое внимание, специальных работ, посвященных этому времени, до сих пор опубликовано недостаточно.

Одним из первых специальных трудов была попытка Ш. Дефремери исследовать историю правления султана Беркийарука — пятого представителя династии великих Сельджукидов[1]. Изданная в 1853 г., эта работа теперь устарела и не имеет самостоятельного значения.

В современной историографии сельджукского периода существует ряд направлений, представителей которых объединяет общая источниковедческая база, но индивидуализирует различный методологический подход к объекту исследования и методика раскрытия явлений эпохи.

I. В дореволюционной отечественной историографии не было специальных работ, посвященных Сельджукидам. Однако в трудах по истории Ближнего и Среднего Востока, преимущественно в трудах В. В. Бартольда, рассматривалась и сельджукская тематика. На основе широкого круга письменных источников и анализа известных в его время данных В. В. Бартольд поставил вопрос об узловых проблемах истории тюркоязычных народов, в том числе азербайджанского. Его «Очерк истории туркменского народа» положил начало исследованию истории этого народа, судьбы которого тесно переплетены с сельджуками.

В ряде работ В. В. Бартольд рассматривает историю кавказских и североиранских районов и прежде всего Азербайджана и Дагестана. Он впервые последовательно изложил историю Азербайджана с древнейших времен до нового времени, причем

---

[1] Ch. Defrémery, Recherches sur le règne du sultan Barkiaroc. — JA, sér. V[e], t. I—II, 1853.

как в связи с историей Средней Азии (Туркмении), так и соседних областей Закавказья.

Работы В. В. Бартольда содержат ценный материал по экономической, этнической и политической истории, обстоятельные экскурсы по истории различных терминов.

Ф. И. Успенский в сравнительно небольшой работе рассматривает вопросы миграции тюркоязычных народов из Центральной Азии в Европу и, что для нас особенно интересно, в Малую Азию. В своей фундаментальной трехтомной истории Византийской империи он специально останавливается на истории сельджуков в связи с судьбами Византии XI—XII вв.[2].

Советские ученые, опираясь на марксистскую методологию, внесли ценный вклад в научное исследование периода XI—XII вв., в том числе и применительно к истории народов Закавказья и Средней Азии, которая тесно связана с сельджукским завоеванием и владычеством. Труды советских историков базируются на хорошо известных источниках, сведения которых сопоставлены и проанализированы. Их внимание привлекают не только вопросы политической истории, но в равной степени проблемы государственного и общественного строя, эволюции феодальных и земельных институтов, форм эксплуатации крестьян и ремесленников и т. д.

Из работ этого направления наиболее важное значение имеет единственный в советской историографии сводный монографический труд В. А. Гордлевского, посвященный государству Сельджукидов Малой Азии[3]. Хотя, по словам автора, его введение «обещает больше, чем дают... отдельные главы, — бледные очерки, часто незаконченные, обрывающиеся на полуслове, а то и просто уклоняющиеся от постановки вопросов»[4], им проделана значительная работа по изучению эпохи. В. А. Гордлевский впервые попытался на примере конийских Сельджукидов продемонстрировать правомочность и истинность предложенных им обобщений для истории XI—XII вв. и показать присущие этому периоду закономерности. Но часть вопросов была им только поставлена, ответов не нашлось, ибо круг источников оставался недостаточно широким. С другой стороны, не все известные памятники письменности оказались доступными. Однако труд В. А. Гордлевского внес нечто новое в понимание ряда вопросов истории не только Конийского султаната, но и со-

---

[2] Ф. И. Успенский, Движение народов из Центральной Азии в Европу, — «Византийский временник», 1947, т. I; его же, История Византийской империи, т. III, М.—Л., 1948.

[3] В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941; то же: В. А. Гордлевский, Избранные сочинения, т. I, М., 1960 (здесь цитируется по «Избранным сочинениям»).

[4] В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов, стр. 47.

предельных с ним стран. Исследователь делит историю Сельджукидов Малой Азии на несколько этапов и характеризует каждый из них, показывает, как складывалось феодальное государство завоевателей, характеризует его строй, иерархическую структуру.

В. А. Гордлевский специально подчеркивает, что общественный строй государства Сельджукидов Малой Азии покоился на усиленной эксплуатации крестьян и ремесленников, а это вело к обострению классовой борьбы. Прослеживая историю расцвета и упадка государства, В. А. Гордлевский подробно исследует внутреннюю историю Конийского султаната, уделяет внимание аграрным отношениям, в первую очередь земельному институту *икта*, его эволюции, а также категории земель типа *вакф* и тех, что были предоставлены *уджбеям* (предводителям пограничных войск, рекрутировавшихся из родо-племенного ополчения). Автор останавливается на вопросах землепользования, налоговой системе, взаимоотношениях между центральной султанской властью и племенами. Он раскрывает роль и место ремесла, торговли, городов в государстве Сельджукидов, прослеживает развитие торговых связей, говорит о денежной системе, цеховой организации ремесленного производства, о религии, вооруженных силах, искусстве. В. А. Гордлевский приходит к выводу, что сельджуки, попав в более культурную среду, испытали на себе ее влияние, но вместе с тем сохранили многое из того, что свойственно степнякам-кочевникам. В целом исследование помогло установить место сельджуков в истории мусульманского и христианского Востока и отчасти Запада, показать их значение для всемирной истории, для судеб народов СССР, в первую очередь Закавказья и Средней Азии. До настоящего времени труд В. А. Гордлевского не утратил своей ценности и сохраняет самостоятельное значение.

Немалый вклад в изучение рассматриваемого периода истории внесен Б. Н. Заходером, А. Ю. Якубовским, И. П. Петрушевским. В ряде работ они останавливаются на вопросах социально-экономической, идеологической и политической истории, много внимания уделяют образованию государства Сельджукидов и их боковых ветвей, племенной миграции, роли туркмен в происходивших событиях.

Среди исследований Б. Н. Заходера, посвященных этой теме, наиболее значительна публикация русского перевода персоязычного источника «Сиасет-намэ», принадлежащего перу выдающегося государственного деятеля второй половины XI в., везира султанов Алп-Арслана и Мелик-шаха — Низам ал-Мулька. Этот политический трактат являлся настольным руководством для нескольких поколений сельджукских государей.

Издание сопровождено обширным введением и богатым комментарием [5].

А. Ю. Якубовский в ряде своих специальных работ рассмотрел вопросы сельджукского движения, истории туркмен в XI в., взаимоотношения Газневидов с огузскими племенами, а также историю Закавказья в связи с сельджуками [6].

И. П. Петрушевский во многих своих трудах касается таких важных тем, как землевладение и землепользование, положение крестьян и ремесленников, в том числе специально останавливается на роли и значении *икта, мюлька, вакфа,* на системе налогов и характере эксплуатации податного сословия (эволюции личного состояния крестьян) [7].

В Средней Азии, в первую очередь в Туркменской ССР, сельджукской проблеме уделяют внимание в связи с историей туркменского и ряда других народов, которые находились в длительных и многоплановых тесных взаимоотношениях с сельджуками.

Много и плодотворно работает в этой области С. Г. Агаджанов, которого специально интересует история огузов и туркмен Средней Азии в IX—XII вв. В своих исследованиях он касается различных сторон жизни тюркоязычных племен — от основных проблем истории огузов и до отдельных вопросов частного характера [8].

Историей военного искусства туркмен XI—XII вв. специаль-

[5] «Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька». Перевод, введение в изучение памятника и примечания проф. Б. Н. Заходера, М.—Л., 1949. См. также: Б. Н. Заходер, История восточного средневековья, М., 1944; его же, Средиземноморье и Передняя Азия с XI по XVIII вв., М., 1940; его же, Хорасан и образование государства сельджуков, — ВИ, 1945, № 5—6.

[6] А. Ю. Якубовский, Кавказ и Иран в эпоху Руставели, — «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938; его же, «Китаби-Коркуд» и его значение для изучения туркменского общества в эпоху раннего средневековья, — Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос. Пер. В. В. Бартольда, М.—Л., 1962; его же, Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере Газневидского государства, — сб. «Фердовси. 934—1934», Л., 1934; его же, Сельджукское движение и туркмены в XI в., — ИАН СССР, ООН, 1937, № 4.

[7] И. П. Петрушевский, Бешкениды-Пиштегиниды, грузинские мелики Ахара в XII — начале XIII в., — «Материалы по истории Грузии и Кавказа», Тбилиси, 1937, вып. VII; его же, Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков, М.—Л., 1960; его же, Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв., Л., 1949; его же, Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья, — ИАН СССР, ООН, 1937, № 4.

[8] С. Г. Агаджанов, Новые материалы о происхождении туркмен, — «Изв. АН ТуркмССР, серия общественных наук», 1963, № 2; его же, Уникальная медаль с изображением султана Мухаммеда Тогрул-бека, — «Изв. АН ТуркмССР, серия общественных наук», 1964, № 4; С. Г. Агаджанов и К. Н. Юзбашян, К истории тюркских набегов на Армению в XI в., — «Палестинский сборник», 1965, вып. 13 (76).

но занимался А. А. Росляков, которому принадлежат также статьи по истории сельджуков [9].

Вспомогательное значение для истории данного периода имеют работы среднеазиатских этнографов, результаты исследований которых необходимы при рассмотрении вопросов быта, племенного состава. Сельджукская тематика отражена и в сводных работах по истории Туркмении и Узбекистана [10].

В Закавказье на протяжении многих лет ученые уделяют значительное внимание истории рассматриваемого периода. Обращение советских историков Закавказья к проблемам, так или иначе связанным с сельджуками, особенно в последнее время, вызвано их ролью в жизни закавказских народов и имеет большое значение для разработки истории Азербайджана, Армении и Грузии. В работах этого цикла вопросы сельджукской тематики рассматриваются в тесной связи с судьбами местного оседлого автохтонного населения. Такой подход к исследованиям оправдан, но накладывает своеобразный отпечаток на трактовку ряда положений, не всегда совместимую с реалиями XI—XII вв. В частности, не всегда объективно рассматриваются вопросы взаимоотношений стран Закавказья между собою и с сельджукскими государствами (например, Грузинского царства с Ширванским государством, атабеков Азербайджана Ильдегизидов с Иракским султанатом); предпринимаются попытки представить время, связанное в истории Закавказья с сельджуками, лишь как период застоя, упадка в развитии феодальных отношений. Наблюдается тенденция рассматривать историю каждой из стран Закавказья как отдельный, обособленный поток в общем русле развития. Такие положения присущи в первую очередь сводным работам по истории Азербайджана, Армении и Грузии. Но в подавляющем большинстве исследований проблемы социально-экономической, политической и культурной истории, во многом общие для закавказских народов в XI—XII вв., рассматриваются с объективных позиций. Положение крестьян и ремесленников, процесс их закрепощения, податное обложение, землевладение и землепользование, города, ремесла и торговля, торговые пути, товарно-денежные отношения, товарное производство, конфессиональная политика — вот примерный круг вопросов, ставших предметом изучения А. А. Али-за-

[9] А. А. Росляков, Из истории военного искусства туркмен, — «Труды Ашхабадского гос. пед. института им. М. Горького», 1947, вып. 1, исторические науки; его же, Очерки военного искусства туркмен X—XII вв., канд. дисс., Ашхабад, 1947; его же, Первые Сельджукиды, — «Изв. Туркм. ФАН СССР», 1951, № 3.

[10] «История Туркменской ССР», т. I, кн. 1, Ашхабад, 1957; «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950; А. Каррыев и другие, Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв., Ашхабад, 1954.

де[11], И. П. Бекзади[12], М. Х. Шарифли[13], И. А. Орбели[14], Л. О. Бабаяна[15], С. П. Погосяна[16], Х. А. Мушегяна[17], М. Д. Лордкипанидзе[18], Ш. А. Месхиа[19], Р. А. Мамедова[20] и многих других. Те же вопросы отражены в коллективных сводных трудах по истории Азербайджана, Армении и Грузии[21]. Историки Закавказья дали объективную в целом оценку сельджукского завоевания и господства, показали его отрицательные последствия для развития завоеванных стран. Вместе с тем многие из них отмечают, что даже в условиях иноземного, а в ряде случаев иноязычного и иноверного господства продолжалось политическое, социально-экономическое и культурное развитие, правда несколько приторможенное и ослабленное.

Монографических исследований по истории Закавказья в целом или по каждой стране в отдельности, в которых спе-

---

[11] А. А. Али-заде, К вопросу о положении крестьян в Азербайджане в X—XIV вв., — «Труды Института истории и философии АН АзССР», 1953, т. III; его же, К некоторым вопросам, относящимся к истории владычества сельджуков на Среднем Востоке и в Закавказье, — «Вопросы истории народов Кавказа», Тбилиси, 1966; его же, Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., Баку, 1956.

[12] И. П. Бекзади, Сочинение Равенди «Рахат-ас-Судур ва Айат-ас-Сурур» как исторический источник (на азерб. яз.), Баку, 1963; его же, О положении крестьян Азербайджана в XI—XII вв. (на азерб. яз.), — «Доклады АН АзССР», 1959, т. XV, № 4; его же, Частная собственность на землю и виды налогов в Азербайджане XI—XII вв. (на азерб. яз.), — «Изв. АН АзССР, серия общественных наук», 1959, № 4.

[13] М. Х. Шарифли, Азербайджан в XI—XII вв. (на азерб. яз.), — «Труды Института истории АН АзССР», 1957, т. XII; его же, Торговля и торговые пути Азербайджана XIII—XIV вв. (на азерб. яз.), — «Изв. Аз. ФАН СССР», 1944, № 2—3.

[14] И. А. Орбели, Албанские рельефы и бронзовые котлы, — «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938; его же, Восток и Запад, — ВИ, 1965, № 6; его же, Проблема сельджукского искусства, — «III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии», М.—Л., 1939; его же, Развалины Ани, СПб., 1911.

[15] Л. О. Бабаян, К вопросу о закрепощении крестьян в Армении домонгольского периода, Ереван, 1961.

[16] С. П. Погосян, Закрепощение крестьянства и крестьянские движения в Армении в IX—XIII вв., автореф. докт. дисс., Ереван, 1955.

[17] Х. А. Мушегян, Денежное обращение Двина по нумизматическим данным, Ереван, 1962.

[18] М. Д. Лордкипанидзе, Из истории социального развития в Грузии в XII в., — «Грузия в эпоху Руставели», Тбилиси, 1966; ее же, Эпоха Руставели, Тбилиси, 1966.

[19] Ш. А. Месхиа, Города и городской строй феодальной Грузии, Тбилиси, 1959.

[20] Р. А. Мамедов, Из истории Нахчевана X—XII вв. (на азерб. яз.), — «Материалы по истории Азербайджана», т. VI, Баку, 1963; его же, Очерк истории города Нахчевана в период средневековья, автореф. канд. дисс., Баку, 1965.

[21] «История Азербайджана», т. I, Баку, 1958; «История армянского народа», ч. I, Ереван, 1951; Н. А. Бердзенишвили и другие, История Грузии, ч. 1, Тбилиси, 1962

циально рассматривались бы аспекты, связанные с сельджуками, до сих пор очень мало. Это названные выше работы Л. О. Бабаяна (о закрепощении крестьян в Армении домонгольского периода) и С. П. Погосяна (о закрепощении крестьянства и крестьянских движениях в Армении в IX—XIII вв.), а также исследование Б. Н. Аракеляна «Города и ремесла в Армении в IX—XIII вв.» (I, Ереван, 1958; на арм. яз.). Однако эти работы посвящены хотя и важным, но довольно узким вопросам. Сравнительно широко представлена сельджукская тематика в труде И. П. Бекзади о персоязычном источнике, составитель которого Равенди был современником Иракского султаната. Автор предпринял попытку осветить, преимущественно на основе одного источника, некоторые вопросы истории Азербайджана XI—XII вв., в том числе завоевание страны сельджуками, социально-экономическое состояние ее и др. Работа в целом носит описательный характер, являясь скорее источниковедческой, нежели историографической, хотя и содержит хорошую подборку материалов по различным темам.

Более интересно исследование Н. Н. Шенгелия [22], использовавшего грузинские, сирийские, армянские, византийские, тюркские, арабские, персидские, а также некоторые другие источники. Автор поставил перед собой задачу проследить политическую историю сельджукской державы в XI в., т. е. в период правления трех великих султанов — Тогрул-бека, Алп-Арслана и Мелик-шаха. Основное внимание уделено периоду сельджукского господства в Грузии — так называемой «Диди туркоба» («великая туретчина») и деятельности грузинских Багратидов — царей Баграта IV, Георгия II и Давида IV Строителя.

Ряд работ посвящен вопросам археологии, нумизматики, эпиграфики и топонимики Закавказья XI—XII вв. [23]. Основанные на данных материальной культуры в сочетании со свидетельствами письменных источников, они также помогают прийти к интересным выводам о местонахождении основных ремесленно-торговых центров, о товарах, торговых путях, о денежном хозяйстве и его особенностях, о языковой тюркизации.

II. Работы западноевропейских ученых, которых можно рас-

---

[22] Н. Н. Шенгелия, Сельджуки и Грузия в XI в., Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).

[23] М. М. Альтман, Исторический очерк города Гянджи, Баку, 1949; «Труды Азербайджанской (Оренкалинской) археологической экспедиции», М.—Л., т. I, 1959, III, 1965; И. М. Джафар-заде, Историко-археологический очерк Старой Гянджи, Баку, 1949; Д. Г. Капанадзе, Грузинская нумизматика, М., 1955; К. Кафадарян, Город Двин и его раскопки, Ереван, 1952; З. П. Майсурадзе, Грузинская художественная керамика XI—XIII вв., Тбилиси, 1954; Е. А. Пахомов, Монеты Грузии, СПб., 1910; его же, Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. I—IX, Баку, 1926—1966.

сматривать как представителей еще одного направления, хотя и построены на фактическом материале источников, тем не менее отмечены общей печатью определенной методологической ограниченности в оценке истории данного периода. Вместе с тем лучшие из них обладают достоинствами в критической интерпретации источников, в построении схем и выводов. Об этом можно судить по исследованиям К. Каэна, А. Ламбтон, Ж. Соважэ, В. Минорского, Б. Шпулера, П. Виттека и многих других. Для них характерна публикация результатов исследований преимущественно в форме статей, посвященных главным образом узким и частным вопросам.

Очень интересны и ценны два сравнительно небольших специальных труда П. Виттека о Сельджукидах Малой Азии, в которых он рассматривает на основе большого фактического материала источников некоторые аспекты социально-экономической и политической истории сельджуков [24].

Монографическая работа Т. Тальбот Райс о сельджуках Малой Азии не имеет самостоятельного значения. Большая ее часть содержит материал и выводы об архитектуре и искусстве малоазиатских сельджуков, но в исследовании имеется ряд интересных соображений по истории рассматриваемого периода, в частности высказана мысль о том, что некоторые положения и учреждения XI—XII вв. были заимствованы для государственного устройства и общественных отношений Османской Турцией [25].

Ж. Лоран попытался осветить вопрос о взаимоотношениях Византии с тюркоязычными племенами в течение 1021—1081 гг., но он лишь мимоходом говорит об одном из важнейших событий военно-политической истории Передней Азии — сражении при Манцикерте (1071 г.), в результате которого установилось владычество сельджуков над Малой Азией и Закавказьем [26].

В. Минорский в многочисленных публикациях, в первую очередь в специальном исследовании по истории Ширвана и Дербенда, интерпретировал важные сведения источников о расселении, племенном составе и социально-экономической жизни тюркоязычных племен [27]. Он дал свое решение ряда неясных

---

[24] P. Wittek, Deux chapitres de l'histoire des turcs de Roum, — «Byzantion», 1936, t. XI; его же, Le sultan de Roum, — «Mélange Emile Boisacq», Bruxelles, 1938, t. II (Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et Slaves, VI).

[25] T. Talbot Rice, The Seljuks in Asia Minor, London, 1961.

[26] J. Laurent, Byzance et les turcs seldjoukides dans l'Asie Occidentale jusqu'en 1081, Paris — Nancy, 1913.

[27] В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда X—XI веков, М., 1963; V. Minorsky, A History of Sharvān and Darband in the 10—11th Centuries, Cambridge, 1958; его же, Studies in Caucasian History, London, 1953; его же, «Iranica». Twenty Articles by V. Minorsky, Tehran, 1964.

положений в политической истории Закавказья, которое не всегда совпадает с выводами советской историографии. В частности, он по-своему трактует вопрос о характере взаимоотношений Ширванского государства и Грузинского царства в XII в., считая, что они были не паритетными. На несоответствие подобного толкования реалиям того периода истории обратил внимание А. А. Али-заде, который справедливо считает, что взаимоотношения двух крупнейших государств Закавказья в XII в. были добрососедскими, союзническими и дружественными: «Основываясь на имеющихся в нашем распоряжении письменных источниках, нумизматических и эпиграфических данных, можно с уверенностью сказать, что в X—XIII вв. „грузинское влияние" на Ширван (или „прямое подчинение" Ширвана Грузии) не существовало»; вступая в родственные и дружественные отношения с ширваншахами, грузинские цари преследовали свои интересы, стремясь использовать экономическое, политическое и культурное значение Ширвана [28].

Специальное исследование А. Ламбтон, посвященное периоду великих Сельджукидов, к сожалению, осталось неопубликованным и известно лишь по краткому реферату [29]. В более поздних публикациях А. Ламбтон развила отдельные сюжеты и темы этой работы. В частности, она рассмотрела поземельные отношения, положение податного сословия, налоги, администрацию, систему управления государства Сельджукидов [30].

Многочисленные статьи К. Каэна помогают воссоздать характерные черты периода. Они объединены единством замысла, которому подчинены вопросы, ставшие предметом рассмотрения, и затрагивают различные стороны жизни сельджуков и их окружения. Автор приходит к интересным выводам, это в первую очередь касается социально-экономического положения. Объектом внимания служат преимущественно сельджуки Малой Азии (нередко в интересном сопоставлении с западноевропейскими реалиями того же времени); выводы могут быть полезны для истории других районов Передней Азии (в особенности по вопросам землепользования и землевладения, политического устройства, военного искусства). Дальнейшим развитием сельджукской тематики в исследованиях К. Каэна является его последняя публикация, посвященная истории Конийского султаната с момента возникновения и до окончательного рас-

[28] А. А. Али-заде, От ответственного редактора, — в кн.: В. Минорский, История Ширвана и Дербенда, стр. 8—12; см. также: его же, Социально-экономическая и политическая история Азербайджана, стр. 357.

[29] A. K. S. Lambton, Contributions to the Study of Seljuk Institutions, Unpublished dissertation, London, 1939.

[30] См. работы А. Ламбтон: Landlord and Peasant in Persia, London, 1953; Islamic Society in Persia, London, 1954; The Administration of Sanjar's Empire as Illustrated in the «Atabat al-Kataba»,— BSOAS, 1957, vol. XX, стр. 367—388.

пада (1071—1330)[31]. Этот обобщающий труд — результат многолетних и многоплановых изысканий автора по истории Малой Азии сельджукского периода. Источниковедение и географические условия, первые сельджукские рейды в Анатолию и ее завоевание, социально-экономические, конфессиональные и военные вопросы, искусство и наука, междоусобия феодалов — все это в разной степени освещено в интересной публикации французского медиевиста. В некоторых своих исследованиях К. Каэн делает обобщения широкого плана, охватывая порою историю тюркоязычных племен на протяжении нескольких столетий или историю сельджуков во всей Передней Азии, но с его выводами не всегда можно согласиться, в частности по вопросу об исключительной роли сельджуков в истории Ближнего Востока.

Ряд работ посвящен теоретическому осмыслению важнейших положений социально-экономической и политической истории средневекового мусульманского Востока. Среди таких трудов следует назвать исследование Л. Гардэ о мусульманском городе[32], которое построено на правильном понимании развития средневекового феодального общества, причем автор попытался применить для выяснения закономерностей эволюции и многогранной жизни города некоторые положения марксистской методологии. К работам обобщающего характера относится также небольшое исследование о кочевых движениях в Азии Э. Д. Росса[33].

Среди сводных обобщающих исследований этого направления привлекает внимание многотомное издание «Кэмбриджской истории Ирана», пятый том которой содержит изложение событий сельджукского и монгольского периодов[34]. Основное внимание уделено следующим аспектам: политическая и династическая истории иранского мира (К. Э. Босворт), структура сельджукской империи — социально-экономическое и феодальное устройство (А. Ламбтон), религия (А. Баусани), поэты и прозаики (И. Рипка), прикладное искусство (О. Грабарь), точные науки в Иране (Э. С. Кеннеди). Не все вопросы освещены равномерно, что, возможно, является следствием недостаточности материала. В частности, нельзя не отметить, что истории Иракского султаната и атабеков Азербайджана Ильдегизидов внимания уделено далеко не достаточно; между тем

---

[31] C. Cahen, Pre-Ottoman Turkey, London, 1968 (с подробной библиографией).

[32] L. Gardet, La cité musulmane, Paris, 1954.

[33] E. D. Ross, Aldred Lectures on Nomadic Movements in Asia, London, 1929.

[34] The Cambridge History of Iran, vol. 5. The Saljuq and Mongol Periods, Ed. by J. A. Boyle, Cambridge, 1968.

иракские Сельджукиды и атабеки сыграли важную роль в истории Ирана и сопредельных стран в XII в.

III. Чрезвычайно большое внимание сельджукской тематике уделяют турецкие историки. В течение последних десятилетий в Турции издан ряд монографических исследований и множество статей, в которых наиболее резко проступает методологическая ограниченность современной буржуазной историографии. Это касается как оценки рассматриваемого периода, так и разработки большинства вопросов. В этих работах бросается в глаза отход от объективной интерпретации свидетельств источников. Турецким авторам свойственна, в частности, идеализация эпохи; на них оказала влияние апологетика, содержащаяся в трудах средневековых историографов. В общей оценке эпохи и ее отдельных этапов наблюдается искусственное хронологическое смещение важных событий, попытки доказать исключительность тюркоязычных племен средневековья. С их трактовкой ряда основных вопросов истории сельджуков невозможно согласиться. Работы турецких ученых нередко перегружены произвольными построениями, порою сомнительны разделы социально-экономической, политической, военной, идеологической истории. Не исключено, что подобный подход к проблеме прямо связан с ролью сельджукского тюркоязычного потока в этногенезе современного населения Турции. Ведь именно на XI—XII вв. приходятся изменения в жизни автохтонного населения Малой Азии, которые привели к установлению здесь владычества тюркских племен, важной эволюции в области политической, социально-экономической истории и языка.

Вместе с тем следует отметить, что под влиянием зарубежных исследований турецкая историография постепенно освобождается от многих негативных проявлений. В турецких исторических журналах стали перепечатываться исследования советских и других зарубежных специалистов; появилась тенденция к более критическому восприятию источников и работ своих коллег.

И. Кафесоглу принадлежит работа, посвященная преимущественно политической истории сельджукского государства во второй половине XI в.; основное внимание в книге уделено правлению Мелик-шаха. Автор правильно полагает, что победа над Газневидами при Денданакане в 1040 г. и установление сельджукского господства в Хорасане были началом завоевания сельджуками стран ислама. Но он неточен в хронологии событий, которая иногда опережает действительное развитие завоевательного процесса. В частности, И. Кафесоглу относит захват сельджуками Ирана, Малой Азии и Закавказья к более раннему периоду, чем это было в действительности[35].

[35] İ. Kafesoğlu, Sultan Melikşah devrinde Büyük Selçuklu İmparatorluğu, İstanbul, 1953; его же, Harezmşahlar devleti tarihi, Ankara, 1956.

Труд М. А. Кёймена по истории государства великих Сельджукидов[36] примыкает к работе И. Кафесоглу, но шире ее по охвату политических событий, которые составляют основное содержание всех его разделов. Одной из основных ошибок автора является попытка доказать тезис о том, что наиболее значительное государство на мусульманском Востоке было создано в средневековье тюркоязычными племенами. При этом автор «забывает» о существовании в раннем средневековье такого политического образования, как халифат, а после XII в. — государств, созданных монголами. Отсюда другое неверное положение: М. А. Кёймен считает, что тюркоязычные народы издревле пребывали на той территории, на которой их застает история, хотя хорошо известны неоднократные миграции тюрков с Востока на Запад. В обширном исследовании не нашлось места для истории атабеков Азербайджана Ильдегизидов, которые во второй половине XII в. играли решающую роль в судьбах Иракского султаната.

Недостатки, присущие исследованию М. А. Кёймена, заметны и в работе И. Кафесоглу. Тем не менее оба эти труда содержат большой фактический материал, почерпнутый из различных источников, и представляют интерес как этап в развитии турецкой историографии.

Работа О. Турана по истории сельджуков и тюрко-исламской культуре состоит из нескольких крупных разделов. Первый раздел содержит политическую историю периода и не имеет самостоятельного значения. Раздел по социально-экономической истории посвящен преимущественно Конийскому султанату, он сделан лучше, чем предыдущий, но также не дает ничего нового. Наиболее своеобразен раздел о культуре, где рассказано об идеологии, архитектуре, взаимоотношениях султанов с исмаилитами, о развитии науки. Эта часть работы несет на себе печать эклектичности и не производит цельного впечатления. Вместе с тем следует отметить, что автор использовал большое количество различных источников; интересны и верны его положения относительно характера завоевания сельджуками Малой Азии, о тюркизации Ближнего Востока, об огузском миграционном движении[37].

Одной из последних по времени является публикация Ф. Сюмера об огузах[38], которая не имеет параллелей среди работ по сельджукской тематике. Автор рассматривает политическую историю огузов, племена и их организацию и огуз-

---

[36] M. A. Köymen, Büyük Selçuklu İmparatorluğu tarihi, c. II, Ankara, 1954.

[37] O. Turan, Selçuklular tarihi ve türk-islam medeniyeti, Ankara, 1965.

[38] F. Sümer, Oğuzlar (Türkmenler). Tarihleri, boy teşkilâtı, destanları, Ankara, 1967.

ский эпос. Если первая часть, посвященная истории огузов, является в достаточной степени компилятивной, то гораздо интереснее и оригинальнее раздел о племенах и их организации, который построен не только на известном материале, но также и на архивных данных XVI в. и последующего времени, недоступных для большинства исследователей за пределами Турции. Эпос привлек внимание Ф. Сюмера как главный источник для реконструкции социально-экономической жизни огузов. Но этот специфический подход не позволил воссоздать во всей полноте действительную картину жизни сельджукского общества. Одной из важных методологических ошибок автора является также отождествление огузов и туркмен, отраженное как в самом названии работы, так и в ее тексте.

Крупные недостатки, которые имеются в работах турецких историков, стали объектом справедливой критики. В частности, О. Туран в обстоятельной рецензии рассмотрел цикл работ И. Кафесоглу по сельджукской тематике и оценил их как компилятивные, неглубокие. Он считает, что автор не сумел решить важные вопросы истории XI—XII вв., немало заимствовал у других, причем вместе с ошибками[39]. Если абстрагироваться от некоторых слишком категоричных утверждений О. Турана, то следует признать, что он верно оценил те исследования И. Кафесоглу, в которых последний наиболее субъективно рассматривает вопросы истории Передней Азии в связи с сельджукским завоеванием и владычеством.

В свою очередь и упомянутая работа О. Турана подверглась критическому разбору. А. Атеш посвятил ей обширную рецензию, где отметил композиционную рыхлость, научную недоработанность исследования. Рецензент прав, утверждая, что О. Туран не дает чего-либо нового в своем исследовании[40].

О. Туран является самым видным представителем той части турецких историографов, которые, не считаясь в ряде случаев с исторической правдой, стремятся выдать желаемое за действительное. Наиболее рельефно субъективизм О. Турана проявился в его статье, посвященной «идее мирового господства» у средневековых тюрков. Он пытается доказать, что уже у тюркоязычных племен эпохи орхонских надписей существовала эта идея, которая крепла и постепенно овладевала умами тюрков, претворившись в реальность в сельджукский период. Автор отрицает антагонизм между военно-кочевой верхушкой и рядовыми тружениками, считая, что в тюркском феодальном обществе

---

[39] О. Turan, Selçuklular hakkında yeni bir neşir münasebetiyle, — TTKB, 1965, с. XXIX.

[40] A. Ateş, [рец. на:] O. Turan, Selçuklular tarihi ve türk-islam medeniyeti, Ankara, 1965, — «Şarkiyat mecmuası», İstanbul, 1968, VI.

существовала социальная солидарность эксплуатируемых и эксплуататоров[41]. Идеи, высказанные О. Тураном, не новы: они являются повторением того, что в свое время проповедовали З. Гёкалп и другие сторонники пантюркизма и пантуранизма. Вместе с тем этому автору принадлежит цикл публикаций, в которых содержатся интересные документы по социально-экономической истории периода или исследуются вопросы земельного права, положения зиммиев[42].

Вопросы истории сельджукского периода были предметом внимания и других турецких историков, среди которых следует упомянуть А. З. В. Тогана[43] и И. Узунчаршылы[44].

Заканчивая рассмотрение сельджукской историографии за столетие, что прошло со времени появления труда Ш. Дефремери, отметим, что за этот период накоплен обширный материал, стали известны и доступны новые источники. Казалось бы, по сельджукской тематике сделано немало, но неравномерная освещенность периода, отсутствие специальных работ по ряду узловых проблем предоставляют большой простор для дальнейших исследований. Такие вопросы, как удельная система, институт атабеков, этнография периода, военное дело, только намечены. Исследование жизни городов еще остается одной из важнейших проблем, разработка которой поможет лучше понять историю XI—XII вв., когда город играл значительную роль как центр ремесла и торговли, экономической и политической, интеллектуальной, культурной и административной жизни. Важным событием политической истории того времени было сражение при Манцикерте в 1071 г., но оно не получило должного освещения. Почти не разработана история Иракского султаната, однобоко представлена история атабеков Азербайджана Ильдегизидов. Недостаточно хорошо изучена этнография периода, в первую очередь это относится к тюркоязычным племенам, которые появились в Малой Азии и Закавказье. Вопрос о миграции тюркоязычных племен в Переднюю Азию в XI—XII вв., преимущественно в Малую Азию и Закавказье, выяснен далеко не полно. Исследователи не всегда отличают спорадические инфильтрации от массовой миграции, иногда ставится знак

---

[41] O. Turan, The Ideal of World Domination Among the Medieval Turks, — «Studia Islamica», Paris, 1955, vol. IV.

[42] См.: O. Turan, Le droit terrien sous les Seldjoukides de Turquie, — «Revue des études islamiques», Paris, 1949; его же, Les souverains seldjokides et leurs sujets non-musulmans, — «Studia Islamica», Paris, 1953, t. I; его же, Türkiye selçuklularında toprak hukuku, — TTKB, 1948, c. XII; его же, Türkiye selçukluları hakkında resmî vesikalar, Ankara, 1958.

[43] A. Z. V. Togan, Azerbaycan etnografisine dair, — «Azerbaycan yurt bilgisi», 1933, c. 11; его же, Umumî türk tarihine giriş, İstanbul, 1946, c. I.

[44] İ. H. Uzunçarşılı, Osmanlı devleti teşkilâtına medhal, İstanbul, 1941.

равенства между завоеванием и процессом переселения. Данные топонимики в этом случае помогают в решении столь запутанных вопросов. Они способствуют также прояснению проблемы языковой тюркизации Закавказья, в первую очередь Азербайджана, а также других переднеазиатских районов.

Настало время для создания коллективного сводного исследования по теме «Сельджуки и Передняя Азия», которое поможет установить место сельджуков в мировой истории XI—XII вв. Ждут своих исследователей такие интересные и почти неразработанные темы, как история Ильдегизидов и других династий атабеков, история Иракского султаната. Особый цикл работ могут составить работы, посвященные вопросам землевладения и землепользования, сюзеренитета и вассалитета, военной истории, положения податного сословия, товарно-денежных отношений и т. д.

Короче говоря, социально-экономическая, политическая, военная, идеологическая, культурная, этническая история XI—XII вв. еще должна найти свое дальнейшее воплощение в специальных исследованиях и стать достоянием широкого круга интересующихся этими проблемами. Для выполнения такого комплекса работ необходимы координация исследований, установление научных контактов между исследователями истории XI—XII вв., работающими в различных городах СССР и за рубежом.

Г. И. Семенюк

О ХАРАКТЕРЕ И ПРИЧИНАХ ЗАСТОЙНОСТИ КОЧЕВЫХ СКОТОВОДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

(на материалах Казахстана)

Вопрос о застойности кочевых скотоводческих обществ до сих пор остается труднейшим вопросом проблемы специфики развития феодализма на Востоке, в том числе в кочевых районах Средней Азии и Казахстана[1]. Еще до революции, в 1870 г. Л. Ф. Костенко писал о несовместимости «сколько-нибудь значительной цивилизации с кочевым бытом»[2]. Нетрудно понять, что тем самым генерал-майор Костенко стремился теоретически обосновать политику царизма в Средней Азии и Казахстане.

В первые годы социалистического строительства в нашей стране проблема особенностей социально-экономического развития кочевых племен и народов приобрела особую актуальность в связи с необходимостью практического разрешения вопросов о путях перестройки хозяйственного уклада, жизни и быта кочевников Казахстана и Средней Азии.

Несмотря на господствовавшую в то время теорию «родового строя» в определении общественных отношений у кочевников, исторической наукой были достигнуты некоторые результаты в изучении данной проблемы. Так, например, Н. А. Логутов, изучая общественные отношения у казахов-кочевников, пришел к выводу, что основной базой для столь продолжительного существования родового строя у казахов являлись своеобразные условия кочевого быта, совершенно неразвитое производство, редкое население на огромном, но сравнительно бедном естественными богатствами пространстве, полная зависи-

---

[1] Об исторической динамике кочевого общества см.: Т. А. Жданко, Номадизм в Средней Азии и Казахстане (Некоторые исторические и этнографические проблемы), — в кн.: «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 274—281. — *Редколлегия.*

[2] Л. Ф. Костенко, Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности, СПб., 1870, стр. 164.

мость кочевого хозяйства от окружающей его природы и, наконец, нераздельное родовое право на землю [3].

В 1933 г. вопрос о застойности в развитии кочевых народов был поднят в связи с обсуждением основных проблем генезиса и развития феодализма на июньском пленуме ГАИМК. Выступившие на этом пленуме С. П. Толстов и А. Н. Бернштам объясняли причины «застойности исторического развития» или «затяжного характера» становления и развития феодализма у кочевых народов сохранением общины и ее сопротивлением растущему феодальному гнету; реакционной ролью необычайно рано возникшего у кочевников «торгового капитала» (меновых отношений?), «консервировавшего отношения примитивного межобщинного разделения труда»; широким применением рабского труда, компенсировавшего, по выражению С. П. Толстова, «слабое развитие барщины», или же, говоря словами А. Н. Бернштама, патриархальной системой рабства, способствовавшей росту «торгового капитала» и «консервации натуральных отношений» [4].

Длительное сохранение, прочность, устойчивость и консерватизм «родовой земельной общины» отмечал в эти годы и казахстанский историк Е. Федоров, объяснявший, однако, эту устойчивость недостаточным развитием торговли и торгового капитала, а также низким уровнем развития производительных сил [5].

Почти через 20 лет после пленума ГАИМК, в 1951 г. И. М. Рейснер выступил со статьей «К вопросу об отставании стран зарубежного Востока к началу нового времени», в которой затронул и вопрос о причинах устойчивости патриархально-феодальных отношений у кочевников. Он видел причины отсталости социально-экономического, культурного и политического развития кочевых племен и народов по сравнению с оседлым населением прежде всего в самом кочевом скотоводческом хозяйстве и вытекающих из него или «связанных с ним» патриархально-феодальных отношениях. Кроме того, И. М. Рейснер указывал на заинтересованность кочевой знати, связанной с «отсталыми формами» хозяйства, «в сохранении патриархальных отношений, облегчавших ей... эксплуатацию своих соплеменников... и использование их военной силы для грабительских войн, набегов и завоеваний», которые в свою очередь отвлека-

---

[3] См.: Н. А. Логутов, Очерк родового быта казахов..., — «Записки Семипалат. отдела Об-ва изучения Казахстана», 1929, т. 1, стр. 40.

[4] «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества», М.—Л., 1934 («Изв. ГАИМК», вып. 103), стр. 187, 196, 198, 342, 343.

[5] См. Е. Федоров, Краткий очерк образования и развития казахов, как нации.., — в кн.: «Весь Казахстан. Справочная книга на 1931 г.», Алма-Ата, 1931, стр. 24, 81, 83 и др.

ли внимание трудящихся масс от классовой борьбы, затушевывали остроту классовых противоречий. Видимость равенства и родового единства создавала, по его мнению, и эксплуатация рабов и тюленгутов из числа чужеземцев.

Причиной замедленного развития социально-экономических процессов И. М. Рейснер считал и отсутствие у кочевников-скотоводов земледелия. Переходу же обедневших кочевников к оседлости и земледелию препятствовали, по его мнению, недостаток для этого сил и средств у кочевой бедноты, лучшее социальное положение кочевника-скотовода по сравнению с прикрепленным к земле и более интенсивно эксплуатируемым крестьянином-земледельцем, незаинтересованность в оседлости и развитии земледелия кочевой знати, не желавшей лишаться с оседлостью бедноты дешевой рабочей силы для охраны и выпаса своих стад, а также воинов для совершения набегов и ведения войн [6].

Статья И. М. Рейснера была несомненно шагом вперед в разработке проблемы социально-экономического развития кочевых народов.

Однако и после этого, в 1954 г., участники ташкентской объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, все еще констатировали, что причины застоя в развитии феодализма у кочевых народов не раскрыты (выступление Н. Е. Омелина) [7], и выдвигали свои варианты решения данного вопроса.

Так, С. П. Толстов, принявший участие в работе и этой сессии, в числе причин, обусловивших некоторые особенности исторического развития кочевников-скотоводов, вновь назвал сохранение «древних форм» общественной организации кочевников (общины), устойчивость патриархально-родового быта [8].

А. Н. Насонов полагал возможным объяснить «известную застойность в развитии кочевых обществ, исключительную замедленность их развития примитивизмом и консерватизмом орудий производства и технических навыков скотоводов» [9].

Выступивший на этой сессии с докладом о сущности патриархально-феодальных отношений Л. П. Потапов считал, что причины отсталости и застойности кочевого производства, тормозившего в свою очередь развитие культуры и быта кочевого населения, «заключались в слабости и ограниченности этого способа добывания жизненных благ, основанного на кочевом

[6] И. М. Рейснер, К вопросу об отставании стран зарубежного Востока к началу нового времени, — ВИ, 1951, № 6, стр. 83 и сл.

[7] «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955, стр. 76.

[8] Там же.

[9] Там же, стр. 97.

образе жизни, в отсутствии оседлости»[10]. В заключительной части доклада Л. П. Потапов особо подчеркнул, что «развитие и расцвет» патриархально-феодальных отношений «тормозились отсталостью пастбищно-кочевого скотоводческого хозяйства и особенно отсталостью кочевого образа жизни»[11].

В этом и других аналогичных высказываниях невольно обращает на себя внимание частое употребление термина «отсталость» при объяснении причин застоя. Особенно наглядно в этом отношении выступление на ташкентской сессии казахстанского историка и экономиста С. Е. Толыбекова. «Отсталость материального производства, — заявил на сессии С. Е. Толыбеков, говоря о кочевом скотоводстве как о более отсталом и примитивном производстве по сравнению с земледелием, — обусловила отсталость и неразвитость общественно-производственных отношений... Отсталость производственных отношений, экономического базиса общества, определила отсталость его надстройки в виде духовной культуры, политических учреждений и общественных взглядов людей»[12].

Нетрудно заметить, что в частностях верные теоретические положения или посылки фактически создают своего рода замкнутый логический круг, в котором причины застоя или отсталости обусловливаются и объясняются, вольно или невольно, все той же отсталостью.

Этим же недостатком грешит и опубликованная в 1959 г. статья В. Ф. Шахматова «К вопросу о причинах относительной застойности патриархально-феодальных отношений у кочевников Казахстана»[13], пока что единственная работа на данную тему в историографии Казахстана. Солидаризируясь с точкой зрения и конкретными положениями И. М. Рейснера, В. Ф. Шахматов объясняет отсталость казахского кочевого общества в темпах общественного развития тормозящим воздействием неблагоприятной для земледелия географической среды, примитивностью и немногочисленностью орудий производства, слабым развитием у кочевников-скотоводов оседлости и земледелия, особой живучестью и консерватизмом кочевой общины и общинных отношений, медленностью формирования частной собственности на пастбища, ограниченными возможностями развития ренты при отсутствии ренты земельной и вообще примитивностью производства и ограниченными возможностями развития кочевого скотоводческого общества, которое, по его мнению, вступает в сферу действия экономических законов

---

[10] Там же, стр. 20.
[11] Там же, стр. 41—42.
[12] Там же, стр. 66.
[13] ВАН КазССР, 1959, № 5, стр. 35—47.

феодализма лишь при переходе к оседлости и земледелию. Главный упор при объяснении отсталости казахского кочевого общества делался на отсутствие или неразвитость у кочевников земледелия и оседлости также и во время последней дискуссии об азиатском способе производства[14]. Доля истины в каждом из перечисленных и целом ряде других объяснений, разумеется, есть, а некоторые из них, если говорить о частных причинах, бесспорны. Но в целом они не вскрывают истоков, первоосновы и главной причины застойности в развитии кочевых народов, не объясняют механику и характер этой застойности, а потому вызывают, как правило, возражения.

Ссылка на кочевничество как причину отсталости ослабляется общеизвестными фактами отставания или застойности в развитии не только кочевников, но и оседло-земледельческих народов Востока, не говоря уже о том, что само по себе кочевничество не исключает процесса социально-экономического и культурного развития.

Еще в 1928 г. казахстанский ученый Н. Н. Мацкевич, категорически протестуя против воспринятых от дореволюционной историографии традиционных взглядов на кочевые народы и левацких попыток немедленной реорганизации, а фактически разрушения и ликвидации скотоводческого хозяйства в Казахстане, предложил прекратить «разговоры о том, что казахский народ... продолжает в массе своей вести кочевой образ жизни исключительно вследствие своей малокультурности и неразвитости...».

Казахское кочевое скотоводческое хозяйство, говорил он, сложилось в условиях своеобразной естественно-исторической обстановки и являет собой яркий пример приспособляемости человека в своей хозяйственной деятельности к природным условиям вообще, а также и к тем изменениям этих условий, которые происходят в результате воздействия на них деятельности человека.

Ссылаясь на пример организации молочного хозяйства в Швейцарии, развития скотоводства в Нормандии (можно еще добавить пример Австралии), Н. Н. Мацкевич утверждал, что «кочевое хозяйство ни в коем случае не исключает наличия культурности», он предлагал рассматривать вопрос «с точки зрения... рентабельности или нерентабельности кочевого хозяйства в тех экстенсивных формах, как оно велось до сих пор», и приходил к выводу, что «кочевое казахское хозяйство, существующее сейчас, исторически оправдывается в отношении

[14] «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства)», М., 1966.

целесообразности и необходимости, и, несомненно, в перспективе на долгий ряд лет вопрос о его существовании и одновременном интенсифицировании, а также перестроении на скотоводческо-земледельческий и земледельческо-скотоводческий тип останется актуальным и животрепещущим»[15].

Ошибочен или во всяком случае спорен тезис об отсутствии у кочевников частной собственности на землю, феодального землевладения и земельной ренты. Представляются неудовлетворительными частые ссылки на низкий уровень развития производительных сил у кочевников-скотоводов, примитивность орудий труда и т. п. как на универсальные, сами по себе все объясняющие причины.

Говоря о развитии производительных сил, исследователи обычно имеют в виду упомянутую выше немногочисленность и примитивность орудий труда у кочевников-скотоводов. Но ведь производительные силы — это не только орудия труда, но и сам человек с его опытом, знаниями, производственными навыками, достигавшими у кочевников довольно высокого уровня совершенства. Почему же нельзя допустить, что одно компенсировалось другим? К тому же подчас примитивностью объявляется просто своеобразие орудий, не лишенных достоинств при использовании в данной области производства. Вольно или невольно при подобных объяснениях все приравнивается, как к образцу, к явлениям, категориям или критериям оседло-земледельческого общества, земледельческого производства, которое, однако, не всегда, не везде и далеко не во всем было прогрессивным и являлось образцом экономического, социального и культурного развития.

Сравнивая эти два вида производства применительно к территории Казахстана, можно убедиться в обратном, во всяком случае для весьма продолжительного домашинного периода развития сельского хозяйства. Так, с очень давних времен соленость почв, недостаток осадков, бедность водных источников и плохое качество воды, короткий вегетационный период и бедность растительного покрова, его неустойчивость и неравномерность распределения, знойное, иссушающее лето и целый ряд других особенностей географической среды делали территорию Казахстана в значительной ее части чрезвычайно неблагоприятной для сельскохозяйственного освоения. И вряд ли извечной отсталостью и примитивностью кочевого скотоводческого производства можно объяснить то обстоятельство, что именно кочевники-скотоводы, а не земледельцы, одомашнив определенные породы скота и выработав стройную и чрезвычайно разумную

15 Н. Н. Мацкевич, Сравнительная длина кочевок казахского населения бывшей Семипалатинской губернии, — «Зап. Семипалат. отдела Об-ва изучения Казахстана», 1929, т. 18, стр. 1—2.

для своего времени и данных условий систему хозяйствования, еще в глубокой древности смогли начать освоение упомянутых территорий и долгое время весьма эффективно эксплуатировали эти территории, значительная часть которых с ликвидацией кочевого скотоводческого хозяйства не эксплуатируется даже при современном уровне развития производительных сил и земледельческого производства. А ведь освоение этих и других подобных им территорий в свое время открыло простор для развития скотоводства, которое, по словам Ф. Энгельса, создало «неслыханные до того источники богатства» и породило «совершенно новые общественные отношения» [16].

Таким образом, перед нами свидетельство значительного опережения кочевниками в социальном и экономическом развитии земледельческих и других «варварских племен» в период выделения скотоводства. Однако, по заявлению Л. П. Потапова, «зародившись как прогрессивный способ добывания материальных благ», который сыграл большую роль в процессе классообразования, «кочевое скотоводство... довольно скоро исчерпало свои возможности. В дальнейшем в результате прогресса человеческого общества, особенно на основе развития плужного земледелия, различных видов ремесел и торговли в условиях оседлой жизни, кочевое скотоводство превратилось в довольно отсталый и застойный вид производства, тормозивший развитие культуры и быта кочевого населения» [17].

Проходили, сменяя друг друга, столетия, а кочевое скотоводство все продолжало существовать, сохраняя при этом свой изначальный экстенсивный характер. Именно эта устойчивость и считается по существу застойностью в экономическом развитии кочевых обществ; основной причиной ее, как мы видели выше, многие исследователи считают отсутствие или неразвитость у кочевников-скотоводов оседлости и земледелия, несовместимых, по их мнению, с кочевничеством.

Однако известны довольно многочисленные свидетельства и факты, согласно которым кочевники-скотоводы Средней Азии и Казахстана с давних времен знали и земледелие. Об этом свидетельствуют материалы археологических раскопок, а также письменные источники. Приведем некоторые из них.

Так, в 1654 г. русский посол в Китай Федор Байков «нашел хлебопашество» в долине Зайсана на Карабуге [18]. Русские послы к казахскому хану Тауке — Кобяков, Скибин и Трошин

[16] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 21, стр. 57.

[17] «Материалы объединенной научной сессии...», стр. 20.

[18] «Путешествие Федора Исаевича Байкова в Китай с 1654 по 1658 год», — «Сибирский Вестник», 1820, ч. II, стр. 60—63, 66; Гр. Потанин, Зимняя поездка на оз. Зайсан, — «Записки РГО, по отд. общей географии», СПб., 1867, т. I, стр. 449.

в конце XVII в. сообщали о пахотях и посевах хлебов у казахов[19]. Остатки древнего поливного земледелия на территории Казахстана обнаружили в XVIII в. у Кара-Тургая капитан Н. Рычков[20], близ крепости Семипалатинской — капитан И. Г. Андреев[21] и т. д. В XIX в. коллежский советник Демидов обнаружил остатки древнего земледелия близ оз. Кургальджино[22], С. Б. Броневский — близ Каркаралинска[23], М. И. Иванин — на Мангышлаке[24]. Даже на территории Голодной степи в 1869—1872 гг. военные топографы обнаружили «целую систему оросительных каналов, перерезавших степь во многих направлениях»[25]. Не говоря уже о таких древних очагах земледелия, как Семиречье, низовья р. Сырдарьи и др., следует признать, что тезис о несовместимости кочевого скотоводства с оседлостью и земледелием, об извечном якобы производственном консерватизме кочевников и т. п. отпадает, так как не соответствует действительности. Но в данной связи возникает вопрос, почему же известное кочевникам-скотоводам на протяжении многих столетий земледелие вплоть до второй половины XIX в. не получило сколько-нибудь значительного развития, было спорадичным и неустойчивым, а источники изобилуют заявлениями об отсутствии земледелия у казахов-кочевников? Больше того, и для XIX в. нередки свидетельства, согласно которым казахи «пренебрегают хлебопашеством»[26] и лишь «безысходная бедность может заставить киргиза обратиться к хлебопашеству»[27], которое он «при первой возможности завести хотя немного скота, тотчас бросает»[28] и т. п.

Известную роль в данном случае играла, конечно, геогра-

---

[19] «Дело о розыске дороги в Хиву. 1697», — «Русский архив», М.. 1867, кн. I, стр. 399.

[20] Н. П. Рычков, Дневные записки путешествия... по киргис-кайсацкой степи, 1771, СПб., 1772, стр. 58.

[21] «Домовая летопись... писанная капитаном Андреевым в 1789 г.», — ЧОИДР, 1870, кн. IV, отд. V, М., 1871, стр. 207.

[22] ЦГИАЛ, ф. 1264, оп. 1, 1825 г., д. 599, лл. 4—5.

[23] Письмо С. Броневского от 24 марта 1824 г. — «Рукописный фонд б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. F-IV 836 [2]. Материалы для истории присоединения Киргизской степи», л. 101.

[24] М. И. Иванин, Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 г., — «Записки РГО», кн. I, II, изд. 2, СПб., 1849, стр. 331.

[25] Л. С. Соболев, Обзор доступов к Хивинскому Ханству и краткие сведения о нем, — «Военный сборник», СПб., 1873, № 5, стр. 134.

[26] Ф. Назаров, Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии..., СПб., 1821, стр. 5.

[27] В. Старков, Краткое обозрение киргизской степи в географическом, историческом и статистическом отношениях, Тобольск, 1860, стр. 102; И. Завалишин, Описание Западной Сибири, т. III (Сибирско-Киргизская степь), М., 1867, стр. 54.

[28] И. Ф. Бларамберг, Земли киргиз-кайсаков Внутренней и Зауральской орды..., СПб., 1848, стр. 101; И. Завалишин, Описание Западной Сибири, стр. 54.

фическая среда. Казахстан, по выражению И. Г. Георги, всегда был беден «плодоносными полями... лесистыми местами... и хорошею водою»[29], в нем издавна было «слишком мало мест способных к хлебопашеству»[30], земледелие же «в бесплодной степи, — говоря словами источников XVIII в., — не удобно»[31]. Ввиду преобладания на территории Казахстана «песчаных и солонцеватых земель и великих жаров», а также отсутствия или недостатка осадков («благорастворенных рос и дождей») урожай всегда бывал «весьма недостаточен»[32]. В подобных условиях посевы часто гибли от засухи. Урожай мог быть обеспечен (да и то далеко не всегда и не везде) лишь с помощью дорогостоящих и трудоемких ирригационных сооружений.

Как бы обобщая и подытоживая все это, Т. Сейдалин писал в свое время, что природно-климатические условия Казахстана более благоприятствовали «скотоводству, чем земледелию»[33]. Иначе говоря, в условиях данной географической среды кочевое скотоводство по сравнению с земледелием обладало определенными преимуществами. И дело не в большем благоприятствовании для него природных условий Казахстана, а именно в больших потенциальных возможностях данного вида хозяйства, которое в результате накопления специфического производственного опыта оказалось способным освоить и эффективно эксплуатировать неблагоприятнейшие для сельскохозяйственного использования территории даже при том низком уровне развития производительных сил.

О том, что основная причина сохранения кочевого хозяйства не в географической среде, свидетельствуют наличие в Казахстане районов, пригодных для земледелия, и особенно факты отказа кочевников-скотоводов от земледелия даже в районах, удобных для хлебопашества во всех отношениях.

Причина подобного «консерватизма» и традиционного «отвращения кочевников к земледелию» заключается, как нам кажется, прежде всего в гораздо более высокой по сравнению с кочевым скотоводством трудоемкости земледелия, особенно поливного (а в условиях Казахстана иной вид земледелия, в общем, и не был возможен). «Такой способ хлебопашества, — писал еще в 1815 г. исследовавший территорию Казахстана И. П. Шангин, — конечно, навлекает земледельцу двойной труд»,

---

[29] И. Г. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. II, СПб., 1777, стр. 117.

[30] А. И. Левшин, Описание Киргиз-Казачьих, или Киргиз-Кайсацких Орд и степей, ч. III, СПб., 1832, стр. 27.

[31] «Поездка Х. Барданеса в Киргизскую степь...», — «Полное собрание путешествий по России...», т. VII, СПб., 1825, стр. 22.

[32] «Домовая летопись... писанная капитаном Андреевым...», стр. 107.

[33] Т. Сейдалин, О развитии хлебопашества по бассейну р. Тургая, — «Записки Оренбургского отдела РГО», 1870, вып. I, стр. 237.

а потому «киргизцы берутся за плуг и заступ только по нужде, только в таком случае, когда лишаются стад своих; добываемый хлеб тотчас меняют они на скотину и как скоро могут себя пропитать ею, то оставляют землепашество и принимаются за скотоводство»[34]. Иначе говоря, бросают «трудную земляную работу». Самые разные источники XVIII — начала XIX в. постоянно варьируют мысль о боязни кочевниками «постоянного труда» и «неусыпных забот о нивах»[35], о том, что земледельческий «труд... оному празднолюбивому народу не может быть приятен, отчего упражнение сие и не может сделаться общим»[36], и о том, что обедневшие казахи-кочевники вообще «трудолюбивую жизнь сносят как необходимость, доставшуюся им в удел несчастием и бедностью, и при малейшей возможности обзавестись скотом оставляют ее немедленно»[37].

Стремление избежать тяжести земледельческого труда обусловливалось еще и социальными причинами. Дело в том, что развитие земледелия увеличивало возможности повышения степени эксплуатации рядовых общинников феодальной верхушкой казахского общества[38].

Не случайно у кочевой бедноты сложился взгляд на переход к земледелию, как на несчастье, и она постоянно стремилась как можно скорее оставить «трудолюбивую жизнь» и вновь перейти к кочевничеству, представлявшему ей, помимо всего прочего, гораздо больше свободы.

Кроме того, земледелие по сравнению с кочевым скотоводством требовало более значительных издержек производства и вообще было менее экономически выгодным, продуктивным и рентабельным по сравнению с кочевым скотоводством, так как в конечном итоге кочевое скотоводство в целом при меньших затратах труда давало гораздо больший экономический эффект и было, как правило, при данном уровне и в данных условиях развития производительных сил гораздо более надежным, устойчивым и целесообразным источником получения средств существования. По словам И. Г. Георги, казахи-кочевники даже не думали о земледелии, так как в условиях Казахстана оно «было бы не прибыльно»[39], ввиду того что, говоря словами Андреева, уро-

[34] И. П. Шангин, Извлечение из описания экспедиции бывшей в Киргизскую степь, — «Вестник Европы», 1816, ч. 89, № 17, стр. 113.

[35] Е. Тимковский, Путешествие в Китай через Монголию в 1820—1821 гг., — в кн.: Эйрие, Живописное путешествие по Азии, т. III, М., 1840, стр. 12—13.

[36] «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках. Сборник документов и материалов», Алма-Ата, 1964, док. № 85, стр. 150.

[37] «Записки... Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды», — «Отечественные записки», 1830, ч. 42, № 121, стр. 178.

[38] Гр. Потанин, Зимняя поездка на оз. Зайсан..., стр. 447.

[39] И. Г. Георги, Описание..., ч. II, стр. 123.

жай бывал «весьма недостаточен». Я. Гавердовский причины неразвитости земледелия у кочевников Казахстана также видел в том, что оно «не доставляет и годовой провизии одним хлебопашцам» [40].

По подсчетам экономиста и историка прошлого века А. И. Добросмыслова, земледелие в Казахстане даже при самом богатом урожае давало в среднем в течение 5—7 лет меньший процент дохода с земли, чем скотоводство, которое, по его словам, «даже при самом рутинном хозяйстве... и при всех климатических и других неблагоприятных условиях» давало кочевникам ежегодно в среднем по 300 рублей дохода на хозяйство.

Кочевое скотоводство (по сравнению с местным земледелием) легче переносило и стихийные бедствия, быстрее восстанавливало свои потери после джутов и массовых падежей скота [41]. Это признавали даже такие убежденные сторонники насаждения земледелия в Казахстане, как Кауфман [42]. В. А. Остафьев, проследив данные колебания цен на хлеб за 11 лет (1878—1888) в Западной Сибири и сравнив их с ценами на продукты кочевого скотоводства в это же время, пришел к выводу, что «в данный момент» и, разумеется, в данных условиях «экстенсивная система (скотоводческого хозяйства. — *Г. С.*) действительно наиболее выгодная» и в природно-климатических условиях Казахстана «долго будет преобладающей отраслью хозяйства сравнительно с земледелием. Всякая попытка привить иную систему в данный момент может принести лишь вред. С уменьшением скотоводства экономическое благосостояние будет сильно падать и зерновая культура никогда не пополнит убыток, могущий явиться вследствие сокращения скотоводства» [43].

Таким образом, основная причина неразвитости земледелия, односторонности экономического развития казахского скотоводческого общества, живучести кочевого скотоводческого производства в данных географических условиях и при низком общем уровне развития производительных сил заключалась, по нашему мнению, прежде всего и главным образом в бо́льших потенциальных внутренних возможностях данной формы хозяйства, его большей рентабельности по сравнению с земледельческим производством того времени, выражавшейся в том, что

[40] «Из журнала поездки поручика Гавердовского, Иванова и Богдановича в Бухару в 1803 г.», — в кн.: «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках», док. № 86, стр. 159.

[41] А. И. Добросмыслов, Скотоводство в Тургайской области, Оренбург, 1895, стр. 287—288.

[42] «Отчет... Кауфмана по командировке в Тургайскую область для выяснения вопроса о возможности ее колонизации», ч. 1, СПб., 1896, стр. 84—87.

[43] В. А. Остафьев, Особенности земледелия в Западной Сибири, — «Сельское хозяйство и лесоводство», СПб., 1891, ч. 168, № 10, стр. 159—160.

оно обеспечивало сравнительно бо́льшую степень воспроизводства источников жизни, продуктов питания, сырья и т. п., при гораздо меньших затратах труда.

Конкурировать по рентабельности с кочевым производством в подобных условиях могли лишь такие засухоустойчивые, нетрудоемкие, неприхотливые и высокоурожайные земледельческие культуры, как просо. Не случайно оно и было с древнейших времен традиционной культурой кочевников-земледельцев[44]. Нельзя не учитывать еще и большую экономическую, хозяйственную «универсальность» основного богатства кочевников — скота. Оно предоставляло человеку почти все необходимое для его жизни: пищу, питье, посуду, одежду, жилище, освещение, хозяйственный инвентарь, топливо и одновременно служило еще транспортным средством и воспроизводящим само себя средством производства или орудием труда, что обеспечивало в известной, конечно, форме своеобразное расширенное воспроизводство, без специальных затрат или дополнительных издержек производства на производство средств производства.

При всем том кочевники нуждались, конечно, и в продуктах земледелия и ремесла. Но для них эти продукты было выгоднее получить с помощью обмена на продукты скотоводства или путем обычного грабежа. Мировое разделение труда и многовековые традиционные меновые связи кочевников с соседними оседло-земледельческими племенами и народами способствовали, таким образом, углублению и закреплению односторонней хозяйственной специализации и устойчивости кочевого скотоводческого производства.

Само собой разумеется, что такая устойчивость (именно устойчивость, а не отсталость), длительное сохранение хозяйственной основы данного общества обусловливали сохранение и устойчивость, а в конечном итоге известное отставание наиболее соответствовавших этой хозяйственной основе форм производственной и общественной организации, а также определенное своеобразие в развитии культуры и быта кочевников-скотоводов.

Упомянутые выше экономические преимущества скотоводче-

---

[44] В этой связи представляют интерес сравнительные данные об урожайности зерновых культур и картофеля в Западной Сибири в 1831 г. на опытном хуторе войскового училища Сибирского казачьего войска у г. Омска:

Рожь	сам-$7^2/_3$
Ярица	сам-$6^3/_4$
Пшеница китайская	сам-$7^9/_{16}$
Овес	сам-$6^{18}/_{47}$
Просо	сам-80
Картофель	сам-$4^1/_{12}$

(«Земледельческий журнал», СПб., 1832, № 4, стр. 591).

ского производства в условиях данной географической среды, при низком уровне развития производительных сил были возможны и становились таковыми лишь при условии экстенсивного характера эксплуатации земли и вместе с тем свободного, маневренного использования больших земельных пространств, дробление которых на мелкие, изолированные, частнособственнические участки было экономически нецелесообразным, практически очень трудным, так как само по себе исключало кочевое скотоводство, как таковое. «При овцеводстве и вообще животноводстве, — писал К. Маркс, — когда они являются самостоятельными отраслями производства, земля эксплуатируется более или менее сообща, причем эксплуатация с самого начала носит экстенсивный характер»[45]. В другой связи К. Маркс высказал мысль о том, что мелкая земельная собственность исключает развитие общественных производительных сил труда, общественные формы труда, животноводство в крупных размерах[46]. Кочевое же скотоводческое хозяйство казахов и было именно таким «животноводством в крупных размерах», которое для своего существования и успешного развития объективно нуждалось не только в больших земельных пространствах, но и в сохранении и развитии определенного коллективизма (общественных форм труда) по выпасу и охране скота, общности труда, войны, общности землепользования и т. п. Только в этом случае развитие кочевого скотоводческого хозяйства со всеми его преимуществами получало наибольший простор.

Но все это не означает, что у казахов-кочевников имела место безбрежная неопределенность (Н. Коншин) и неустойчивость землепользования и землевладения. Малейшее отклонение от сложившихся норм землепользования и границ землевладения приводило, как правило, к острым конфликтам, столкновениям и даже войнам[47].

Общинное землепользование было формой, наполненной по существу классовым, эксплуататорским содержанием. Так же как и производственный коллективизм, оно создавало феодальной верхушке кочевых обществ широкие возможности преимущественного землепользования, а заодно и благоприятнейшие возможности присвоения значительной доли коллективного

---

[45] К. Маркс, Капитал, т. III, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 25, ч. II, стр. 228.

[46] Там же, стр. 372.

[47] «Записки... Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды», стр. 278; Путимцев, Дневные записки..., — «Сибирский вестник», 1819, т. VIII, стр. 117—118; Мак-Гахан, Военные действия на Оксусе и падение Хивы. Пер. с англ., — «Русский вестник», 1875, т. 115, январь. Приложение. стр. 42.

труда по охране пастбищ, обеспечивая при этом и большой простор для развития кочевого скотоводческого хозяйства в целом. Поэтому устремления кочевых феодалов долгое время были направлены не на разрушение родовой общности и так называемой «общинной собственности» на землю, а тем более крупного (общинного) землепользования, а на их сохранение и наиболее полное использование присущих им экономических преимуществ, широчайших возможностей эксплуатации и сравнительно безболезненного присвоения результатов чужого труда. При этом помимо традиционного, закрепленного обычным правом преимущественного землепользования в руках феодальной верхушки казахского общества было и монопольное право распоряжаться пастбищами. Иначе говоря, казахскому кочевому скотоводческому обществу были известны и феодальная собственность на землю, и совпадающая подчас с налогом земельная рента, а также и своеобразное наделение землей.

Об исключительном, монопольном праве феодальной верхушки распоряжаться пастбищами говорят, в частности, случаи жестокой расправы казахских феодалов с рядовыми общинниками при «самовольных», без «позволения» перекочевках[48]. Возможность селиться и выпасать скот на общинных землях казахов (своеобразное наделение землей) тюленгутам, как правило, чужеземцам или чужеродцам, также предоставляли казахские ханы или султаны, пользуясь исключительным, монопольным правом верховного распоряжения этими землями; ни один рядовой член общины не имел права этого сделать, несмотря на традиционные формы общинного землевладения.

Объективно сложившаяся и долгое время сохранявшаяся у кочевников-скотоводов общность землепользования и определенная общность землевладения уже сами по себе обусловливали сохранение и устойчивость их общественной организации. Этому способствовала и объективная хозяйственная и политическая необходимость сохранения прочного производственного коллективизма. Защита же общих пастбищ и табунов скота, ведение войны и т. п. вообще были возможны только как общие действия целого коллектива или общины.

Следовательно, сохранение кочевой общины, родо-племенной структуры кочевого общества было не проявлением консерватизма и застойности, а закономерным, жизненно оправданным и необходимым явлением, так как эта форма организации долгое время наилучшим образом отвечала хозяйственным интересам, а также военно-политическим и даже в известной мере социальным потребностям кочевых коллективов.

[48] АВПР МИД СССР, ф. Киргиз-кайсацкие дела, 1762—1765, д. 14, л. 183; «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках. (Сборник документов и материалов)», док. № 205, стр. 533.

Вместе с тем возможности социального расслоения кочевых общин ограничивались в значительной степени односторонностью кочевого скотоводческого производства, которая обусловливала ограниченность возможностей внутреннего разделения труда, дифференциации выполняемых членами единого коллектива производственных функций, закрепление которых за конкретными членами коллектива и последующая передача наследникам и является, на наш взгляд, изначальной основой и формой всякого социального расслоения.

Таким образом, имевшее место в действительности определенное отставание в развитии общественных отношений и особенно культуры и быта кочевников-скотоводов не было столь значительным, как принято считать. Оно было не следствием бесперспективности социально-экономического развития кочевых скотоводческих обществ, а проявлением закона о неравномерном развитии, присущего всем племенам и народам в условиях классового антагонистического общества. И главной причиной этого относительного отставания были определенные экономические и структурно-организационные преимущества кочевого скотоводческого производства, бо́льшие внутренние, потенциальные возможности развития скотоводческих обществ по сравнению с экономикой и общественной организацией оседлых земледельческих племен и народов на данном этапе истории человеческого общества, при общем низком уровне развития производительных сил и определенных условиях географической среды.

А. Д. Желтяков

ИСТОРИЯ ТУРЕЦКОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ И ПЕРИОДИКИ ОТ РЕФОРМ «НИЗАМ-И ДЖЕДИД» ДО КОНСТИТУЦИИ 1876 г.

Начало книгопечатания в Османской империи относится к последним годам XV столетия. Первые типографии, в которых печатались книги наборным шрифтом, были созданы немусульманскими подданными султана — евреями (1494 г.), армянами (1565 г.) и греками (1627 г.). Издательское дело в этих религиозно-национальных общинах получило значительное развитие уже в XVI—XVII вв., когда, помимо нескольких десятков типографий в Стамбуле, возникли и в зависимости от обстоятельств более или менее устойчиво действовали печатные мастерские в Салониках (1512 г.), Халебе (1519 г.), Брашове (1530 г.), Белграде (1552 г.), Эдирне (1554 г.), в Ливане (типография братьев-маронитов, 1610 г.), Измире (1656 г.) и многих других местах. В XVIII в. численный рост типографий немусульманских общин продолжался, и они функционировали уже в нескольких десятках городов Османской империи [1].

Первым турецким книгопечатником был принявший ислам венгр Ибрахим Мутеферрика, который совместно с турком Саидом-эфенди основал в Стамбуле в конце 20-х годов XVIII в. типографию, официально называвшуюся «Императорской печатней» («Табхане-и амире»). 31 января 1729 г., день, когда он выпустил первую книгу, считается исходной датой турецкого книгопечатания. За тринадцать лет работы этой типографии (1729—1742) Мутеферрика издал 17 произведений в 23 томах общим тиражом около 12,5 тыс. экземпляров [2].

---

[1] O. Ersoy, Türkiye'ye matbaanın girişi ve ilk basılan eserler, Ankara, 1959, стр. 51—53.

[2] Selim Nüzhet, Türk matbaacılığı, İstanbul, 1928, стр. 5—76 (арабским шрифтом); F. Babinger, Stambuler Buchwesen im 18. Jahrhundert, Leipzig, 1919, стр. 9—18; A. Simonffy, Ibrahim Müteferrika. Bahnbrecher des Buchdrucks in der Türkei, Budapest, 1944, стр. 6—54.

После смерти Ибрахима Мутеферрика[3] книгопечатание на турецком языке захирело ровно на полстолетия. Несколько раз делались попытки возобновить работы в его типографии. Еще в 1747 г. два кадия, Ибрахим-эфенди и Ахмед-эфенди, получили от Махмуда I разрешение на возобновление книгопечатания, но к делу приступили только в 1755 г. при Османе II. Переиздав двухтомный словарь «Ванкулу лугаты» (первую напечатанную Ибрахимом Мутеферрика книгу), они уже в 1756 г. забросили дело. В 1783 г. Абдул Хамид I передал типографию Ибрахима Мутеферрика в распоряжение вакуфного ведомства, а ее фактическими хозяевами стали бейликчи[4] Рашид Мехмед-эфенди и придворный историограф Ахмед Васыф-эфенди. Они потратили немало сил на восстановление полуразрушенной типографии, но в 1785 г. Ахмед Васыф был отправлен послом в Испанию, а Рашид Мехмед получил пост реис уль-кюттаба. Типография вновь закрылась, успев выпустить за прошедший срок только три книги (четыре тома), в том числе исторические хроники: «История Сами, Шакира и Субхи» (1783 г.) и «История Иззи» (1784 г.). Наконец, в 1792—1794 гг. здесь были выпущены в переводе на турецкий три сочинения известного французского военного инженера Себастьяна Вобана: «Фенн-и харб» («Военное искусство»), «Фенн-и лягым» («Фортификационное искусство»), «Фенн-и мухасара» («Искусство ведения осады»), после чего типография Ибрахима Мутеферрика окончательно прекратила свое существование, а ее оборудование было раскассировано или пропало[5].

Переменчивость судьбы типографии Ибрахима Мутеферрика, перерывы в работе которой каждый раз означали прекращение книгопечатания на турецком языке в пределах османского государства, свидетельствует о том, сколь незначительна была социальная и культурная база для распространения печатных изданий в турецком обществе XVIII в. Среди грамотных и образованных турок того времени наибольшим спросом пользовались не светские, а религиозные книги. Между тем размножение этих последних осуществлялось исключительно путем

[3] О роли Ибрахима Мутеферрика в развитии книгопечатания в Турции см.: И. Ю. Крачковский, Турецкий первопечатник Ибрахим Мутаферрика и его работы по географии, — «Тюркологический сборник», I, М.—Л., 1951, стр. 120—126; А. Д. Желтяков, Начальный этап книгопечатания в Турции, — «Ближний и Средний Восток (история. культура, источниковедение). Сборник статей в честь 70-летия проф. И. П. Петрушевского», М., 1968, стр. 47—60.

[4] Бейликчи — начальник главной канцелярии, ведавшей выдачей бератов и рассылкой ферманов; являлся помощником реис уль-кюттаба — главы департамента внешних сношений.

[5] H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri tarihi, ikinci bası, İstanbul, 1959, стр. 107—110.

переписки, так как издание их печатным способом было строжайше запрещено еще ферманом Ахмеда III от 5 июля 1727 г., и это запрещение оставалось в силе более столетия. Потребность же в сочинениях светского содержания из-за почти поголовной неграмотности турецкого населения, его темноты и культурной отсталости была очень незначительной и вполне покрывалась переписчиками книг — хаттатами. Случалось, впрочем, что последние переписывали книги и с изданий Ибрахима Мутеферрика[6], но это скорее было связано с тем, что рукописные экземпляры известных сочинений в XVIII в. да и позднее ценились больше печатных.

Прочную основу печатное дело на турецком языке начало приобретать в связи с тем политическим, социально-экономическим и культурным прогрессом, который стал намечаться в Турции в последние годы XVIII и особенно в XIX столетии. Реформы Селима III и Махмуда II, нашедшие свое продолжение в период танзимата, дали толчок развитию светского просвещения, постепенному внедрению в Турции новой, передовой для того времени культуры и идеологии буржуазного Запада. Военные и административные, экономические и культурные преобразования, активизация общественной и политической жизни, деятельность «новых османов», которая нашла свое кульминационное выражение в конституции 1876 г., самым непосредственным образом благоприятствовали развитию турецкой печати и в свою очередь в определенной мере были обусловлены успехами этой последней.

Особенно большое значение для развития турецкого книгопечатания, а позднее и периодических изданий имели реформы в области просвещения. Первыми учебными заведениями, где давалось светское образование, были различные специальные училища. С 1795 по 1825 г. существовало только одно такое училище — Военное инженерно-артиллерийское. В последующие полвека их было создано более двух десятков, в том числе Военно-медицинское (1826 г.), Военное общевойсковое (1834 г.), Военное музыкальное (1834 г.), Сельскохозяйственное и Ветеринарное (1847 г.), Лесное (1858 г.), Педагогическое мужское (1848 г.) и Педагогическое женское (1870 г.), Гражданское медицинское (1865 г.), ряд училищ для подготовки чиновников (1838, 1849, 1859, 1875 гг.) и др. С 1839 г. начали создаваться общеобразовательные светские начальные школы II ступени (рюштие), с 1845 г. — средние школы I ступени (идадие).

[6] Например, в библиотеке восточного факультета ЛГУ хранится рукопись «Истории» Мустафы Наима, датированная 1774 г. (инв. № 3790), которая, как доказал А. П. Векилов, является списком с печатного издания 1735 г. См.: А. П. Векилов, Наима и рукописный экземпляр его сочинения, Л., 1950 (курсовая работа, рукопись).

Появились два лицея — Галатасарайский (1868 г.) и Дарюшшефака (1873 г.), были сделаны попытки открыть университет (1870 г.). Школьная реформа 1845—1846 гг. и мероприятия по развитию общеобразовательных школ, нашедшие отражение в законе о народном образовании 1869 г., привели к заметному увеличению числа учащихся: уже в 1864 г. число учащихся начальных школ I ступени превысило полмиллиона, а в рюштие в 1873 г. обучалось около 20 тыс. человек[7].

Необходимо иметь в виду, что в 40—50-х годах XIX в. происходят существенные перемены и в самом содержании учебного процесса. Даже в мектебах постепенно начинает внедряться преподавание турецкого языка, арифметики (хотя главным предметом остается мусульманская религия), школы же типа рюштие и идадие с самого начала стремились дать своим питомцам полезные знания. Многие специальные училища, особенно военные и медицинские, готовили своих слушателей по программам, заимствованным у соответствующих европейских учебных заведений[8].

Помимо внутренних процессов, развивавшихся в турецком обществе с начала XIX в., культурному и политическому пробуждению турок в огромной мере способствовали и такие факторы, как подъем национально-освободительного движения ряда нетурецких народов Османской империи, резкое укрепление ее международных связей со странами Запада, все большее нарастание угрозы закабаления Турции иностранным капиталом. Приходившее постепенно осознание опасности развала османского государства и его полного подчинения иностранным державам также стимулировало развитие в турецком обществе интереса к научно-техническим достижениям, политическому устройству и культурной жизни передовых стран и народов и благоприятствовало развитию книгопечатания на турецком языке.

По всем этим причинам с рубежа XVIII—XIX столетий в Турции начинает сначала медленно, а затем все быстрее увеличиваться спрос на самые разнообразные книги — учебники, специальную, научную и художественную литературу. Книги, притом в достаточном количестве и по доступной цене, становились нужными не единицам библиофилов, а целому новому слою читателей: офицерам и курсантам военных училищ, преподавателям и слушателям специальных учебных заведений, учителям и учащимся новых школ, чиновникам и адвокатам, техникам и

---

[7] Подробные данные о развитии специальных и общих школ и училищ см.: А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян, История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX в.), М., 1965, стр. 24 и сл.

[8] Там же.

врачам, переводчикам и писателям, отправляющимся на обучение в Европу молодым туркам, т. е. той самой вышедшей из феодально-бюрократического сословия турецкой интеллигенции, которой в 60-х годах XIX в. суждено было сыграть решающую роль в просветительском движении и сформулировать основные принципы первой турецкой конституции.

В первые десятилетия после введения реформы Селима III возникновение типографий и развитие книгопечатания было связано прежде всего с нуждами армии и военных учебных заведений. Первые две книги по военному делу были написаны приглашенными в Турцию французскими инструкторами и в переводе на турецкий язык изданы в конце 80-х годов XVIII в. в типографии французского посольства в Стамбуле. Еще три (уже упоминавшиеся трактаты французского военного инженера Вобана) были отпечатаны в 1792—1794 гг. в типографии Ибрахима Мутеферрика. Селим III придавал книгопечатанию большое значение, поощряя переводы сочинений иностранцев и «при каждом удобном случае рекомендовал государственным сановникам читать книги, переведенные на турецкий язык» [9].

В период реформы «низам-и джедид» были созданы две крупные по тем временам государственные типографии. Когда в 1795 г. в Стамбуле было открыто Инженерно-артиллерийское училище, готовившее офицеров для новой армии, при нем начала работать вполне современная турецкая типография. Она выпустила ряд переводных и оригинальных словарей и учебников по персидскому и арабскому языкам [10], прекрасно иллюстрированное описание Турции на французском языке, составленное сподвижником Селима III Махмудом Раифом для проживавших в Турции иностранцев, а также значительное число учебников по арифметике, геометрии и алгебре, географии и т. д. [11].

В 1802 г. в азиатской части Стамбула, Ускюдаре, была организована вторая правительственная типография, официально называвшаяся Дар ут-Тыбаат уль-Амире (Императорский дом печати). Шрифты для нее были изготовлены местным мастером — армянином. Помимо традиционных арабских и персидских словарей и грамматик здесь был издан ряд исторических хроник, в частности «История Васыфа» (в двух книгах), сочинение придворного историографа Эсада-эфенди «Усс-ю зафер» («Основа победы»), посвященное ликвидации янычарского корпуса. В отличие от типографии Военного инженерно-артилле-

---

[9] E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, c. V, 2. baskı, Ankara, 1961, стр. 69.

[10] Например, персидский словарь Хусейна Тебризи «Бурхан-и кати» в переводе Эсада-эфенди (863 стр.), арабский лексикон «Лехчет уль-лугат» Эсада-эфенди (851 стр.).

[11] H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 115—117.

рийского училища, где основное внимание уделяли изданию разного рода учебной литературы, здесь печатали преимущественно заказанные государством или частными лицами книги общего характера — описания стран, научные трактаты, пособия для специалистов (в частности, по медицине), географические атласы и карты, лоции и т. д.[12].

В 1831 г. указом Махмуда II ускюдарская типография была переведена в центральную часть Стамбула (квартал Баязид), и на ее базе здесь было создано новое правительственное издательство Таквимхане-йи Амире. Хотя основной его задачей было объявлено издание газеты (об этом ниже), оно по существу более всего занималось изданием книг. Фактически на новом месте бок о бок работали две типографии, которые только в 1863 г. слились в одну Императорскую типографию (Матбаа-йи Амире), существующую и поныне[13].

Таким образом, к началу 30-х годов XIX в. техническая база для издания книг типографским способом заметно расширилась. Постепенно увеличивался и объем печатной продукции. В типографии Ибрахима Мутеферрика за 66 лет ее существования (1729—1795) были выпущены 24 книги. В последующие 45 лет, прошедшие со времени основания типографии Инженерно-артиллерийского училища до обнародования Гюльханейского хатт-и шерифа (1839 г.), во всех правительственных типографиях было издано около 500 книг — в среднем по 11 книг в год[14].

Эти скромные цифры не только отражают еще весьма ограниченные возможности государственных типографий, но и показывают одновременно, сколь узок был в тот период круг образованных и просто грамотных людей в Турции. И все же развитие книгопечатного дела в первые три десятилетия XIX в. базировалось не на энтузиазме отдельных лиц, а на постоянно действующих факторах социально-экономического, политического и культурного порядка.

В конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. в книгоиздательском деле намечается определенный перелом. По мере увеличения спроса на книги их издание и распространение стало превращаться в коммерчески выгодное дело. Уже в конце 30-х годов владельцы книжных лавок стали заказывать в государственных издательствах книги, пользовавшиеся наибольшим спросом

[12] S. R. İ s k i t, Türkiyede neşriyat hareketleri tarihine bir bakış, İstanbul, 1939, стр. 27—29.

[13] Сейчас это типография министерства просвещения. Справки о реорганизации типографий см.: M. Z. P a k a l ı n, Osmanlı tarih deyimleri ve terimleri sözlüğü, c. I, f. V, стр. 405; c. II, f. XIV, стр. 415—416; c. III, f. XXI, стр. 369, f. XXII, стр. 388, İstanbul, 1946—1956.

[14] S. R. İ s k i t, Türkiyede neşriyat..., стр. 31.

на рынке. Но поскольку казенные типографии были неповоротливы и маломощны, а изданные в них книги стоили дорого[15], в тот же период стали возникать государственные и частные литографии, а также и частные типографии. Особенно успешно развивалось литографское дело, так как литографские станки были дешевле типографских машин; кроме того, в стране имелось множество лишавшихся постоянной работы каллиграфов-переписчиков, согласных трудиться за любую плату. Литографский способ давал возможность быстро издавать книги с иллюстрациями, учебники с чертежами и схемами, карты, рисунки, бланки и т. п., в том числе и многоцветные.

Первую литографию в Турции основали французы, Анри Кайоль и его брат Жак. Увидев, сколь большое значение придает Порта организации и обучению новой армии, они энергично взялись за дело и при поддержке сераскера Коджи Хюсрев-паши создали в 1830—1831 гг. прекрасно оснащенную литографию. Она располагалась в одном из зданий военного министерства, и в качестве переписчиков в ней использовалось около 50 его служащих[16]. В 1831—1836 гг. здесь были отпечатаны четыре сочинения Коджи Хюсрев-паши: трактат об основах обучения солдата, уставы пехотных и артиллерийских частей и «Мюзеккере-йи забытан» («Наставление для офицеров»), все — с большим числом схем, планов и графиков на разноцветной бумаге[17]. После отставки своего покровителя Коджи Хюсрев-паши (1836 г.) французы оставили эту военную литографию, но она работала еще ряд лет.

В 1836 г. Анри Кайоль основал собственную литографию в Бейоглу (европейский квартал Стамбула), которая в течение трех десятилетий пользовалась очень широкой известностью во всей Турции. Первоначально в этой литографии печатались книги только на турецком языке. Важное место в ее изданиях занимали учебники для новых специальных учебных заведений и школ. Среди них заслуживают упоминания выпущенные в 1838 г. грамматика французского языка, в которой французское произношение было показано буквами турецкого алфавита, и французско-турецкий словарь (1865 г.).

28 июля 1851 г. Анри Кайоль добился правительственного

---

[15] Цены на книги, выпущенные государственными типографиями, устанавливались специальными указами султана. В 1842 г., например, Букварь стоил 5 курушей, География Европы — 28, часть 4-я учебника по математике — 40 и т. д. (S. R. İskit, Türkiyede neşriyat..., стр. 33); для сравнения отметим, что в середине 30-х годов корова стоила от 40 до 100, волы — до 120, пара буйволов до 600 курушей ([М. Вронченко], Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии, ч. II, СПб., 1840, стр. 174—175).

[16] S. N. Gerçek, Türk taş basmacılığı, İstanbul, 1939, стр. 7—12, 33.

[17] Описание книг см. там же, стр. 14—44 (клише образцов изданий — в приложениях).

постановления, которое разрешало ему печатать материалы помимо турецкого и на некоторых других языках. В том же году Кайоль начал издавать ежемесячный армянский журнал «Панасер», позднее напечатал на персидском языке широко известные на Ближнем Востоке «Сказки попугая» («Тути-наме»). При жизни Анри Кайоля (ум. в 1865 г.) его внук и правнук основали в Стамбуле еще две литографии, но об их деятельности ничего неизвестно.

Около 1870 г. крупную литографию в Стамбуле создал ранее служивший у Кайоля далматинец Зеллич. Свои литографии имелись у издателя газеты «Джериде-йи хавадис» англичанина Уильяма Черчилля и некоторых других предпринимателей нетурецкого происхождения [18].

Начиная с 30-х годов возникает и целый ряд турецких государственных литографий. Они создавались прежде всего при государственных ведомствах и крупных военных и специальных учебных заведениях. Наиболее известны литографии при Общевойсковом училище (создана в 1835 г.), Военно-медицинском училище (1846 г.), при Отделе по строительству фортификационных сооружений (1849 г.), при Школе чиновников — «Валиде-султан» (1850 г.), при Управлении по делам просвещения (1851 г.). В этих государственных литографиях печатались преимущественно учебники, а также различные специальные материалы (карты, планы, схемы, бланки и т. п.).

Из частных турецких литографий, возникших в 40-х годах, наиболее значительным было предприятие Хаджи Халиля, по прозвищу Унджу («торговец мукой»). Ему принадлежало видное место в издании учебной литературы для общеобразовательных школ [19].

Что касается неправительственных турецких типографий, то они стали возникать только в конце 50-х и особенно в 60-х годах XIX в. Наиболее значительными из них были типографии частных газет («Терджюман-и ахваль», «Тасвир-и эфкяр», «Басирет» и др.) [20], просветительских обществ и товариществ (типографии «Османского научного общества», «Кыркамбар матбаасы», «Чамлыхан матбаасы», «Матбаа-йи османие»). Кроме того, существовали типографии, принадлежавшие отдельным частным владельцам и носившие их имена (типографии Сулеймана-эфенди, Яхья-эфенди, Ахмеда Мидхата, Иззета-эфенди, Али-эфенди, а также армян Дивитчяна, Оганеса, Богоса Киришчяна). Все эти типографии, в том числе и типогра-

---

[18] S. N. Gerçek, Türk taş basmacılığı, стр. 24—31; H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 120—122.

[19] S. R. İskit, Türkiyede neşriyat..., стр. 38—39.

[20] О турецкой прессе см. ниже.

фии газет, издали много книг, главным образом научных и художественных (но не учебников) [21].

В первые десятилетия XIX в. отбором предназначенных для печатания книг занимались сами типографии. На издание того или иного сочинения государственные типографии каждый раз испрашивали разрешение султана. До 1840 г. все издания в названных типографиях осуществлялись за казенный счет. В этих условиях нередко публиковались далеко не самые лучшие и необходимые книги.

Указ 1840 г., запретивший издавать за счет казны книги, которые не были заказаны государственными ведомствами и учреждениями, объективно мог способствовать улучшению отбора рукописей для печати. На деле же судьбу рукописи чаще решали связи и взятки.

Первым компетентным органом по наблюдению за издательской деятельностью в стране был созданный в 1847 г. Совет по делам публичных школ, преобразованный в 1857 г. в министерство просвещения. В 1850 г. была организована своеобразная турецкая «Академия» (Энджюмен-и даниш), цель которой состояла в том, чтобы «служить размножению (teksir) необходимых турецких книг по различным наукам и способствовать развитию турецкого языка» [22]. Это учреждение должно было поощрять и обеспечивать издание оригинальных книг, а также намечать книги для перевода с иностранных языков на турецкий. Оно располагало средствами для награждения за лучшие книги, в том числе учебники. В обществе насчитывалось 40 постоянных членов и несколько десятков приглашенных на определенный срок. Оно существовало до 1862 г. [23].

В 60-х годах в Турции возникает целый ряд просветительских обществ, сыгравших заметную роль в истории турецкого книгопечатания и пропаганде книг. В 1860 г. известный турецкий просветитель, общественный и государственный деятель Мехмед Тахир Мюниф-эфенди (1830—1910) [24] основал Османское научное общество (Джемиет-и илмие-йи османийе). В первой статье его устава было записано, что оно будет содействовать распространению наук и знаний в Турции как изустно, так и «сочинением и переводами книг». Это Общество организовывало бесплатные лекции, имело свою библиотеку и читальню, создало типографию, в которой издавался журнал (о нем ни-

---

[21] E. Koray, Türkiye tarih yayınları bibliyografyası. 1729—1955, 2. basım, İstanbul, 1959, стр. 1—198.

[22] S. R. İskit, Türkiyede neşriyat..., стр. 40.

[23] Там же, стр. 40—45.

[24] Здесь и далее биографические данные о деятелях просвещения в печати взяты из справочника: İ. A. Gövsa, Türk meşhurları ansiklopedisi, İstanbul, [1946].

же) и было выпущено несколько книг[25]. В 1864 г. при участии Намыка Кемаля было создано Исламское просветительское общество (Джемиет-и тедрисие-йи исламийе), а в 1865 г. — Общество сочинения и перевода (Телиф ве терджюме джемиети), члены которого ставили своей задачей публикацию и распространение научной и художественной литературы «для широкого читателя» (umuma mahsus)[26].

В мае 1870 г. было издано специальное постановление, предусматривавшее целую систему поощрений за написание оригинальных школьных учебников, а также переводы учебных пособий с иностранных языков. В постановлении говорилось о том, что министерство просвещения будет периодически выдавать награды за лучшие книги для школ, организовывать конкурсы для написания наиболее совершенных учебников по турецкому языку, географии, истории, арифметике и т. д.[27].

В результате развития системы государственных и частных типографий и литографий, различных поощрительных мероприятий, проводившихся правительством и просветительскими организациями, объем книжной продукции в Турции непрерывно возрастал. К сожалению, до начала 60-х годов XIX в. в Турции не публиковалось сводных данных ни о числе названий ежегодно издававшихся книг, ни об их тираже. Известное представление о содержании книжной продукции на турецком языке в 40—60-х годах дают обзоры посольских и консульских сотрудников западноевропейских держав при Порте, публиковавшиеся в «Journal asiatique». Но эти книжные обозрения, в частности обзоры Хаммера, Бьянки, Белена, включают только наиболее важные или интересные для их составителей сочинения по теологии, законодательству и праву, истории, литературе, языку и естественным наукам. Обычно в каждом таком обзоре перечислялось всего несколько десятков книг, опубликованных в течение одного, двух или трех лет[28]. Между тем известно, что в отдельные годы выходило до десятка одних лишь исторических сочинений[29].

Статистические данные о тиражах также имеют ограниченное значение, поскольку они учитывают только книги, издан-

---

[25] S. R. Iskit, Türkiyede neşriyat..., стр. 54—56; E. Koray, Türkiye tarih yayınları bibliyografyası..., стр. 57, 75, 197.

[26] S. R. Iskit, Türkiyede neşriyat..., стр. 60.

[27] Telif ve tercüme nizamnamesi,— «Düstur», cüzv-ü sani, Matbaa-i amire, 1289, стр. 231—244 (на арбском шрифте); далее — «Düstur».

[28] I. Hammer-Purgstall, Liste des ouvrages, imprimés à Constantinople..., — JA, sér. IV, 1843, t. I, стр. 247—266 (продолжение — т. III, стр. 211—224; т. VIII, стр. 253—282). Обзоры Бьянки (Bianchi) — там же, т. X, стр. 177—206; т. XI, стр. 1—33, 293—333; т. XVII, стр. 481—484, а также в ряде томов V и VI серий.

[29] См. E. Koray, Türkiye tarih yayınları bibliyografyası..., стр. 1—198.

ные одной Императорской типографией. В 1863 г. по заказам министерства просвещения было напечатано 99 700 книг, а в 1864 г. — 92 382 книги[30]. В 1874 г. этой же типографией было выпущено более 150 тыс. книг: 22 750 — за счет частных лиц и 130 852 книги, «предназначенные для школ». В 1875 г. эти цифры соответственно были 38 070 и 95 931, а в 1876 г. — 38 260 и 57 500 экземпляров книг. Кроме того, за эти же три года было напечатано свыше 200 тыс. экземпляров учебных пособий в виде отдельных брошюр без переплетов[31].

Конечно, Императорская типография была самой крупной. Но было бы неверно сбрасывать со счетов другие государственные и частные типографии и литографии, общее число которых к началу 70-х годов составляло не менее сорока. Среди них были и такие, которые занимались изданием учебных пособий для школ (частные литографии турка Хаджи Халиль-аги, француза Анри Кайоля, литографии и типографии специальных учебных заведений). Например, «Рисале-йи ахляк» («Трактат о нравственности») Мехмед Садыка Рифат-паши, напечатанный впервые в литографии Военно-медицинского училища в 1847 г., в последующие 30 лет переиздавался 50 раз. А поскольку он использовался в качестве учебника для начальных школ, тираж его, надо полагать, был значительным. То же самое можно сказать и о литографских изданиях «Книги уроков религии» («Дин дерслери китабы»), выпущенной в 1836 г., и рассылавшегося во все ведомства и провинции «Ежегодника» («Салнаме»), появившегося впервые в 1847 г., а также ряда других изданий, рассчитанных на сравнительно широкий круг читателей[32].

* * *

Сдвиги в развитии Турции периода реформ «низам-и джедид» и танзимата, обусловившие распространение книгопечатания, привели также к возникновению периодической печати. Первая турецкая газета появилась спустя сто лет после начала работ в типографии Ибрахима Мутеферрика. Гораздо раньше в Турции начали выходить иностранные газеты.

В 1794 г. правительство Французской республики приняло решение издавать при своем посольстве в Стамбуле «Бюллетень новостей» («Bulletin de Nouvelle»), предназначенный для проживающих в Турции французов и других европейцев. С осени

---

[30] S. R. I s k i t, Türkiyede neşriyat..., стр. 59.
[31] M. A. B e l i n, Bibliographie ottomane ou notices des livres turcs, imprimés à Constantinople..., — JA, sér. VII, 1877, t. IX, стр. 123—124.
[32] S. R. I s k i t, Türkiyede neşriyat..., стр. 36—39.

1796 г. на смену ему пришла «Французская константинопольская газета» («Gazette Française de Constantinople»), имевшая целью рассказывать о событиях в Европе и не касавшаяся турецких дел. Газета была закрыта, как только в Стамбуле стало известно о высадке Наполеона в Египте[33], и новых попыток издания газет не делалось более двадцати лет[34].

Зарождение газетного дела в Турции связано с деятельностью членов весьма обширной и пестрой по составу французской колонии в Измире. Наиболее влиятельной силой в этой колонии были купцы, которые вели большую торговлю во всей восточной части Средиземноморья и в Малой Азии. Естественно, что торговые интересы этих купцов тесно переплетались с политическими устремлениями французского капитала на Ближнем Востоке, хотя не всегда и не во всем совпадали с официальной политикой Франции. Эти расхождения отразились на судьбах издававшихся в Измире французских газет, но не помешали их возникновению. Первая такая газета, называвшаяся «Смирнец» («Smyrnéen»), была создана Шарлем Триконом и начала выходить в январе 1824 г. За резкие высказывания в адрес Порты в связи с ее греческой политикой, которые вызвали жалобы реис уль-кюттаба, французский консул в Измире прекратил издание этой газеты.

Однако уже в октябре 1824 г. она начала выходить вновь под названием «Восточный обозреватель» («Le Spectateur Oriental») с подзаголовком «Коммерческая, политическая и литературная газета» («Journal commercial, politique et litteraire»). На своих страницах эта еженедельная газета давала довольно обстоятельную информацию о событиях в Европе, внутреннем положении в провинциях Османской империи, о торговле. В то время вопросом первостепенной важности были греческие дела, а в освещении их газета придерживалась протурецкой ориентации, поскольку подъем национально-освободительного движения в Греции наносил ущерб интересам французских купцов, утвердившихся в Измире. Такая позиция газеты вызвала резкие протесты со стороны Англии и России, которые вынудили французское посольство и Порту принять против нее меры: в течение 1826 г. ее издание несколько раз приостанавливалось, ее владельцы менялись.

---

[33] S. Nüzhet, Türk gazeteciliği. 1831—1931, İstanbul, 1931, стр. 10—14.

[34] Мы не касаемся здесь газет французских оккупационных сил в Египте («Courrier d'Egypte», «Décade Egyptiénne», «Journal officiel»), возникших в июле — октябре 1798 г. и исчезнувших после ухода французов. В те же годы была сделана попытка наладить выпуск газеты «Хавадис уль-евмие» на арабском языке (по другим сведениям, она называлась «Эт-тенбих»), которая окончилась неудачей по той же причине (H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 131).

В 1827 г. за издание газеты взялся пользовавшийся большой известностью в торговых кругах Измира и всего Леванта Александр Блак, сын одного из адвокатов Людовика XVI, после казни которого семья Блаков вынуждена была покинуть Францию. За свои резкие нападки на политику европейских держав и туркофильство Александр Блак получил прозвище Блак-бей. Чтобы прекратить издание «Le Spectateur Oriental», французский консул в Измире Кастанье учинил настоящий разгром ее редакции и типографии. Но даже и эта крайняя мера не утихомирила Блака. Возбудив против Кастанье судебное дело о возмещении убытков, Блак уже в январе 1828 г. начал выпускать новую французскую газету — «Courrier de Smyrne», не менее протурецкую по своему направлению. Она регулярно выходила до 1830 г. и пользовалась большой популярностью, которой немало способствовала громкая, отчасти скандальная слава самого Блака [35].

Из всей этой истории Порта сделала вывод о необходимости организовать издание собственной газеты, и с этой целью Махмуд II в 1830 г. пригласил Блака в Стамбул. В 1831 г. начала выходить первая (созданная Блаком) османская газета «Moniteur ottoman» на французском языке. Будучи правительственным органом, газета состояла из двух частей — официальной и полуофициальной. Как отмечает турецкий исследователь С. Искит, «в ее полуофициальной части отстаивались интересы Высокой Порты» [36]. До 1836 г. фактически руководителем этой газеты был Александр Блак [37]. Поскольку печаталась она на французском языке, ее нельзя считать подлинно турецкой газетой.

Первой газетой на турецком языке была «Таквим-и векаи» («Календарь событий») [38]. Как уже отмечалось, для ее выпус-

---

[35] S. Nüzhet, Türk gazeteciliği, стр. 16—27; H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 124—129.

[36] S. R. Iskit, Türkiyede matbuat idareleri ve politikaları, Ankara, 1943, стр. 66.

[37] В 1836 г. А. Блак отправился морским путем во Францию и при таинственных обстоятельствах внезапно умер на о-ве Мальта. Махмуд II назначил его семье пенсию в 25 тыс. курушей, а сыновья Блака были взяты на содержание казны и посланы на обучение во Францию. Один из них, Эдуард Блак, по возвращении в Турцию в 1845—1852 гг. был корреспондентом полуофициальной «Courrier de Constantinople», с 1852 по 1873 г. — на дипломатической службе в Париже (атташе), Неаполе (консул) и Америке (посол), в 1876—1877 гг. — директор департамента печати, но Абдул Хамиду II пришелся не по вкусу либерализм Э. Блака, и в дальнейшем он служил на других постах (ум. в 1895 г.). См.: H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 132, 134.

[38] Учитывая особое положение Египта в то время, мы оставляем в стороне издававшуюся с 1828 г. в Каире на арабском и турецком языках газету «Векаи-йи мысрийе» («Египетские события»).

ка было создано специальное издательство Таквимхане-йи амире, а организация дела была поручена историографу Эсаду-эфенди. Первый номер этой газеты вышел 11 ноября 1831 г., и эта дата считается началом турецкой периодической печати. Первый выпуск газеты «Таквим-и векаи», изданный тиражом 5 тыс. экземпляров, был разослан всем министрам, военным и гражданским сановникам столицы, улемам, знати городов и местечек, посольствам и консульствам иностранных государств. В нем были опубликованы материалы светской хроники (поездка Махмуда II в Чанаккале и прием парада новых войск в Ускюдаре, торжественная церемония по случаю начала учебы шах-заде Меджида и т. п.), информация об очередном пожаре в Стамбуле, некоторых событиях в провинциях (восстание в Албании, арест вали Багдада Давуд-паши и пр.), кое-какие вести из-за границы [39].

В первое время газета «Таквим-и векаи» пользовалась известным успехом. Интерес к газете еще более возрос, когда в 1832 г. было принято решение выпускать ее на армянском, греческом, арабском и персидском языках [40]. Заметим, что издания на этих языках не являлись текстуальным переводом турецких номеров «Таквим-и векаи». Как и в «Moniteur ottoman», в этих изданиях наряду с основным официальным материалом нередко помещались и различные другие известия, представлявшие специфический интерес для их читателей.

Внешне газета «Таквим-и векаи» выглядела очень скромно: клишированное название в верхней части, две колонки текста (без знаков препинания), 6—8 страниц размером 40×27 *см*, почти без полей. Ее штат, состоявший из выпускников медресе и ходжей, был очень ограниченным. Газета не имела ни одного профессионального журналиста. Корреспонденцию по гражданским делам обязан был подбирать один из секретарей начальника канцелярии садразама, по военным вопросам — адъютант сераскера. При этом оба не освобождались от основной службы в своих ведомствах [41].

При таких условиях газета не могла стать оперативным органом. Очень скоро интерес к ней стал падать. Вот что пишет об этом один крупный специалист по истории газетного дела в Турции: «„Таквим-и векаи“ была создана как официальная газета, которая должна была выходить раз в неделю. Первоначально наряду с официальными объявлениями и известиями она публиковала сведения, касающиеся внутренних и внешних собы-

---

[39] Наиболее подробное описание газеты, особенно ее первого номера, см.: H. R. E r t u ğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 132—148.

[40] О выходе газеты на персидском языке сведений нет.

[41] H. R. E r t u ğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 145.

тий. Впоследствии она утратила эту свою особенность, и ее содержание ограничивалось падишахскими ираде, неинтересными официальными сообщениями. По этой причине она быстро потеряла свою связь (с читателями. — *А. Ж.*) и свое значение»[42].

Другим большим недостатком газеты была ее крайняя нерегулярность. Иногда она выходила каждую неделю, иногда раз в месяц, а то и реже. Вот цифры: в 1832 г. вышло 24 номера, в 1833 — 18, в 1834 — 27, в 1835 — 18, в 1836 — 17, в 1837 — 15, в 1842—12, в 1847—46 (рекордное число), в 1858 и 1859 гг.— по 8 номеров[43]. С 1860 г. газета совсем захирела, и в 1878 г. ее издание было прекращено[44]. Нередко случалось, что газета не могла выйти, даже когда правительству необходимо было срочно опубликовать важный материал. В таких случаях прибегали к изданию так называемых «Специальных листков» («Варака-йи махсуса»). Таким путем были обнародованы, в частности, текст Гюльханейского хатт-и шерифа 1839 г., сообщения о важнейших событиях войн с Египтом и Крымской кампании. «Новости» газеты «Таквим-и векаи», как правило, касались таких вопросов, которые давно уже были известны и обсуждены во всех турецких кофейнях. Потому о ней нередко поговаривали: «свежа дата, да сама газета стара»[45].

Популярности газеты не способствовал и ее язык. Работавшие в ней выпускники медресе писали длинными, нудными, тягучими фразами, насыщенными арабскими и персидскими словами и оборотами, совершенно чуждыми простому турку.

При всех своих недостатках «Таквим-и векаи», будучи единственной турецкой газетой в 30-х годах XIX в., определенно сыграла положительную роль в истории турецкой прессы.

История появления второй газеты на турецком языке не совсем обычна. В 1836 г. несколько английских купцов поселились в азиатском пригороде Стамбула Кадыкёе. Население местечка, недовольное таким соседством, потребовало выдворения англичан в Бейоглу, где обычно селились богатые иностранцы европейского происхождения. Комендант Ускюдара, к которому был тогда приписан Кадыкёй, сделал временное исключение для группы англичан, развлекавшихся охотой. Один из них, Уильям Черчилль, по неосторожности ранил выстрелом

---

[42] Там же, стр. 135.

[43] Там же, стр. 143, 145—147.

[44] Попытка возобновить издание газеты была предпринята в 1891 г., но регулярно она выходила только с 1.IX.1908 по 4.XI.1922 г. После упразднения султаната она получила название «Джериде-йи ресмийе», а с 1928 г. — «Ресми газете» («Официальная газета») и публиковала исключительно официальные правительственные материалы.

[45] «Tarihi yeni kendi eski gazete» — S. Nüzhet, Türk gazeteciliği. стр. 33.

из своего дробовика ребенка, который пас козу. Население Кадыкёя пришло в возбуждение, англичанин был избит и три дня просидел в полицейском участке. В это дело вмешалось английское посольство. Ссылаясь на режим капитуляций, обеспечивавший иностранцам право экстерриториальности и неприкосновенность, оно потребовало наказания виновных. Этот инцидент ускорил смещение министра иностранных дел Акиф-паши с его поста [46]. Черчилль же в компенсацию за убытки потребовал и получил от султана прибыльную лицензию на экспорт нескольких партий оливкового масла и право на издание газеты. Лицензию он с большой выгодой для себя перепродал, а к изданию газеты приступил только пять лет спустя [47].

Первый номер его газеты «Джериде-йи хавадис» («Вестник новостей») вышел 1 августа 1840 г. Хотя Черчилль, являвшийся стамбульским корреспондентом английской «Morning Herald», имел опыт газетной работы, дела сперва шли плохо, так как сначала его газета по внешнему виду и по содержанию мало отличалась от турецкого официоза. Когда в 1843 г., имея всего 150 подписчиков, газета оказалась на грани финансового краха, турецкое правительство решило выдавать ей дотацию по 2500 курушей в месяц. С этого времени «Джериде-йи хавадис» стала носить полуофициальный характер. Все большее место в газете стали занимать правительственные и иные, особенно торговые, объявления. В годы Крымской войны она стала основным, причем регулярным, источником информации о ходе военных действий, перепечатывала за плату корреспонденции из английских газет, публиковала сообщения с фронта, написанные самим Черчиллем. «Джериде-йи хавадис» всячески содействовала упрочению британского влияния в Турции, охотно поддерживая сторонников проанглийской ориентации в турецких правящих кругах. Это не мешало ей оставаться проправительственным органом, и ее резкие нападки на возникавшие в 60-х годах частные газеты либерального направления поддерживались властями. В 1864 г. после смерти У. Черчилля газета перешла к его сыну Альфреду и выходила под названием «Рузнаме-йи джериде-йи хавадис»; с развитием турецкой периодической печати газета утратила свое политическое значение, превратившись в орган экономической информации [48].

Развитие периодической печати в Турции в 60—70-х годах XIX в. было следствием дальнейших сдвигов, происходивших в экономической, общественной и культурной жизни турецкого

---

[46] Вскоре он получил пост министра внутренних дел.

[47] S. Nüzhet, Türk gazeteciliği, стр. 35—37; H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 149.

[48] Там же, стр. 152, 169—170.

общества. В первую очередь оно было связано с началом формирования национальной турецкой буржуазии, с распространением буржуазно-либеральных взглядов и конституционных идей.

Уже в 1860—1861 гг. в Стамбуле стали издаваться две новые газеты на турецком языке. В последующие 15 лет количество появлявшихся в столице турецких периодических изданий увеличивалось следующим образом [49]:

	1862—1866 гг.	1867—1871 гг.	1872—1876 гг.	Общий итог
Газеты	4	22	26	52
Журналы . . .	8	6	26	40
Всего	12	28	52	92

Как видим, в рамках данного периода число вновь возникавших периодических турецких изданий увеличивалось вдвое каждые пять лет. За 17 лет в одном Стамбуле их появилось более 90. В 1876 г. здесь выходило до 13 газет и журналов только на турецком языке [50]. В большинстве своем они были недолговечными. Отсутствие средств, нехватка профессиональных журналистов, все усиливающиеся преследования печати со стороны властей приводили к тому, что нередко выпуск газет и журналов внезапно прерывался, многие из них закрывались навсегда, просуществовав всего несколько месяцев, недель или даже дней.

Среди периодических изданий, возникших в 60—70-х годах, лишь очень незначительная часть была создана по постановлению государственных ведомств. К их числу относятся газеты: «Джериде-йи аскерие» («Военный вестник») — официальный орган военного министерства, основанный в 1863 г.; «Векаи-и заптийе» («Полицейские ведомости»), выходившая с 1869 г.; полуофициальные журналы «Меджмуа-йи аскерие»

---

[49] Таблица составлена на основе списка, приведенного в труде Селима Нюзхета («Türk gazeteciliği», стр. 84—92). Однако все случаи повторного издания газет и журналов, публикация которых была временно прекращена, а также публикация специальных выпусков газет для женщин, детей или развлекательных не рассматриваются как новые издания и в таблице учтены только один раз.

[50] Кроме того, в 1876 г. в Стамбуле издавались 34 периодических органа на других языках, в том числе: 9 — на греческом, 9 — на армянском, 1 — на арабском, 3 — на болгарском, 2 — на еврейском, 7 — на французском, 2 — на английском, 1 — на немецком (см.: А. Убичини и П. де Куртейль, Современное состояние Оттоманской империи, пер. и изд. О. И. Бакст, СПб., 1877, стр. 151—154). Для сравнения укажем, что в 1850 г. в Стамбуле выходили: на турецком — 2, на французском — 5, на итальянском — 4, на греческом — 1, на армянском — 1, на болгарском — 1, а всего 14 газет и журналов, не считая иноязычных изданий официальной «Таквим-и векаи». Помимо того, в 1850 г. в Измире выходили 2 французские, 1 греческая, 1 армянская и 1 еврейская газеты. См.: S. R. Iskit, Türkiyede matbuat..., стр. 15.

(«Военный журнал», основан в 1864 г.); «Джериде-йи тыббийе-йи аскерие» («Военно-медицинский вестник», основан в 1871 г.) и некоторые другие. Но в своем подавляющем большинстве периодические органы печати создавались по инициативе частных лиц и организаций. Именно им Турция обязана появлением самых влиятельных и наиболее читаемых газет и журналов.

В рамках данной статьи нет возможности охарактеризовать все периодические издания. Ниже речь пойдет о тех из них, которые сыграли наиболее заметную роль в истории турецкой печати.

Первой частной турецкой газетой была «Терджюман-и ахваль» («Толкователь событий»), начавшая выходить с 21 октября 1860 г. Ее основал видный общественный и культурный деятель Турции, участник движения «новых османов» Агях-эфенди (1832—1885). Поэтому его называют также «старейшиной турецкой журналистики»[51]. Агях-эфенди привлек к участию в газете целый ряд образованнейших и передовых людей Турции того времени. В ней активно сотрудничали известный писатель Зия-паша (1825—1880), историк литературы и языковед Ахмед Вефик-паша (1823—1891), видный впоследствии журналист Мустафа Рефик-бей (ум. в 1912 г.). Однако наибольшую популярность газете принесло имя выдающегося турецкого литератора и публициста Ибрахима Шинаси (1826—1871), который играл едва ли не главную роль в выпуске ее первых 25 номеров.

В программной статье, опубликованной в первом номере газеты «Терджюман-и ахваль», Шинаси писал, что ее целью будут «публикация материалов и обсуждение некоторых важных внутри- и внешнеполитических событий, а также разнообразных проблем просвещения и общественной пользы». Здесь же Шинаси указывал на необходимость упрощения языка газеты, чтобы «ее легко мог понять весь народ»[52].

«Терджюман-и ахваль» была первой турецкой газетой, в которой систематически печатался литературный материал (в частности, на ее страницах была напечатана первая турецкая театральная пьеса «Женитьба поэта», написанная Шинаси, многие его стихи), помещались обзоры внутреннего положения страны, статьи по вопросам науки и культуры. С каждым месяцем газета приобретала все большую известность, выход ее участился с двух до пяти раз в неделю. Воспользовавшись нападками Зия-паши на «Джериде-йи хавадис», намекавшего на

---

[51] H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 164. С именем Агяха-эфенди, который с 1861 по 1864 г. был главным директором почтового ведомства, связано также появление первых в Турции почтовых марок.

[52] H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 160.

ее продажность, правительство в мае 1861 г. запретило Агяху-эфенди издание его газеты на две недели. Это был первый в истории турецкой печати акт административного преследования прессы. Газета умерила тон, а публикация хвалебных од и статей по случаю восшествия на престол нового султана Абдул Азиза еще больше уменьшила ее ценность в глазах просвещенного общества, что повело к постепенному упадку газеты.

«Терджюман-и ахваль» выходила до 11 марта 1866 г. Возникнув как частная газета либерального направления, она сыграла важную роль в просветительском движении. Однако с уходом из нее Ибрахима Шинаси наиболее талантливые и прогрессивные писатели, общественные и политические деятели стали группироваться вокруг созданной им новой газеты «Тасвир-и эфкяр» («Выражение идей»).

Газета «Тасвир-и эфкяр» начала выходить с 27 июня 1862 г. Вот как характеризует ее акад. В. А. Гордлевский: «С точки зрения литературы и политики, это одна из самых важных османских газет. Основной принцип Шинаси-эфенди, проводимый им в газете, состоял в том, что, знакомя Восток с западной культурой, он хотел создать язык, пригодный для выражения новых мыслей... Через газету общество знакомилось с новыми идеями, облеченными в легкую литературную форму; лица, до тех пор восхищавшиеся одной поэзией, теперь постигли значение политики в общественной жизни, определили рознь, которая лежит между правительством и народом»[53]. Турецкие исследователи называют «Тасвир-и эфкяр» «первой турецкой независимой и формировавшей общественное мнение газетой». «великой школой в истории турецкой журналистики» и подчеркивают, что «она оказала большую услугу турецкой нации в идеологической и политической областях»[54]. «Газета „Тасвир-и эфкяр“ усилила поворот, который начала „Терджюман-и ахваль“, а в области воздействия на общественное мнение оставила ее в тени»[55].

Газета выходила дважды в неделю, ее тираж порой превышал 20 тыс. экземпляров, ее жадно читали образованные люди новой формации, учащаяся молодежь. Когда правительство увидело, что газета превратилась в центр идейной оппозиции, оно обрушилось на нее с репрессиями. В июне 1864 г. Шинаси вынужден был эмигрировать за границу. Новым редактором «Тасвир-и эфкяр» стал Намык Кемаль (1840—1888) — крупней-

---

[53] В. А. Гордлевский, Очерки по новой османской литературе, — Избранные сочинения, т. II. Язык и литература, М., 1961, стр. 354.

[54] S. R. İskit, Türkiyede matbuat..., стр. 14; H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 168—169.

[55] S. R. İskit, Türkiyede matbuat..., стр. 14.

ший турецкий поэт, писатель и публицист XIX в., видный идейный руководитель и организатор созданного в 1865 г. Общества новых османов [56].

На страницах этой газеты молодой Намык Кемаль отстаивал политическую самостоятельность Турции. Он «начал выдвигать в своих статьях принцип народовластия... непрерывно пробуждал в народе политическое самосознание» [57]. Летом 1866 г. по распоряжению властей газета была закрыта.

В том же году представитель наиболее радикального крыла «новых османов», учитель по профессии Али Суави (1838—1878) начал издавать газету «Мухбир» («Корреспондент»). «„Мухбир“, — пишет турецкий историк печати С. Нюзхет, — первая газета, которая пропагандировала у нас революционные идеи» [58]. За резкие антиправительственные выступления министерство просвещения уже после 32-го номера временно приостановило издание газеты, мотивируя это тем, что «она взяла за правило публиковать некоторые ложные и разрушительные сведения, долженствующие настроить умы против правительства» [59]. Протесты газеты против этого решения не увенчались успехом. В марте 1867 г. на издание газеты был наложен запрет.

В 60-х годах возникает также ряд журналов. Самым значительным из них был орган Османского научного общества «Меджмуа-йи фюнун» («Журнал наук»), первый номер которого вышел в июле 1862 г. Редактором журнала был видный турецкий ученый-полигистор Мехмед Тахир Мюниф-паша (1830—1910). В нем печатались научно-популярные статьи по физике, химии, философии, психологии и социологии, истории и географии. Во время эпидемии холеры 1864—1865 гг. издание журнала прервалось, но в 1866 г. было возобновлено, правда ненадолго. В 1862 г. возникли первый турецкий иллюстрированный журнал «Мират» («Зеркало») (вышло три номера) и орган Общества любителей письменности — журнал «Меджмуа-йи ибер-и интибах» («Примеры пробуждения»).

Начавшееся в середине 60-х годов усиление репрессивных мер против печати вынудило «новых османов» перенести свою издательскую деятельность за границу. Появление и развитие вольной турецкой прессы за пределами Турции связано с именами виднейших представителей турецкой политической эмиграции 60—70-х годов — Намыка Кемаля, Зия-паши, Али Суави и др. 31 августа 1867 г. Али Суави возобновил в Лондоне из-

[56] См. об этом: Ю. А. Петросян, «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, М., 1959, стр. 34 и сл.

[57] В. А. Гордлевский, Очерки..., стр. 359.

[58] S. Nüzhet, Türk gazeteciliği, стр. 42.

[59] Там же.

дание газеты «Мухбир». Первоначально она мыслилась как орган Общества «новых османов», но вскоре обнаружилось, что Али Суави будет пропагандировать в ней свои взгляды. Поэтому Намык Кемаль и Зия-паша с 29 июля 1868 г. начали выпускать в Лондоне газету «Хюрриет» («Свобода»), которая получила признание большинства «новых османов» и пользовалась исключительным спросом в Турции, куда переправлялся почти весь ее тираж.

В мае 1869 г. Мехмед-бей начал выпускать в Париже газету «Иттихад» («Единение»), но она просуществовала недолго, и в 1870 г. он вместе с Хюсейном Васфи-пашой предпринял в Женеве издание газеты «Инкиляб» («Революция»). В начале 1870 г. Намык Кемаль отошел от Зия-паши и попытался организовать сначала в Брюсселе, а затем в Вене издание своей газеты, однако не смог этого сделать. В том же году Али Суави перебрался в Париж и стал издавать журнал «Улюм» («Знания»), но после осады города германскими войсками уехал в Лион и некоторое время выпускал там газету «Муваккатен» («Временно»).

В основе всех этих перемен в зарубежной прессе «новых османов» лежало различие политических взглядов. В то время как Намык Кемаль считал главным злом самое систему абсолютистской монархии, Зия-паша утверждал, что тяжелое положение страны вызвано различными злоупотреблениями султанских министров, а Али Суави выдвигал требование отделения светской власти от духовной. Характер политических разногласий и деятельность заграничных печатных органов «новых османов» освещались в советской исторической литературе. Известно, что именно через эти органы были обнародованы основные программные установки и требования «новых османов». Несмотря на все запреты и барьеры, они находили широкое распространение в Турции и утвердили в турецком общественном мнении идею конституционного правления [60].

В самой Турции в конце 60-х — начале 70-х годов периодическая печать оказалась в очень тяжелом положении. Цензура свирепствовала, и даже эзоповский язык не всегда спасал газету от преследований. В этой обстановке часть периодических изданий предпочитала осторожность. Политическая серость обеспечивала благосклонность властей, но, естественно, вызывала обратную реакцию у читателей. Иногда, чтобы привлечь внимание читающей публики, некоторые из газет, например «Терак-

---

[60] В указанной выше работе Ю. А. Петросяна («Новые османы»..., стр. 43—65) дается общая характеристика основных газет «новых османов», издававшихся в Лондоне, Париже и Женеве, приводится большое число их высказываний по принципиальным вопросам. Однако существо политических разногласий в лагере «новых османов» изучено еще недостаточно.

кы» («Прогресс», основана в 1868 г.) или «Басирет» («Прозорливость», основана в 1869 г.), позволяли себе быть храбрыми. Но чаще всего, как это едко отметил в своей карикатурной сценке журнал «Театр», та же «Тераккы» заносила ногу вперед, чтобы застыть на одном месте и наблюдать, а «Басирет» предпочитала рассуждать об общественной пользе, сидя за обеденным столом [61]. Кстати, «Басирет» превратилась в крупную газету, после того как во время франко-прусской войны выступила в поддержку Германии и «в благодарность получила от Бисмарка некую сумму денег и печатную машину» [62].

Были и такие газеты, которые, не имея популярности у читателей, видели выход в том, чтобы почаще менять названия. Так, газета «Айине-йи ватан» («Зеркало родины»), основанная в 1866 г., за два года меняла свое название четыре раза; основанная в 1867 г. газета «Мухиб» («Друг») за тот же срок сменила название не менее трех раз. Очень быстро угасла газета «Утарит» («Меркурий», основана в 1867 г.), редактор которой Айетуллах в мае 1866 г. донес правительству о заговоре «новых османов».

Было бы, однако, неправильно представлять дело так, что все периодические издания того времени лишь угодничали перед властями и не боролись за право изображать действительность такой, как она есть. Дух либерализма, охвативший турецкое общество в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого века, нашел отражение не только в заграничной прессе «новых османов»; последние имели много сторонников и сочувствующих среди издателей газет, журналистов и литераторов, остававшихся в стране. Этот дух проникал иногда даже в газеты умеренного направления вроде той же «Тераккы», где одно время сотрудничал известный литератор и издатель Тевфик Эбуззия (1849—1913), или «Басирет», в которой время от времени печатались философские статьи остававшегося за границей до 1876 г. Али Суави.

Важное место в критике правительства и пропаганде идеи свободы печати принадлежит юмористическим газетам, в которых впервые начали появляться и политические карикатуры. Первая такая газета под названием «Диоген», печатавшаяся сначала на французском и греческом, а затем и турецком языке, появилась в 1869 г. Ее издателем был Теодор Касаб. Карикатура на официозную «La Turquie», помещенная в № 120 «Диогена», не прошла мимо внимания властей: они прикрыли газету на два месяца.

Вместо нее Теодор Касаб в 1872 г. начал издавать юмори-

---

[61] S. Nüzhet, Türk gazeteciliği, стр. 65.
[62] Там же, стр. 54.

стическую газету «Чингыраклы татар» («Татарин с погремушкой»), закрытую после выхода нескольких номеров, а затем «Хаяль» («Фантазия»), которая была самым боевым сатирико-юмористическим органом того времени. Ее издание не раз прерывалось властями.

В 1876 г., когда все газеты приветствовали проект конституции Мидхата, «Хаяль» поместила свою последнюю карикатуру, изображавшую связанного по рукам и ногам человека, а под ним фразу из конституции: «Печать свободна в рамках закона». В последнем номере, публикуя постановление властей о закрытии газеты, «Хаяль» бесстрашно высмеяла это решение. Прощаясь со своими читателями, она писала: «Погодите, не плачьте. Смейтесь! В этом мире никто не вечен!» [63].

В 1873—1876 гг. в Турции выходили сатирико-юмористические газеты «Лятифе» («Анекдот»), выступавшая с острой критикой правительственных газет, «Кахкаха» («Смех»), «Шафак» («Рассвет»), «Гевезе» («Болтун»), «Чайлак» («Коршун»), а также печатавшаяся иногда в виде журнала газета «Театр».

С конца 60-х годов в Турции начинают возникать газеты и журналы, специализирующиеся на преимущественном освещении каких-либо определенных проблем экономической, общественной и культурной жизни страны. Так, в 1867 г. стал издаваться «Журнал просвещения» («Меджмуа-йи маариф»), в котором обсуждались общие вопросы развития светского образования в Турции, структура и программы общеобразовательных и специальных школ. Публиковавшиеся в журнале статьи были учтены при выработке Органического закона о народном образовании 1869 г. [64].

В 1869 г. группа деятелей просвещения начала выпускать газету «Мюмейиз» («Экзаменатор»). Это была первая педагогическая газета. В ней серьезно, с научных позиций обсуждались и критиковались существующие в турецких школах методы обучения и воспитания детей, рассказывалось о новых методах преподавания. Некоторые номера этой газеты издавались специально для детей, они были написаны особенно простым языком, и для облегчения чтения текст их имел огласовки. Таким образом, впервые была сделана попытка выпуска детской газеты [65]. В том же году начала выходить посвященная науке и технике (ilim ve fen) газета «Хадика» («Сад»). Помимо популярных научных статей она печатала очерки о промышленности и тех-

---

[63] Там же, стр. 61.

[64] Характеристику и сокращенный перевод закона см.: А. Д. Желтяков, Ю. А. Петросян, История просвещения в Турции..., стр. 38—41, 154—167.

[65] V. Günyol, Matbuat, — «İslâm ansiklopedisi. İslâm âlemi tarih, coğrafya, etnografya ve biografya lûgati», c. VII, İstanbul, 1957, стр. 369.

ническом прогрессе[66]. В издававшейся с 1874 г. газете «Шарк» («Восток») главный упор делался на торгово-финансовые темы, давалась информация о деятельности иностранных банков в Турции и местных банкирских и торговых домах[67].

Отдавая должное смелости юмористических газет, а также познавательной ценности научно-популярных и специальных изданий, необходимо подчеркнуть, что главную роль в борьбе за либерализацию режима, за установление конституционного правления играла политическая периодика. Издававшиеся за границей газеты «новых османов», тысячами ввозившиеся в Турцию, причиняли правительству большое беспокойство. Новый великий везир Недим-паша разрешил новоосманским лидерам возвратиться из эмиграции на родину. В конце 1870 г. в Стамбул приехал Намык Кемаль, затем Агях-эфенди (в 1871 г.), Зия-паша (в 1872 г.), Али Суави (в 1876 г.) и многие другие деятели «новых османов», которые вернулись в Турцию еще более зрелыми и убежденными борцами за идеалы свободы, за конституцию. Их деятельность самым непосредственным образом была связана с литературой, с журналистикой.

Летом 1871 г. некто Искендер-эфенди начал выпускать ничем не выделяющуюся среди прочих газету «Ибрет» («Назидание»)[68], которой год спустя суждено было приобрести славу самой яркой политической газеты Турции 70-х годов. В мае 1872 г. за ее издание взялся редакционный совет, в который вошли Тевфик Эбуззия, Намык Кемаль, а также его товарищи по эмиграции Мустафа Нури (1844—1906) и Решад Кая-заде (1844—1902). 13 июня 1872 г. вышел первый программный номер этой, по существу заново созданной газеты. В нем говорилось: «Мы хотим служить родине, насколько это в наших силах... По нашему убеждению, самый главный долг газеты — рассказывать народу о политической обстановке и делах и о культурном прогрессе... Обязанность, которую мы считаем самой священной, состоит в том, чтобы говорить правду, насколько это позволяет закон о печати»[69]. Выход этого номера произвел в Турции впечатление разорвавшейся бомбы. «На публику сильнее всего, лучше всякой рекламы подействовали имена... издателей газеты»[70]. В первый же день было отпечатано два выпуска газеты, и 25 тыс. экземпляров были раскуплены нарасхват. «Ибрет»

---

[66] В 1871—1873 гг., когда газетой руководил Тевфик Эбуззия, она изменила направление, став литературно-политической газетой; в этот период здесь сотрудничал Намык Кемаль (S. Nüzhet, Türk gazeteciliği, стр. 51—53, 59—61).

[67] Там же, стр. 66—67.

[68] Короткое время ее арендовал писатель Ахмед Мидхат (1844—1912), прозванный за свою плодовитость «пишущей машиной» (Yazı makinası).

[69] S. Nüzhet, Türk gazeteciliği, стр. 58.

[70] В. А. Гордлевский, Очерки..., стр. 360.

стала настоящей, «идейной и боевой газетой» Турции[71]. Из номера в номер она печатала острые политические статьи, в которых в резкой форме критиковалась деятельность кабинета Махмуда Недима, популяризовала идеи конституционных свобод, выступала даже в защиту Парижской коммуны[72]. Как отмечал позднее один из попутчиков младотурецкого движения 90-х годов писатель Сулейман Назиф (1870—1927), даже издававшаяся за границей «Хюрриет» по сравнению с «Ибрет» выглядела тусклой[73].

В результате после выхода 19 номеров 10 июля 1872 г. газета была на четыре месяца закрыта, а все члены редакционного совета высланы из Стамбула под видом назначения на разные мелкие должности в анатолийских провинциях. Однако уже в сентябре, когда на посту великого везира оказался сторонник конституции Мидхат-паша, издание «Ибрет» возобновилось, а в декабре ее руководителем стал Намык Кемаль, возвратившийся из Гелиболу.

В этот период Намык Кемаль публиковал в газете «Ибрет» острые историко-политические статьи, составившие впоследствии запрещенную цензурой книгу «Эврак-ы перишан» («Разрозненные листки»). В одной из статей он дал обзор периодических изданий и резко критиковал турецкие законы и постановления о печати, что привело в марте 1873 г. к очередному закрытию газеты на месяц. Тогда же в турецком национальном театре «Гедик-паша» состоялось представление известной патриотической пьесы Намыка Кемаля «Отечество, или Силистрия». Оно закончилось бурной демонстрацией толпы, кричавшей «Да здравствует Кемаль!». В редакцию «Ибрет» посыпались благодарственные письма, восторженные отзывы. Расценив их как призыв к государственному перевороту, правительство 5 апреля 1873 г. окончательно закрыло «Ибрет». Таким образом, прекратила свое существование «лучшая газета эпохи танзимата, которая наиболее систематически пропагандировала идеи свободомыслия»[74]. Кемаль был заточен в Магосскую крепость на о-ве Кипр, его ближайшие помощники — сосланы.

В те же дни Тевфик Эбуззия попытался издавать газету «Сирадж» («Светильник»). В ее первом номере он жаловался на «ночную тьму, которая царит в нашем газетном мире». Этого оказалось достаточно, чтобы цензура немедленно притушила «Светильник»[75].

Кроме уже названных в 70-х годах выходили литературные

---

[71] V. Günyol, Matbuat, стр. 370.
[72] Ю. А. Петросян, «Новые османы»..., стр. 66.
[73] S. Nüzhet, Türk gazeteciliği, стр. 58.
[74] V. Günyol, Matbuat, стр. 370.
[75] S. Nüzhet, Türk gazeteciliği, стр. 61—62.

журналы: «Медениет» («Цивилизация», 1874) и «Джихан» («Вселенная», 1875), газеты: «Иттихад» («Единение», 1875) и «Садакат» («Верность», 1875), в которых публиковались корреспонденции Намыка Кемаля; «Истикбаль» («Будущее», 1875), нередко предпочитавшая научно-просветительные и моральные темы политическим; «Вакыт» («Время», 1875), публиковавшая краткие обзоры внутреннего и международного положения и литературные материалы; «Сабах» («Утро», 1875) — газета Шемседдина Самибея (1850—1904), автора известных турецких словарей, который первым осмелился в знак протеста против цензурных ограничений выпустить номер с несколькими пустыми колонками, чем подал пример другим газетам; ряд других более мелких газет вроде «Аркадаш» («Товарищ», 1876), «Мюсават» («Равенство», 1876), «Умран» («Благосостояние», 1876), а также журналов.

Что касается провинциальных органов печати, то для характеристики их нет никаких материалов. Известно лишь, что первой вилайетской газетой на турецком языке была основанная в 1864 г. губернатором Дунайского вилайета Мидхат-пашой газета «Туна» («Дунай», тираж 1500 экз.). В 1874 г. издавалось уже 25 провинциальных газет на турецком языке, в том числе в Египте, Сирии, Ливане, Йемене, на Крите, в Конье, Анкаре, Самсуне, Трабзоне, Айдыне, Измире, Кастамону, Эдирне, Адане, Салониках, Диярбакыре, Бурсе[76].

Итак, до конца рассматриваемого здесь периода книгоиздательское дело и периодическая печать в Турции прошли в своем развитии три основных этапа.

Первый этап охватывает период с 1494 до 1728 г., когда печатание книг наборным шрифтом осуществлялось исключительно в типографиях немусульманских религиозно-национальных общин. Поскольку печатавшиеся в них книги не были турецкими по языку и не предназначались для турок, книгопечатание той поры нельзя рассматривать как фактор турецкой культуры.

Второй этап по своей продолжительности совпадает с существованием типографии Ибрахима Мутеферрика (1729—1795). В этот период были заложены основы турецкого книгопечатания. При всей важности этого события для истории Турции книгопечатание на этом этапе играло еще очень скромную роль в материальной и духовной жизни турецкого общества. Рукописная книга безусловно преобладала над печатной[77].

---

[76] Там же, стр. 64; H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri, стр. 175.

[77] Более подробно о первых двух этапах см.: А. Д. Желтяков, Начальный этап книгопечатания в Турции, — «Ближний и Средний Восток (история, культура, источниковедение). Сборник статей в честь 70-летия проф. И. П. Петрушевского», М., 1968, стр. 47—60.

Третий этап приходится на время с конца 90-х годов XVIII в. до середины 70-х годов XIX в. В этот период публикация печатных изданий приобретает все более прочную основу благодаря известным экономическим, общественно-политическим и культурным сдвигам, происшедшим в Турции в эпоху промышленного капитализма. Этот этап в развитии турецкой печати можно условно разделить на следующие три фазы:

1) 1795—1830 гг.— складываются основные государственные типографии, заметно возрастает выпуск турецких печатных книг, появляются первые в Турции иностранные газеты;

2) 1831—1859 гг. — наряду с развитием государственных издательств появляются и множатся частные типографии и литографии, происходит резкое увеличение выпуска печатных книг, которые практически во всех сферах вытесняют рукописные книги, начинает издаваться первая газета на турецком языке;

3) 1860—1876 гг. — вместе с увеличением объема книжной продукции бурно развивается турецкая периодическая печать, возникают частные газеты и журналы, появляются оппозиционные органы периодики внутри страны и вольная турецкая пресса за границей. В этот период печать становится важным фактором общественно-политической и культурной жизни Турции, возрастает ее роль в формировании идеологии и политических течений в турецком обществе 60—70-х годов XIX в. Печать этого периода и особенно либеральная пресса «новых османов» играет первостепенную роль в оформлении конституционных идей и консолидации прогрессивных сил в борьбе за конституцию 1876 г.

В целом в итоге полуторастолетнего развития книгопечатания и периодики на турецком языке был достигнут большой прогресс в формировании новой турецкой культуры. Это нашло свое выражение в распространении светского образования, в науке, в художественной прозе и поэзии, драматургии и публицистике, в подъеме общественной и политической деятельности турецкого народа.

* * *

Обратимся теперь к вопросу о правовом положении печати в Турции, имея в виду не только периодику, но всю совокупность издательской деятельности в ее взаимосвязи.

Правовая история печати в Турции начинается со времени возникновения первых типографий в Османской империи. Типографии немусульманских религиозно-национальных общин, появившиеся в XV—XVII вв., не были свободны в своей деятельности. Они находились под контролем турецких властей. Во всяком случае им запрещалось печатать что бы то ни было на

арабском и турецком языках[78]. Ввоз в пределы Османской империи изданных за границей книг на арабском, персидском и турецком языках был ограничен уже Мурадом III (в 1587 г.), а завезенные приезжими иностранцами экземпляры религиозных печатных книг на этих языках уничтожались[79].

Первая турецкая типография, созданная Ибрахимом Мутеферрика, была правительственным учреждением. Ее правовое положение определялось ферманом Ахмеда III от 5 июля 1727 г., который запрещал печатать в ней любые мусульманские книги религиозного содержания, т. е. не только Коран, но и книги по фикху, тафсиры, хадисы. За деятельностью этой типографии устанавливался правительственный надзор, разрешение на печатание книг выдавала комиссия «особых справщиков и наблюдателей за печатанием»[80].

Султан особым указом устанавливал и твердые цены на напечатанные книги, которые до продажи считались собственностью типографии, т. е. казны.

Поскольку до середины 30-х годов XIX в. частных турецких типографий не существовало, а немусульманским подданным заниматься изданием турецких книг не разрешалось, книги на турецком языке печатались только в государственных типографиях[81]. Как отмечает историк турецкой печати Эртуг, и в типографии Ибрахима Мутеферрика и «в других созданных позднее официальных типографиях печатались только те книги и трактаты, которые получали одобрение официальных инстанций»[82]. В этих условиях устанавливать какой-либо особый правовой порядок для печати не было необходимости.

Положение стало меняться, когда начали возникать частные литографии, а затем и частные типографии, печатавшие книги на турецком языке. Первое такое частное издательство возникло в 1836 г. и принадлежало иностранцу (литография Анри Кайоля), но постепенно к издательскому делу стали приобщаться и османские подданные, притом не только мусульмане. Точно установить, когда был снят запрет на издание турецких книг в типографиях немусульманских общин, пока не удалось. Вполне возможно, что никакого особого постановления на этот счет и не издавалось. Во всяком случае закон 1857 г., оговари-

---

[78] O. Ersoy, Türkiye'ye matbaanın girişi..., стр. 21, 47.

[79] F. Babinger, Stambuler Buchwesen im 18. Jahrhundert, Leipzig, 1919, стр. 8.

[80] В. Смирнов, Очерк истории турецкой литературы, СПб., 1891, стр. 93; F. Babinger, Stambuler Buchwesen..., стр. 10.

[81] Исключение составляет издание в 1786—1787 и 1790 гг. двух книг по военному делу и турецкой грамматики в типографии французского посольства, на что имелось специальное распоряжение Селима III.

[82] H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 177.

вающий некоторые особые правила для иностранцев, не делает никаких различий между мусульманскими и немусульманскими подданными султана в том, что касается открытия типографий. Тем же годом датируется издание одной книги на турецком языке в армянской типографии Богоса Киришчяна в Стамбуле[83].

С другой стороны, в 30-х годах усложняется работа государственных типографий. Если раньше в них печатались преимущественно книги, заказанные правительством, государственными ведомствами, то теперь резко возросло число заявок от частных лиц.

Все это толкнуло Порту на то, чтобы взять под более строгое наблюдение всю издательскую деятельность в стране, установить контроль над работой частных печатен. Первые указы о неправительственных изданиях были продиктованы как политическими, так и фискальными соображениями. Султанское ираде, обнародованное в газете «Таквим-и векаи» 4 января 1840 г., отменяло ранее существующую в государственных типографиях практику издания всех книг на казенный счет. Поскольку, говорилось в этом указе, такой порядок приносит большой ущерб казне, впредь все частные лица, желающие издавать книги в государственной типографии, должны авансом оплатить все расходы по их изданию. Отпечатанные книги передаются в распоряжение авторов или заказчиков, и последние сами продают их по ценам, ими установленным[84].

Однако очень скоро это решение было дополнено важным пунктом: султанский указ от 7 июня 1841 г. предписывал частным лицам получать разрешение на издание книг в главной государственной типографии непосредственно от Высокой Порты[85]. С 1842 по 1846 г. книготорговцы, вывозившие отпечатанные в этой типографии книги из Стамбула в провинции империи, обязаны были уплачивать особую пошлину. Турецкий ученый Эртуг расценивает это как «экономическую меру, ограничивающую свободу печати»[86].

Справедливее, однако, считать, что идея установления правительственного контроля над изданиями, идея ограничения свободы печати в Турции была заложена уже в упомянутом выше указе султана от 7 июня 1841 г. Формально указ требовал обязательной санкции Порты на публикацию книг только в главной правительственной типографии, фактически же он распространялся на все государственные, ведомственные издательства.

---

[83] E. Koray, Türkiye tarih yayınları bibliyografyası..., стр. 193.
[84] S. R. Iskit, Türkiyede neşriyat..., стр. 30—31.
[85] H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 177—178.
[86] Там же, стр. 178.

По прошествии некоторого времени правительство установило аналогичный контроль и над частными издательствами. 26 ноября 1854 г. был опубликован указ, запрещающий без разрешения властей печатать книги в литографиях, созданных без их ведома, а 7 июля 1856 г. было выпущено новое постановление о частных литографиях. Это постановление вводило особый налог на частные литографии, ставило их под контроль правительственных инспекторов и обязывало предъявлять на просмотр в издательство газеты «Таквим-и векаи» предназначенные для печати книги[87]. Наконец, 17 февраля 1857 г. был опубликован первый в истории Турции закон о печати, известный под названием «Закона о типографиях» («Матабаа низамнамеси»)[88].

Закон 1857 г. гласил, что лица, желающие открыть типографию или литографию, обязаны обратиться за разрешением в Совет по делам просвещения и Управление полиции. По представлению последних канцелярия великого везира выносит окончательное решение, сообщаемое просителю через органы полиции (ст. 1). В провинциях такое разрешение необходимо было получить сначала от вали (ст. 2). Любые «книги и трактаты» могли быть напечатаны только с санкции канцелярии великого везира и по представлению Совета по делам просвещения, если он не найдет в них «какого-либо ущерба для общества или государства» (ст. 3). Из этого следует, что закон 1857 г. юридически вводил цензуру на все непериодические печатные издания. Полиция получала право немедленно конфисковывать неразрешенные печатные издания, а также закрывать типографии, созданные в обход этого закона. Все открытые ранее типографии обязаны были в шестимесячный срок оформить свое правовое положение в соответствии с новым законом. Опубликованный в 1858 г. уголовный кодекс устанавливал ряд дополнительных наказаний за нарушение закона о печати 1857 г.: от денежного штрафа до тюремного заключения[89].

Таким образом, к концу 50-х годов XIX в. правительственный контроль над турецкими типографиями и непериодическими изданиями на турецком языке был весьма жестким. Периодика на турецком языке тогда была представлена всего двумя газетами: правительственным органом «Таквим-и векаи» и полуофициальной газетой Уильяма Черчилля «Джериде-йи хавадис», печатавшейся по особому разрешению султана.

Политика Порты в отношении изданий иностранных поддан-

---

[87] S. R. İskit, Türkiyede neşriyat..., стр. 46—48; H. R. Ertuğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 179.
[88] Matbaa nizamnamesi, — «Düstur», стр. 227—228.
[89] S. R. İskit, Türkiyede matbuat..., стр. 10.

ных определялась особым юридическим положением последних в Османской империи, связанной условиями капитуляционного режима. В частности, французские купцы в Измире, приступая к изданию своей газеты, не испрашивали разрешения у турецкого правительства. Более того, когда в 1830 г. Россия попыталась добиться закрытия «Смирнского курьера», измирский мутеселлим отписал в Стамбул, что Блак — французский подданный и он ничего не может с ним поделать[90]. В данном случае не имеет значения, что турецкие власти и не желали закрытия газеты Блака, важно то, что выдвинутый мотив не был отвергнут как юридически несостоятельный.

Со временем Порта стала проявлять больше интереса к издательской деятельности иностранцев в подвластных ей землях. Особенно ее беспокоили случаи появления изданий, предназначенных не для членов иностранных колоний, а для султанских подданных. Один из таких фактов нашел отражение в меморандуме МИД Турции от 20 июня 1849 г., направленном всем иностранным представительствам. В нем говорилось, что в Сирии «подданные некоторых государств... основали свои типографии и издают в них книги и газету на местном языке». В меморандуме подчеркивалось, что «типографии — это не торговые предприятия» и они не могут быть открыты без разрешения турецких властей. Далее в нем говорилось, что намеченные к печати книги должны получить одобрение местного губернатора, что иностранцам не разрешается печатать книги религиозного содержания или такие, в которых затрагиваются интересы империи, и что на выпуск газеты необходимо иметь специальное разрешение[91].

Эти положения почти целиком вошли в закон 1857 г., в котором было сказано, что только с разрешения министерства иностранных дел Турции подданные других государств могут открывать типографии (ст. 4), издавать предварительно представленные на просмотр «книги и трактаты» (ст. 5), издавать газеты (ст. 6)[92]. (Судя по тому, что в 1850 г. только в Стамбуле и Измире издавалось около десятка иностранных газет, а в 1876 г. число их перевалило за 20, ни меморандум 1849 г., ни закон 1857 г. не являлись серьезным препятствием для иностранцев в их издательской деятельности на территории Османской империи.)

Одновременно с этим турецкое правительство старалось по возможности ограничить ввоз нежелательной иностранной литературы из-за рубежа. Первоначально функции контрольного

---

[90] S. Nüzhet, Türk gazeteciliği, стр. 26.
[91] Цит. по: S. R. Iskit, Türkiyede matbuat..., стр. 4—5.
[92] Matbaa nizamnamesi, — «Düstur», стр. 227.

органа, которому было поручено докладывать о завозимых в империю «зловредных» изданиях, были возложены на учрежденное в 1821 г. Бюро переводчиков при Порте[93]. В ноябре 1862 г. МИД Турции разослало членам иностранного дипломатического корпуса циркуляр о правилах ввоза в империю печатных материалов. В нем говорилось, что поскольку в последние годы ввоз в Турцию книг, брошюр и периодических изданий сильно возрос, Порта поручила особым чиновникам в таможнях приморских и пограничных городов производить проверку провозимых печатных материалов, «чтобы ограничить распространение разрушительных публикаций». Иностранцы предупреждались, что у них будут задерживаться все печатные издания, «о которых возникнет подозрение, что они пагубно отразятся на общественных нравах или посеют ростки беспорядка»[94]. Не приходится говорить, что это правило еще более жестко действовало в отношении подданных Османской империи, возвращающихся из-за границы.

«Закон о типографиях» 1857 г., закрепивший права иностранцев на издание газет, не внес ясности в правовое положение турецкой периодики: ст. 6 касалась газет только иностранных подданных. Поэтому Агях, Шинаси и другие турки, приступая в начале 60-х годов к изданию первых частных газет и журналов, прибегали к процедуре, предусмотренной законом 1857 г. для публикации книг.

Разрешение на издание первых турецких периодических органов печати, в том числе и частных газет, каждый раз оформлялось в виде султанского фермана. Как справедливо замечает турецкий историк Э. З. Карал, этот ферман имел для издателя силу и значение особой привилегии (imtiyaz). Беда заключалась в том, что срок этой привилегии в фермане не оговаривался. «В этих условиях безопасность и независимость газеты нельзя было считать обеспеченными»[95].

Первоначально дело об издании частных газет рассматривалось Высшим советом по делам просвещения. Вскоре выяснилось, что этот орган, осуществлявший общий надзор за типографиями и изданием книг, не в состоянии эффективно контролировать периодическую печать. Поэтому в 1862 г. был создан особый Департамент печати (Матбуат мюдюрлюгю), подчинявшийся до 1876 г. министерству просвещения, а позднее — МИД. Одновременно была начата подготовка закона о печати. Необходимость в таком законе диктовалась в первую очередь не-

[93] V. Günyol, Matbuat, стр. 377.
[94] Archives diplomatiques, 1863. Recueil de diplomatie et d'histoire, t. II, 3e année, Paris, 1863, стр. 159.
[95] E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, c. VII, Ankara, 1956, стр. 217.

бывалым до того количественным ростом турецких периодических изданий и особенно возрастанием роли некоторых из них в политической жизни страны.

«Закон о печати» («Матбуат низамнамеси») был подписан султаном 15 ноября 1864 г. и обнародован 1 января 1865 г.[96]. В подзаголовке к закону было сказано, что он касается издания и распространения в столице газет, а равно и любых других печатных материалов, трактующих о «гражданских и политических событиях» (havadis-i mülkiye ve politikiye). Закон состоял из двух разделов. Раздел первый, имевший всего девять статей, трактовал о правилах издания газет. Двадцать пять статей второго раздела представляли собой уложение о наказаниях издателей газет и журналистов.

Как документ, в котором впервые и с наибольшей полнотой было определено правовое положение периодических органов печати в Турции, закон 1865 г. представляет несомненный интерес и заслуживает более подробного рассмотрения. Первая статья закона гласила, что газеты и иные периодические издания, на каком бы языке они ни публиковались, могут выходить только с разрешения турецких властей: министерства просвещения — для османских, МИД — для иностранных подданных. В обоих случаях письменное разрешение выдается Департаментом печати. На издание газет за пределами Стамбула требовалось, кроме того, разрешение вали (ст. 2). Право издания газет предоставлялось османским подданным не моложе 30 лет, в прошлом не подвергавшимся судебному преследованию. К иностранцам предъявлялось требование не быть замешанными в преступлениях, связанных с печатью (ст. 3).

В просьбе об издании газеты, помимо ее названия, периодичности, места издания и типографии, должны быть указаны имена владельца газеты или ответственного редактора, а также образцы их подписей. Эти лица обязаны посылать в Департамент печати (в провинциях — вали) один подписанный ими экземпляр каждого выпуска газеты или журнала. Все напечатанные в типографии экземпляры должны иметь внизу клише их подписи или печати (ст. 4). Они несли полную ответственность за все не имеющие подписи автора статьи и корреспонденции, опубликованные в газете, а за подписанные отвечали совместно с автором (ст. 7). Для продолжения издания существующих на конец 1864 г. периодических органов перерегистрация в соответствии с положениями этого закона не нужна, но они должны неукоснительно выполнять все его требования (ст. 6). Владелец газеты обязан публиковать в ближайших двух номерах бесплатно все официальные объявления, послан-

[96] Matbuat nizamnamesi, — «Düstur», стр. 220—226.

ные через Департамент печати[97], а также опровержения частных лиц (ст. 8). Допускалась передача права на издание газеты другому лицу и ее аренда (ст. 5). Последняя статья этого раздела запрещала ввоз в империю любых изданных за границей газет, содержащих нападки на правительство и государство.

Таким образом, закон 1865 г. не устанавливал предварительной цензуры периодических органов печати, в то время как на печатание книг требовалось получить одобрение властей до выхода тиража. Однако преимущество тут небольшое, так как закон позволял правительству по малейшему поводу закрывать любую неугодную ему газету. Из 25 карающих статей закона почти половина предусматривала именно эту меру. Власти могли запретить временно или навсегда издание газеты в следующих случаях: если газета выйдет без разрешения; если она опубликует материалы, «нарушающие внутреннее спокойствие и угрожающие безопасности государства», а также «подстрекательские и смущающие умы» статьи; за статьи, «противоречащие общественной нравственности и морали», «за оскорбление принципов религии и вероисповедания», за нападки на правящую династию, падишаха, членов правительства и руководителей местной власти; за «слова и выражения, задевающие правителей» дружественных и союзных государств; за выступления против послов, консулов и других дипломатических представителей иностранных государств; во всех случаях, когда в течение двух лет полицейские органы трижды подвергнут газету или ее сотрудников штрафам и иным наказаниям, предусмотренным этим законом (ст. 10, 13, 14, 15, 16, 17, 21, 27, 29, 31).

Кроме того, в двадцати статьях была изложена подробная шкала штрафов, налагаемых на журналистов, и лишения их свободы на разные сроки: от 30 курушей штрафа или двух дней отсидки в полицейском участке «за оскорбление простолюдина» до 150 золотых штрафа или трех лет тюрьмы за «неподобающие слова и выражения» в адрес падишаха. Повторное нарушение любой из статей закона автоматически давало право полиции или суду вдвое увеличивать меру наказания (ст. 33). Для рассмотрения особых случаев нарушений закона о печати создавался специальный суд из пяти человек, подчиненный непосредственно Порте. Более легкие случаи нарушения закона разбирались полицейскими судами (ст. 34).

Закон 1865 г. поставил все периодические издания под контроль Департамента печати. Как это видно из ст. 4, «по

[97] Здесь имелись в виду прежде всего решения Департамента о штрафах, преследованиях по суду или закрытии газет, а также правительственные постановления и уведомления, касающиеся печати в целом.

крайней мере одной из его функций был анализ газет после их выхода в свет»[98]. Предполагалось, что заключения Департамента в необходимых случаях будут рассматриваться в особом или полицейском судах, которые и определят меру наказания для печатных органов и их сотрудников.

Некоторые современные турецкие исследователи склонны считать закон 1865 г. либеральным, указывая, в частности, на то, что в нем «не было даже намека на предварительную цензуру»[99]. Действительно, число судебных приговоров в отношении нарушивших этот закон журналистов невелико. По официальным данным полицейского управления, опубликованным в 1870 г., с февраля 1868 по февраль 1869 г. в полиции проходили дела всего 18 журналистов: один из них был отпущен, двое отданы под суд, трое взяты под подозрение, в отношении 12 дела были прекращены[100]. Однако причину такого положения не следует объяснять мягкостью закона 1865 г. (его статьи о наказаниях были достаточно суровы). Ее нужно искать скорее в том, что процедура судебного разбирательства выдвинутых против газеты обвинений в принципе давала последней возможность гласной защиты и обжалования решений суда перед султаном.

Именно желанием избавиться от этой гласности и получить неограниченную возможность для немедленных административных санкций против неугодных печатных органов было продиктовано постановление о печати, подписанное 5 марта 1867 г. великим везиром Али-пашой. Непосредственным поводом для принятия этого постановления послужили резкие антиправительственные выступления газет «Тасвир-и эфкяр» и «Мухбир»[101].

В постановлении Али-паши говорилось: «С некоторых пор ряд газет, выходящих на различных языках в столице, уклоняясь от совершенствования общественных нравов и морали, что является прямым назначением и профессиональной обязанностью печати, встал на путь крайностей, находящихся в коренном противоречии с общими интересами страны; эти газеты много раз уже осмеливались на дерзкие выходки (zebandırazlık), направленные против основ государства, они превратились в орудие врагов и распространяют разрушительные идеи и лживые сведения, в то время как им надлежит защищать от всяческих нападок страну, давшую им пристанище, благосостояние и процветание». Впредь, подчеркивалось в постановлении,

[98] S. R. İ s k i t, Türkiyede matbuat..., стр. 21.

[99] H. R. E r t u ğ, Basın ve yayın hareketleri..., стр. 180; V. G ü n y o l, Matbuat, стр. 377.

[100] S. R. İ s k i t, Türkiyede matbuat..., стр. 19.

[101] Как уже отмечалось, эти газеты были закрыты, а Намык Кемаль, Зия и Али Суави высланы из столицы.

во всех случаях, когда газеты будут вредить «общественному спокойствию и установленному порядку», «правительство, руководствуясь стремлением ликвидировать (опасные. — *А. Ж.*) для всего государства и народа последствия, будет принимать административные меры для наказания и пресечения, помимо тех, которые предусмотрены существующим законом о печати». В заключение отмечалось, что постановление является «временным и будет отменено, как только исчезнут причины, его породившие»[102]. Юридически постановление Али-паши было отменено лишь после революции 1908 г., а в практике преследования печати на него перестали ссылаться в 80-х годах, поскольку к тому времени в распоряжении правительства имелись новые, еще более суровые средства.

«Временное» постановление Али-паши фактически свело на нет закон о печати 1865 г. Этим постановлением, пишет Э. З. Карал, «свобода и безопасность печати были ликвидированы»[103]. Оно означало, что для закрытия любой газеты или журнала достаточно было простого циркуляра, основанного на сомнительных или неопределенных доводах, обвиняющих печать в действиях, направленных против «общественной морали и пользы». По мнению ряда турецких ученых, прямым следствием постановления 1867 г. была эмиграция самых активных деятелей движения «новых османов» и возникновение вольной турецкой прессы за границей[104].

Постановление 1867 г. положило начало неограниченному административному произволу в делах печати. 15 ноября того же года в газете «Таквим-и векаи» появилось правительственное уведомление, в котором всем стамбульским газетам вновь было предъявлено обвинение в том, что они распространяют «лживые слухи и дезинформацию» или «смущают умы народа». Уведомление требовало, чтобы журналисты не смели помещать каких-либо комментариев по поводу повышения тех или иных лиц в чине или перемещения с одного поста на другой, не представив заранее текста своих статей в Департамент по делам печати[105].

30 декабря 1872 г. на основании постановления Али-паши правительство закрыло юмористическую газету «Диоген». Протесты ряда газет против этой крайней меры привели к целой серии репрессивных мер: весной и летом 1873 г. были закрыты

---

[102] Цит. по: S. R. İskit, Türkiyede matbuat..., стр. 24—25; текст официального уведомления (tebliğ), составленного на основе этого решения (kararname), если судить по французскому переводу, несколько иной: G. Young, Corps de droit Ottoman, vol. II, Oxford, 1905, стр. 326.

[103] E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, c. VII, стр. 218.

[104] Там же; S. R. İskit, Türkiyede matbuat..., стр. 25—26.

[105] S. R. İskit, Türkiyede matbuat..., стр. 29.

газета Намыка Кемаля «Ибрет», газета Тевфика Эбуззия «Хадика» и его же «Сирадж», газеты либеральной ориентации «Шарк», «Хюласат уль-эфкяр», позднее — одна из лучших сатирико-юмористических газет «Хаяль» и ряд других. Одновременно в соответствии с законом 1857 г. усиливается надзор за типографиями и цензура непериодических изданий [106].

Особенно жесткие меры против печати были предприняты правительством в середине 70-х годов в связи с резким обострением внутриполитического кризиса и ухудшением международного положения Османской империи.

В 1875 г. была введена предварительная цензура на все материалы, которые местные органы перепечатывали в переводе из иностранных газет и журналов. В 1876 г. предварительная цензура была введена на сатирические и юмористические газеты (не только на текст, но и на карикатуры и рисунки), затем на все ввозимые в Турцию из-за границы печатные издания. В мае 1876 г. газетам и журналам было запрещено без особого разрешения издавать какие бы то ни было приложения и дополнения. Наконец, незадолго до свержения Абдул Азиза с престола великий везир Махмуд Недим-паша распорядился установить предварительную цензуру над всеми без исключения периодическими изданиями, выходившими в Стамбуле и провинциях. Это распоряжение, вызвавшее протесты даже самых верноподданных газет (напечатавшая его «Басирет» объявила о перерыве в своем издании, сославшись на поломку печатной машины), не успело получить санкции султана и шейх уль-ислама и не было проведено в жизнь [107].

Государственный переворот 30 мая 1876 г. и последовавшее 26 декабря провозглашение конституции на первых порах породили немало иллюзий. Однако объявленная «эра свободы» была очень непродолжительной и во всяком случае не оставила заметного следа в истории турецкой печати. В правовом отношении ее положение не изменилось к лучшему даже в тот короткий период, который последовал за низложением Абдул Азиза, когда на османском престоле оказался слабовольный и больной Мурад V. После его низложения (31 августа 1876 г.) султаном Турции стал Абдул Хамид II — правитель, считавший удушение свободы печати одной из своих главных задач.

Двенадцатая статья конституции провозглашала «свободу печати в рамках закона». Закрыв газету «Хаяль», которая в качестве иллюстрации к этому конституционному положению поместила рисунок закованного в цепи человека, и осудив на три года тюремного заключения ее издателя Теодора Касаба,

---

[106] Там же, стр. 32—39.
[107] Там же, стр. 49—50.

новая власть показала, как она понимает декларированную «свободу печати» на практике. Юридически же ст. 12 подтверждала сохранение в силе изданных ранее законов и постановлений о печати, в частности закона о типографиях 1857 г., закона о печати 1865 г. и объявленного двумя годами позже постановления Али-паши. «Это означало, — резюмирует видный турецкий исследователь правового положения печати Турции Сервер Искит, — что конституция не принесла пока никакой новой свободы для печати» [108].

Османский парламент также оказался не в состоянии оградить печать от административного произвола верховной власти. В январе 1877 г. была создана комиссия для подготовки нового закона о печати. Ее работа протекала в крайне неблагоприятной внутри- и внешнеполитической обстановке. В феврале 1877 г. султан, опираясь на ст. 113 конституции, которая давала ему право высылать за пределы империи лиц, «которые на основании сведений, заслуживающих доверия и собранных полицейским управлением, будут признаны наносящими ущерб безопасности государства», приказал арестовать великого везира Мидхат-пашу и многих других активных участников конституционного движения. В апреле того же года началась война с Россией, что дало повод правительству еще более усилить контроль за печатью. Во главе Департамента по делам печати был вновь поставлен реакционер Маджид-эфенди (с 1878 г. — паша), который уже назначался на этот пост в 1868 г. и зарекомендовал себя активным проводником постановления о печати 1867 г.

В конце мая 1877 г. комиссия представила парламенту законопроект о печати. Принимавший непосредственное участие в составлении проекта Маджид-эфенди включил в него целый ряд положений, резко ограничивавших свободу печати: запрещение критиковать государственных чиновников; повышение полицейских требований к лицам, претендующим на звание журналиста; ограничения на публикацию в газетах парламентских прений; повышение меры наказаний за «преступления», под которыми понимались неугодные правительству и властям критические выступления печати; запрещение издания сатирических и юмористических газет и журналов и т. д. [109].

В ходе парламентских прений многие из статей проекта подвергались резкой критике депутатов и были отвергнуты. Депутаты не согласились с запрещением критики в печати действий государственных чиновников, выступили против ограничений на

[108] Там же, стр. 66; об осуждении Теодора Касаба — там же, стр. 69.
[109] S. R. İskit, Türkiyede matbuat..., стр. 70; E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, c. VIII, Ankara, 1962, стр. 408.

освещение в прессе парламентских дискуссий, против жестких карающих печать и журналистов статей. Касаясь последнего положения, один из депутатов сказал: «Закон о печати должен предоставить ей свободу... А этот проект, каким он до нас дошел, напоминает нам не закон о печати, а уголовный кодекс. Он не содержит ничего, кроме денежных штрафов да тюремного заключения» [110].

Однако, пишет Э. З. Карал, «разделом законопроекта о печати, который вызвал больше всего шума, был тот, который касался запрещения юмористических газет. Абдул Хамид II не любил юмора... законоположения, накладывавшие запрет на юмор, были включены в соответствии с его пожеланиями (temayülüne göre)» [111]. По этому вопросу перед депутатами выступил с заявлением Маджид-эфенди. Директор Департамента печати назвал сатирические и юмористические органы печати бесполезными и даже вредными, шутовскими и лишенными всякого воспитательного значения. Но, несмотря на все его красноречие [112], парламент отверг и эту статью.

Новый закон о печати, вотированный обеими палатами меджлиса, не был, однако, утвержден султаном и в действие не вступил. В результате султан и правительство, опираясь на положения ст. 113 конституции и прежние законы и постановления о печати, сохранили неограниченные возможности для преследований всех издательств, печатных органов и журналистов как в судебном порядке, так и полицейско-административными средствами.

Разгон парламента в феврале 1878 г. открыл путь для установления тиранического режима личной власти «кровавого султана» Абдул Хамида II и торжества феодально-клерикальной реакции. Таким образом, попытки прогрессивных слоев турецкого общества воспрепятствовать превращению Турции в полуколонию иностранных держав в самом зародыше были обречены на неудачу. Все это сильно затормозило социально-экономическое, политическое и культурное развитие страны.

Вместе с тем поражение конституционного движения 60—70-х годов XIX в. имело самые пагубные последствия для развития такого важного фактора духовной культуры турецкого общества, каким уже в тот период являлась печать. Никогда книгоиздательское дело и пресса в Турции не испытывали такого гнета и полицейских преследований, как в период тридцатилетнего царствования Абдул Хамида II, но рассмотрение этого вопроса выходит за рамки настоящего исследования.

---

[110] E. Z. K a r a l, Osmanlı tarihi, c. VIII, стр. 409.

[111] Там же, стр. 410.

[112] Полный текст его заявления см.: S. R. İ s k i t, Türkiyede matbuat..., стр. 73—75.

ХРОНИКА

ПЕРВАЯ ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ

7—10 июня 1967 г. в помещении Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР состоялась первая в истории отечественного востоковедения Тюркологическая конференция в Ленинграде. Она была организована совместно кафедрой тюркской филологии восточного факультета ЛГУ и Тюрко-монгольским кабинетом ЛО ИНА. Задачей конференции было подведение итогов работы ленинградских тюркологов за 50 лет существования Советского государства. В ее работе приняли участие более 70 человек. Среди них не только ленинградцы, но и гости из Москвы, Баку, Казани, Новосибирска, Ташкента, Алма-Аты, Ашхабада, Фрунзе, Тарту. На двух пленарных и восьми секционных заседаниях было заслушано 42 доклада по тюркскому языкознанию, истории, литературоведению, этнографии, археологии, искусствоведению, истории науки. Заседания проходили одновременно на двух секциях: филологической и исторической.

Открывая конференцию, чл.-корр. АН СССР проф. А. Н. Кононов приветствовал собравшихся, особенно гостей из других городов и республик СССР. Он выразил надежду, что конференция явится началом доброй традиции и советские тюркологи будут регулярно собираться на берегах Невы для полезного обмена творческими успехами и планами.

На первом пленарном заседании, на котором председательствовал акад. В. М. Жирмунский, были прочитаны четыре доклада.

Обширный и интересный материал по истории всестороннего изучения тюркских языков ленинградскими учеными был изложен в докладе А. Н. Кононова «Тюркское языкознание в Ленинграде. 1917—1967» (текст доклада см. выше).

Истории советской тюркологии были посвящены также доклады А. Д. Желтякова «Изучение истории, экономики и культуры Турции в Ленинграде за 50 лет (1917—1967)» (текст доклада см. выше), С. Г. Кляшторного и В. А. Ромодина «Изучение истории тюркских народов в АН СССР» (текст доклада см. выше), А. Д. Грача «Древнетюркская археоло-

гия в СССР», в которых речь шла не только о достижениях тюркологии за 50 лет, но и о путях ее дальнейшего развития.

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

На четырех заседаниях филологической секции были заслушаны 22 доклада. Большинство из них носило лингвистический характер.

Важным проблемам грамматики тюркских языков были посвящены доклады Н. А. Баскакова (Москва) «Категория наклонения и времени — дифференциальные признаки причастия», С. Н. Иванова «К характеру тюркских залогов (о залогах в „Родословном древе тюрок“ Абу-л-Гази)» и М. С. Михайлова (Москва) «Причастие на *-dık* в турецком языке».

Н. А. Баскаков показал, что категории наклонения и времени в тюркских языках присущи только причастиям и соответствующим вторичным глагольным формам, образующимся от причастий. Эти категории могут выступать не только в составе сказуемого, но и любого другого члена предложения, поскольку причастия используются во всех синтаксических функциях. Основным признаком предикативных отношений в предложении, по мнению докладчика, является категория лица. Залог и вид Н. А. Баскаков считает атрибутами самой основы глагола.

С. Н. Иванов, отметив, что распространенные истолкования тюркских залогов навеяны иноязычными грамматическими схемами, указал на необходимость поисков их специфической грамматичности, «той системы, которую они образуют и в рамках которой функционируют». По мнению докладчика, залоговые аффиксы, с одной стороны, обозначают объектные связи производного (т. е. образуемого путем наращения залоговых аффиксов) глагола (словообразовательный ряд значений), с другой стороны, характеризуют субъект действия, выраженный непроизводной основой (грамматический ряд значений), что позволяет считать их аффиксами лексико-грамматической категории залога.

В докладе М. С. Михайлова, в котором речь шла о синтаксических функциях формы на *-dık,* был затронут важный вопрос о разграничении понятий придаточного предложения и причастного оборота в турецком языке.

Несколько докладов были посвящены вопросам родства и типологических соответствий между языками.

У. Ш. Байчура в докладе «К вопросу о фонетической структуре слова в тюркских языках в связи с другими алтайскими языками» привел основные типы слогов, использующихся в этих языках, сообщил о наблюдающихся в них количественных соотношениях открытых и закрытых слогов в односложных

и двусложных словах. На основе этих количественных соотношений докладчик предложил типологическую классификацию современных алтайских языков — по степени вокальности слов и слогов.

Доклад И. В. Кормушина «Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения алтайских языков» был посвящен вопросам методологии исследования родства алтайских языков, установления соответствий между ними на разных уровнях языка как в синхроническом, так и в диахроническом плане.

В. Г. Кондратьев в докладе «Об отношении языка памятников тюркской рунической письменности к другим языкам» сделал попытку подтвердить родство языка памятников рунической письменности с огузскими языками, а также указать на его связь с якутским языком. Докладчик подверг сомнению общепринятую точку зрения о близости языка памятников и тувинского языка.

Интересный диалектологический материал был изложен в докладе А. П. Векилова «Особенности настоящего первого времени в турецких диалектах Малой Азии». Неустойчивость и многообразие аффиксов, образующих это время глагола в диалектах, докладчик считает свидетельством того, что оно возникло сравнительно поздно. Он выделяет три группы вариантов образования этого времени в диалектах: а) совпадающие или близкие к формам турецкого литературного языка, б) схожие с формами азербайджанского и туркменского языков или их диалектов и в) специфические формы турецкого языка. А. П. Векилов остановился также на особенностях форм каждого лица обоих чисел и на их отношении к литературным турецкому, азербайджанскому и туркменскому языкам.

В докладе Д. С. Ахмедова «К вопросу о предикативах в современном азербайджанском языке» была выдвинута и убедительно аргументирована точка зрения о том, что в азербайджанском языке «существует особая, отличная от всех традиционных знаменательная часть речи с постоянной предикативной функцией». В качестве наименования этой части речи докладчик предпочитает термин «предикативы».

К. С. Сулайманов посвятил свой доклад «Перифрастические формы глагола, образованные причастием прошедшего времени в сочетании с глаголом *бўл-*, в современном узбекском языке» вопросам структуры и семантики перифрастических форм, способных передавать самые различные оттенки значений (законченность, многократность, желательность действия и т. д.) и отличающихся также стилистическим употреблением.

Н. И. Летягина сделала доклад «Выражение количественных отношений в тувинском языке „как понятийной" кате-

гории в сфере имени и в сфере глагола». Она считает, что количественные отношения «являются смысловой или семантической („понятийной“) категорией» и «их выражение осуществляется в различных грамматических категориях, охватывая соответственно и морфологию, и синтаксис языка». Внимание докладчицы было направлено на семантическое и формальное противопоставление единичности и множественности именных категорий в тувинском языке, на категорию собирательности, на особенности семантики абстрактных имен с показателем множественного числа и пр. Н. И. Летягина подчеркнула необходимость специального исследования, посвященного выражению количественных отношений в формах глагола «как со стороны их функциональной зависимости от субъекта и объекта действия, так и со стороны выражения количественной характеристики действия, производимого субъектом действия».

Оживленные дискуссии вызвали доклады, в которых были затронуты вопросы фонетики.

В докладе А. М. Щербака «Протетические согласные в тюркских языках» речь шла о «согласных, которые не могут быть возведены к общетюркским архетипам и которые развились в результате процессов, происходивших в период после дробления праязыка». Докладчик высказал свои предположения об условиях и причинах возникновения таких согласных.

Т. А. Боровкова в докладе «К вопросу о долготе гласных в языке „Дивану лугат-ит-турк“ Махмуда Кашгари» сделала попытку обосновать предположение, что долгота гласных не имела фонологического значения в языке «Дивана».

Вопросам фразеологии были посвящены доклады С. Н. Муратова «Некоторые итоги изучения фразеологического материала тюркских языков» и Э. А. Умарова «Лексические варианты фразеологизмов (по материалам „Хазаин-ул-маони“)».

С. Н. Муратов, подчеркнув, что фразеологизмами богаты все тюркские языки, современные и древние, и что изучение фразеологизмов этих языков ведется в основном в рамках изучения устойчивых словосочетаний вообще, отметил главные недостатки исследований в этой области. В частности, он подчеркнул, что исследователи, опираясь главным образом на выводы, полученные при изучении фразеологии русского языка, разделяют мнение, что весь комплекс устойчивых словосочетаний языка составляет его фразеологический материал, в то время как в тюркских языках всякая фразеологическая единица — устойчивое словосочетание, но не всякое устойчивое сочетание слов — фразеологическая единица. Отметив, что во всех исследованиях сказывается недостаточная разработанность общей теории фразеологии, докладчик посвятил остальную часть

своего выступления общетеоретическим вопросам. По его мнению, главным «цементирующим» устойчивые сочетания фактором является идиоматичность, независимо от ее степени (глубины), а основным их признаком — лексическая неделимость. Он считает, что в разряд фразеологизмов должны заноситься «только такие устойчивые словосочетания, которые возникают в качестве стилистических синонимов или смысловых дублетов существующих слов, содержат иносказание, образно выраженную мысль, служат для усиления образности и стилистических возможностей тюркских языков, составляя таким образом их собственно фразеологию».

Э. А. Умаров считает, что фразеологизмы могут иметь грамматические, структурные и лексические варианты. Последние, по его мнению, могут быть собственно-лексическими и синонимо-лексическими. «Собственно-лексические — это такие варианты фразеологизмов, в которых варьирующие компоненты являются разными словами», а «что касается синонимо-лексических вариантов, то в них варьирующие компоненты — синонимичные слова». Докладчик остановился на причинах появления лексических вариантов и привел богатый иллюстративный материал из языка Алишера Навои.

Живой отклик присутствовавших вызвал доклад сотрудника Института русского языка и литературы (Пушкинский дом) О. В. Творогова «Тюркизмы в древнерусском языке». Докладчик остановился на истории изучения тюркизмов в языке памятников древнерусского языка, указал на недостатки проводившихся исследований, очертил круг проблем, стоящих перед учеными в этой увлекательной области науки.

Четыре доклада носили литературоведческий и историко-культурный характер.

В. С. Гарбузова в докладе «Гражданская тема в творчестве Иззета Моллы» рассказала о жизни и творчестве этого несправедливо забытого в нашей науке поэта и государственного деятеля.

Турецкому арузоведению, роли и особенностям аруза в турецкой поэзии был посвящен доклад азербайджанского литературоведа Акрема Джафера «Турецкое арузоведение и его отношение к турецкой поэзии».

Неизвестные сведения о творчестве и современниках Г. Тукая содержались в докладе Э. К. Сагидовой «Первые прижизненные издания произведений выдающегося татарского поэта-демократа Г. Тукая (по следам неопубликованного письма)».

В докладе А. Т. Тагирджанова «„Кисса-и Йусуф“ Али и „Йусуф и Зулайха“ Шаййада Хамзы» речь шла об источниках, месте возникновения и языке поэмы «Кисса-и Йусуф», а также об анатолийском переводе этой поэмы Шаййадом Хам-

зой и о последующей ее переработке анатолийским поэтом Сули-факихом.

Обзор трудов в области изучения письменных памятников древнеуйгурского языка содержался в докладах Д. М. Насилова «Изучение памятников древнеуйгурского языка в отечественном востоковедении» (текст доклада см. выше), Л. В. Дмитриевой и С. Н. Муратова «Изучение тюркских рукописных памятников в Ленинграде (1917—1967)».

С интересом был выслушан доклад П. Нурмекунда (Тарту) «Деятельность К. А. Хермана в области тюркологии», в котором были критически изложены взгляды эстонского ученого на родство угро-финских и тюркских языков.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

На заседаниях исторической секции, в работе которой приняли участие свыше 40 тюркологов, были прочитаны 14 докладов.

Все доклады привлекли большое внимание участников и вызвали оживленный обмен мнениями.

А. С. Тверитинова (Москва) в докладе «Новые данные для характеристики положения крестьянства и крестьянского хозяйства в Османской империи (конец XVI — первая половина XVII в.)» ознакомила присутствующих с султанскими грамотами «адалет-наме», опубликованными в последние годы в Турции, в которых нашли отражение глубокие социальные и экономические противоречия между крестьянскими массами и всем классом феодалов, с одной стороны, а также между отдельными группировками внутри класса феодалов за долю доходов с крестьянства. Эти материалы говорят о феодальной сущности общественных отношений в Османской империи.

С большим интересом был выслушан доклад С. Г. Агаджанова (Ашхабад) «Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии» (текст доклада см. выше). Выступившие в прениях отметили научную ценность доклада, сложность поставленной задачи, убедительность выводов, хотя отчасти и гипотетичных.

Р. А. Гусейнов (Баку) выступил с докладом «Сельджукская тематика в современной историографии», в котором рассказал о работах турецких, европейских, русских и советских исследователей (текст доклада см. выше).

Г. И. Семенюк (Алма-Ата) выступил с докладом «О характере и причинах застойности кочевых скотоводческих обществ» (текст доклада см. выше). Доклад вызвал оживленную дискуссию.

В. И. Шеремет (Новгород) прочел доклад на тему: «Ха-

лиль-паша в Петербурге. Из истории реализации Адрианопольского мира 1829 года», рассказывающий о миссии чрезвычайного посла Турции в России в 1830 г. — одном из эпизодов подготовки Петербургской конвенции от 26 апреля 1830 г. Докладчик использовал неизвестные архивные материалы.

Четыре доклада были посвящены вопросам этнографии.

С. М. Абрамзон в докладе «Киргизская лексикография в трудах К. К. Юдахина» отметил высокую научную ценность для тюркологов всех специальностей «Киргизско-русского словаря» К. К. Юдахина (М., 1965). Часть лексикографических материалов словаря позволила докладчику сделать выводы о возможной этно-генетической связи предков монголов и киргизов, а также алтайцев, тувинцев и монголов. Материалы словаря привели докладчика к выводу о том, что древние тюрки были не только исконными степными кочевниками-скотоводами, но в их жизни важное значение имела также охота.

Р. Я. Рассудова рассказала о значении термина «кош» в Зеравшанской долине в XIX в., отметив встречающиеся неточности в его интерпретации.

В. П. Курылев выступил с докладом о культе Хызра «Хыдерэллез — пережиток древнего земледельческого культа в Малой Азии».

М. Н. Серебрякова прочла доклад «К вопросу о ранних формах семейно-брачных отношений у турок». На материале фольклора, обрядов и терминологии родства докладчица сделала попытку обосновать существование у древних турок матриархально-родового строя.

С тремя докладами выступили археологи Ленинграда.

А. В. Гаврилова в докладе «Об уйгурских археологических памятниках на Саяно-Алтае» рассказала о найденной на могильнике Над Поляной, на левом берегу Енисея, близ села Батени, на северном склоне Афанасьевой горы, позолоченной чаше с рисунками и уйгурской надписью. По мнению докладчицы, чаша (чарка) могла быть изготовлена в Турфане уйгурами и попала на Енисей в период кыргызского господства (IX—X вв.). Докладчица высказала также предположение, что сросткинская культура была занесена на Саяно-Алтай уйгурами в VIII—IX вв., о чем говорят и другие памятники уйгуров, найденные в этом районе. Доклад вызвал дискуссию.

Г. В. Длужневская в докладе «Типы погребений древнетюркского времени на территориях Тувы, Алтая и Монголии» рассказала о систематизации накопленного с XIX в. археологического материала могильников, что позволило выделить четыре группы погребений, определить более точно их хронологию и социальную принадлежность могильников.

Б. П. Шишло назвал свой доклад «Современное состояние

вопроса о древнетюркских каменных изваяниях». Докладчик обобщил уже известные сведения по этому спорному вопросу, а также высказал свое отношение к вопросу о семантике изваяний, присоединившись к мнению А. Д. Грача о том, что они являются изображениями наиболее знатных врагов. Докладчик считает, что это предположение отчасти подтверждается отсутствием культа предков у древнетюркских народов. Мнение об отсутствии культа предков вызвало возражения большинства присутствующих.

Два доклада принадлежали сотрудникам Эрмитажа.

Н. А. Папчинская выступила с сообщением «Некоторые памятники зодчества Закаспия и Закавказья XI—XIV вв. и проблема сельджукского искусства».

А. А. Иванов рассказал «О миниатюрах одной рукописи дивана Навои (XVI в.)». Доклад А. А. Иванова о миниатюрах рукописи, хранящейся в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, отнесенных автором к турецкой школе, является второй после Б. П. Денике попыткой идентификации турецких миниатюр советскими исследователями. Турецкие миниатюры в Советском Союзе известны лишь в небольшом количестве экземпляров. Доклад представляет тем больший интерес, что существование турецкой школы миниатюры отрицалось многими исследователями еще в начале XX в.

На втором пленарном заседании были заслушаны три доклада.

Первым выступил акад. В. М. Жирмунский с докладом «Некоторые проблемы теории тюркского стиха», в котором был дан глубокий теоретический анализ тюркского стихосложения (текст доклада см. выше).

С большим содержательным докладом «Этнографическое изучение тюркских народностей в СССР за советский период» выступил Л. П. Потапов (текст доклада см. выше).

Е. И. Убрятова (Новосибирск) выступила с докладом «Задачи сравнительного изучения тюркских языков» (текст доклада см. выше).

Затем состоялось обсуждение труда академика Академии наук Киргизской ССР проф. К. К. Юдахина «Киргизско-русский словарь» (М., 1965), выдвинутого Киргизским государственным университетом на соискание Государственной премии. В обсуждении приняли участие чл.-корр. АН СССР проф. А. Н. Кононов, канд. истор. наук С. М. Абрамзон, канд. истор. наук С. Г. Кляшторный, канд. филол. наук А. М. Щербак. Участники конференции единодушно приняли решение поддержать предложение Киргизского государственного университета о присуждении К. К. Юдахину Государственной премии.

Собравшиеся приняли также резолюцию, в которой выража-

ется пожелание организации регулярных встреч тюркологов Советского Союза.

Подобные встречи признаны чрезвычайно полезными для широкого обмена мнениями, способствующего разработке многих сложных проблем тюркологии. В резолюции подчеркивается не только научное, но и актуальное практическое значение тюркологических исследований в Советском Союзе, в многонациональной семье которого тюркоязычные народы по численности занимают второе место.

Важнейшей задачей тюркологов Конференция считает регулярное издание тюркологических сборников и публикацию памятников письменности тюркоязычных народов. В связи с этим подчеркивается желательность скорейшего выхода в свет запланированного периодического журнала «Советская тюркология».

Для координации тюркских исследований участники конференции сочли желательным создать Ассоциацию тюркологов и поручили организаторам конференции роль Инициативного комитета.

В. Г. Гузев, Н. А. Дулина

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН — Архив Академии наук СССР.
АВПР МИД СССР — Архив внешней политики России Министерства иностранных дел СССР.
БАН СССР — Библиотека Академии наук СССР.
ВАН — «Вестник Академии наук», М.
ВДИ — «Вестник древней истории», М.
ВИ — «Вопросы истории», М.
ВКВШ — Всесоюзный комитет по делам высшей школы.
ВЛУ — «Вестник Ленинградского университета».
ВЯ — «Вопросы языкознания», М.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный Исторический музей, Москва.
ДАН-В — «Доклады Академии наук СССР», серия В.
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
ЗАН — «Записки Академии наук СССР», М.
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения Имп Русского археологического общества», СПб., Пг.
ЗИРГО — «Записки Имп. Русского географического общества», СПб.
ИАН — «Известия Императорской Академии наук», СПб.
ИАН СССР — «Известия Академии наук СССР», М.
ИАН КазССР — «Известия Академии наук Казахской ССР», Алма-Ата
ИВАН — Институт востоковедения АН СССР.
ИГАИМК — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», М —Л.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
ИНА — Институт народов Азии АН СССР.
ИРКИСВА — «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», СПб., Пг.
КМВ — «Казанский музейный вестник».
КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.—Л , М.
КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М
КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М —Л., М.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
ЛО — Ленинградское отделение.
МГУ — Московский государственный университет.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
НАА — «Народы Азии и Африки», М.
НИ — Научно-исследовательский [институт].

ОИФ — Отделение истории и филологии.
ОЛЯ — Отделение литературы и языка.
ООН — Отделение общественных наук.
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Имп. Академии наук.
ПВ — «Проблемы востоковедения», М.
ПИ — «Проблемы источниковедения», М.—Л.
ПТКЛА — «Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии», Ташкент.
СА — «Советская археология», М.
САГУ — Среднеазиатский государственный университет, Ташкент.
СМАЭ — «Сборник Музея антропологии и этнографии при Имп. Академии наук», СПб.
СЭ — «Советская этнография», М.—Л., М.
ТашГУ — Ташкентский государственный университет.
ТИЭ — «Труды Института этнографии АН СССР».
ТИЯЛИКФ — «Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР», Фрунзе.
ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Кызыл.
ТОВЭ — «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», Л.
ТТКО ИРГО — «Труды Троицко-Кяхтинского отделения Имп. Русского географического общества», СПб.
Туркм. ФАН — Туркменский филиал Академии наук СССР.
УЗИВАН — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.
УЗКУ — «Ученые записки Имп. Казанского университета».
ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив. Ленинград.
ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете».
ЭВ — «Эпиграфика Востока», М.—Л.

ABAW — Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
AOr — «Archiv Orientální», Praha
CAJ — «Central asiatic journal», The Hague — Wiesbaden.
JA — «Journal Asiatique», Paris.
JSFOu — «Journal de la Societé finno-ougrienne», Helsinki.
KCsA — «Kórösi Csoma-Archivum», Budapest.
KSz — «Kéleti Szemle (Revue orientale)», Budapest.
MK — T. D. K. Divanü Lûgat-it-türk tercümesi, c. I—IV, Ankara, 1939—1942.
MSFOu — «Mémoires de la Société finno-ougrienne», Helsinki.
PhTF — «Philologiae turcicae fundamenta. Issu et auctoritate Unionis universae studiosorum rerum orientalium. Auxilio et opera Unitarum Nationum Educationis scientiae culturae ordinis»..., t. I—II, [Wiesbaden], 1959—1964.
SPAW — «Sitzungsberichte der K. Preussischen Akademie der Wissenschaften», Berlin.
StO — «Studia Orientalia», Helsinki.
TTKB — «Türk Tarih Kurumu Belleten», Ankara.
UAJb — «Ural-altaische Jahrbücher», Wiesbaden.
ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig, Wiesbaden.

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1970

Утверждено к печати
Ученым советом Института востоковедения
Академии наук СССР

*

Редактор *Л. С. Ефимова*
Технический редактор *Л. Ш Береславская*
Корректор *Г. В. Стругова*

*

Сдано в набор 11/XI 1969 г
Подписано к печати 13/IV 1970 г
А-01467. Формат 60 × 90 1/16 Бумага № 1
Печ л 18 Уч -изд л 19,74
Тираж 1900 экз Изд № 2308
Зак № 1296 Цена 1 р 34 к

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер , 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер , 4

1р. 34к.